

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИЦЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

26

ОДЕССА, 2006

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)''452.2''

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 26
Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский,
О.И. Губарь. — Одесса: "ВМВ", 2006. — 320 с.

ISBN 966-8099-99-0

Д 4702640204 + 0503020902
2004 2004

Редактор Феликс Кохрихт
Редакция: Евгений Голубовский
(заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:

Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский,
Игорь Коваль, Татьяна Липтуга,
Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк),
Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург),
Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин),
Кармелла Цепколенко.

Фото:

Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:

Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy,
Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague),
Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan,
Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky,
Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkoленко.

Photos by:

Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 966-8099-99-0

© Авторство художественных текстов, 2006

От редакции

Так уж сложилось, что каждый третий номер из четырех, выходящих в год, приходится на День рождения Одессы. Незадолго до нынешнего один из членов редколлегии пережил два неординарных состояния — мираж и дежавю.

Знойным летним днем он стоял на углу Успенской и Преображенской, тщетно пытаясь поймать такси, ибо спешил на деловую встречу. Все шло к досадному опозданию, как вдруг журналист увидел троллейбус. Точно так же в одном из путешествий в Аравийской пустыне ему явился караван верблюдов с бурдюками, наполненными водой...

Что же такого inferнального в появлении на улице единицы городского транспорта? Дело в том, что на родной автору Успенской лет сто с гаком ходил трамвай № 4, а потом довольно-таки долго не ходило и не ездило ничего... Троллейбус № 2 оказался не пробным, не испытательным, а первым, следующим по новому маршруту. Он и привез журналиста на Лидерсовский бульвар, откуда тот успел добраться вовремя до Французского.

А там, на склоне, выходящем на море, уже началась беседа молодых архитекторов, обсуждающих дела, которыми они собираются заняться. Речь, в частности, шла о проекте, предусматривающем создание в Одесском заливе нескольких искусственных островов. Самые крупные будут служить не только опорами моста, связывающего поселок Котовского с центром города, но и плацдармом для бизнес-центра и как бы Диснейленда. Островки поменьше предназначены для строительства на них фешенебельных особняков с соответствующей инфраструктурой...

"А откуда же возьмутся гигантские средства на такое строительство?" — рискнул спросить журналист и услышал в ответ: "Их дадут привлеченные зарубежные инвесторы".

"А кто же осуществит гигантские работы?" — поинтересовался он, вспомнив горестную судьбу одесских гидростроителей и дноуглубителей. И ему пояснили: "Это будут делать голландцы — у них огромный опыт в подобных делах".

"А кто же сможет приобрести такой островной коттедж?" — "В Одессе немало состоятельных людей", — ответили ему молодые архитекторы и перешли на язык специалистов.

Журналист хотел рассказать им, что разговор происходит на месте, где когда-то, в Золотой век Одессы, стояли виллы, дачи, усадьбы фундаторов города, самых удачливых, энергичных и предприимчивых граждан, вошедших в историю города. После Октябрьской катастрофы их превратили в коммуналки и дома отдыха, а затем, уже на памяти нынешнего поколения, перепродали, и не единожды...

Но ничего этого молодые архитекторы так и не услышали, ибо сели в свои лимузины и разъехались по офисам, а журналист прошелся по Французскому бульвару до Лидерсовского, дождался троллейбуса № 2 и поехал домой — по Успенской, но уже в обратном направлении.

Чего и вам желаем, наши уважаемые читатели.

"Геродот Новороссийского края"

Личность А.А. Скальковского, несомненно, занимает особое место в истории культурной жизни Одессы, а особенно в развитии исторической науки. За последнюю дюжину лет на историческом факультете Одесского университета защищено как минимум три кандидатских диссертации, объектом исследования которых было творчество "Геродота Новороссийского края". Но, тем не менее, ни дипломированные историки, ни маститые краеведы, которые не гонятся за научными степенями, до сих пор не создали его полноценной биографии. Наверное, сказывается все же масштаб личности!

Когда я работал в архивах Петербурга в последнем году ушедшего тысячелетия, в частности, в именном фонде А.А. Скальковского в Институте русской литературы (Пушкинский дом), судьба милостиво мне (надеюсь, что и не только) улыбнулась — наконец я познакомился с Мариной Александровной Доммес, фамилия которой значилась на листах пользования делами. Моей тихой радости (все же почтенное заведение) не было пределов, когда новая знакомая поведала о том, что является праправнучатой племянницей Аполлона Александровича. Она сейчас на пенсии и активно занимается изучением собственной родословной, в основном четырех ее ветвей — Верцинские, Доммесы, Бертенсоны, Скальковские. Доммес — фамилия супруга Марины Александровны, а ее девичья фамилия — Верцинская. Ее бабушка — урожденная Бертенсон — была дочкой самой известной из дочерей Аполлона Александровича — Ольги.

М.А. Доммес — действительный член Русского генеалогического общества (Санкт-Петербург), выступает с докладами, имеет публикации в "Известиях Русского генеалогического общества", "Невельском сборнике", "Из глубины времен". Марина Александровна — большая труженица. Она ведет кропотливую работу, по крупицам собирая данные о своих предках, особенно скрупулезно изучая периодические издания позапрошлого и прошлого веков.

Предлагаемая статья Марины Александровны в значительной степени расширяет наши знания не столько об Аполлоне Александровиче, а о его детях и внуках, таким образом, создавая канву для дальнейшего изучения нашего героя и его окружения. Не забываем, что через два года — 200-летие со дня рождения Аполлона Александровича!

В.М. ХМАРСКИЙ

Род Скальковских

В 1828 году, после окончания отделения нравственно-политических наук юридического факультета Московского университета со степенью кандидата в Одессу приехал Аполлон Александрович Скальковский (1808-1898), о многочисленной семье которого и пойдет в основном речь.

Отец его — Александр Иванович (1774-1831), уроженец Новгород-Северского Черниговской губернии, учился в Киевской духовной академии — единственном тогда высшем учебном заведении в крае. По рекомендации митрополита Евгения он был направлен в Житомир, чтобы противостоять польскому влиянию. В одном из документов он назван помещиком Киевской губернии, его чин — надворный советник. Помимо Аполлона у него было еще четыре сына и пять дочерей, но семья Аполлона представляет наибольший интерес, так как дала ряд интересных личностей, внесших определенный вклад в развитие экономики и культуры Российской империи.

Дед Аполлона Александровича был священником, по его стопам пошли некоторые потомки, трудившиеся в основном в Черниговской губернии.

Что же касается более далеких предков, то о них мы находим сведения в записке, написанной Аполлоном Александровичем для польского писателя Крашевского, с которым он был хорошо знаком и вел переписку¹. Первое известное упоминание о роде Скальковских относится к кон. XVII — нач. XVIII вв., когда прибыл из Великой Польши и осел в с. Радогоще Сandomирского воеводства Казимир Скальковский. Пользовались Скальковское гербом Наленч.

Род Скальковских дал обществу священников, военных, историков, инженеров, юристов и т. д. К сожалению, о представителях самых дальних по времени Скальковских известно мало.

Аполлон Александрович по прибытии в Одессу стал работать в канцелярии графа М.С. Воронцова, выполнять его разнообразные поручения, важнейшим из которых были поиски и изучение архивов присутственных мест Новороссийского края. Скальковскому в ходе кропотливых поисков удалось обнаружить ценнейшие материалы, в том числе о запорожском казачестве, на основе которых им был написан ряд книг, принесших ему известность и награды Академии наук. Это демидовские премии, полученные им в 1847 году за "Историю новой Сечи, или Последнего коша Запорожского" и в 1849 г. за книгу "Опыт статистического описания Новорос-

"Геродот Новороссийского края"

Личность А.А. Скальковского, несомненно, занимает особое место в истории культурной жизни Одессы, а особенно в развитии исторической науки. За последнюю дюжину лет на историческом факультете Одесского университета защищено как минимум три кандидатских диссертации, объектом исследования которых было творчество "Геродота Новороссийского края". Но, тем не менее, ни дипломированные историки, ни маститые краеведы, которые не гонятся за научными степенями, до сих пор не создали его полноценной биографии. Наверное, сказывается все же масштаб личности!

Когда я работал в архивах Петербурга в последнем году ушедшего тысячелетия, в частности, в именном фонде А.А. Скальковского в Институте русской литературы (Пушкинский дом), судьба милостиво мне (надеюсь, что и не только) улыбнулась — наконец я познакомился с Мариной Александровной Доммес, фамилия которой значилась на листах пользования делами. Моей тихой радости (все же почтенное заведение) не было пределов, когда новая знакомая поведала о том, что является праправнучатой племянницей Аполлона Александровича. Она сейчас на пенсии и активно занимается изучением собственной родословной, в основном четырех ее ветвей — Верцинские, Доммесы, Бертенсоны, Скальковские. Доммес — фамилия супруга Марины Александровны, а ее девичья фамилия — Верцинская. Ее бабушка — урожденная Бертенсон — была дочкой самой известной из дочерей Аполлона Александровича — Ольги.

М.А. Доммес — действительный член Русского генеалогического общества (Санкт-Петербург), выступает с докладами, имеет публикации в "Известиях Русского генеалогического общества", "Невельском сборнике", "Из глубины времен". Марина Александровна — большая труженица. Она ведет кропотливую работу, по крупицам собирая данные о своих предках, особенно скрупулезно изучая периодические издания позапрошлого и прошлого веков.

Предлагаемая статья Марины Александровны в значительной степени расширяет наши знания не столько об Аполлоне Александровиче, а о его детях и внуках, таким образом, создавая канву для дальнейшего изучения нашего героя и его окружения. Не забываем, что через два года — 200-летие со дня рождения Аполлона Александровича!

В.М. ХМАРСКИЙ

Род Скальковских

В 1828 году, после окончания отделения нравственно-политических наук юридического факультета Московского университета со степенью кандидата в Одессу приехал Аполлон Александрович Скальковский (1808-1898), о многочисленной семье которого и пойдет в основном речь.

Отец его — Александр Иванович (1774-1831), уроженец Новгород-Северского Черниговской губернии, учился в Киевской духовной академии — единственном тогда высшем учебном заведении в крае. По рекомендации митрополита Евгения он был направлен в Житомир, чтобы противостоять польскому влиянию. В одном из документов он назван помещиком Киевской губернии, его чин — надворный советник. Помимо Аполлона у него было еще четыре сына и пять дочерей, но семья Аполлона представляет наибольший интерес, так как дала ряд интересных личностей, внесших определенный вклад в развитие экономики и культуры Российской империи.

Дед Аполлона Александровича был священником, по его стопам пошли некоторые потомки, трудившиеся в основном в Черниговской губернии.

Что же касается более далеких предков, то о них мы находим сведения в записке, написанной Аполлоном Александровичем для польского писателя Крашевского, с которым он был хорошо знаком и вел переписку¹. Первое известное упоминание о роде Скальковских относится к кон. XVII — нач. XVIII вв., когда прибыл из Великой Польши и осел в с. Радогоще Сandomирского воеводства Казимир Скальковский. Пользовались Скальковское гербом Наленч.

Род Скальковских дал обществу священников, военных, историков, инженеров, юристов и т. д. К сожалению, о представителях самых дальних по времени Скальковских известно мало.

Аполлон Александрович по прибытии в Одессу стал работать в канцелярии графа М.С. Воронцова, выполнять его разнообразные поручения, важнейшим из которых были поиски и изучение архивов присутственных мест Новороссийского края. Скальковскому в ходе кропотливых поисков удалось обнаружить ценнейшие материалы, в том числе о запорожском казачестве, на основе которых им был написан ряд книг, принесших ему известность и награды Академии наук. Это демидовские премии, полученные им в 1847 году за "Историю новой Сечи, или Последнего коша Запорожского" и в 1849 г. за книгу "Опыт статистического описания Новорос-

сийского края". Обе эти книги высоко оценивались современниками и не потеряли ценность до сих пор, так как содержат тексты важнейших документов, часть которых со временем была утеряна. По поводу первой книги академик Н. Устрялов писал: "...труд добросовестный, спасший от вероятного истребления много исторических документов и могущий стать наряду с лучшими сочинениями Скальковского в нашей литературе"². А о второй академиком П. Кеппеном было сказано: "Представленная Академии рукопись есть значительный отдел одного из таких сочинений, которые желательно было бы иметь обо всех вообще частях Государства"³.

За свои заслуги в изучении края Скальковский в 1856 г. был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Когда в 1898 г. отмечался 70-летний юбилей ученой деятельности Скальковского, по поручению президента Академии наук вел. князя Константина Константиновича Аполлона Александровича приветствовал академик Ф.А. Бредихин, который в своей речи сказал: "Согретая любовью к делу ваша долгая, непрерывная и плодотворная научная деятельность заслужила глубокое уважение всех, кому близки к сердцу исторические судьбы нашего дорогого и обширного отечества"⁴. Недаром Скальковского называли Нестором Новороссийского края, Плутархом Одессы, новороссийским Геродотом.

Несколько раз свои сочинения Скальковский преподносил государю императору Николаю Павловичу и наследнику цесаревичу (впоследствии император Александр II), за что получал бриллиантовые перстни и царское благоволение. Такие награды были им получены в 1837, 1851 и 1863 гг.

Деятельность Скальковского была разнообразной, он стал известен не только как историк, но и как археолог, статистик, автор многих книг и статей, в том числе даже художественных произведений по истории Новороссии.

На глазах Скальковского проходило развитие города Одессы, и он сам внес немалый вклад в самые разные области культуры, науки, промышленности и торговли. В книге, изданной к 100-летию Одессы, Скальковский был охарактеризован как "один из образованнейших и лучших чиновников графа Воронцова"⁵. Он активно содействовал созданию в Одессе городской публичной библиотеки, в которую позднее передал многие свои труды; участвовал в подготовке открытия одесского университета и коммерческого училища, был заведующим местного архива министерства внутренних дел, организовал Статистический комитет и несколько лет был его директором и редактором издаваемых комитетом "Трудов". Являлся учредителем и первым секретарем Общества истории и древностей. Помимо этого, он входил в состав различных комиссий, содейство-

вавших решению самых разнообразных вопросов. Его привлекали к работе везде, где требовался добросовестный знающий исполнитель. В одном из аттестатов по итогам его службы сказано: "...исполнял возлагаемые на него поручения с особенным успехом, отличным усердием и примерною деятельностью"⁶.

Скальковский имел чин тайного советника и ряд наград, среди которых была золотая медаль за прекращение чумы в Одессе (1837). Он был потомственным дворянином Херсонской губернии, занесенным в третью часть Дворянской родословной книги⁷.

Особое место в жизни Скальковского занимало его знакомство в студенческие годы с Адамом Мицкевичем и Александром Пушкиным. Для Пушкина им был подготовлен подстрочный перевод из поэмы Мицкевича "Конрад Валленрод". Мицкевич рекомендовал Скальковского Пушкину как очень способного юношу, а при расставании написал Скальковскому в альбом стихи на польском языке (в переводе М. Зенкевича они вошли в I-й том собрания сочинений А. Мицкевича, изданный в 1948 г.).

За свою долгую жизнь Скальковский встречался со многими известными деятелями России — графом М.М. Сперанским, поэтом В.А. Жуковским, писателями Н.В. Гоголем, И.С. Аксаковым, Е.П. Гребенкой и другими. В дневнике, который он вел на протяжении всей своей жизни и который в итоге составил 40 толстых тетрадей, нашли отражение самые разнообразные вопросы, как из его личной жизни, так и из истории Одессы и России и царствования Николая I⁸.

Так много сделав для города и его жителей, Скальковский богатства не нажил, последние годы жил в нужде. Умер он 28 декабря 1898 года и был похоронен в фамильном склепе на Старом христианском кладбище.

Аполлон Александрович был женат на Софье Степановне Живкович (1825-1877) — дочери сербского полковника, деятельного сотрудника Карагеоргия — руководителя сербского восстания против османского ига. Ее отец Стефан Живкович (1780-1831) был директором сербских горных заводов, издателем первого сербского журнала "Благотатная муза", имел в Белграде два каменных дома. Потеряв все свое имущество вследствие захвата турками Белграда в 1813 г., Живкович эмигрировал в Россию, где работал переводчиком, затем получал пенсию от русского правительства, а его дети Софья и Василий воспитывались на казенный счет.

Мать Софьи Степановны — урожденная Елизавета Тодорович (?-1831), родственница известного сербского историка и писателя Вука Караджича, помогавшая ему в подготовке собрания сербских песен.

Софья родилась в Кишиневе, в 1840 г. окончила Одесский институт благородных девиц, а ее брат учился в Ришельевском лицее, стал военным, а в 1850 г. умер от туберкулеза.

Софья обладала хорошим голосом, училась у итальянского композитора Риччи и участвовала во многих концертах. Она много внимания уделяла благотворительности и содействовала постройке лютеранского училища, католической церкви и других богоугодных заведений. В основном она занималась домашними делами, иногда приходилось трудно из-за малого количества денег. Жизнь скрашивала музыка и общение с интересными людьми. В доме часто бывали знакомые мужа и приезжавшие в Одессу деятели науки и культуры.

Детей в семье было много, но некоторые умерли в младенческом возрасте, а две дочери — по достижении ими 15 лет. Несмотря на нужду, семья была дружной, крепкой, все заботились друг о друге, находясь в разлуке — переписывались. Родители старались дать детям хорошее образование.

Старший сын Александр (1841-1893) еще до получения образования помогал отцу в составлении бумаг и переписке статей, продолжал эту работу и после поступления в лицей. Из развлечений — посещение литературных вечеров, участие в домашних спектаклях.

Мать, которая довольно верно судила о детях, писала в июле 1860 г. сыну Константину: "Он умница и верно будет отличным бюрократом современным"⁹, — а позже отмечала, что Александр любит трудиться.

Окончив в 1861 г. юридический факультет Ришельевского лицея (впоследствии Новороссийский университет), Александр пробует свои силы на разных должностях, но более ярко проявляет себя в качестве правителя канцелярии графа Левашова. Когда после получения выговора граф подает в отставку, Скальковский из солидарности тоже подает в отставку, и оба в поисках работы едут в Петербург, где Скальковский командирован в распоряжение графа Лорис-Меликова и сопровождает его в поездках по Астраханской, Саратовской и Самарской губерниям, губернатором которых являлся Лорис-Меликов, а потом переезжает с ним в Харьков. Скальковский усердно работает в канцелярии и много времени проводит с М.Т. Лорис-Меликовым, который нашел в нем надежного сотрудника и друга. Александр Аполлонович был неутомимым редактором и исполнителем разнообразных проектов Лорис-Меликова и служил вместе с ним с 1879 по 1881 год, а затем в знак солидарности с уволенным с должности министра внутренних дел Лорис-Меликовым Скальковский уходит в отставку.

В дальнейшем (с 1881 по 1884 гг.) Александр Аполлонович стал директором Хозяйственного департамента, а с началом преобразования почтово-телеграфной части в империи, с 1884 г. и до конца жизни занимал пост помощника начальника Управления почт и телеграфов. На этом посту он успел сделать многое для развития связи в России. Так, он принимал активное участие в реформе слияния почты с телеграфом, разрабатывал вопросы организации штатов, трудился над составлением "Сборника постановлений и распоряжений по почтово-телеграфному ведомству" (ч. I, почтовая), за что получил высочайшую благодарность. Это только некоторые примеры его полезной деятельности. Последний его чин — тайный советник (произведен 21 апреля 1891 г.).

Будучи очень добрым, отзывчивым человеком, Александр Аполлонович помогал многим людям. Известно, например, что к нему обращались с просьбами Корней Иванович Чуковский, Татьяна Андреевна Толстая — все находили у него поддержку.

Умение Скальковского писать относилось не только к служебным бумагам. Им были написаны интересные записки о событиях 1877-1881 гг. (взятие крепости Карс под руководством Лорис-Меликова и деятельность Лорис-Меликова в 1880-1881 гг.)¹⁰, а также воспоминания о графе М.Т. Лорис-Меликове на основании собственных наблюдений.¹¹

Когда в 1892 году Александр Аполлонович заболел туберкулезом, его родственник, лейб-медик Л.Б. Бертенсон рекомендовал ему поехать на лечение в Крым. Пребывание в Крыму не помогло, лечение дома, в Одессе, — тоже, он вернулся в Петербург, где 2 августа 1893 года скончался. После смерти Александра А.Ф. Кони писал сестре Александра Ольге: "Сейчас прочел горестное известие о смерти Вашего милого, благородного и симпатичного брата Александра Аполлоновича, к которому всегда питал искреннее и глубокое уважение".¹²

Похоронен Александр был на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, могила не сохранилась.

Александр был женат на Софье Адольфовне, урожденной Вейберг (род. не позже 1865 — ум. не ранее 1916). Родные Александра ее недолюбливали, считали, что она мало заботится о муже и не придает значения его болезни. Детей у них не было, они взяли на воспитание девочку — Екатерину Маврину, к которой Александр был очень привязан.

Большой вклад в науку, технику, культуру России внес второй сын Аполлона Александровича — Константин (1843-1906), который был весьма известной в Петербурге фигурой, вызывавшей самые разные толки.

О себе он говорил, что был инженером, чиновником, геологом, статистиком, преподавателем, путешественником, исследователем Китая, театральным критиком, железнодорожным деятелем.

После окончания Ришельевской гимназии Константин уехал в Петербург для учебы в Институте корпуса горных инженеров, куда был зачислен на казенный счет по ходатайству графа А.Г. Строганова. Окончив в 1863 году институт в звании поручика, Константин непродолжительное время работал на Монетном дворе, а затем вся его дальнейшая жизнь была связана с Горным департаментом. Говорили, что за 15 лет, которые он стоял во главе департамента, в этой отрасли было сделано больше, чем за все остальное время.

Скальковский всячески содействовал развитию горной промышленности, нефтяного дела, золотопромышленности. При его участии было создано горное училище в Иркутске, организовано техническое отделение Горного департамента, пересмотрены и во многом изменены горные законы. Многое было им сделано и для переустройства Кавказских минеральных вод, и в память его деятельности одному из зданий в Кисловодске еще при жизни Скальковского было присвоено его имя.

Скальковский понимал, что отрасли нужны квалифицированные кадры, и их подготовке он также уделял много внимания: привлекал молодежь к научным исследованиям, поощрял инициативу, прислушивался к чужому мнению. По его инициативе ряд инженеров был направлен для обучения за границу.

Отчеты Горного департамента за 1891-1896 гг. отражают все мероприятия и реформы, приводившиеся с участием Скальковского. Это был знающий энергичный человек, быстро решавший даже самые сложные служебные вопросы. Горное дело он знал хорошо, так как много ездил по стране, спускался в шахты, беседовал с рабочими и глубоко изучал положение дел на местах. Он успевал сделать очень многое, так как был аккуратным человеком и четко придерживался определенного режима и распорядка в работе. На заседаниях умел четко формулировать вопросы, находить правильное решение, отстаивая интересы промышленности. Вообще, выступать ему приходилось часто, причем все его речи отличались остроумием.

В Горном департаменте Скальковский успешно продвигался по служебной лестнице, последовательно занимая должности секретаря Горного комитета (1870-1885), члена Горного совета (с 1889), с 1881 г. на протяжении 10 лет был вице-директором, а с 1891 по 1896 гг. — директором Горного департамента. В воспоминаниях о Скальковском А. Плещеев пишет:

"Можно с точностью сказать, что с воцарением в Горном департаменте Константина Аполлоновича начался тот период, который известен под названием "расцвета промышленности".¹³

Следует еще упомянуть, что Скальковский непродолжительное время занимался преподавательской деятельностью в Горном институте, где был избран преподавателем политической экономии и горной статистики, но оставался им всего один учебный год — 1871/72, так как нашел, что скучнее преподавания нет ничего на свете. Впоследствии по роду своей деятельности он часто имел дело с этим институтом, а после смерти завещал деньги для ремонта отбитых носов статуй, украшавших фасад здания.

Активное участие Скальковский принимал и в работе других министерств, например, министерства финансов, где он был членом Совета торговли и мануфактур, членом Учебного комитета, секретарем Общества для содействия русской промышленности и торговли и т. д.

За свою деятельность Скальковский неоднократно награждался орденами и медалями, ему объявлялось и высочайшее благоволение, например, за успешную деятельность на международной выставке 1876 года в Филадельфии.

К сожалению, способности Скальковского не были полностью востребованы, и оскорбившись, что ему не дали пост министра торговли, он в 1896 году ушел в отставку. Вот что писал по этому поводу А.С. Суворин: "Охотно пользуясь познаниями, талантом и его быстрым умом, посредственности или умники, стоявшие выше его в служебной иерархии, не прощали ему писательства".¹⁴

По случаю ухода в отставку Константин Аполлонович устроил прощальный обед, на котором многие выступали с теплыми речами, были зачитаны поступившие из разных мест телеграммы. Любопытен текст телеграммы от групп горняков: "Пьем за здравие Скальковского, еще б директора таковского!".¹⁵ На обеде Скальковскому была вручена медаль, заказанная сослуживцами на Монетном дворе. Изготовил ее медальер П.Г. Стадницкий. На лицевой стороне медали было изображение Скальковского, а на обратной — венок с эмблемой горного дела и надпись: "От товарищей и сослуживцев". Эта медаль хранится в собрании Эрмитажа.

После ухода в отставку Скальковский продолжал работу, главным образом, участвуя в нескольких иностранных предприятиях России. Он входил в состав правлений и советов различных акционерных обществ России, Франции, Бельгии, был состоятельным человеком, но за деньгами никогда не гнался. Например, он отказался от одного выгодного пред-

ложения только потому, что заседание было намечено на вечер субботы, а он привык по субботам бывать во французском театре.

Наряду со своей основной деятельностью Скальковский активно занимался журналистикой. Говоря о литературном таланте Скальковского, Суворин однажды заметил, что талант сделал его превосходительством раньше, чем он сделался превосходительством чиновным. Он же впоследствии писал в некрологе: "Большой талант и просвещенный ум, смелость высказывать свою мысль до конца, считаясь только со своим политическим убеждением, только они дали ему писательскую и административную известность и то независимое положение, которым он пользовался".¹⁶

Тематика статей Константина Аполлоновича была самой разнообразной: экономика, политика, театральные новости и т. п. В газете "Новое время" им был создан раздел "Среди книг и журналов", пользовавшийся большим успехом у читателей. Писал он всегда с талантом, остроумием, привлекая единомышленников и почитателей и нанося удары противникам. Путешествуя по разным странам, Скальковский всегда подмечал много интересного, поучительного, что отражал в своих статьях и фельетонах. По сути, он был одним из первых публицистов-международников. Именно он впервые рассказывал об открытии в 1869 г. Суэцкого канала, о работе международных выставок, о плавании в 1871 году с первым русским пароходом, открывшим рейсы в Ост-Индию. Им было сделано ряд зарисовок известных лиц, со многими из которых он сотрудничал, хорошо их знал, с некоторыми дружил. Из таких очерков была составлена книга "Наши государственные и общественные деятели" (1890, 1891).

К публикациям Скальковского всегда проявлялось повышенное внимание. Стоило ему что-то опубликовать — почти всегда следовало возражение, хотя он, как правило, основывался на документах и подлинных событиях.

Многие газетные публикации позднее послужили материалом для книг. Скальковский считал, что если собрать воедино все его статьи и книги, то вышло бы томов 60-70.

Итогом обобщения его впечатлений в ходе путешествий явились книги под общим названием "Путевые впечатления", касавшиеся посещения разных стран. Они были изданы в 1873, 1885, 1889 годах. Вот что писал об этих материалах "Исторический вестник": "Все эти описания изложены живо, увлекательно и дают в распоряжение читателей обширный географический, исторический, бытовой и политико-экономический материал. В них сказывается во всем блеске эрудиция автора, его близкое и обстоятельное знакомство с Европой". Многие путевые впечатления и зарисовки вошли

также в последнюю книгу Скальковского — "Воспоминания молодости" (1906). Это издание охватывает события с 1843 по 1869 годы. Не прошли незаметно также многочисленные переиздания книги "О женщинах", где были собраны высказывания по этой теме представителей разных стран и эпох — философов, писателей и других известных деятелей, а также собственные впечатления Скальковского. Известна беседа со Скальковским министра государственных имуществ М.Н. Островского, который упрекнул его, что тот пишет о вещах, далеких от его основной деятельности. Скальковский на это ответил, что о горном деле он уже написал в общей сложности около 10-15 томов, но этого почти никто не заметил. Эту же книгу Островский уже успел прочесть, хотя она вышла только что.¹⁷

Имела успех и книга "Маленькая хрестоматия для взрослых. Мнения русских о самих себе" (1904, 1905), которая была переиздана в 1992 году под заглавием "Русские о русских". Здесь собрано более 1000 цитат, расположенных по 70 темам ("Народ", "История", "Церковь" и др.). Ряд книг Скальковского был посвящен вопросам политики, и они ценились как издания, доносившие до читателей серьезнейшие вопросы в популярной форме.

Особенно много внимания Скальковский уделял балету. Он рос в семье, которая высоко ценила театр, музыку, а потом в Петербурге часто бывал в театрах, в том числе и Мариинском, где пела его сестра Ольга. Впоследствии он стал известным балетоманом, от оценки которого часто зависела судьба артистов балета. На его книги, статьи часто ссылаются до сих пор исследователи балета (М. Борисоглебский, В. Красовская, А. Плещеев, Г. Добровольская и др.).

Итогом наблюдений и размышлений Скальковского явилась книга "Балет, его история и место в ряду изящных искусств", вышедшая в 1882 году под псевдонимом "Балетоман" и вызвавшая массу откликов, отмечавших глубокое знание предмета и легкий разговорный язык. В квартире Скальковского было собрано огромное количество коллекций по балету: туфельки балерин, балетные костюмы, портреты и др.

Для написания своих книг Скальковский проделывал огромную предварительную работу, собирая из разных источников все, что считал нужным. Писал он торопливо, не поспевая за мыслью, иногда не дописывая слова. Поэтому высоко ценились те люди в департаменте и типографии, которые могли прочесть им написанное. О плохом почерке Константина Аполлоновича часто упоминали в письмах его родные. Вот что писал один из них: "Очень приятно получить от тебя письмо; но было бы еще приятнее, если бы оно было написано почерком человеческим, а не куриным.

Ах, право, половины слов я вовсе не понимаю, стоят себе какие-то карякушки, но букв и запаха нет".¹⁸

Скальковский был разносторонне развитым человеком, современники считали, что ему незачем заглядывать в энциклопедию — он и так все знает. Об обширных познаниях Константина Аполлоновича писал и его племянник С.Л. Бертенсон: "Его всесторонние знания в области горных наук, финансов, философии, истории, географии, искусства, театра были неисчерпаемы. Память у него была феноменальная: что бы он ни прочел, навеки укладывалось в его голове. А прочел он непостижимое количество книг на разных языках".¹⁹

О подлинном характере Скальковского хорошо сказал его родственник В.Б. Бертенсон: "Нужно было так же хорошо знать Скальковского, как я, чтобы сказать безошибочно, какой в действительности редкой доброты и сердечности был этот человек, как у него под видом кажущегося цинизма, кажущейся грубости, несомненно, искрилось доброжелательство, желание помочь всем и каждому, даже людям, совершенно его не знавшим".²⁰

Он был человеком добрым, отзывчивым, охотно помогавшим в затруднительных случаях. Особенно заботлив он был по отношению к родным, помогал им всю жизнь. С его помощью поступила в консерваторию сестра Ольга, регулярно получала деньги сестра Людмила, и именно с его помощью был похоронен отец.

Женат Скальковский не был, увлекался многими женщинами и имел у них успех. У него была репутация светского льва.

Революцию 1905 года Скальковский не принял, считая, что она приведет Россию к полному разложению. Это его очень мучило и сказывалось на здоровье. Умер скоропостижно в мае 1906 года и был похоронен рядом со старшим братом Александром на Тихвинском кладбище. Могила тоже не сохранилась.

После Константина Аполлоновича остался огромный архив. Основная часть книг была передана родными в библиотеку Академии наук, многие документы хранятся теперь в Пушкинском доме, С.-Петербургском филиале Института истории Академии наук и других учреждениях. В музее Горного института находятся два портрета Скальковского, выполненных художниками Н. Кравченко и К. Фальковичем.

Хочется закончить рассказ о К.А. Скальковском словами из некролога, опубликованного в "Историческом вестнике": "Жизнь... дала в его распоряжение все средства, чтобы оставить по себе довольно громкую память и значительный след в истории нашей общественности, нашей культуры.

Эта жизнь дала ему крупное государственное положение, хорошие материальные средства, благодаря чему он мог писать, путешествовать, вкушать многих радостей и по многим статьям видеть плоды рук своих. Его жизнь может считаться очень полной, разнообразной и интересной, которая дается в удел лишь особым избранныкам".²¹

Третий сын Аполлона Александровича Скальковского, Павел (1849-1912), был определен на учебу в I-й кадетский корпус. Военной службой он тяготился и, выйдя в отставку, с 1870 года начал работать на железнодорожном транспорте, поступив в Российское общество пароходства и торговли, которому тогда принадлежала Одесская железная дорога. С переходом этой дороги в состав Юго-Западных дорог, Павел переезжает в Киев, где работает помощником С.Ю. Витте по коммерческой части. В 1883 году он управляющий Московско-Рязанской железной дороги, а с 1890 г. переходит на Московско-Казанскую железную дорогу, которая из небольшой линии в 200 верст при его энергичном содействии превратилась в разветвленную сеть дорог, свыше 2 тыс. верст. Павел Аполлонович был членом правления этой дороги, с 1900 г. заведовал коммерческим отделом. Ему приходилось участвовать в устройстве Дружковского рельсового завода, в ликвидации Московско-Курской железной дороги, работать в ряде комиссий, например, по пересмотру правил безопасности движения, организации управления дорогами и др.

Павел участвовал в работе общего съезда представителей русских дорог, состоял в обществе для содействия русской торговли и промышленности, позднее — в Донецком обществе железного и сталелитейного производств.

Он был очень работоспособен, многое брал на себя, опасаясь поручить другим.

Излюбленным местом, где бывали братья Скальковские, был ресторан Кюба. В этом же ресторане в мае 1900 года состоялся обед по случаю 30-летия службы Павла на железной дороге, в котором приняли участие многие деятели министерства путей сообщения, финансов, биржевых комитетов. В адрес юбиляра пришло множество телеграмм с разных концов России, произнесено немало речей.²²

Павел был очень дружен с братом Константином и кое в чем походил на него. Как и брат, Павел сотрудничает в газете "Новое время", увлекается театром, особенно балетом, и с удовольствием читает все, что пишет о балете брат.

Известен факт, когда уже незадолго до смерти, будучи тяжело больным, Павел появляется в театре с рукой на перевязи, опираясь на палку и в сопровождении сестры милосердия.

Для лечения в 1892 году Павел едет в Париж, обращаясь за помощью к врачам в Петербурге. Он мучается от экземы, болит печень. Почувствовав себя лучше, он едет на родину, в Одессу, где вскоре умирает. На его похороны приезжала сестра Ольга, которая писала А.Ф. Кони: "С детства мы были с братом очень дружны. Вместе росли, вместе состарились... Доброта его была неопишима, и не мало он в своей жизни сделал добра".²³

Что касается дочерей Аполлона Александровича, то старшие — Елизавета (1845-1860) и Софья (1848-1863) — прожили недолгую жизнь, и о них можно сказать немного. Сохранились их детские письма, о них есть упоминания в переписке родных. Обе девочки были окружены заботой, вниманием. Родители старались дать им хорошее образование, обе они учились в Одесском институте благородных девиц. Учились они хорошо, но после серьезной болезни та и другая скончались в возрасте 15 лет. В их институтских письмах встречаются интересные сведения об учебе и получаемых воспитанницами навыках ведения домашнего хозяйства. Соня рассказывает также о посещении института государем 29 сентября 1859 года. Стул, на котором сидел император, когда ел борщ, стал ценным экспонатом, а из его ложки изготовили для учениц серебряные колечки (такое получила и Соня).²⁴ В письмах есть рассказ и о том, как проходило празднование именин императрицы (молебен, музыка, угощение, фейерверк, танцы).²⁵

Из сестер Скальковских особенно долгую жизнь прожила Ольга (1850-1941). Юность она провела в Одессе, занимаясь разнообразными домашними делами, на которые была большая мастерица. Обладая хорошим голосом, Ольга учится пению и выступает в концертах, участвует в церковном хоре. Но этого ей недостаточно, она мечтает о серьезной учебе, и в 1870 году ее мечта исполняется — она едет в Петербург и поступает в консерваторию, где занимается по классу пения у профессора Эверарди. В 1875 году Ольга окончила занятия с большой серебряной медалью и была сразу же приглашена на сцену Мариинского театра на первые роли сопрано. В ее репертуаре были: Маргарита в "Фаусте", Горислава в "Руслане и Людмиле", Лаура в "Каменном госте", Урбан в "Гугенотах" и другие партии. Дебют состоялся в опере "Фауст" 3 сентября 1875 года. В печати было много отзывов как на исполнение роли Маргариты, так и на другие выступления молодой певицы. В основном отмечались достоинства исполнительницы (тонкое понимание музыки, неподдельное одушевление, изящество исполнения, приятная внешность), и ей предсказывалось блестящее будущее. Голос Скальковской называли задушев-

ным, прекрасным, светлым, верным, замечательным по чистоте звуков и широте, отмечали, что он хорошо поставлен. Имелись и некоторые недостатки, но они были заметны больше специалистам, чем широкой публике, и все находили, что при соответствующей работе певица может от них избавиться. Стремление же к совершенствованию мастерства было Скальковской присуще.

Но следующий сезон был для Ольги неудачен. Сначала, заболев тифом, она получила длительный отпуск, потом ее потрясла кончина матери, а в 1877 году она вышла замуж и ушла со сцены театра окончательно. Мужем ее стал известный в Петербурге лейб-медик Лев Бернардович Бертенсон, который не хотел продолжения ее театральной деятельности. Поручителями на свадьбе, которая состоялась 14 сентября, были такие известные лица, как Цезарь Антонович Кюи (со стороны жениха) и специалист в области естествознания член-корреспондент Петербургской Академии наук Эдуард Иванович Эйхвальд (со стороны невесты).

Расставшись с театром, Ольга Аполлоновна и после рождения детей не оставляла мысли о сцене. Она занималась музыкально-педагогической деятельностью, участвовала в концертах, где с особенно большим успехом исполняла романсы. Ее имя упоминается в программах симфонических собраний Русского музыкального общества, концертов Бесплатной музыкальной школы, она с успехом выступает на русском, немецком, итальянском языках, причем критика отмечала знание языка, музыкальное понимание исполняемого, превосходную интонацию, отчетливое произношение.

Окончательно Ольга Аполлоновна прекратила концертную деятельность после смерти старшего сына, но это было позднее, а пока семейная жизнь складывалась благополучно. В доме собирались и выступали самые выдающиеся представители русского и иностранного музыкального искусства, что отвечало и вкусам мужа Ольги Аполлоновны. В приемный день — воскресенье — приходили композиторы, музыканты, художники, писатели и другие знакомые и друзья. Сын Ольги Аполлоновны Сергей в своих воспоминаниях называет такие имена, как Мусоргский, Римский-Корсаков, братья Рубинштейн, Есипова, Савина, Фигнер, Шаляпин, Репин, Рерих, Достоевский, Тургенев и многие другие. Устраивались домашние концерты, и часто гостям аккомпанировала хозяйка.

Ольга Аполлоновна часто пела под аккомпанемент М.П. Мусоргского, с которым познакомилась еще до замужества. Впоследствии муж ее устроил Мусоргского под видом своего денщика в Николаевский военный госпиталь, где Мусоргский был обеспечен необходимым лечением

и самым тщательным уходом. Именно там И.Е. Репин написал широко известный портрет композитора.

На протяжении всей жизни Ольга Аполлоновна общалась со многими деятелями. Сохранились письма к ней М.И. Чайковского, К.М. Станюковича, Д.В. Григоровича, А.Ф. Кони и др. Все они высоко ценили и уважали Ольгу Аполлоновну. Например, 28 июля 1895 года А.Ф. Кони писал ей: "Зуб времени Вас не трогает. Вы по-прежнему полны жизни, блеска и одушевления".²⁶ Ему вторили и другие.

В 1891 году художник К.Э. Липхарт написал портрет Ольги Аполлоновны, который в настоящее время находится в Русском музее, а до этого экспонировался в одном из залов Павловского дворца и был представлен на выставке "Костюмы и прикладное искусство кон. XVIII — нач. XIX ст." в Камероновой галерее г. Пушкина. Высокую оценку работы портретиста дала пресса того времени, он упоминается и в ряде современных статей, посвященных творчеству художника.

Последние годы жизни Ольга Аполлоновна провела в Таллинне, в семье дочери Татьяны (1879-1944), которая после ареста и смерти мужа, генерал-майора Эдуарда Александровича Верцинского (1873-1941) тяжело заболела, и мать постоянно за нею ухаживала. Умерла Ольга Аполлоновна в возрасте 90 лет, была похоронена на таллиннском кладбище, могила не сохранилась.

Помимо дочери у Ольги Аполлоновны и Льва Бернардовича было трое сыновей. Старший, Борис (1878-1905), в 1901 году с отличием окончил Военно-медицинскую академию, успешно занимался научной деятельностью и перед началом русско-японской войны защитил диссертацию на степень доктора медицины. В феврале 1904 года он был назначен младшим врачом гвардейского броненосца "Император Александр III", участвовал в тяжелом переходе с Балтики на Дальний Восток и принял участие в Цусимском сражении 14 мая 1905 года. Защищая другие корабли и принимая огонь противника на себя, броненосец получил серьезные повреждения и затонул вместе со всей командой, насчитывавшей более 800 человек. В память о всех погибших при Цусиме в Петербурге был сооружен храм-памятник "Спас на водах", а о броненосце "Император Александр III" — обелиск у Никольского собора.

В Цусимском сражении участвовал и второй сын Бертенсонов — Михаил (1882-1933), окончивший в 1903 г. Морской кадетский корпус. Там он был в составе команды крейсера "Аврора" в качестве вахтенного начальника. Получив ряд пробоин, крейсер направился к Филиппинским

островам, рассчитывая исправить повреждения. Вернуться домой Михаилу Львовичу удалось только в сентябре 1905 года. Гибель броненосца, на котором был его брат, происходила на глазах у Михаила. Все происшедшее он переживал очень тяжело, и по свидетельству его родных, от жизнерадостного прежнего офицера не осталось и следа. Впоследствии Бертенсон служит младшим адъютантом в Главном морском штабе, после Октябрьской революции продолжает служить в Адмиралтействе, а затем становится сотрудником редакции журнала "Морской сборник". За службу во флоте Михаил Львович имел ряд отечественных и иностранных наград. В характеристиках советского времени отмечались такие его качества, как честность, тактичность, дисциплинированность, подчеркивалась научная эрудиция в разных областях, знание истории флота и специальности, умелое и быстрое выполнение служебных обязанностей. Его ценили и как квалифицированного военно-морского переводчика (он владел английским, французским и немецким языками).

Умер он 27 мая 1933 года от разрыва сердца во время прогулки на яхте по Финскому заливу, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Третий сын — Сергей (1885-1962) — унаследовал от родителей и других родных тягу к театру. Понимая, что у него нет таланта для выступления на сцене, он связал всю свою жизнь с театром в качестве администратора. Получив образование сначала в Гейдельбергском, а затем Петербургском университетах, он хорошо знал и любил литературу и был автором ряда исследований в этой области. Его трудовая деятельность началась со службы в министерстве императорского двора, во время которой он постоянно общался со многими деятелями искусства, имел доступ во все театры, которые посещал не менее трех раз в неделю. Со временем он стал сотрудником "Ежегодника императорских театров", в котором помещал обзоры книг о театре и музыке, опубликовал исследование об актере И.И. Сосницком. Позднее Сергей Львович составил библиографию литературы о Н.В. Гоголе.

После увольнения в декабре 1917 года Бертенсон принимает предложение Московского Художественного театра и переезжает в Москву, где начинает работу со Станиславским и Немировичем-Данченко. Сначала он становится секретарем театра, затем зав. постановочной частью, членом Совета театра. Он занимается репертуаром, делает переводы пьес, участвует в гастрольных поездках. По ряду обстоятельств из одной такой поездки за границу он не вернулся и с 1928 года жил в Америке, участвуя

в работе Голливуда. За границей он встречается со многими актерами, не порывает связи с деятелями искусства в России. Свои богатые впечатления он обобщил в книге "Вокруг искусства", вышедшей в Голливуде в 1957 году и получившей самые хорошие отзывы. А уже после смерти Сергея Львовича были опубликованы его дневники и письма²⁷. Это богатейший материал для тех, кто интересуется историей театра, судьбой известных актеров, порядками в Голливуде. Бертенсон упоминает такие имена, как В. Нежинский, М. Чехов, С. Рахманинов, М. Фокин, говорит и о других артистах театра и кино в России и за рубежом.

А теперь несколько слов о судьбе двух сестер Ольги — Людмилы и Леониды.

Людмила Аполлоновна (1858-1919/20), как писала о ней мать, "прекрасный ребенок, кажется, будет умна, если вырастет".²⁸ Будущее ее обещало быть безоблачным. Она вышла замуж за адвоката Владимира Васильевича Фрейганга (род. не позднее 1865 — 1906), которому прочили успешную карьеру. На деле все оказалось совсем не так. Он стал развлекаться на стороне, наделал долгов, и Людмила была вынуждена с тремя детьми уехать из Минска к отцу в Одессу. Она нуждалась в деньгах, муж ей не помогал, а с отцом жить было легче, к тому же регулярно помогал брат Константин. У Людмилы был сын Анатолий и две дочери — Наталья и Софья. Анатолий (1883-1920/30) окончил военный корпус, служил в Одессе, а затем принимал участие в русско-японской войне. Сохранились его письма с фронта матери, в которых он подробно описывал военные действия, характеризовал начальство (далеко не всегда положительно), восхищался отвагой солдат. Вел он дневник, чтобы потом использовать его для литературной работы (судьба дневника неизвестна). Позже он посылает с фронта ряд статей для публикации в газетах. Войну он заканчивает в чине поручика, имеет награды. Затем некоторое время работает в банке, в канцелярии министерства внутренних дел. После революции 1917 года его следы теряются.

Судьбу дочерей Людмилы Аполлоновны — Натальи и Софьи — проследить не удалось. Известно только, что и та и другая были замужем, у Софьи было три сына.

Что касается младшей дочери Скальковских Леониды (1859-1884), то ее жизнь оказалась недолговечной. Известно, что с помощью братьев, оплативших необходимые расходы, она приезжает в 1878 году в Петербург, поступает в консерваторию для обучения пению, но уже в 1880 году выходит замуж за Александра Петровича Плетнева (1852-1911) — сына

редактора журнала "Современник", поэта и критика, друга А.С. Пушкина Петра Александровича Плетнева (1792-1866). Семейная жизнь Леониды и Александра длилась недолго. 11 августа 1884 года жена П.А. Плетнева Александра Васильевна (урожд. Щетинина) пишет письмо Аполлону Александровичу Скальковскому, в котором высказывает соболезнование по поводу смерти Ленечки — жены ее сына Александра. Здесь же она пишет об осиротевшем внуке Петеньке, у которого к этому времени прорезался первый зубик.²⁹ Муж Леониды Аполлоновны служил помощником правителя дел Горного совета, имел чин коллежского асессора. В музее Пушкинского дома имеется ряд фотографий Плетневых, среди которых снимки Леониды, ее мужа и сына Петра (последний его снимок — в форме гимназиста училища правоведения). Петр родился в 1883 году, служил в Сенате. Он много времени уделял литературе и искусству, хорошо знал живопись. Скончался он за границей в 1972 году и вместе с женой — Натальей Михайловной (урожд. Алфераки, 1891-1917) — похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

По мужской линии род Скальковских не продолжался, потомки носят другие фамилии. Родственников в настоящее время можно найти как в России, так и за границей — в США, Австралии, Эстонии. Они бережно хранят память о своих славных предках и занимаются поисками все новых и новых сведений о них.

Примечания

¹ ИРЛИ, ед. хр. 7720.

² Шестнадцатое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 28 мая 1847 г. Спб., 1847, с. 164.

³ Восемнадцатое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 17 апр. 1849 г. Спб., 1849, с. 197.

⁴ "Ведомости Одесского градоначальства", 1898, 12 июня.

⁵ Одесса. 1794-1894. Вып. 2. 1895, с. 598.

⁶ ИРЛИ, ед. хр. 7820.

⁷ ИРЛИ, ед. хр. 7722.

⁸ Спб ИРИ РАН, ф. 200, оп. I, ед. хр. 29.

⁹ ИРЛИ, ед. хр. 8681, л. 79.

¹⁰ "Русская старина", 1882, № 11, и 1889, № 1.

¹¹ "Новое время", 1889, 10 янв.

¹² ИРЛИ, ед. хр. 3065, л. 7.

¹³ Плещеев А. Что вспомнилось. Париж, 1931, с. 277.

¹⁴ "Новое время", 1906, 7 мая.

¹⁵ Бертенсон В.Б. За 30 лет. Спб., 1914, с. 184.

¹⁶ "Новое время", 1906, 7 мая.

¹⁷ То же, 1901, 12 авг.

¹⁸ ИРЛИ, ед. хр. 8668.

¹⁹ Бертенсон С. Вокруг искусства. Холливуд, 1957, с. 89.

²⁰ Бертенсон В.Б. За 30 лет. Спб., 1914, с. 163.

²¹ "Исторический вестник", 1906, т. 104, № 6, с. 972.

²² "Новое время", 1900, 5 мая.

²³ ИРЛИ. Архив А.Ф. Кони. Ф. 134, оп. 3. ед. хр. 163.

²⁴ ИРЛИ, ед. хр. 6870.

²⁵ Там же.

²⁶ ИРЛИ, ед. хр. 3065, л. 9.

²⁷ Бертенсон С.Л. В Холливуде с В.И. Немировичем-Данченко (1926-1927). 1964. (Сост. К. Аренский); Аренский К. Письма в Холливуд. 1968.

²⁸ ИРЛИ, ед. хр. 8681, л. 67.

²⁹ ИРЛИ, ед. хр. 8488.

Олег ГУБАРЬ

Дом Ксиды: улица Еврейская, № 12

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними ретроспективным общественным бытом. Неизменный спонсор рубрики — агентство недвижимости "Капитал", давно и плодотворно работающее на отечественном рынке недвижимости. Предлагаемый вниманию читателей материал касается не только любопытной предыстории и истории дома, но и видных персонажей биографии города.

Вообразите себе, дом этот не вполне обычен, а именно реставрируемое ныне здание, где размещается Управление Министерства внутренних дел по Одесской области. Расположено оно на участке с небезынтересной биографией. Основные историко-архитектурные и историко-бытовые этапы этого объекта связаны: 1) с первоначальной передачей земли под застройку графу С.О. Потоцкому в ходе межевания новостроящегося города 1794 года; 2) функциональным использованием этого участка под хлебные магазины (амбары) первым и вторым (помещиком Липковским) владельцами в первой половине XIX столетия; 3) переоборудованием прежних амбаров в доходные дома (купец Ксида-старший) в третьей четверти XIX века; 4) постройкой на месте одного из этих домов существующего в настоящее время здания по улице Еврейской, № 12, на рубеже веков (наследники Ксида). Другой аспект биографии этого объекта, понятно, историко-культурный, ибо он касается судеб весьма и весьма примечательных, масштабных персоналий.

Ведомость местам, розданным первым жителям города под дома, лавки, магазины, сады и т. п., датируется 15 сентября 1794 года. Территория нынешних домов №№ 10 и 12 по улице Еврейской локализуется однозначно — это места №№ 177 и 178 в XXI квартале Военного форштадта. Согласно упомянутому историческому документу, они были отданы во владение графу Северину Осиповичу Потоцкому (1762-1829 гг.). Фигура эта достаточно известна в региональной истории: родовитый польский аристократ, он был первым попечителем Харьковского учебного округа (1803-1817 гг.), в ведении которого находились и все учебные заведения юной Одессы. С.О. Потоцкий вместе с герцогом де Ришелье формировали штат первого в городе учебного центра — коммерческой гимназии

¹⁶ "Новое время", 1906, 7 мая.

¹⁷ То же, 1901, 12 авг.

¹⁸ ИРЛИ, ед. хр. 8668.

¹⁹ Бертенсон С. Вокруг искусства. Холливуд, 1957, с. 89.

²⁰ Бертенсон В.Б. За 30 лет. Спб., 1914, с. 163.

²¹ "Исторический вестник", 1906, т. 104, № 6, с. 972.

²² "Новое время", 1900, 5 мая.

²³ ИРЛИ. Архив А.Ф. Кони. Ф. 134, оп. 3. ед. хр. 163.

²⁴ ИРЛИ, ед. хр. 6870.

²⁵ Там же.

²⁶ ИРЛИ, ед. хр. 3065, л. 9.

²⁷ Бертенсон С.Л. В Холливуде с В.И. Немировичем-Данченко (1926-1927). 1964. (Сост. К. Аренский); Аренский К. Письма в Холливуд. 1968.

²⁸ ИРЛИ, ед. хр. 8681, л. 67.

²⁹ ИРЛИ, ед. хр. 8488.

Олег ГУБАРЬ

Дом Ксиды: улица Еврейская, № 12

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними ретроспективным общественным бытом. Неизменный спонсор рубрики — агентство недвижимости "Капитал", давно и плодотворно работающее на отечественном рынке недвижимости. Предлагаемый вниманию читателей материал касается не только любопытной предыстории и истории дома, но и видных персонажей биографии города.

Вообразите себе, дом этот не вполне обычен, а именно реставрируемое ныне здание, где размещается Управление Министерства внутренних дел по Одесской области. Расположено оно на участке с небезынтересной биографией. Основные историко-архитектурные и историко-бытовые этапы этого объекта связаны: 1) с первоначальной передачей земли под застройку графу С.О. Потоцкому в ходе межевания новостроящегося города 1794 года; 2) функциональным использованием этого участка под хлебные магазины (амбары) первым и вторым (помещиком Липковским) владельцами в первой половине XIX столетия; 3) переоборудованием прежних амбаров в доходные дома (купец Ксида-старший) в третьей четверти XIX века; 4) постройкой на месте одного из этих домов существующего в настоящее время здания по улице Еврейской, № 12, на рубеже веков (наследники Ксида). Другой аспект биографии этого объекта, понятно, историко-культурный, ибо он касается судеб весьма и весьма примечательных, масштабных персоналий.

Ведомость местам, розданным первым жителям города под дома, лавки, магазины, сады и т. п., датируется 15 сентября 1794 года. Территория нынешних домов №№ 10 и 12 по улице Еврейской локализуется однозначно — это места №№ 177 и 178 в XXI квартале Военного форштадта. Согласно упомянутому историческому документу, они были отданы во владение графу Северину Осиповичу Потоцкому (1762-1829 гг.). Фигура эта достаточно известна в региональной истории: родовитый польский аристократ, он был первым попечителем Харьковского учебного округа (1803-1817 гг.), в ведении которого находились и все учебные заведения юной Одессы. С.О. Потоцкий вместе с герцогом де Ришелье формировали штат первого в городе учебного центра — коммерческой гимназии

(1804 г.). В 1805 году с подачи Потоцкого в число преподавателей были включены "дети разных народов", в том числе — еврей Элкан, с целью привлечения к поступлению представителей разных этнических общин. Граф способствовал становлению Благородного института (впоследствии Ришельевского лицея), созданию Городского девичьего училища (1817 г.). Потоцкий был членом Государственного совета, с 1801 года — сенатором, одним из основателей Императорского общества сельского хозяйства Южной России (1828 г., Одесса).

В контексте наших интересов наиболее значим следующий момент. В лаконичном реестре важнейших торговых домов города в интервале между 1794-м и 1802-м годами видный историк А.А. Скальковский упоминает так называемое "Польское товарищество", включавшее крупных подольских землевладельцев Потоцкого, Липковского и Ярошинского. Именно эти и другие польские выходцы фактически и устроили Польскую улицу (спуск), соорудив в одном из бортов Карантинной балки, вблизи порта, множество хлебных магазинов, то есть огромных амбаров для хранения и просушки зерна. Польская улица продолжалась как раз до угла Еврейской, и под этим названием фигурирует в документах не позднее 1805 года, когда хлебных магазинов здесь было уже немало.

Судя по всему, колоссальный амбар С.О. Потоцкого, занимавший угловое место на участке № 177 (место нынешнего дома № 10 по улице Еврейской), в это время уже активно функционировал. На плане Одессы известного архитектора Г.И. Торичелли, составленном в 1826 году, этот магазин практически один к одному повторяет конфигурацию нынешнего дома № 10, вытянутого по Польскому спуску, с незначительной "клюшкой", обращенной в сторону Еврейской. Очевидно, это были примыкавшие к магазину жилое помещение и контора. Сохранились описания подобных магазинов: современники отмечают, что они были столь хороши, что производили впечатление роскошных жилых особняков классической архитектуры. При этих амбарах имелись и жилые покои. Визуальное обследование сохранившегося строения свидетельствует о том, что, по крайней мере, первый и цокольный этажи представляют собой прежний хлебный магазин, о чем еще будет говориться ниже. На плане Торичелли видно, что весь соседний участок № 178 (сейчас занятый интересующим нас домом № 12), принадлежавший тому же лицу, совершенно не застроен. В это время здесь наверняка находился только сад и временные хозяйственные постройки.

Выше я говорил о примечательных персоналиях, прямо или опосредо-

ванно связанных с домом № 12. Так вот: с упомянутым садом, располагавшимся на месте этого дома в 1820-е годы, предположительно можно связать имя А.С. Пушкина. В самом деле, Пушкин познакомился с Северином Потоцким, приехавшим в Кишинев из Одессы, еще в конце марта 1822 года, на обеде у И.Н. Инзова. Поэт жарко спорил с отставным сенатором по поводу государственного устройства, причем дело едва не дошло до рукоприкладства. Во всяком случае, по всему видно, что они были на короткой ноге, и уже в ноябре 1823-го друзья Пушкина обращались к графу по поводу семейных преданий относительно похищения одной из представительниц рода Потоцких татарским ханом (сюжетные подробности поэмы "Бахчисарайский фонтан"). Достойные доверия мемуаристы сообщают о том, что Пушкин много общался с польскими шляхтичами в Одессе, и это вполне согласуется с нашим предположением о посещении поэтом сада С.О. Потоцкого — скажем, по случаю пикников либо других развлекательных мероприятий, что было тогда вполне обыденным делом. Литографированный портрет графа когда-то хранился в музее "Старая Одесса" и по реестру 1927 года числился под № 112.

После кончины графа С.О. Потоцкого 3 сентября 1829 года принадлежавшие ему участки и строения на углу Еврейской и Польской улиц перешли во владение к одному из его бывших компаньонов по "Польскому товариществу", помещику Генриху Липковскому. Надо полагать, их уступил деловому партнеру отца наследник, действительный тайный советник граф Лев Северинович Потоцкий. Обратимся к "Списку домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора" 1848 года — то есть оценочной ведомости, в соответствии с которой в городской бюджет взимался налог с недвижимости. По Польской улице значится "магазин Генриха Липковского", оцененный в 13 тысяч рублей, а по Еврейской — "дом помещика Генриха Липковского", оцененный в 4 тысячи рублей.

Из этого документа четко явствует, что в данный момент мы имеем в наличии не только прежний амбар (дом № 10 по Еврейской, он же — № 22 по Польской, теперь — № 20), но и жилой дом, предшествовавший занимающему нас нынешнему дому № 12. Амбар был построен с размахом: судите сами, небезызвестный "дом и магазин почетного гражданина Константина Папудова" на углу Полицейской площади и Преображенской улицы по этой же ведомости получил значительно меньшую оценку — 7.800 рублей. Жилой дом Липковского (на месте нынешнего дома № 12) был куда скромнее. Впрочем, в центре города тогда насчитывались мно-

гие десятки жилых зданий, оценка которых была такой же и даже значительно ниже.

Вычислить дату постройки жилого дома Липковского с абсолютной точностью, на мой взгляд, пока не представляется возможным, хотя ряд документов из архива Одесского строительного комитета (Государственный архив Одесской области, фонд 895, опись 1, дела 267 и 320; фонд 59, опись 2, дело 841) как будто прямо указывают на дату и архитектора: 1845 год, И.О. Даллаквa. Здесь мы находим чертежи фасадов явно перестроенного прежнего хлебного магазина на углу Польской и Еврейской (участок № 177), да еще одноэтажного дома на участке № 178, на месте нынешнего дома № 12. Первое из этих строений, как было сказано, три года спустя оценили в тринадцать, а второе в четыре тысячи рублей.

По всему видно, что тут все же нащупывается две генерации строительства. Как правило, в этом районе сначала строился хлебный магазин, затем к нему пристраивались жилые покои, а далее, когда амбары выносили из центра на периферию, магазины перестраивались в доходные дома. Так было с хлебными магазинами Папудова, Сабанского, Рафаловича и др. Однако в нашем случае смежное с амбаром место было не застроено, а это значит, что жилой дом мог быть возведен уже в начале 1830-х, вскоре после того, как участки №№ 177-178 перешли к новому владельцу. В это время, кстати, был построен доходный дом Ферро и Савина (1832 г., архитектор Ф.К. Боффо) на противоположной стороне улицы (Польская, № 19; ныне — Муниципальный музей личных коллекций имени В.В. Блещунова). Не исключено, что жилой дом Липковского тоже строил Боффо, а 15 лет спустя Даллаквa его капитально перестраивал.

Однако уже в первой половине 1840-х и даже чуть раньше пошла активная перестройка и перепланировка практически всех окрестных строений. В это время в связи с ростом численности горожан возникла проблема дефицита жилых помещений, а потому хлебные магазины стали выносить из центра на окраины, а прежние амбары перестраивали или переоборудовали под жилье. Так, только архитектор И.О. Даллаквa в интервале между 1844-м и первой половиной 1850-х построил и перестроил на одной Еврейской улице не менее семи объектов, в том числе — склад Рабиновича, жилые дома Брауна, Гуровича и др. Другой зодчий итальянского происхождения, И.Б. Скудиери, построил доходный дом Вайцмана на углу Еврейской и Итальянской (1839 г.). Примерно в это же время перестраивались в доходные дома лежащие как раз напротив 12-го номера два хлебных амбара (участки №№ 231-232 XXVI квартала), один из которых,

по Еврейской, № 19, в 1899 году еще раз капитально перестроен архитектором Д.Е. Мазировым. В 1850 году архитектор О.Н. Колович построил для Г. Липковского жилой дом в начале Преображенской улицы (ныне — № 2-а), и принадлежавшее Липковскому здание по улице Еврейской, № 12, стали целиком сдавать внаем.

Вскоре дома №№ 10 и 12 по Еврейской улице перешли в собственность семейства греческих негоциантов Ксида. Представители этого старинного и разветвленного одесского рода — выходцы со средиземноморского острова Хиос. Хозяевами интересующих нас домов сначала были купцы Иван Пантелеевич Ксида и его сын Константин Иванович, владельцы основанного в 1856 году свечного завода. Предприятие это помещалось на Молдаванке, на Прохоровской улице, № 34, а магазин — в центре, на Греческой улице, в доме их делового партнера, крупного хлеботорговца Менделевича. Наследники Ксиды помимо свечей в 1880-1890-х годах в значительных количествах производили еще и мыло, однако впоследствии бросили промышленное предпринимательство (у них были куда более выгодные занятия) и стали сдавать принадлежавший им здесь обширный земельный участок в аренду другим известным фабрикантам — Амбатьелло, Дубинину, Пичинелли и др.

Позитивно переломным моментом в биографии семьи стал брак К.И. Ксиды с представительницей другого чрезвычайно состоятельного одесского греческого рода, Марией Михайловной Петрокино. Михаил Евстратьевич Петрокино был партнером известного предпринимателя и благотворителя Вильяма Вагнера, владельца первого в Одессе "Английского магазина", по сути, разросшегося со временем до масштабов первого элитарного универмага. Бракосочетание состоялось 26 января 1864 года в Греческой Свято-Троицкой церкви, жениху в этот момент было 35, а невесте 22 года.

Первый ребенок от этого брака, дочь Елена, появился на свет менее чем через девять месяцев после бракосочетания, 15 октября 1864 года. Первый

сын, Иоанн Константинович, скончался в младенчестве. Второй сын, Николай, родился 3 декабря 1869 года, а третий, Константин, был подлинным "постумом", то есть ребенком, родившимся после смерти отца. Константин Иванович Ксида ушел из жизни 16 января 1871 года, молодым еще человеком, а Константин Константинович появился на свет 17 февраля. Оттого-то он и получил имя покойного отца. Разумеется, малолетние наследники воспитывались под эгидой семейства Петрокино, что в немалой степени определило их дальнейшую судьбу: они фактически унаследовали и большую часть состояния этого состоятельного рода. В родстве с ними состояло и другое старинное греческое семейство Одессы — Мими.

Что касается домов по улице Еврейской, №№ 10 и 12, то в 1870-1890-х годах они использовались преимущественно как доходные. В разные годы здесь, как и в соседнем доме знаменитого семейства итальянского происхождения Анатра (№ 14), арендовали помещения представительства, отделения, агенты крупнейших отечественных и зарубежных компаний, торговых домов, предприятий и проч., здесь квартировали также и различные государственные учреждения, видные чиновники, думцы и др. Так, например, в доме № 12 в 1880-1890-х годах находилось правление и склад Товарищества Ольвиопольского кожевенного завода, удостоенного медалей и дипломов на Всемирной выставке в Брюсселе (1888 г.), вернисажах во Франкфурте-на-Майне и др. В 1890-е годы в этом же доме базировался офис крупнейшей торгово-промышленной фирмы "М.Я. Менделевич" — экспортной компании, занимавшейся хлебной торговлей. Моисей Яковлевич Менделевич — тот самый приснопамятный бизнесмен, стараниями которого возведен знаменитый одесский "Пассаж".

Во второй половине 1890-х годов в этом же здании размещалась Фабричная инспекция Одессы. Старший инспектор этого подразделения А.А. Микулин хорошо известен историкам одесской промышленности. Именно в доме по улице Еврейской, № 12, он составил очень полезный справочник "Фабрично-заводская и ремесленная промышленность Одесского градоначальства Херсонской губернии и Николаевского военного губернаторства в 1898 году", в котором указаны основатели предприятий, отрасли производства, адреса предприятий и даты их основания.

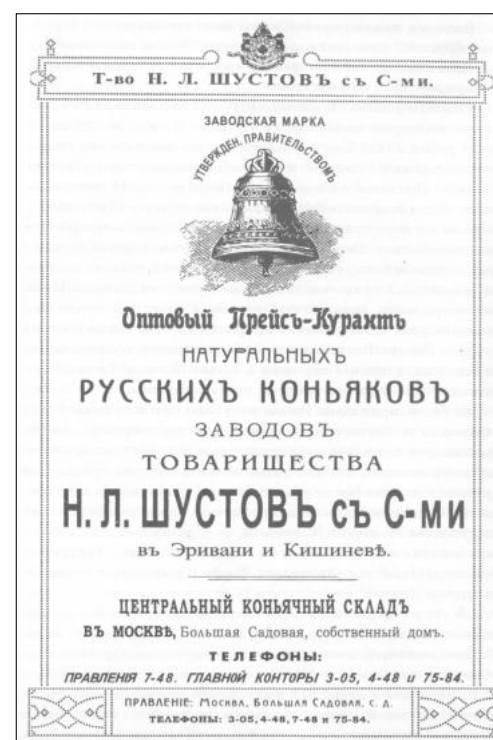
В это время необходимость перестройки старого дома № 12 (до середины 1900-х годов дома №№ 10 и 12 носили нумерацию 12-а и 12-б, а по Польской улице угловой дом числился под № 24) становится очевидной, поскольку внешний облик его уже не соответствует запросам тех авторитетных фирм, кои его арендовали. Постепенно изменяется и характер за-

стройки прилегающего района: функциональные здания строгой классической архитектуры заменяются новыми, монументальными, роскошными, эклектическими, намечается переход к модерну. В этих условиях "наследники Ксиды", а скорее всего, их более осведомленные родственники и покровители поручают строительство нового величественного здания на месте прежнего дома по улице Еврейской, № 12, молодому талантливому зодчему В.И. Прохаске, о котором надо, конечно, сказать несколько слов.

Викентий Иванович Прохаска уроженец Чехии, а профессиональное образование получил в Вене.

В наш город он попал при весьма симптоматичных обстоятельствах. Дело в том, что юный Прохаска дерзнул принять участие во всемирном конкурсе на эскизный проект новой биржи в Одессе (ныне — здание филармонии по улице Пушкинской). Самое удивительное заключается в том, что первая премия досталась именно ему! Теперь любой одессит скажет вам, что этот выдающийся памятник архитектуры построил известный зодчий А.И. Бернардацци, но сие верно лишь отчасти. Бернардацци и в самом деле соорудил новую биржу, однако — по доработанному им проекту В.И. Прохаски.

После такого успеха молодой архитектор мог рассчитывать на достойное продолжение, и в конце 1890-х перебрался в Одессу. Вы уже, должно быть, догадались, что первый же грандиозный заказ он получил здесь от братьев Ксиды. Прохаска последовательно использовал в своем творчестве приемы и методы модернизированных историко-архитектурных сти-

лей. В частности, он очень тяготел к зодчеству Ренессанса. Эта его сердечная привязанность в той или иной мере проявляется практически во всех его одесских работах, включая возведенный в 1899-1900 годах колоссальный по тем временам трехэтажный на цоколе дом братьев Ксида по улице Еврейской, № 12.

В том же стиле ренессанса решен, к примеру, доходный дом фон Дьеп-па на углу Сабанеевского переулка (Сабанеев мост, улица Менделеева), № 5/7, и улицы Надеждинской (Надежной, Гоголя), № 21, построенный в 1908-1909 годах. Расширяющийся книзу цоколь, рустованные крупными блоками стены первого этажа прорезаются арочными проемами. Чем выше, тем пластика форм органично убывает. Все сооружения В.И. Прохаски отличаются монументальностью масс и четкостью ордерных форм — поглядите на здание ломбарда, на пересечении Польской (№ 12) и Полицейской улиц (1904-1905 гг.). "Фасады здания, — пишет специалист в области истории градостроительства, киевский архитектор В.И. Тимофеенко, — разработаны в монументальных формах итальянского ренессанса. Крупный масштаб сооружения выявлен не только контрастным сопоставлением больших форм с изящными профилями и лепными украшениями, но и всем пропорциональным строем".

Примерно в то время, когда Прохаска строил дом братьев Ксида, он победил еще в одном конкурсном проекте — по поводу строительства нового дома Папудовой, близ пересечения Екатерининской и Ланжероновской улиц, однако и этот проект дорабатывали и реализовывали (1901-1902 гг.) другие архитекторы. Впрочем, судьбу этого выдающегося зодчего нельзя назвать несчастливой. В Одессе он оставил ряд поистине перво-степенных памятников архитектуры. Помимо перечисленных это, например, здание Клуба приказчиков-христиан по улице Ямской (Новосельского), № 100 (начало прошлого века), здание торгового дома Севастопуло по Екатерининской, № 19 (1911-1912 гг.), доходные дома: Прокудина на площади Толстого (1903 г.), Котляревской, по Успенской, № 7 (начало прошлого века), Ломейера, по Успенской, № 9 (фактически здесь два дома: один — начала века, другой — 1911 года), Ближенского, на углу Ямской, № 75, и Дворянской (1911 г.), особняк Менделевича, по Маразлиевской, № 28 (1909 г.), и др. Иногда, впрочем, создается впечатление, что в некоторых случаях (к слову, всегда удачных) В.И. Прохаска буквально копировал первую свою одесскую разработку — проект дома братьев Ксида.

Следует отметить, что зодчий много лет был деятельным сотрудником Одесского отделения Императорского Русского технического общества.

После революции он возглавлял бригаду архитекторов и инженеров в Управлении недвижимого имущества, и в частности, занимался реставрацией и перестройкой ряда зданий в историческом центре города. Существует версия, будто бы в 1922 году он эмигрировал за рубеж, в Чехию. Однако это не соответствует действительности. Судя по всему, В.И. Прохаску просто-напросто путают с другим видным одесским зодчим чешского происхождения, Л.Л. Влодеком, который действительно уехал в Чехию в 1922-м и умер там после 1924 года. Что касается Прохаски, то он ушел из жизни в Одессе, в возрасте около 63-х лет.

Но вернемся к истории построенного им в 1899-1900 годах здания по улице Еврейской, № 12. Назначение дома — как места средоточия значимых офисов — в последующие два десятилетия несколько не изменилось. Полный перечень этих контор, агентств, представительств, отделений и т. п. занял бы, пожалуй, несколько страниц печатного текста. Приведем лишь несколько иллюстративных примеров. Скажем, с конца 1900-х и по самое "смутное время" здесь помещались агентурно-комиссионная контора одесского почетного гражданина М.Н. Банникова, представлявшего "Товарищество Н.Л. Шустова и сыновей" (лучшие в империи коньяки и виноградные вина), представительство всемирно известной фирмы "Bohlen et Behn" в Гамбурге (высококачественный кофе) во главе с Д.З. Бернштейном. Кстати, интересующий нас дом настолько прочно ассоциировался в сознании горожан с представительством фирмы Шустовых, что его по сию пору продолжают считать принадлежащим Шустовым.

Тот же Бернштейн одновременно представлял собственную комиссионерскую контору, занимавшуюся сбытом консервов и аптекарских товаров. В том же здании находилась комиссионно-агентурная контора Иосифа Надея, сбывавшая разнообразные сельскохозяйственные машины и орудия. В соседнем здании, № 10, также принадлежавшем братьям Ксида, располагался офис торгового дома В.В. Гиммельфарба и И.М. Соминского — акционерного общества, изготовлявшего оборудование и принадлежности для штемпельных фабрик и граверных мастерских. Этот реестр можно множить и множить. В угловом доме на противоположном углу Польской (№ 21) находилась экспедиционно-транспортная контора родственника К.К. и Н.К. Ксиды — Стилиана Антоновича Ксиды (1871 г. р.).

А теперь вернемся непосредственно к братьям Ксида и к их, без преувеличения, выдающимся родственным связям. Константин Константинович окончил Одесскую рисовальную школу, а затем Петербургскую академию художеств, получил звание классного художника, заработав по ходу учебы

в середине 1890-х несколько медалей разного достоинства за свои произведения. Будучи человеком весьма состоятельным, он по возвращении в Одессу частных заказов, естественно, не брал, в выставках не участвовал, работал для себя, имел мастерскую в верхних этажах того же дома № 12. Бизнесом, впрочем, тоже почти не занимался, вполне полагаясь в этом на старшего брата. Зато мы видим его в составе руководства ряда благотворительных учреждений — в управлении Общества Красного Креста, фабрично-заводской больницы Красного Креста, Обществе покровительства бесприютным детям, попечительстве государыни императрицы Марии Федоровны, почетным мировым судьей и проч.

Что касается Николая Константиновича Ксиды, это был весьма авторитетный, почтенный и успешный предприниматель. Прежде всего, как об этом упоминалось, он был совладельцем солидного торгового дома "Братья Петрокино". Коренные одесситы знают, что колоссальный универмаг Петрокино находился на пересечении Греческой и Ришельевской улиц. Теперь на его месте — построенная в начале 1950-х большая "сталинка", где долго помещался магазин "Ткани", а ныне — "Антошка". Универмаг реализовывал когда-то импортные высокого качества дорожные принадлежности, детские товары, включая игрушки, всевозможные хозяйственные товары (посуду, лампы и проч.), рыболовные, фотографические принадлежности, галантерею и многое другое. До нашего времени дошло кое-что из "фурнитуры" с атрибутикой "Магазина Петрокино": фарфоровые пепельницы, шляпные картонки и др.

Н.К. Ксида был деятельным сотрудником Купеческой управы, выборным купеческого сословия, окладчиком с недвижимого имущества, состоял членом совета Попечительства о слепых, членом совета коммерческого училища императора Николая I, товарищем (заместителем) председателя Общества взаимопомощи нуждающимся учащимся народных училищ и, кроме всего прочего, казначеем Одесского автомобильного общества. Помимо домов по Еврейской улице братья владели недвижимостью на Ришельевской, Прохоровской, Комитетской и других улицах. Но самая вкусная информация еще впереди.

И здесь я обращаюсь к научным работам и консультациям авторитетного искусствоведа В.А. Абрамова. Судьба свела молодого художника Константина Константиновича Ксиду с обаятельной, образованной, интеллектуальной девушкой — Елизаветой Михайловной Кожевниковой, на которой он и женился в 1900 году, аккурат к окончанию сооружения дома по улице Еврейской, № 12. Несмотря на то, что Елизавета была до-

черью председателя правления Одесского учетного банка М.М. Кожевникова, к числу богатых невест отнести ее было нельзя. Кожевников по существу был добросовестным чиновником, а не банкиром, и заметным капиталом не обладал.

Интрига состоит совсем в другом. Супруга этого человека и мать жены К.К. Ксиды была замужем за Кожевниковым во втором браке, а первым ее мужем был не кто иной, как В.С. Кандинский, отец выдающегося художника, известный одесский думец, частоторговец, меценат. Таким образом, Лиза Кожевникова была сестрой Василия Васильевича Кандинского по матери. Самое замечательное заключается в том, что художник считал семью Кожевниковых родной семьей всю свою жизнь. Благородный К.К. Ксида поселил в своем доме всех Кожевниковых, постоянно стесненных в средствах. А Кандинский бесконечно навещал этот самый дом на протяжении многих лет, общался с матерью, сестрой, племянниками, с огромной теплотой относился к М.М. Кожевникову.

Самое занятное, что и его отец, Василий Сильвестрович, тоже охотно проводил здесь вечера в обществе бывшей супруги и ее мужа, о чем не раз упоминает в письмах к сыну. У В.А. Абрамова имеются ксерокопии хранящихся в парижском Центре Помпиду многочисленных писем Кандинского, адресованных М.М. Кожевникову как раз на Еврейскую улицу, № 12 (с 1908 года она именовалась уже Скобелевской, а с 1909-го — генерала М.Д. Скобелева, в честь героя русско-турецкой войны 1877-1878 годов). И таким образом, "наш дом" — один из главных мемориальных адресов Василия Васильевича Кандинского в Одессе, по каковому поводу вполне можно было бы установить памятный знак. Дом К.К. Ксиды и его мастерскую нередко посещали известные одесские художники, а один из них, А.Н. Стилиануди, даже написал двор дома № 12, и эта работа 1902 года сохранилась до сих пор в одной из частных одесских коллекций. Стилиануди изобразил главным образом одноэтажные постройки хозяйственного назначения во дворе, из-за которых выглядит лишь незначительная часть верхнего этажа дома № 10. Известно, что братья Ксида оставались в Одессе после революции примерно до конца нэпа, и встречались в Париже с В.В. Кандинским уже в 1928 году.

Что касается дома по Еврейской (Скобелева, Бебеля) улице, № 12, то здесь в те же годы размещался так называемый "ЕВРАБМОЛ" — специфическое учебно-производственное заведение, или скорее организация, для еврейской рабочей молодежи, где, к слову, получили образование довольно известные впоследствии деятели науки и культуры Х. Вайнер-

ман, Н. Лурье и др. Историей этой институции детально и долго занималась сотрудница Одесского литературного музея Анна Мисюк. По ее сведениям, в 1924 году в Одессе был сформирован еврейский сиротский приют, в который доставляли детей главным образом из местечек. Поскольку малыши в основном говорили на идиш, то на базе этого приюта создали Дом еврейской молодежи ("ЕВРОМОЛ"), как бы наследовавший дореволюционному еврейскому ОРТ (Обществу рабочих "Труд"). До 1927 года он размещался в здании бывшего казенного еврейского училища на углу Пушкинской и Еврейской улиц, а затем переехал в дом по улице Еврейской, № 12.

Учреждение это было как образовательным, так и производственным, работало на основах хозрасчета. Производственные мастерские (впоследствии завод имени С.М. Кирова) ему также оставил ОРТ. "ЕВРАБМОЛ" владел и садово-огородными участками в районе 9-й станции Большого Фонтана. Директором здесь служил М.Б. Бернштейн (весьма возможно, родственник упоминавшегося выше Бернштейна, представителя известной "кофейной фирмы" из Гамбурга), в числе преподавателей — А.С. Берчанский, Д.Н. Билибин, У.Н. Глух, И.И. Гольцман, М.М. Гомберг, С.И. Ковлер, Д.И. Надель, Н.Л. Перельман, Г.А. Решетникова, Б.М. Рутберг, И.М. Слочевский, Г.Д. Троянker, Л.С. Финкельштейн, Ф.Г. Фишер, М.Л. Черник-Яхнюк, Ф.П. Шанкес и др. К слову, Б.М. Рутберг в те годы одновременно служил заместителем управляющего "Укркожтреста", Д.И. Надель — сын упоминавшегося руководителя одного из находившегося в этом же здании до революции представительств по сбыту сельскохозяйственных машин, М.Л. Черник-Яхнюк значится в справочниках как "бухгалтер, специалист по составлению балансов и отчетов". В 1937 году учреждение перешло в ведение Наркомпроса и потеряло свою яркую индивидуальность, рельефность. До самой войны оно находилось в том же доме, по улице Бебеля, № 12.

После взрыва по радиосигналу заминированного перед уходом советских войск дома, которое заняла румынская комендатура, в октябре 1941 года в это здание переместилась "сигуранца" и оккупационная администрация. На противоположной стороне улицы, получившей в это время имя Муссолини, устроили тюрьму, где были замордованы сотни советских граждан. После Великой Отечественной войны в этом здании размещались исключительно учреждения МВД. Около двух лет (1945-1947) улица носила имя советского разведчика, руководителя подпольно-диверсионной группы Молодцова-Бадаева, затем ей вернули название Бебе-

ля, а в 1994-м — Еврейской. До строительства собственного комплекса сооружений на той же улице в доме № 12 располагались службы Комитета государственной безопасности.

На старых почтовых открытках дома по Еврейской, №№ 10 и 12, никогда не репродуцировались. Ретроспективные фотографии или иная иконография домов в собраниях крупнейших одесских коллекционеров (А. Дроздовского, В. Волчека, М. Пойзнера, А. Хазана, автора справки и др.), музеев, книгохранилищ, архивов пока не обнаружена.

Хроника одного визита

Известно из опыта, что стоит лишь окунуться в старые одесские газеты, как тут же головокружительный калейдоскоп далеких событий цепко захватывает в свой круг, а воображение уносит в невиданные глубины истории. И через время тщетные угрызения совести уже не оставляют в покое: как мало мы знаем из того, что было до нас! Одессе всего-то чуть более двух столетий — возраст младенца по меркам исторической эпохи. Миллионы жизней за это время возрождались и угасали, как свечи в соборе. Сотни летописцев занимались жизнеописанием города и его обитателей. В последние годы всплеск неподдельного интереса к теме прошлого заставил других исследователей и историков высвечивать все новые и новые факты.

Об одном эпизоде из городской жизни, который является всего лишь маленькой каплей из огромного жизненного водоворота старой Одессы, попытаемся сообщить и мы. Но не страницы одесских газет подтолкнули нас к тому. Виной всему стала маленькая тоненькая брошюрка на болгарском языке, изданная в Болгарии в начале XX века. Уже долгое время она хранится в коллекции одессита Анатолия Михайловича Хазана, а вместе с ней и два тоненьких листочка — старые обветшавшие письма, текст которых проливает свет на историю создания самой книжечки. А история эта как раз и стала продолжением описанных далее событий. Итак, по порядку.

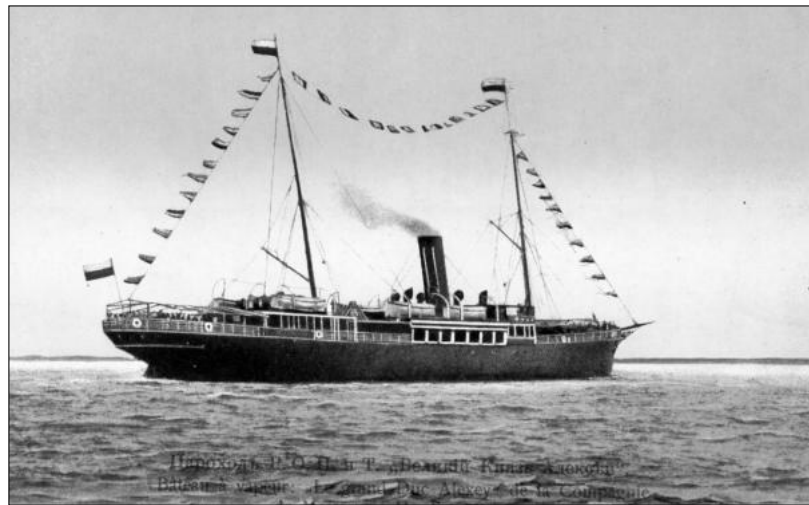

Болгарские солдаты. 1878 г.

...Утро лишь только начиналось, а жгучее июльское солнце уже успело высоко взбежать по небосклону. Город спешно просыпался, наполняя свои улицы южным темпераментным многоголосьем. В порту еще веяло ночной прохладой. Несмотря на ранний час, в районе Практической гавани уже звонко звучали сотни возбужденных людских голосов. Отдельные нестройные музыкальные звуки, издаваемые медными трубами оркестрантов, вплетались в этот неоднородный шум, усиливая тем самым эффект ожидания какого-то праздника.

Подставляя лица солнцу, присутствующие на пристани устремили свой взор в сторону маяка, отдохавшего после тяжелой трудовой ночи. С востока, из утренней молочной дымки, медленно приближались два огромных темных силуэта. Лишь пройдя створ маяка, трудно различимые контуры превратились в два красавца парохода, на бортах которых вырисовывались названия: "Великий Князь Алексей" и "Россия".

На причале прозвучала громкая команда, и музыканты военных оркестров, держа свои до блеска начищенные духовые инструменты наготове, образовали четыре стройные "коробки". К кромке пристани подтянулась большая группа встречающих, среди которых особо выделялись официальные лица города: исполняющий должность одесского городского головы Б.А. Пеликан, командующий войсками Одесского военного округа генерал от кавалерии А.В. Каульбарс, его помощник генерал-лейтенант

Пароход Великий Князь Алексей

К.П. Фан-дер-Флит, командир 8-го армейского корпуса генерал-лейтенант И.А. Романенко, начальник 4-й стрелковой бригады генерал-майор В.Ф. Боуфал. Здесь же находились дивизионные и бригадные генералы, представители городского общественного управления, делегаты от болгарских колоний во главе с болгарским консулом Б. Касимовым, руководители и служащие местных пароходных обществ. Стройные ряды казаков 8-го Донского казачьего полка представляли воинские части, расквартированные в Одессе.

Подталкиваемые портовыми буксирами, пароходы ошвартовались у причальной стенки. На палубе толпились сотни молодых людей с сияющими от счастья лицами — представители новой независимой Болгарии. Громкое многократное "Ура!", сорвавшись сверху, долгим эхом прокатилось по всему порту. В ответ сборный военный оркестр грянул болгарский марш, по завершении которого ликующие болгарские "юнаки" принялись громко кричать и аплодировать, приветствуя встречающих.

На берегу прибывших из дружественной Болгарии ожидала короткая официальная часть — власти города пышно приветствовали дорогих гостей на одесской земле. Под звуки бравого марша около тысячи трехсот юнаков в одно мгновение выстроились в колонны, разделившись при этом на 25 корпораций — по числу болгарских городов, где существовали со-

Квартира русского главнокомандующего в Андрианополе. 1878 г.

кольские гимнастические общества. Кто же они — болгарские "юнаки"? И почему их прибытию в Одессу 3 июля 1909 года были оказаны столь торжественные почести? Чтобы все стало понятно, придется сделать небольшой экскурс в прошлое.

...В 1863 году в Чехии, в самом центре Европы, возникло спортивно-патриотическое общество "Сокол". Имя ловкой и зоркой птицы — сокола, особой в славянской культуре, воспринималось всегда патриотически. Основателем нового движения стал доктор философии и эстетики Мирослав Тырш. По его замыслу, сокольские гимнастические общества должны были превратиться в систему для физического и духовного совершенствования молодежи, а разработанные им гимнастические упражнения легли в основу всего молодежного движения. Поскольку это были не просто спортивные общества, а своеобразная форма проявления национально-освободительной борьбы чехов, то система быстро получила широкое распространение и среди других славянских народов Европы. Тем более что соколы проповедовали такие принципы, как единение, братство, культурное и нравственное развитие личности "на почве совместного физического воспитания".

Из Центральной Европы соколы перекинулись в Сербию, Словению, Хорватию и Болгарию. Помимо гимнастических упражнений большое внимание организаторы придавали костюмированию и атрибутике. Присутствовавший однажды в Сербии на гимнастическом празднике, устроенном обществом "Душан Сильный", Владимир Гиляровский, кстати, на то время руководитель Русского гимнастического общества, зарисовал такую красочную картину: "Белградские соколы-душановцы, более пятисот человек, были в своей красивой форме, а провинциальные члены общества в своих национальных костюмах: сербы-магометане — в фесках, сербы-горцы — в коричневых грубого сукна куртках, с кинжалами и пистолетами за строчеными поясами. ...Самыми яркими были сремские горцы, обвешанные оружием, в шитых украинских рубахах, чумарках и бараньих папах, лихо сдвинутых на затылок".

В арсенал гимнастических упражнений соколов входили красивые коллективные движения, перестроения и группировки, выполняемые обычно четко и синхронно, что придавало особую прелесть массовым выступлениям. Зачастую использовались подручные средства: палки, муляжное оружие — мечи и пики, гимнастические снаряды — брусья, перекладины, конь.

Придя в Болгарию, идеи сокольства попали на благодатную почву — во второй половине XIX столетия национально-освободительная борьба против турецкого господства получила здесь новый импульс. В 1865 году на Юге Болгарии Василий Левский основал "Тайное Братство", где под видом гимнастического общества была скрыта подпольная антитурецкая организация.

"Вставайте, братья, все к оружию,
И смело двинемся вперед!
Готовьте к бою сабли, ружья,
Ведь скоро помощь к нам придет!"

Добри Чентулов. "Юнак балканский"

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. хорошо физически подготовленные отряды болгарских соколов, получившие оружие от русской армии, принимали участие в освобождении своей страны. В конце столетия организация сокольских общин в Болгарии получила новое название, "Союз юнаков" (*юнак* — герой). Один из параграфов устава Союза звучал так: "Всякий болгарский гражданин может вступить в юношеские общества, но должен быть, прежде всего, честным человеком".

Несколько позже первые гимнастические общества, исповедующие принципы сокольства, образовались и в России, но получили здесь разви-

Приезд болгарского короля в Петербург. Февраль 1909 г.

тие, как правило, в стенах различных учебных заведений в форме кружков любителей физических упражнений. Но ни одна организация в то время не могла получить благословения царского правительства на право носить название соколов. Лишь в 1907 году, после русско-японской войны, когда вопрос о реформах и о новых методах физического и нравственного воспитания в армии широко обсуждался в стране, начали образовываться официальные соколиные организации. Первое общество "Сокол" образовалось в Санкт-Петербурге, затем и в других городах. Устав "Союза русского сокольства" был утвержден 4 июля 1910 года. В его комитет вошли известные государственные люди: граф В.А. Бобринский, А.С. Гижицкий и другие. В Москве гимнастическим сокольским обществом руководил писатель Владимир Александрович Гиляровский. Появились печатные издания: газета "Сокол", журнал "Вестник русского сокольства".

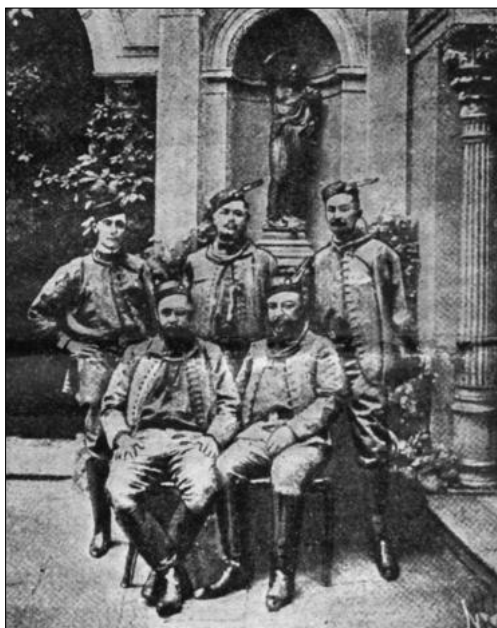
На территории Украины первое польское гимнастическое общество "Сокол" возникло в 1867 году во Львове, в тогдашней Австро-Венгрии. К 1892 году в пределах Австрийской Польши уже насчитывалось около 30 отделений Львовского общества. Кстати, имеются сведения, что как во Львове, так и в некоторых других городах Украины, первые футбольные клубы были сформированы на основе именно гимнастических обществ. В Киеве "Чешский гимнастический кружок", переименованный позже в общество "Юг", возник в 1900 году. Гимнастический клуб "Сокол" существовал и в Одессе.

...К моменту приезда в Одессу большой болгарской делегации юнаков в городе лишь понаслышке знали о славянских соколах и их прибытия ожидали с нетерпением. Шествие по улицам города большой пестрой колонны симпатичных молодых людей вызвало массовый интерес разношерстной одесской публики.

Растянувшаяся далеко в длину колонна двинулась из порта по Польскому спуску, далее по улицам Кондратенко (Бунина) и Пушкинской. Возглавляли шествие духовые оркестры, которые образовали четыре отдельные группы. Впереди каждой корпорации знаменосцы с ассистентами несли знамя и надпись с названием того болгарского города, который они представляли. Все члены делегации были в красивых ярких костюмах: "узкие короткие шаровары, длинные чулки, рубахи и широкие пояса, круглые маленькие шапочки с красными обшивками". Широкая лента цвета национального флага через плечо красовалась на груди у каждого молодого парня. Делегаты от городов отличались цветом своих блуз.

Красные, желтые, голубые рубахи разворачивались пестрым калейдоскопом на фоне летней, всюду зеленеющей Одессы.

Одесситы, специально вышедшие для встречи болгарских юнаков либо случайно заставшие сенсационное уличное зрелище, плотной массой толпились вдоль дороги. Впереди старших собратьев в колонне следовали подростки, к которым пристраивалась местная малышня, пытаясь маршировать, важно вытягивая свои головы и высоко, но не всегда в такт, задирая ноги со сбитыми коленками.

Члены Государственной Думы в сокольских костюмах

Девушки, прикрывая свои розовые щеки солнечными зонтиками, с интересом останавливали взгляды на красивых смуглых лицах гостей, строя глазки и весело хихикая в ответ на короткие взгляды молодых людей.

Ненадолго задержавшись у здания Городской думы, шествие проследовало по бульвару к Воронцовскому дворцу, занятому командующим войсками Одесского военного округа. Здесь перед лицом генерала Каульбарса и других юнаки прошли церемониальным маршем. Командующий приветствовал представителей каждого болгарского города, на что в ответ из колонны звучало громкое "Ура!", которое подхватывала глазающая публика, заполнившая весь Николаевский бульвар. Под звуки болгарского национального гимна "Шуми, Марица" колонна по Екатерининской и Дерибасовской улицам направилась на Соборную площадь. Здесь гостей приветствовали делегаты от местных болгарской, сербской и чешской колоний, а также прибывший из столицы представитель Русского общества "вольных соколов".

Лишь после этого юнаки, уставшие, но счастливые от ошеломляющей встречи на одесской земле, разбились на два отряда и отправились в отве-

денные для них помещения. Одни расположились на улице Новосельского в казармах 59-го Люблинского полка, других ожидали на улице Полтавской победы (Канатной) в казармах 14-го стрелкового генерала-фельдмаршала Гурко полка.

Следующий день пребывания болгарских юнаков в Одессе был еще более насыщен, чем первый. Тем не менее, часть гласных Городской думы считала, что город недостаточно подготовился к важной встрече представителей братского народа. На имя городского головы они направили следующее письмо: "Приезд болгарских юнаков в Одессу имеет громадное значение. В настоящее время созревает идея объединения славян. Одесса всегда имела и будет иметь значение связующего звена между славянами Востока и нашим отечеством. Поэтому прием болгар должен соответствовать такому значению Одессы. ...Мы предлагаем: 1) торжественный ужин и угощение должны соответствовать достоинству города; 2) устроить в Городском театре спектакль; 3) во время угощения должен играть оркестр музыки и должны присутствовать члены городской управы и гласные Думы".

С утра в кафедральном Спасо-Преображенском соборе прошло молебствие. Собор не мог вместить всю болгарскую делегацию во главе с председателем болгарского гимнастического союза М. Антоновым и членами Правления Н. Бижевым и М. Кличевым — часть юнаков осталась на площади. По окончании службы в соборе юнаки на глазах у восхищенной одесской публики вновь прошли красивым церемониальным маршем по Соборной площади. Своеобразный парад снова принимал и приветствовал болгарских гостей барон Каульбарс.

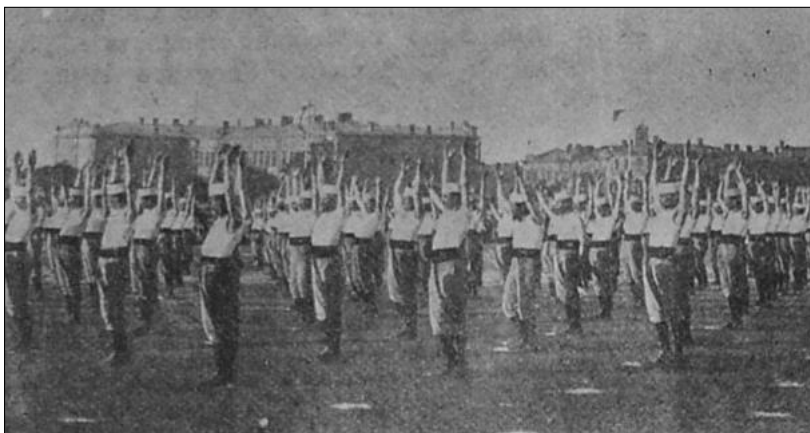
А на пять часов вечера было запланировано центральное действо — гимнастический спектакль. Задолго до начала к Куликовому полю потянулись толпы желающих лицезреть "соколиные" упражнения в исполнении болгарских юнаков. Площадь, украшенная флагами, выглядела празднично. Всего несколько дней назад здесь проходили торжества по случаю празднования 200-летия Полтавской битвы. Вокруг еще не убранного временного памятника Петру Великому располагались часовые в красивых исторических костюмах петровской эпохи. Сама площадь, словно шахматная доска, была поделена на ровные квадраты.

Вдоль всего пассажирского вокзала были установлены трибуны, на которых разместилось более трех тысяч человек. В почетной ложе находились руководители города, а впереди — офицеры местного гарнизона. Всех, кто имел приглашения на трибуны, любезно встречали юноши-распорядители из числа болгарских юнаков. Провожая гостей на места, они предлагали их

вниманию фотографические карточки с видами различных болгарских городов и отдельными эпизодами состязаний и соколиных игр. Вокруг площади был рассредоточен усиленный наряд полиции, которому едва удавалось сдерживать натиск почти тридцатитысячной толпы одесситов.

Легко и быстро заполнив все пространство Куликова поля, праздник открывала почти полутысячная группа юнаков, исполнив групповые упражнения, называемые сегодня в гимнастике произвольными. Грациозными гармоничными движениями исполнители непрестанно срывали аплодисменты публики. Вслед за ними атлетически сложенные молодые парни показали бои французского бокса. Их сменили борцы, за которыми большая команда соколов с яркими разноцветными флагами наступательно "вплыла" на площадь, демонстрируя безукоризненно синхронные упражнения с пиками и флагами. А дальше пошло и поехало: прыгунов через мост сменяли танцоры, вихрем проносясь в искрометном национальном танце, за ними — силачи, виртуозно размахивая палицами, показывали свое искусство.

Публика просто взрывалась возгласами и аплодисментами, поражаясь легкости и красоте исполнения игр и гимнастических упражнений. За каждым удачным движением чувствовался колоссальный труд. И вот настал кульминационный момент. Под звуки мелкой дроби барабанов буквально в одну минуту сотня болгарских юнаков образовала плотную стену-пирамиду, на вершину которой легко взметнули на руках подростков. Рукоплеская стоя, зрители долго не отпускали болгарскую соколиную гвардию.

Выступление юнаков на Куликовом поле

Оркестр уже по два раза исполнил русский и болгарский гимны, а заполнившие всю площадь юнаки подхватили на руки главнокомандующего барона Каульбарса и с криками "Ура!" пронесли его по рядам. И лишь после того, как все болгарские гости хором исполнили свою национальную песню "Где моя Родина", публика начала расходиться.

Но в тот вечер праздник еще был далек от завершения. Сопровождаемые одесскими дамами, юнаки направились на Думскую площадь, где в их честь был устроен большой раут, званный вечер. Перед зданием Городской думы гостей ожидали десять длинных сервированных столов. Быстро закончилась официальная часть с соответствующими такому случаю речами и тостами, и за праздничными столами установилась непринужденная товарищеская обстановка. Дружественная беседа, прерываемая танцами, затянулась до полуночи. Кто-то играл на инструментах. Каждую песенную мелодию быстро подхватывали все присутствующие, и тогда задушевные песни, наполняя бульвар, неслись вниз к морю.

На следующий день, в понедельник, город распахнул все свои государственные и культурные учреждения, — везде были сердечно рады принять гостей. Одна группа во главе с капитаном Дранковым и прокурором Ловчинского окружного суда П. Митьковым посетила здание одесских судебных установлений. Проведя короткую экскурсию, старший председатель судебной палаты П.Ф. Ощанин и прокурор А.И. Поллан, вероятно, делились каким-то собственным опытом.

Те, кто направился знакомиться с одесской станцией "Скорой помощи", имели возможность наблюдать демонстрационный выезд кареты "скорой помощи на вызов". Инспектор станции доктор Н.А. Тарасов и дежурные врачи показали гостям помещения станции и музей.

Другие юнаки как организованными, так и отдельными разрозненными группами с интересом осматривали одесские достопримечательности: почтамт, биржу, публичную библиотеку, музей и пр. На улицах города царило оживление. Болгарских парней-юнаков в ярких нарядных костюмах одесская публика встречала приветливо: завязывались новые знакомства, беседы и встречи сопровождалась шутками и весельем.

В тот же день болгарские соколы полным составом посетили военные лагеря на Фонтане. По просьбе командования Одесского гарнизона на площади перед церковью Александра Невского они повторили многие свои гимнастические упражнения для военной публики, среди которой присутствовали генералы, офицеры и нижние чины. Здесь настал черед и юнакам прийти в восторг от зажигательной джигитовки, которую искус-

Жетон
в память посещения Одессы
болгарскими юнаками

но продемонстрировали казаки. Заключительным аккордом стал великолепный фейерверк, взметнувший в небо столпы красочных огней. Каждому юнаку на память вручили специально выпущенные в честь такого исторического визита жетоны. А вечером по несколько представителей от каждой корпорации во главе со старостами были приглашены в Александровский парк. В ресторане, украшенном флагами России и Болгарии, состоялся "славянский банкет" по подписке, где почетных гостей приветствовали устроитель вечера присяжный поверенный И.Н. Тюрин и местные славянофилы. И снова гимны и тосты затянулись до позднего вечера.

Следующий день, 8 июля, для болгарских юнаков был последним на одесской земле. Прощание с городом и одесситами было не менее сердечным, чем встреча, и началось оно в Александровском парке у памятника-колонны императору Александру II. К его подножью гости возложили роскошный венок "От болгарских юнаков — царю освободителю Александру II. Июль 1909. Одесса". Оттуда колонна молодых болгар через весь город проследовала на Старое христианское кладбище. Пройдя аккуратными аллеями одесского некрополя, гости плотно расположились у могилы героя русско-турецкой войны генерала Федора Радецкого (1820-1890).

Имя доблестного отважного полководца, героя Шипки, уже долгие годы жило в душе каждого болгарина. "Защитник православия и славянства" — емко и величаво гласила надпись на надгробном памятнике, выполненном известным архитектором и скульптором Владимиром Шервудом (увы, уничтожен, как и само кладбище). В присутствии вдовы генерала Серафимы Петровны Радецкой и ее внучки юнаки возложили к памятнику венок с надписью "От болгар-юнаков — генералу Радецкому". Сбиваясь от волнения, ломский юнак Абоджиев выступил с короткою речью, завершив ее словами: "Дух генерала Радецкого наверное знает о тех чувствах, которыми проникнуты наши сердца, которых мы не в силах выразить словами. Вечная память генералу Радецкому, вечная память всем самоотверженным героям, которые положили свою жизнь за свободу Болгарии". После этих слов вся делегация преклонила колени у надгробия, а присутствовавшие при этом старики-инвалиды, ветераны русско-турецкой

войны, прослезились. В их памяти еще не стерлись эпизоды тяжелых боев при Шипке и Шейново...

...Назначенный командиром 8-го корпуса российской армии, Федор Федорович Радецкий прибыл на Балканы в июне 1877 года. Здесь он возглавил защитников Шипки — невысокого горного перевала на пути из Тырново в Адрианополь, который приобрел громкую известность во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Захваченный русскими войсками Шипкинский перевал с самого начала войны стал неприступной стеной для армии Сулеймана-паши. В течение недели его защитники отражали многочисленные атаки неприятеля, неся при этом большие потери: выбыло почти 3350 бойцов, а у противника — вдвое больше. По окончании жесточайших боев Шипка осталась в руках русской армии и болгарских добровольческих дружин, но оборона ее в дальнейшем затянулась до самого конца 1877 года. Лишь в январе 1878 года турки были разбиты под Шипкой наступавшей армией генерала Радецкого.

Героический подвиг русских и болгарских солдат, защищавших Шипку, навсегда вошел в историю борьбы болгарского народа за независимость. Имена знаменитых героев той войны Скобелева, Гурко, Драгомирова и других навсегда увековечены в Болгарии. Но и после войны Россия не забыла о братской стране — многие учебные заведения империи распахнули свои двери для болгарских студентов.

Тем не менее, после Сан-стефанского договора, по которому Болгарское княжество получило лишь часть своей территории, болгарский народ еще несколько десятилетий вынужден был бороться за окончательное признание своей независимости. Лишь 22 сентября 1908 года было провозглашено независимое Болгарское царство. Одной из первых, кто заявил о признании нового государства, была Россия. А состоявшийся в феврале 1909 года визит болгарского царя Фердинанда I в Петербург положил начало новому этапу во взаимоотношениях братских народов...

Официальные проводы болгарских юнаков проходили в одесском порту. Все пространство в районе Платоновского мола заполнили провожающие: военные, депутация от городского управления, священники, юнкера и большая группа молодежи, частью разместившаяся в лодках. Благословляя в дорогу молодых болгар, священник Николай Чередеев преподнес руководителям делегации икону.

От руководителей города каждому гостю преподнесли памятный ад-

рес с надписью: "Братьям болгарским юнакам на память о пребывании в городе Одессе 3-8 июля 1909 г. От Одесского городского общественного управления, с выражением сердечной благодарности за посещение г. Одессы". Первая страница на развороте адреса была украшена портретами русских императоров и героев освободительной войны 1878-79 гг., а другая — с большим портретом императора Николая II — имела надпись: "Признание независимости Болгарии, 7 апреля 1909 г.". Кроме этого каждый руководитель делегаций болгарских городов получил по экземпляру книги "К столетнему юбилею города Одессы".

РОПиТ обязалось доставить болгарских юнаков на родину, предоставив им два парохода: "Цесаревич" и "Цесаревич Георгий". Первый в два часа дня 8 июля увез часть делегации, преимущественно жителей южных городов, в Бургас. "Цесаревич Георгий" снялся в плавание вечером при звуках российского гимна и криках "Ура!". С берега ответили исполнением болгарского марша, звуки которого потонули в пушечном салюте. Красочная сигнальная ракета, зависшая над портом, угасая, опустилась в кильватерный след уходящего парохода...

Всякое событие со временем отдаляется от нас в область воспоминаний, оставляя лишь короткие яркие эпизоды в нашей памяти. Оставив в Одессе

Пароход Цесаревич Георгий

новых знакомых и друзей, болгарские юнаки увозили с собой в солнечную Болгарию самые теплые впечатления о городе и его жителях, и вероятно, сохранили их на всю жизнь. Да и сама Одесса надолго запомнила необычное пребывание юношей-гимнастов из молодой независимой Болгарии.

Порой не в меру впечатлительные корреспонденты одесских газет и журналисты других изданий. В одном из московских благотворительных журналов — "Братская помощь" — осенью 1909 года появился небольшой рассказ об уже известных нам июльских событиях в Одессе. Что интересно, автором этого повествования стала Надежда Владимировна Желиховская, которая была "душою журнала и вдохновительницей всего дела". Именно так о ней отзывался редактор "Братской помощи" полковник генерального штаба М.С. Галкин.

Энергичная Надежда Владимировна, участливо относившаяся к нуждам солдат и их обездоленных семей, в те годы много и плодотворно трудилась на ниве благотворительности как в Одессе, так и по всей стране. После японской войны она занималась организацией лазаретов для раненых, проведением различных лотерей и выставок, призванных собрать денежные средства в пользу изувеченных солдат. Ее имя стало еще более известным после того, как она в следующем году, осенью 1910-го, вышла замуж за именитого генерала, будущего героя первой мировой войны Алексея Алексеевича Брусилова. Но и после этого она не преставаала заниматься общественной деятельностью.

Так случилось, что журнальная статья Желиховской под названием "Болгарские юнаки в Одессе" попала на глаза одному из тех "соколов", который был участником памятных июльских дней, проведенных в Одессе. Не сдерживая восторга, студент юридического факультета Софийского университета Христо Христов написал письмо Надежде Владимировне. Вот его текст (сохранена орфография оригинала):

"г. София. Болгария

28 сентября 1909 г.

Многоуважаемая М-те Н.В. Желиховская.

Случайно нашел статью писанна Вами в военном журнале: "Братская помощь", под заглавием "Болгарские юнаки в Одессе". — Все писанное Вами было для меня сюрпризом. Оно для меня было счастьем, когда я с воодушевлением читал писанное Вами для болгарских юнаков. Как болгарский юнак

г. София - България - 28 Септември 1909 г.

Многоуважаемая М^{те} Н. В. Желиховская,

Купая нашу статью писанную Вами в венков журнале: „Братский помощъ“ подъ заглавиемъ „Българскіи юнаци въ Одессѣ“ — Все писанное Вами было для меня сюрпризомъ. Оно для меня было счастьемъ, когда я съ восторженнымъ вниманіемъ читалъ писанное Вами для Българскіихъ юнаковъ. Какъ Българскіи юнаки (соколы), и какъ Българскіи студентъ, я не могъ удержатъ свои слезы отъ этой прекрасной статьи, какъ и одновременно воспоминаю себе все воспоминанія съ Одессы.

Любезность и гостеприимство, которые нашли у своихъ соотрѣвѣчъ русскихъ, насъ еще более прязало к нашимъ освободителямъ и учителямъ. Мы, болгарские юнаки, никогда не забудемъ ту блестящую встречу, которую Вы намъ сделали.

Отличный задушевный братскій приемъ, которого мы встретили у Васъ, — *Memento tenemus!*

Впечатленія, с которыми мы уехали изъ братской страны, оставили на насъ неизгладимые воспоминанія в нашихъ молодыхъ и буйныхъ сердцахъ. Прелюбезный русский народъ не в послѣдній разъ доказалъ, что его любовь к намъ, — безпределна.

Прочее, Многоуважаемая М-те, благодарю за внимание, которое Вы оказали намъ какъ болгарские юнаки, не жалея ни труда, ни времени описать наше пребываніе в Одессѣ.

Слава и честь подобнымъ Вамъ!
Кланяюсь!
Остаюсь с глубокимъ уваженіемъ:

Письмо к Желиховской из Болгарии

Хр. Г. Христов, болгарский юнак и студент
Софийского университета".

Спустя полгода госпожа Желиховская получила и второе письмо вместе с уже упоминавшейся книжечкой на болгарском языке. Христо Христов просил извинить его за то, что он, не испросив разрешения, перевел и издал в Болгарии журнальный рассказ Надежды Владимировны. Надпись на подаренной книге гласит:

(сокол), и как болгарский студент, я не мог удержать свои слезы от этой прекрасной статьи, как одновременно проповнять себе все воспоминания с Одессы.

Любезность и гостеприимство, которые нашли у своих собратьев русских, нас еще более прязало к нашим освободителям и учителям. Мы, болгарские юнаки, никогда не забудем ту блестящую встречу, которую Вы нам сделали.

Отличный задушевный братский прием, которого мы встретили у Вас, — *Memento tenemus!*

Впечатления, с которыми мы уехали из братской страны, оставили на нас неизгладимые воспоминания в наших молодых и буйных сердцах. Прелюбезный русский народ не в последний раз доказал, что его любовь к нам, — безпределна.

Прочее, Многоуважаемая М-те, благодарю за внимание, которое Вы оказали нам как болгарские юнаки, не жалея ни труда, ни времени описать наше пребывание в Одессе.

Слава и честь подобным Вам!

Кланяюсь!

Остаюсь с глубоким уважением:

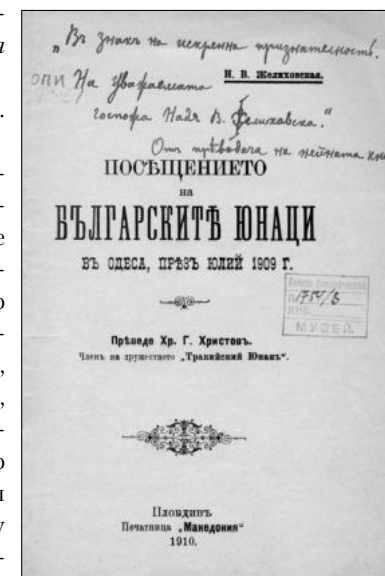
Хр. Г. Христов, болгарский юнак и студент
Софийского университета".

Спустя полгода госпожа Желиховская получила и второе письмо вместе с уже упоминавшейся книжечкой на болгарском языке. Христо Христов просил извинить его за то, что он, не испросив разрешения, перевел и издал в Болгарии журнальный рассказ Надежды Владимировны. Надпись на подаренной книге гласит:

"В знак на искренна признателност. На Уважаемата Госпожа Надя В. Желиховска.

От преводача на нейната книга".

Такова хроника приезда болгарских юнаков в Одессу в начале прошлого века, имевшая продолжение в изданной в Болгарии книге. Наверняка, эту маленькую книжку бережно хранил каждый болгарский сокол, побывавший тогда в Одессе. Понятно, что ни в Болгарии, ни в России, ни у нас в Украине, не осталось в живых ни одного свидетеля того яркого и знаменательного визита. Потому мы и попытались возродить атмосферу дружеского праздника почти столетней давности.

Обложка книги с автографом

Часы с боем

С детства я знал, что принадлежу к старому одесскому роду, что среди моих предков по отцовской (да и по материнской) линии были весьма состоятельные люди...

Но тогда, в 40-50-е годы 20 века, я больше гордился не прадедом — известным ювелиром, а тем, что отец — Давид Израилевич Кохрихт — в первую мировую заслужил Георгиевские награды — два креста и две медали, в двадцатые годы был лихим сыскарем, а затем — одним из руководителей одесской милиции. Он знал Мишку Япончика, служил с Евгением Петровым, громил банды, принимал участие в аресте Майорчика, застрелившего Котовского...

Первый "Георгий" был наградой за спасение полкового командира: во время рукопашной отец заслонил собой офицера, отбил выпад дюжего мадьяра и в ответ пронзил его трехгранным острием своей трехлинейки. Помню, как мы (я — первоклассник) разыгрывали с ним эту боевую сцену, и мой батя лихо демонстрировал приемы штыкового боя... А ведь уже давно был мирным человеком: в самом начале 30-х друг, служивший в ГПУ, посоветовал ему (внуку богача, классово чуждому элементу), уволиться из милиции и затеряться где-нибудь на скромной стезе совслужащего. И хотя в отце не было ничего от Остапа Бендера (прототипа которого — Шора — он знал), пришлось переквалифицироваться в управдомы...

После войны мы жили в коммуналке на Садовой, с удобствами во дворе и печным отоплением (сюда в 1964-м пришла моя жена Таня), но родился я в комфортабельной трехкомнатной квартире в доме № 13 по Софиевской угол Торговой. Отсюда 23 июня 1941 года призвали в Красную Армию отца и старшего брата (сводного — его мать умерла) Абрама. Он только что закончил школу и был прирожденным гуманитарием, писал стихи... После передовой Аба стал курсантом Краснодарского артиллерийского училища, провоевал всю войну, закончив ее в Берлине двадцатидвухлетним капитаном, командиром дивизиона, с ранениями, орденами и медалями.

Но это было позже, а летом 1941-го они пришли на призывной участок, где отца комиссовали вчистую (сказалась контузия на первой мировой), а с братом мы расстались до мая 1945-го.

Тогда в Одессе жило несколько семей Кохрихтов. Уцелела лишь наша, да и то — не вся. Родственники по материнской линии — Ставницеры —

тоже понесли потери, но история этой моей половины (не менее интересная и драматическая) заслуживает отдельного рассказа. Замечу только, что и отец моей матери — Софьи Ефимовны — до революции занимался на Волыни (в Шепетовке) торговлей лесом и стройматериалами. Так что я пацаном (бегая по нужде зимой по ночам в дворовой нужник) был наследником довольно-таки больших состояний.

Любопытно, что кроме семейных преданий у нас не было никаких материальных свидетельств былого достатка и высокого социального положения предков. Все документы на владение магазинами, жильем, складскими помещениями, банковские бумаги были уничтожены родителями, боявшимися обысков, еще в 30-е годы. Если и были какие-никакие фамильные ценности, то их давно израсходовали на самое необходимое. Молодым читателям следует знать, что так же обстояло дело и в других одесских семьях, переживших октябрьский переворот 1917 года, гражданскую войну, красный террор, уплотнения жилплощади, репрессии и т. д. Достаточно сказать, что отец по требованию мамы избавился даже от своих солдатских "Георгиев"... Вполне вероятно, что сегодня они продаются в одном из антикварных магазинов или украшают чью-нибудь коллекцию.

Впрочем, Давид Кохрихт — в отличие от своих предков — не отличался почтением к материальным ценностям и всегда чувствовал себя скорее чужим, чем своим в богатой и снобистской семье деда, Исаака Яковлевича Кохрихта. И на то были свои серьезные причины. Но сначала — о роде Кохрихтов, обосновавшемся в молодом городе в начале 19 века и насчитывающем как минимум пять поколений коренных одесситов. Благодаря тщаниям моих друзей, краеведов Александра Розенбойма и Олега Губаря, с недавнего времени (!) знаю, что мои предки к 50-м годам занимали видное место среди одесских ювелиров, владельцев часовых магазинов, а также занимались не менее почтенным бизнесом — им принадлежали кухмистерские в самых престижных "точках" — в доме Папудова, на Ланжероновском спуске, на Ямской...

Таким образом, есть основания полагать, что Евгений Онегин (если судить по Одесской главе романа) мог пообедать не только у Отона, но и у Кохрихта, и у него же приобрести звонкие часы марки Брегет...

Да и сам Александр Сергеевич, не исключено, что отведал у моего предка фаршированной рыбы или купил приглянувшееся колечко для итальянской певицы. Известно, что Кохрихты абонировали ложу в оперных театрах — старом (сгоревшем) и новом — и могли и встретиться со ссыльным поэтом на премьере...

Семья была эмансипированная, жила с размахом, устаивала приемы. Хотя прадед и был старостой синагоги, его сыновья получили хорошее светское образование и вполне европейское воспитание. Израилю (моему деду) и Исааку предстояло унаследовать большое и прибыльное фамильное дело. Несколько лет назад давний товарищ, архитектор Евгений Оленин, подарил мне копию рекламного объявления, относящегося к 70-м годам 19 века:

**"ДЕПО ЧАСОВ
БРИЛЛИАНТОВЫХ, ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ
ВЕЩЕЙ
И. Я. КОХРИХТА
В ОДЕССЕ**

**Дерибасовская ул., д. Вагнера,
рядом с банкирской конторой И. Грубера
БОЛЬШОЙ ВЫБОР РАЗНОГО РОДА ЧАСОВ
ЗОЛОТЫХ, СЕРЕБРЯН., И БРИЛЛИАНТОВЫХ ИЗДЕЛИЙ"**

Далее — ассортимент, поражающий полнотой и разнообразием драгоценных товаров, поступавших из Москвы, Петербурга, с Кавказа и из дальнего зарубежья, а также — собственного изготовления.

Меня поразило это самое "ДЕПО" (мое поколение знало лишь трамвайно-троллейбусное), свидетельствующее об объемах торговли и ее оборотах. Но ниже основного текста помещалось и дополнение:

**"ОПТОВЫЙ СКЛАД всех товаров в Одессе,
угол Ришельевской и Почтовой, дом Томазини, №№ 2 и 3"**

Мой приятель справедливо заметил, что в ТЕ годы люди были миллионерами, имея склад гвоздей, а здесь — бриллианты...

У семьи было несколько магазинов, главный располагался в доме Вагнера — культовом историческом огромном здании, выходящем сразу на три центральные улицы. Здесь некогда находился Ришельевский лицей (второй в России), здесь жили многие выдающиеся люди...

Большую квартиру на втором этаже дворового флигеля занимали Кохрихты. Отсюда в собственном экипаже ранним летним утром 1893 года выехал на прогулку старший сын главы клана И.Я. Кохрихта — Израиль. Коляска катила по центру города, а затем — по направлению к Лиманам.

На Пересыпи юноша заметил девушку с золотыми распущенными волосами до пят. Приподняв подол юбки из сурового полотна, она месила глину изящными ножками... Как выяснилось, Катя, моя будущая бабушка (увы, не знаю ее полного еврейского имени), готовила сырье для производства кирпичей. Так гласит семейное предание. Далее понадобилось бы перо Бабеля и, уверен, он рассказал бы эту историю значительно лучше, чем я, если бы знал ее. Тем не менее, она достойна многосерийного телефильма.

Вот ее краткое содержание. Молодые люди сразу же полюбили друг друга. Но родители Израиля и слушать не хотели о браке наследника с красивой добродетельной девушкой из бедной семьи. А когда сын все же женился на Кате, прокляли его и отлучили от дома. Молодой Кохрихт показал характер и не сломался, а пошел работать конторщиком в порт, где простудился и вскоре умер, оставив юную вдову без средств к существованию и четырьмя сыновьями. Старшим был мой отец Давид, родившийся в 1894-м. Ранние годы его жизни прошли на Пересыпи, в злыднях, и больше напоминали детство лихого Гаврика, чем внука миллионера. Но тут к его бабке стал во сне являться умерший сын и требовать: "Возьмите к себе Давида и дайте ему достойное воспитание!". Дед сначала и слышать об этом не хотел, но бабка криком кричала — и он сдался...

Где-то лет с восьми отец переменял участь и, подобно Дэвиду Копперфилду, обрел незаслуженно отнятое. Ему выделили отдельную комнату в доме Вагнера, и чтобы подогнать в учебе, наняли учителей по разным предметам и этикету. Нужно ли говорить, как это было невыносимо и не-

ненавистно пацану с Пересыпи! Несколько раз он сбегал к матери и братьям, но его возвращали на Дерибасовскую — под надзор специального воспитателя... С годами он догнал сверстников по школе и до конца жизни был удивительно грамотным и математически одаренным человеком.

Отец рос дерзким и отличался недюжинной силой. Это и помогло ему в 1914-м обмануть чиновников на призывном участке, прибавить себе год (в русскую армию тогда брали с 21-го) и пойти на первую мировую вольноопределяющимся. На Румынский фронт. А ведь должен был ехать совсем в другую сторону! В Бельгию, в коммерческую академию, чтобы, пополнив знания, трудиться в семейном деле, дожидаясь своей доли в немалом дедовском наследстве...

А дальше вы почти все уже знаете. Добавлю следующее. В 1917-м младшего унтер-офицера Давида Кохрихта тяжело контузило разрывом снаряда, и он почти потерял зрение. Как георгиевского кавалера его направили в московский госпиталь на лечение. Столицы отец так тогда (да и потом) не увидел (глаза закрывала повязка) и лишь вспоминал в старости звон церковных колоколов на Воробьевых горах...

В госпитале орудовали большевистские агитаторы, идеи которых сразу же нашли отклик в душе человека, познавшего с детства звериный оскал богатеев, думающих только о сверхприбылях. И никакие подачки с их стороны его не обманули! Острое чувство социального протеста и тягу к справедливому распределению благ, добытых трудовым народом, мой отец пронес через всю свою долгую жизнь. И всю эту жизнь был верен этим идеалам, как правило, во вред своей семье.

Вот лишь один пример — но какой! Вернувшись в 1944-м из эвакуации, мы узнали, что наша квартира на Софиевской занята мародером в высоких чинах, принадлежавшим к известной в городе семье пламенных революционеров, именем одного из которых даже назвали одну из главных площадей Одессы. В 1945-м приехал на побывку брат-артиллерист, которого не пустили на порог квартиры, из которой он ушел на фронт. Аба выпил стакан водки, перевернул затвор "ТТ", но отец схватил его за руку и в последний момент вырвал из нее пистолет...

Они вышли из подворотни дома на Софиевской и пошли вверх по Торговой — на Садовую. В бодеге (забегаловке) у входа на цирковую галерку добавили еще бессарабского вина, и брат заснул на тюфячке, разостланном на полу нашей единственной комнаты в коммуналке № 12 по Садовой, 6. А ведь отец был тогда заместителем начальника горжилуправления и фактически ведал распределением квартир в Одессе.

Вот и выбрал для своей жены и сыновей жилплощадь и прожил в ней до конца своих дней...

Сюда, на Садовую, году в 1946-м приехала из эвакуации семья маминного брата Михаила Ставницера — шестеро детей (моих двоюродных братьев и сестер), их родители, и какое-то время мы жили вместе...

А отцовых родственников — Кохрихтов — практически не осталось в живых после войны. Мои дядя и их семьи погибли — кто на фронте, кто в дни обороны Одессы, кто в гетто. Сколько не искал их следов — так и не нашел...

Известна лишь судьба бабушки Кати. Молодая красавица-вдова больше замуж не выходила, подняла троих сыновей и жила у одного из них, часто бывала в доме у старшего — Давида. Нячила меня, но я ее не помню, знаю только, что рыжиной пошел в бабушку Катю.

Обладала сильным характером, и переубедить ее было невозможно. Ненавидела большевиков (хотя сама была из бедняков и мужниного наследства так и не увидела!) и не верила советской пропаганде. В том числе — и сообщениям о зверствах гитлеровцев, об их ненависти к евреям: в молодости у нее было много друзей-немцев...

Наша семья эвакуировалась из Одессы позже многих — надеялись убедить бабушку Катю. Не смогли. И ушли из города пешком по Николаевской дороге. Меня несли на руках мама и бабушка Песя Ставницер, а тяжело больного отца приютили на каруце (молдавской повозке) добрые люди...

И вновь о доме на Софиевской. В 44-м отец узнал от бывших соседей, что они несколько месяцев прятали бабушку Катю во время облав на евреев. Лютой зимой 1941 года ее выдал дворник. Румынские солдаты, коченые на морозе, хотели отпустить старушку, хорошо говорившую по-немецки, но местные полицаи облили ее водой и она, превратившись в ледяной столб, стояла до ночи на углу Торговой и Софиевской...

По удивительному и страшному совпадению в это же время от рук фашистов погибла и ее золовка (жена мужниного брата). Блестящая светская красавица Софья Сиротина вышла замуж за прагматика Якова Кохрихта в конце 19-го века, в то же время, что и работница кирпичной мастерской Катя — за романтика Израиля. Обе четы обрели старших сыновей в один год — 1894-й. Израиль родил Давида, Яков — Исаака.

После отлучения и смерти старшего сына глава клана сделал основным наследником младшего, передав ему, в частности, магазин в "Пассаже" (вход с Дерибасовской). Он пользовался большим спросом у одесситов, сотрудничал с Фаберже, представлял фирму на Всероссийской промыш-

ленной выставке 1810 года (в Александровском парке), о чем рассказывается в книгах А. Розенбойма и О. Губаря. Они пишут и о том, что к началу первой мировой Яков Кохрихт создал и выпускал (одним из первых в России) специальные водонепроницаемые часы для господ офицеров.

Любопытно, подарил ли он такие часы своему племяннику — унтер-офицеру Давиду?.. Знаю, что вернувшись в Одессу в 1918 году, мой папаша (в шинели с красным бантом и в черных очках на больных глазах) первым делом запустил булыжником в хрустальную витрину магазина своей тетки Софьи — к тому времени после смерти мужа она владела магазином...

Это был окончательный разрыв с семьей и классово чуждыми родственниками.

В Окаянные дни богатые и знаменитые Кохрихты покинули Одессу. Софья уехала с сыном Израилем сначала в Германию, а затем — во Францию. У нее там были и магазины, и ателье, и салоны красоты, но постепенно она многого лишилась, хотя семья Кохрихтов жила в Париже в достатке. В 1926 году у Израиля родилась дочка Тамара, а у моего отца в Одессе в 1923-м — сын Абрам. Затем, перед войной, и я — поздний сын от второго брака.

Ни мои родители, ни тем более я ничего не знали об этой ветви нашего рода. Переписка, да и то редкая, оборвалась еще в 30-е годы. И лишь в 2005 году (когда уже не было в живых папы, мамы, брата) я узнал, что у меня в Париже есть двоюродная сестра Тамара. Она тоже ничего не ведала об одесских родственниках, но хорошо знала историю рода Кохрихтов и даже имела адреса домов, принадлежавших семье, и магазина в "Пассаже". В 2004 году 78 лет от роду Тамара на борту круизного лайнера посетила город своих предков...

Мы могли тогда встретиться, но ничего не знали друг о друге, а вскоре Тамара набрела в интернете на сайт Всемирного клуба одесситов и узнала, что некий Феликс Кохрихт (фамилия очень редкая) является редактором альманаха "Дерибасовская — Ришельевская". Обменявшись электронными письмами, установили кровное родство!

От Тамары я узнал, что ее бабушку Софью Кохрихт гестаповцы схватили в Париже зимой 1941 года и отправили в Освенцим, откуда она не вернулась. Дед и семья отца чудом спаслись... После войны Тамара уехала в Палестину и стала одной из первых кибуцниц, а спустя годы вернулась в Париж. По ее просьбе я начал поиски документов, касающихся ее бабушки и дедушки, но внезапно переписка наша оборвалась... Не суждено оказалось увидеться отпрыскам двух ветвей старого одесского рода...

А теперь — о заголовке этих заметок. Напомню, что практически всю жизнь я не имел никаких материальных, вещественных доказательств деятельности нашего ювелирного и часового рода. Лишь года два назад сотрудница жены подарила нам вилку с клеймом фирмы, да я случайно купил у антиквара маленькую катонную коробочку от кольца со своей фамилией на крышечке.

И вот в начале нынешнего года супруги Аня Голубовская и Игорь Коваленко вывели меня на человека, продававшего старинные каминные часы с боем, на циферблате которых значится по-немецки: "J. Kochricht. Odessa".

Теперь они у меня — неподъемные, с корпусом из черного камня, украшенным бронзовой скульптурной группой: дети, тянущие из воды тонкую сеть...

Подробная атрибуция еще предстит, но уже сегодня ясно следующее. Часы эти изготовили в Одессе по индивидуальному заказу мастера фирмы Кохрихт. Механизм — французский, с медалью, полученной в середине 19 века. Искусный мастер Алексей Ревич дал часам вторую жизнь, и они отбивают ей ход удивительно мелодично и тактично...

Удивительная деталь! Я забирал часы из Аниной галереи "Либерти", что на Ланжероновской. Напротив — издавна и всегда заколоченная калитка во двор дома Вагнера. В тот день она чудесным образом была приоткрыта, и был виден двор, откуда много лет назад выехала коляска, на которой молодой наследник богатого и знаменитого рода отправился навстречу своей судьбе...

История открытки

Куда по выходным ходит добропорядочный одессит? Вы не поверите, но он ходит на Староконный рынок. Иногда с семьей, иногда втайне от семьи, а иногда с ее разрешения. Зачем он туда ходит, объяснить невозможно. В этом месте слилось прошлое — оно осязаемо, настоящее в виде болтов, импортной строительной утвари, и будущее — дети, которые покупают золотых рыбок, кланчат у родителей хомячков и морских свинок. И если вам захочется ощутить время — сходите на Староконку.

Попалась мне на Староконке одна, на первый взгляд, ничем не примечательная старая фотооткрытка. Купил ее просто так, чтоб была. И лежала бы она неизвестно сколько. Но привлек сначала адресат, потом адресант и, наконец, изображенные на ней. И поднялся целый пласт нашей культуры, истории, неразрывно связанной с Одессой. Ну, а теперь обо всем по порядку.

На открытке стоял штамп: "Кодинцево Херс. г. — 15 14", Антоново-Кодинцево Херсонской губернии Одесского уезда, теперь Коминтерновское Коминтерновского района Одесской области. Ранее называлось Колмогорово.

1 мая 1914 года. До войны осталось совсем немного.

Адресат: Adresse Russie, Odessa. Почта Ант.-Кодинцева деревня Степановка Херсонск. губ. Одесск. уезд. Владимиру Осиповичу Вербаховскому.

25 апреля. Париж.

Володя, сегодня уезжаю на лечение в Докс. Грязи мне важны.

Письмо твое от 19 апр. получил. Гале.....

Уже сделал в 9 дней 8 промываний, но она устала и после 10-ой хочет отдохнуть.

Можешь себе представить, как я рад ехать в этот Докс ...более, что пропускаю у Дягилева балет Штрауса "Пентофрия", роль которой исполняет Маруся.

Уже все кричат об этом: знам. певица в балете! Положим, роль мимичная, танцев нет.

Гала себя чувствует хорошо. Я все хромаю и долго ходить трудно; ходишь больше на пятке и полступни, что очень утомляет.

По приезду в Докс сообщу тебе адрес.

Как мои собаки?

До свидания

Н. К.

Russia, Odessa

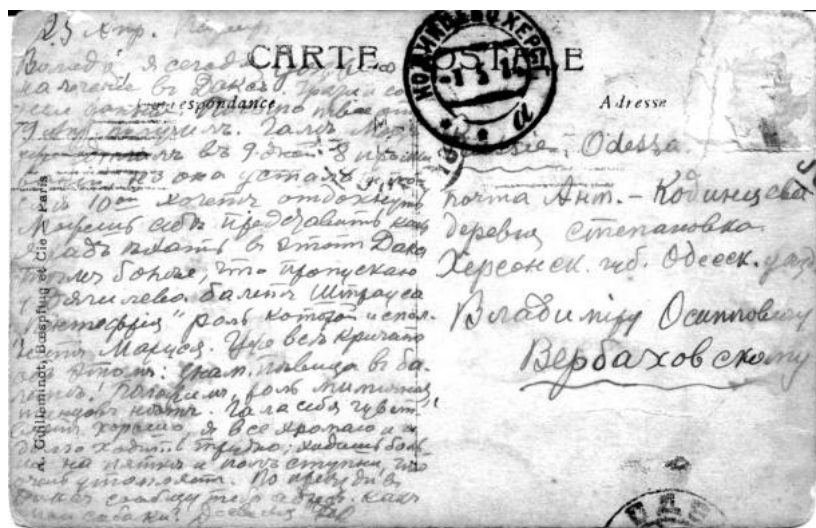
Почта Ант.-Кодинцева

Деревня Степановка

Херсонск. губ. Одесск. уезд.

Владимиру Осиповичу Вербаховскому

И тут все прояснилось — Париж, Дягилев, Маруся, Штраус, "Пентофрия", Гала, деревня Степановка, Н. К., В.О. Вербаховский... Не

слишком много Марусь из Степановки могли принимать участие в балетах Дягилева.

— **Н. К.**

Автор письма — Николай Дмитриевич Кузнецов (1850-1929), одессит, академик живописи, художник-передвижник с мировой известностью, один из основателей Товарищества южнорусских художников (ТЮРХ), участник всемирных выставок и салонов, владелец поместья и художественной галереи в Одессе, дворянин, коллекционер, атлет, спортсмен, кавалер ордена Почетного Легиона, отец знаменитой певицы М.Н. Кузнецовой-Бенуа.

— **Антоново Кординцево**

Село Кординцево (Колмогорово) Севериновского округа Кординцевской волости. 2-го ст. церковь каменная, построенная в 1818 году помещиком капитаном Колмогоровым, однопрестольная во имя св. великомученицы Варвары. От Одессы 42 версты. (Справочная книга Херсонской епархии. Одесса, 1906, тип. Фесенко. Изд. Херсонской духовной консистории, с. 60.)

— **Деревня Степановка**

Степановка, 6 верст [от Антоново Кординцево] 10 1/2 дворов. Прихожан муж. 42, женщин 46. (Справочная книга Херсонской епархии. Одесса, 1906, тип. Фесенко. Изд. Херсонской духовной консистории, с. 60.)

...В селе Степановка родился Н.Д. Кузнецов (1850-1929) — талантливый украинский художник, академик. (Історія міст і сіл УРСР. Одеська область, с. 563.)

— **Володя**

Вербаховский Владимир Осипович. Родился 20.05.1875 в с. Степановка Херсонской губернии Одесского уезда, умер 13.04.1948, хутор Конный Коминтерновского района Одесской области. Живописец-пейзажист. Родился в семье работника в имении Кузнецовых. Учился у Н.Д. Кузнецова, затем в ОРШ (1894-1897). До 1909 г. работал в мастерской Н.Д. Кузнецова. В 1914 призван в армию. Служил в чине прапорщика. С 1920-х гг. был художником-оформителем и преподавал в школах Коминтерновского района Одесской области. Член ТЮРХ с 1905 года.

— **Гала**

"Мать [Анна Григорьевна] ее [Маруси] — прекрасный, доброй души

человек, пришла к Кузнецову на летние и огородные работы "наймыткой" в партии с другими работницами. Красивая девушка — в паневе, в цветастом хохлатском крестьянском наряде — понравилась Николаю Дмитриевичу. Он влюбился в нее, и домой она уже не вернулась, а осталась у него. Она оказалась способной, умной, прекрасной хозяйкой. Он научил ее грамоте. Они поженились, когда у них было уже трое детей: Маруся и двое младших Кузнецовым были узаконены. Став барыней, Кузнецова с природным тактом сумела держать себя в обществе и осталась навсегда милой и доброй Галей — так звали гостеприимную хозяйку и мастерицу чудесных наливок". (Л.О. Пастернак. Записи разных лет. М., Советский художник, 1975.)

Свидетельство

По указу его императорского величества Херсонская духовная консистория на основании определения состоявшегося в сей консистории 3-го декабря 1913, надлежащею подписью, с приложением казенной печати, удостоверяет, что в шнуровой метрической книге Единоверческой Успенской церкви города Одессы Херсонской епархии за 1888-й год, в архиве консис-

В Степановке. 1913 год

Слева направо: В.О. Вербаховский, В.П. Гроссул-Толстой, Л.Н. Гроссул-Толстая (Кузнецова), дочь Н. Д. с сыном Михаилом, Б.Я. Вербаховская, Н.Д. Кузнецов, А.Г. Кузнецова с внучкой Людмилой, Маричка. Фото предоставлено Государственным музеем театрального и музыкального искусства СПб. Публикуется впервые

М.Н. Кузнецова-Бенуа
Н.Д. Кузнецов. Х/м, 218х113
Государственный музей театрального
и музыкального искусства СПб

(РГИА, фонд 1343, опись 36, ед. хр. 13139, с. 6. Правительствующего Сената Департамента герольдии дело о дворянстве Кузнецовых 1914 г.)

— Докс

В путеводителях того времени город Доксы описывается как северочешский озерный курорт, находящийся в 70 км в северную сторону от Праги, на берегу Махова озера (300 гектаров водной глади среди зеленых холмов). В 1906 году в Доксах был создан так называемый "городской курорт". Сначала этим курортом пользовались местные жители, а в 20-30-е

тории хранящейся, состоит в записи во 2-й части, о бракосочетавшихся, с стат. под № 16, акт следующего содержания: "тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, пятого февраля обвенчаны: жених дворянин Одесского уезда Николай Димитриев Кузнецов, православный, первым браком, 37 лет. Невеста девица, причисляющаяся в одесские мещане, дочь отставного унтер-офицера, Анна Георгиева Проценко, православная. 27 лет. Поручителями были: по женихе — доктор медицины Сергей Николаев Колачевский и доктор Николай Сергеев Писаревский. По невесте — доктор Петр Иоаннов Лашин и художник Кирияк Константинов Констанди. Таинство брака совершал священник Василий Силин с дьяконом Иоакимом Кульчицким и псаломщиком Елисеем Запорожченко. Гербовый сбор уплачен.

г. Одесса, 1913 года декабря 4 дня.
Член консистории свящ. (подпись).
Секретарь (подпись).
И. об. столоначальника (подпись).
(М. Н.)

С подлинным верно:
Секретарь дворянства Волчащев

годы сюда начинают приезжать со всей страны. В лечебницах, расположенных на берегу озера, использовали торф из близлежащих болот, с которым проводились ванны процедуры.

— Н. Д. страдал от недуга

Н.А. Александров во "Всемирных иллюстрациях" за 1894 г. описывает:

"Не так давно Н.Д. Кузнецов был здоровый, коренастый, среднего роста, румяный брюнет". Но однажды, "хвалясь перед братом и знакомыми, он, держа на плечах двух человек, поднял лежавшую на земле тридцатидвухпудовую бабу (32 пуда — это 512 кг. — С. С.) и повредил коленные связки. Временами он не мог самостоятельно передвигаться — работать приходилось сидя..."

Он лечился в различных курортах и лечебницах, которые можно отследить по его картинам — Карлсбад, грязелечебное заведение в Саках, в окрестностях Цхалтубо; по портретам врачей: сакский доктор Миннят [Е. П.], доктор Вдовиковский, доктор А.М. Ерузальский, профессор А.Х. Ринека. Заметьте, из четырех поручителей при бракосочетании Кузнецова трое были доктора медицины — и всего один художник.

Усадьба (Перед грозой). Н.Д. Кузнецов. 1890. К. пастель, 29х49
Одесский художественный музей

— **Дягилев,**

Сергей Павлович (1872-1929), российский театральный и художественный деятель. Вместе с А.Н. Бенуа создал художественное объединение "Мир искусства", соредатор одноименного журнала. Организатор выставок русского искусства, исторических русских концертов, "Русских сезонов" (с 1907) за границей. Создал труппу "Русские балеты Дягилева" (1911-1929).

— **Балет Штрауса "Пентофрия"**

Одноактный балет Рихарда Штрауса и Гуго фон Гофманстала "Легенда об Иосифе Прекрасном", созданный в 1914 году для антрепризы Сергея Дягилева. Первое представление состоялось 14 мая 1914 года в театре "Grand Opera", Париж. Дирижер Рихард Штраус, балетмейстер Михаил Фокин, художники Хозе-Мария Серт и Леон Бакст, главные исполнители — Тамара Карсавина (жена Потифара) и Леонид Мясин (Иосиф). Для Мясина это было первое выступление в качестве танцовщика. М.Н. Кузнецова выступила в нем как балерина.

(Эрнст Краузе. Рихард Штраус. Образ и творчество. М., 1961, с. 580.)

— **Маруся**

Мария... Заглянув в "Отечественные певцы 1750-1917" А.М. Пружанского, читатель может узнать, что Кузнецова-Бенуа (урожд. Кузнецова; по первому мужу Бенуа, по второму — Карепанова, по третьему — Массне), Мария Николаевна (1880, Одесса — 26.4.1966, Париж) — артистка оперы (лирическое сопрано), камерная певица и балерина. Дочь художника П.Д. Кузнецова, племянница И.И. Мечникова, жена банкира А. Массне (племянника композитора Ж. Массне).

С детских лет росла в атмосфере, близкой к искусству. В доме родителей бывали Чайковский, Римский-Корсаков. Пению обучалась в Петербурге сначала у итальянского педагога Марти, затем у И. Тартакова. На оперной сцене дебютировала в 1904 в Петербурге (антр. А. Церетели).

Солистка петербургского Мариинского театра. Гастролировала в Москве, Петрограде, Харькове, Париже, Лондоне ("Русские сезоны" С. Дягилева), Монте-Карло, Ницце, Нью-Йорке, Чикаго, Италии, Испании, Южной Америке, Японии. В 1917 уехала в Швецию, затем жила в Париже. В 1919 — солистка Стокгольмского и Копенгагенского оперных театров, в 1920 пела в лондонском театре "Ковент-Гарден". В 1921 году снялась в фильме Жака Борочелли "Champi Tortu". В 1922 в Париже ор-

ганизовала театр миниатюр под художественным руководством Л. Бакста, в 1929-33 выступала в составе организованной ею в Париже Русской частной оперы, в составе которой гастролировала в Мадриде, Барселоне, Милане, Буэнос-Айресе. В среде звукозаписывающих фирм имела свою марку "Maria Records".

Она обладала гибким, ровным, сильным голосом широкого диапазона, актерским дарованием и темпераментом, имела яркую сценическую внешность. Ее исполнения отличались выразительностью и тщательностью разработки пластического рисунка. Стремясь к достижению вокально-сценического единства образа, готовила партии под руководством драматических режиссеров.

Между тем Кузнецова-Бенуа не просто солистка и родственница, а эталон изыска и шика, не столько живая женщина, сколько "символ". Вот как описывает ее Вл. Пяст: "У Головина позировали иногда по утрам... На портрет Шаляпина в роли Годунова мне случалось только любоваться, — а быть свидетелем самих сеансов не довелось. Но при мне в уютной качалке расположилась однажды знаменитая тогда М.Н. Кузнецова-Бенуа... Была, конечно, с модною тогда микроскопическою собакой на руках. Была в изумительно прозрачном утреннем наряде, с длиннейшими рукавами, в каких-то сверхбезукоризненных лакировках с острейшими концами и бесконечной величины каблучками на ногах. Производила впечатление явления из какого-то другого (впрочем, совершенно реального) мира".

— **Альфред Массне**

На фотографии рядом с Марией Николаевной Кузнецовой — ее муж, Альфред Массне. В 1915 году Кузнецова выходит замуж за французского гражданина...

— **Историческая опера**

...Это первый спектакль антрепризы М. Кузнецовой, вышедшей замуж за очень богатого старичка, племянника Массне...

(Письмо Сомова К.А к А.А. Михайловой. Париж, 29 января 1929 г.
Константин Андреевич Сомов. "Мир Художника".)

— **Собаки**

Собаки — одна из страстей Н. Д. Вот далеко не полный список картин, находящихся в различных собраниях, на которых они изображены: "Объезд владений" (1879), "В отпуск" (1882), "Охотник из дворовых" (1882),

"Охота на вальдшнепов" (1886), "Ремонтер" (1885), "Прогулка в деревне" (1885), "Портрет Лели Рукавишниковой" (1887), "Мировой посредник" (1888), "После обеда" (1888), "Прерванный завтрак" (1890), "Самовольные охотники" (1893), "Пойнтер" (1903), "Побеждай. Этюд борзой собаки из псарни имп. Охоты" (1909), "Этюд собаки" (1916). Будучи занятым охотником, он хорошо разбирался в собаках. На многих любительских фотографиях, связанных с Н. Д., присутствуют четвероногие любимцы. Тут можно вспомнить портрет Н. Д. работы И. Бразы, выставившийся на выставке ТЮРХ, где собаке тоже отведено место. На фотографии собака на руках у М. Н. — скорее дань моде, чем любовь к ним, передавшаяся по наследству.

Запах Одессы

Особенный город

"Существует рассеянное по всему миру сообщество людей (...), объединенных восхищением городом, который носит имя Одесса. Реальный ли это город или только миф, питающий воображение?" Таким вопросом задается Сандрина Треине, составитель сборника "Запах Одессы"*.

Зараженная нашей домашней бациллой любви к родному нам городу, автор привлекает в качестве свидетелей великого прошлого Одессы писателей, по произведениям которых далекий город на Черном море стал ей близок. Будучи иностранкой ("неодесситкой"), Сандрина Треине позволяет французскому читателю увидеть "Александрию на Черном море", легендарную Одессу, которая в отличие от города на Ниле является городом европейским.

В сборнике представлены отрывки из произведений писателей, которых объединяет тема Одессы, и путевые заметки гостей города, посетивших его в период уникального расцвета или временного застоя.

Реализованной мечтой об идеальном городе века Просвещения называет Одессу Мари-Поль Виаль в первом из отобранных литературных текстов сборника**. Чудесная история возникновения Одессы, ее свет, аромат, архитектура и силуэты... составляют магию города, который всегда притягивал (позволю себе добавить: и выращивал) талантливых людей. В этом и состоит исключительность Одессы. Если есть города, которые обладают магией мест, способствующих творчеству, то Одесса должна быть в их числе. Виаль приглашает французского читателя разделить с ней восхищение городом, "перенесенным с плана Екатерины на границу между морем и степью". Юная Одесса стала "городом особенным".

Мари-Поль Виаль подчеркивает, что первое литературное описание Одессы сделано ее земляком, марсельским коммерсантом Шарлем Сикаром в изданных в 1812 году в Санкт-Петербурге "Письмах об Одессе". Да-

* Sandrine Treiner, "Le Goût d'Odessa", изд. Mercure de France, 2005.

Сборник литературных произведений, вступление и комментарии составителя. Сандрина Треине — журналистка, историк, художественный редактор канала France3. Ранее в серии уже появились "Le Goût de Paris" и "Le Goût de Saint-Petersbourg"...

** Marie-Paule Vial, "Histoire d'une ville singulière" (каталог выставки "La mémoire d'Odessa", изд. Hatier, 1989). Мари-Поль Виаль — хранитель Марсельского музея изящных искусств.

"Охота на вальдшнепов" (1886), "Ремонтер" (1885), "Прогулка в деревне" (1885), "Портрет Лели Рукавишниковой" (1887), "Мировой посредник" (1888), "После обеда" (1888), "Прерванный завтрак" (1890), "Самовольные охотники" (1893), "Пойнтер" (1903), "Побеждай. Этюд борзой собаки из псарни имп. Охоты" (1909), "Этюды собаки" (1916). Будучи завзятым охотником, он хорошо разбирался в собаках. На многих любительских фотографиях, связанных с Н. Д., присутствуют четвероногие любимцы. Тут можно вспомнить портрет Н. Д. работы И. Бразы, выставившийся на выставке ТЮРХ, где собаке тоже отведено место. На фотографии собака на руках у М. Н. — скорее дань моде, чем любовь к ним, передавшаяся по наследству.

Запах Одессы

Особенный город

"Существует рассеянное по всему миру сообщество людей (...), объединенных восхищением городом, который носит имя Одесса. Реальный ли это город или только миф, питающий воображение?" Таким вопросом задается Сандрина Треине, составитель сборника "Запах Одессы"*.

Зараженная нашей домашней бациллой любви к родному нам городу, автор привлекает в качестве свидетелей великого прошлого Одессы писателей, по произведениям которых далекий город на Черном море стал ей близок. Будучи иностранкой ("неодесситкой"), Сандрина Треине позволяет французскому читателю увидеть "Александрию на Черном море", легендарную Одессу, которая в отличие от города на Ниле является городом европейским.

В сборнике представлены отрывки из произведений писателей, которых объединяет тема Одессы, и путевые заметки гостей города, посетивших его в период уникального расцвета или временного застоя.

Реализованной мечтой об идеальном городе века Просвещения называет Одессу Мари-Поль Виаль в первом из отобранных литературных текстов сборника**. Чудесная история возникновения Одессы, ее свет, аромат, архитектура и силуэты... составляют магию города, который всегда притягивал (позволю себе добавить: и выращивал) талантливых людей. В этом и состоит исключительность Одессы. Если есть города, которые обладают магией мест, способствующих творчеству, то Одесса должна быть в их числе. Виаль приглашает французского читателя разделить с ней восхищение городом, "перенесенным с плана Екатерины на границу между морем и степью". Юная Одесса стала "городом особенным".

Мари-Поль Виаль подчеркивает, что первое литературное описание Одессы сделано ее земляком, марсельским коммерсантом Шарлем Сикаром в изданных в 1812 году в Санкт-Петербурге "Письмах об Одессе". Да-

* Sandrine Treiner, "Le Goût d'Odessa", изд. Mercure de France, 2005.

Сборник литературных произведений, вступление и комментарии составителя. Сандрина Треине — журналистка, историк, художественный редактор канала France3. Ранее в серии уже появились "Le Goût de Paris" и "Le Goût de Saint-Petersbourg"...

** Marie-Paule Vial, "Histoire d'une ville singulière" (каталог выставки "La mémoire d'Odessa", изд. Hatier, 1989). Мари-Поль Виаль — хранитель Марсельского музея изящных искусств.

же при наличии тесных связей Одессы с крупными торговыми портами Средиземноморья, в отношениях с Марселем всегда существовала "почтительная близость" (если не сказать "родство").

Одна из глав сборника названа "Француз в Одессе" и посвящена почти вековой службе России Луи Дронна и его потомков (Morice Dronn "L'aventure de Louis Dronn et de ses descendants"). Слава Одессы как "края изобилия" уже пересекла Европу. Первым из семьи Дронн в 1839 году Луи решил устроиться в городе, о котором рассказывали чудеса вернувшиеся оттуда моряки и коммерсанты, называя Одессу "Восточным Марселем". В этом "особенном городе" иностранцев привлекали не только отсутствие пошлин при складировании товаров (до полутора лет!), но и космополитическая атмосфера и, что характерно, красота города.

Магазин Луи Дронна, портного и продавца готовой одежды, находился в № 9 по Дерибасовской, "самой красивой артерии города". Это было совсем рядом с Ришельевским лицеем (под № 16), в котором обучение велось на французском языке. Подчеркивается, что лицеистами были дети деловых людей всех национальностей (включая и русских), а также обедневшие потомки солдат и офицеров армии Кондэ (первая контрреволюционная армия, сформированная в 1792 году принцем де Кондэ из французских эмигрантов. — М. О.).

Уже в середине XIX века Одесса обладала большим притяжением для русских дам, которые находили в освобожденных от таможенных сборов портовых магазинах "универсальное средство для удовлетворения своих фантазий в туалетах, разорительных в Санкт-Петербурге, — писал путешествовавший по "степям России" Эль Адель (Hell Adele). — Одесса — это их Париж".

Еlegantность одесситок отмечает и Алексей Толстой. Сандрина Треинне выбрала цитату, наверное, наиболее понятную ее землякам: "Это не женщины, — говорит герой "Ибикуса", — это романс!". А сценой, декорацией такому "романсу" служит Одесса периода гражданской войны. "Как прекрасна Дерибасовская в четыре часа пополудни, когда мартовский влажный воздух дует с моря!" Алексей Толстой населяет центральную улицу города царскими генералами, на золотых эполетах которых отсвечивает солнце худыми англицированными петербургскими дамами и одесситками, этими "русскими парижанками".

Жаль, что описание местных красавиц, увиденных в современной Одессе Сандриной Треинне, не соответствует известному и во Франции очарованию одесситок — "лица их замкнуты и тело не выражает никакой чувствен-

ности" ... Какой контраст с тем, что мы с вами чувствуем и знаем! А молодые люди в черных костюмах, "с повадками гангстеров" у входов в магазины люкс и казино и большие автомобили даже на пешеходных улицах рискуют остаться одним из определяющих образов, увезенных автором из Одессы.

Несколько статей сборника взяты из путеводителя "Odessa"*, которому поручено представить во Франции чудесную историю создания и расцвета города, происхождение его имени, так отличающегося от других городов Империи, многочисленные поэтические легенды и археологические факты, неоспоримые и незаслуженно столько лет не востребуемые лечебные качества одесских лиманов. Все точно, хорошо нам известно — "Особенный город".

Даже высказывания Льва Троцкого, называвшего Одессу в повести "Моя жизнь" культурным центром Юга России, а одесскую тюрьму "идеалом" (еще бы, по сравнению с тюрьмами Николаева и Херсона!), используются составителем для создания образа Одессы как города "особенного".

Этот особенный город правильно отождествляется со множеством столиц — и столица Юга, и столица вольнолюбия... а ежегодные Юморины подтверждают право Одессы предстать перед французским читателем и столицей юмора. Да что еще ожидать от города, в котором шутки не сочиняют, как говорит классик, — их записывают.

Свидетели Золотого века Одессы

Есть, пожалуй, немного городов, которые были бы так же, как Одесса, единогласно любимы посетившими ее большими писателями, нашедшими в городе дух гостеприимства и атмосферу для творчества.

Имя Пушкина открывает ряд имен, которым доверено представить литературную легенду Одессы. Улица, бюст, гордо отвернувшийся от мэрии, новый памятник у "своего" музея — дух Александра Сергеевича в Одессе, как у себя дома... Если послушать восторженных сотрудников Пушкинского музея об одесском периоде Поэта, то Он здешний, полностью и навсегда. Пушкин и для французов одно из главных доказательств романтического образа Одессы, родоначальник создателей литературного мифа города. Скорее это магия имени, ибо французский перевод "одесской" главы "Евгения Онегина", приведенный в сборнике, такой поэтической магии лишен**. Перевод фабулы, содержания, но не поэзия.

* Guide "Odessa", фр. язык. Составитель Г. Кононова. Изд. "Радуга", 1984.

** Перевод с русского Jean-Luis Backès. Изд. "Gallimard", 1996.

Французский читатель должен просто поверить, что "...Но поздно. Тихо спит Одесса / И бездыханна и тепла / Немая ночь. Луна взошла, / Прозрачно-легкая завеса / Объемлет небо. Все молчит. / Лишь море Черное шумит...".

Образ в "Гамбринусе" Куприна или бессмертная декорация восстания в фильме Эйзенштейна — Одесса принимала все новые художественные тенденции. Свободный город, убежище писателей, художников и поэтов.

Марк Твен удостоил Одессу середины XIX века восхищенным лестным описанием. "Городской утопией" называет он Одессу в "Пикнике в Старом Свете". Утопией, близкой великим мечтателям века Просвещения. "Одесса напоминает американские города, — пишет Марк Твен, — красивые, широкие прямые улицы, низкие новые двухэтажные дома, магазины, полные покупателей и заморских товаров. Люди ходят быстро. Ничто не напоминает, что мы в России..." Сравнение Одессы с американскими городами позволяет подумать о том, что для американца наш город был американским, для итальянцев — итальянским, еврейским для евреев...

Как зеркало, Одесса отражает каждого внимательного посетителя!

Символом экономического процветания появляется Одесса в финальной сцене романа "Отец Горио". Бальзак вложил в уста умирающего Горио слова о его желании уехать в Одессу, чтобы "сделать" состояние для столь обожаемых им дочерей.

Любовный роман самого Оноре де Бальзака начинается загадочным письмом, подписанным "Незнакомка" и отправленным 28 февраля 1832 из... Одессы, которая к тому времени уже вошла в элитарный (как сказали бы теперь), избранный клуб романтических городов.

"Айзенштайн!"

Если кто-нибудь ничего не знает об Одессе, он знает все же одно: Лестницу.

В далеком уже 1990 году, когда в Одессе проходила выставка известного французского художника Жерара Тона, мы направились с ним по обязательному маршруту знакомства с городом. И вот у Дюка, увидев Лестницу, Жерар вдруг восторженно стал в боевую позу с воображаемой винтовкой наперевес и с криком "Айзенштайн!" стал в ритме солдат царской армии спускаться по гранитным ступеням... О фильме Эйзенштейна, главной визитной карточке Одессы в западном мире, говорится во многих текстах сборника, а одна из глав дает слово самому режиссеру. "В искусст-

ве все средства пригодны, кроме тех, которые не ведут к цели". Цель у "беспартийного большевика" (похвала Сталина) была революционная, а получилось: один лишь фильм — и Потемкинская лестница входит в мировую легенду, для которой неважно, что события 1905 года проходили не на Лестнице (как прекрасно и тревожно написано об этом Жаботинским в романе "Пятеро"!).

А вот "ужасного вида гостиница", построенная на причале порта, стала оскорблением перспективе Эйзенштейна, настоящим вызовом рафинированной архитектуре исторического центра города. "Но одесситы улыбаются, — пишет Треине, — однажды эту гостиницу мы разрушим".

"Выцветшие образы исчезнувшего мира"

По распространенному во Франции мнению, которое отражает в своих комментариях составитель, Одесса сегодня — это, прежде всего, миф, появляющийся из альбома старых черно-белых фотографий. Остановившиеся башенные часы, хранящие прошедшее время.

В резюме книжки, вынесенном на последнюю страницу обложки, утверждается, что "трудно думать об Одессе в настоящем времени". Хотя Город и сумел сохранить "некоторую мягкость жизни", он все же записан в прошлое, во времена, ушедшие безвозвратно.

Несмотря на приведенные высказывания, спрятать Одессу на полку книг со старыми мифами нельзя. Сегодняшняя Одесса, бесконечно привлекательная не только для нас, ее детей, вполне способна соблазнить и очаровать своих гостей и не омрачить эмоций, рождаемых звучанием музыкального имени города: О-ДЕ-ССА.

Когда впервые после 15-летнего отсутствия мне посчастливилось посетить Одессу, я поразился богатством культурной жизни Города. За две недели мы смогли побывать на Джазовом карнавале, на Конкурсе скрипачей имени Ойстраха, на открытии выставки Адольфа Лозы в музее на Пушкинской, на презентации книги документов "Одесса в годы оккупации" в Литературном музее, не говоря уже о филармонических концертах, спектаклях, художественных галереях, вновь ожившей городской скульптуре... В синагоге на Осипова царил Кол Нидре. А рядом со мной были не только, как я, евреи Судного Дня, но, в основном, просто Евреи. Те же обычаи, молитвенники, та же с благоговением выносимая Тора, как и в синагогах всего мира. Молили о записи в Книгу Жизни на иврите или по-русски. Б-г понимает все языки.

Сейчас Город еще несколько растрепан, но это не лишило его всегда присутствовавшего средиземноморского шарма, не отразилось на его "чувствительной и поэтической душе" (выражение Александра де Рибаса).

Нужно сказать, что отбор комментируемых в сборнике текстов не всегда понятен. В книге, озаглавленной "Запах Одессы", естественно увидеть Бабеля, Катаева, Ильфа и Петрова, Бунина.

Но вот не нашлось места для Жаботинского, Олеси, Власа Дорошевича, Якова Полонского, Багрицкого, Веры Инбер, Жванецкого... которые могли бы осветить для французского читателя многогранный образ Одессы под несколько другим углом... Но будем судить по тому, что в сборнике есть, а не по тому, чего там не оказалось...

Приведенные заметки молодого норвежского моряка о своем недавнем посещении Одессы мне показались заранее настроенными на то, что все "хорошее" в Одессе исчезло*. Город, казавшийся в прошлом "смесью Центральной Европы и Италии", предстает сегодня "суровым, жестким", голоса на улице только "агрессивные и гортанные"... "Банда" нищих детей, набрасывается на молодоженов при выходе из Дворца бракосочетания... Но тем больше наше преклонение перед жителями города, которые выжили в эти невыносимо трудные 90-е годы, после чего стараниями предпринимателей, экономистов, журналистов — всех одесситов — начался Одесский ренессанс. И пусть экономика Одессы все еще носит черты капитализма "дикого", но на оживленных улицах слышны не "агрессивные", а звонкие и радостные голоса, и ее обитатели по-прежнему говорят о родном городе с блестящими глазами.

Были и трагические периоды в истории Одессы. Гражданская война, 37-й год, оккупация.

Интересны воспоминания Александра Верта, который в 44 году вместе с частями Красной Армии вошел в освобожденную Одессу. "Это была Одесса, которую я не мог узнать. Темные улицы, воронки от бомб, руины разрушенных бомбардировками зданий. Город, в котором отсутствовали евреи". В освобожденной Одессе по сравнению с другими городами было много молодых людей, не угнанных в Германию. Надо сказать правду: некоторая часть населения города чувствовала себя при режиме Антонеску неплохо. При румынской оккупации в городе функционировали рестораны, бордели, кабаре. Оперный театр... В отличие от немецкой оккупации

* Ejvind Sandelin, "Noire marine"

Замечу, что "необязательных" или недоброжелательных заметок в сборнике несколько, например, Edgardo Cozarinsky (Аргентина, перевод с испанского), Olivier Rolin...

других городов, в Одессе не были закрыты ни школы, ни университет. Автор сборника, комментируя воспоминания Верта, добавляет их доминирующим на Западе мнением, что роль одесского Сопротивления во время оккупации значительно преувеличена советской пропагандой.

Где скончался герцог де Ришелье?

Если некоторые высказывания в сборнике отражают господствующее на Западе мнение о невозможном упадке города, то ошибку, граничащую с вызовом, объяснить трудно. Судите сами, как составитель представляет кончину того, кто так много сделал для становления юной Одессы, кто относился к ней с отеческой любовью и кто с мудростью служил ее интересам. Герцог де Ришелье, "старый и бедный, без сносного пальто, спустился по построенной им лестнице, чтобы умереть несколько лет спустя в бедности в Севастополе" (стр. 23). Я оставляю читателю удовольствие отметить все ошибки такого утверждения. Могу лишь заметить, что деятельность премьер-министра правительства Людовика XVIII в период Реставрации входит во французскую школьную программу.

Желая подкрепить утверждение о главенствующей в Одессе атмосфере вольнолюбия и свободы, Треппе иногда переигрывает в используемых аргументах: "Даже Сталин не рисковал конфликтовать со свободолюбивым городом". И это написано после исчезновения Исаака Бабеля, после убийства тысяч граждан города, который платил страшную цену жизнями крестьян, творческой интеллигенции, военных наравне со всеми городами сталинской империи. Наверное, сказано это ради красного словца...

Да, со дня своего основания Одесса предоставляла убежище и работу беглым крепостным, притесняемым национальным меньшинствам. Да, противники тиранических режимов Греции, Болгарии, Италии, равно как и "титированные головы, изгнанные из своих стран революциями", находили в городе обетованную землю. Но говорить об Одессе как о социальном и национальном рае, наверное, не стоит, несмотря на наличие улиц Арнаутских, Польской или Еврейской... Расовые столкновения в Одессе периода ее становления не дают возможности подделывать историю ради "красивых" легенд. Иначе Одесса превратится в "потерянный рай", в котором будто бы и не было погромов, изнуряющего труда "грузчиков в порту", "окаянных дней"...

Одна из историй рассказывает о бродячих собаках на улицах Одессы, брошенных эмигрантами, покинувшими город, чтобы убежать от погро-

мов, голода, войн или притеснений. Я посчитал ее притчей (помните "Верного Руслана"?). Уж очень образ собак-сирот, воющих от тоски и зовущих вернуться своих хозяев, не вязался с тоном повествования. Но закрывая книгу, я прочел в послесловии — раздаче благодарностей, что история собак, рассказанная Антуаном Перро (Antoine Perraud), подтолкнула автора на путь создания самого сборника (стр. 137). Не странное ли признание человека, влюбленного в наш город?

Какие они, твои одесситы?

Думаю, что в последние годы знакомство с Одессой в западных странах происходит не по самым лучшим образцам (а может быть, в этом мы сами виновны, оставив другим рассказывать миру о нашем Городе). Один из фильмов, с прекрасным названием "Маленькая Одесса", широко известен во Франции. Это первая лента молодого кинорежиссера Джемса Грея*. Черный, очень черный триллер, хорошие актеры, трагедия иммигрантов... Но разве можно в этой драме увидеть Одессу? Даже если в фильме реалии Брайтон-бич, а имя "Одесса" иногда упоминается во фразах на идиш бабушки героя. Наши французские знакомые после выхода фильма спрашивали: "Это и есть твои одесситы?". Замените русско-еврейские имена на итальянские — и вот вам готовый фильм "Little Italy".

В начале прошлой осени на французских вторых экранах показывали фильм Мишаль Боганим "Одесса... Одесса!". Фильм документальный. Как признается автор, не бывавшая ранее в Одессе, идея фильма родилась под влиянием "Одесских рассказов". И вот, в поисках бабелевской Одессы она снимает фильм в Одессе, в Брайтоне и в Ашдод. Мне показалось, что, не найдя бабелевскую Одессу, автор на примере судеб нескольких иммигрантов пытается утвердить, что мифическая Одесса исчезла, что город постепенно впадает в забвение и упадок... Боганим снимала фильм о "мире, которого нет", о последнем поколении одесситов (позволю себе поправить — скорее всего, поколения одесситов рассеяния), дети которых уже будут американцами или израильтянами.

Три разных города сняты в различной цветовой гамме.

Сине-голубой — для Одессы, где люди зачастую нереальны и живут только воспоминаниями, будто герои "Одесских рассказов" убоялись реальности, далекой от их чаяний.

Ржавый цвет — для "Брайтонской "Одессы", где повторяющиеся зву-

* James Gray, "Little Odessa", "Серебряный Лев" в Венеции.

ки электрички переключаются с темами не кончающихся отъездов и приездов.

И белый цвет характеризует Ашдод, город, выросший на окраине пустыни, в котором царствуют уныние и разочарование. Я же, бывая в Ашдод, каждый раз видел новые районы белокаменных строений на берегу моря. А в ресторане "Золотой Дюк", на улице, разделяющей пляж и город, говорят о новых рождениях и свадьбах. Ашдод похож на Одессу: море, акации и много евреев...

Делясь со мной впечатлениями о фильме, Федерика Визани* говорила, что после просмотра начинает казаться, что еврейская диаспора исчерпывает тему Одессы. Кино это не документальное, так как носит яркую печать режиссерской субъективности. Автор воспринимает Одессу как столицу некоего еврейского государства, которое исчезло. Боганим была заранее настроена снять фильм об умирающей Одессе. Может быть, поэтому фильм лишен одесского очарования. Если отнять у него название и пару одесских песен, то получится космополитический рассказ о вечных иммигрантах, которые скучают по родному городу.

"Фильм, безусловно, красиво и поэтично снят, — пишет Федерика, — но одесского духа как такового в нем не чувствуется. А впрочем — одесситам судить", — добавляет она.

Для комментариев же сборника "Запах Одессы" характерно утверждение, что Одесса своей романтической международно признанной аурой в XX веке обязана своей диаспоре, которая предстает и символом исчезающего одесского мира... Но ведь не диаспора же создала миф Одессы — она его лишь разнесла по всему миру.

И пусть остается красивой метафорой утверждение, что одессит это уже национальность, что быть одесситом — это не то же самое, что быть жителем Одессы... Пусть. Но очарование и магия Одессы, ее шарм — заслуга "одесских одесситов".

Последний рассказ Бабеля

В сборнике "Запах Одессы" Исаак Бабель предстает как неоспоримый авторитет и один из создателей одесской легенды. В свидетели берутся не только классические "Одесские рассказы", но и почти не известные во Франции "Хроники 18 года". "Хроники" представляются предчувствием,

* Federica Visani, итальянка, организатор вечера "Одесса... Одесса!" в парижском магазине русскоязычной книги "Glob" в сентябре 2005 года.

преждевременным завещанием, письмом любви родному городу, еврейскому быту и традициям, литературе в целом. Придет ли он, литературный Мессия, которого предсказывал Бабель? "Для этого нужно было, — отвечает Сандрина Треине, — чтобы Октябрьская революция не была бы выплеснута на черные пляжи сталинизма". Тогда бы блестящая плеяда одесских писателей и поэтов 20-х годов, которая художественный порыв не отделила от порыва социального, не стала бы поколением потерянными...

Бабелю в сборнике доверено трижды рассказывать "за Одессу". Он объясняет, как Одесса стала легкими для задыхавшихся в черте оседлости (начиная с 1833 года) или бежавших из столиц от притеснений после принятия чрезвычайного закона 1881 года. Подчеркивается ошеломляющий для французов факт — в Одессе до войны проживало 350 тысяч евреев (для справки — во всей Франции живет сейчас около 500 тысяч евреев).

Бабель представляет персонажи Молдаванки, которая упоминается во многих статьях и комментариях и которая превратилась в одно из знаковых определений Одессы. Еврейский квартал, не бывший ни гетто, ни автономным "штетл", Молдаванка, стала национальной территорией "Одесских рассказов" Бабеля. Это он перенес на бумагу образы привлекательных налетчиков и любвеобильных проституток. Современная же украинская мафия, занятая переделом недвижимости, нефтью и наркотиками, в отличие от налетчиков Бабеля, названа абсолютно "несимпатичной" (ну чем не одесское выражение?).

Трогательная новелла Давида Маркиша "Последний рассказ Исаака Бабеля" и комментарии к ней, по-моему, являются украшением этой книжки об Одессе. Жизнь Бабеля, фетиша Одессы, представлена как посмертная глава "Одесских рассказов". С самого детства на берегу Черного моря и до расстрела жизнь Бабеля свидетельствует коммунистические иллюзии еврейских писателей и интеллектуалов. Коммунизм был для многих русских евреев своего рода мессианством без Б-га. Это положение привлекает внимание Давида Маркиша, сына Переца Маркиша, одного из самых больших поэтов, писавших на идиш. Войдя в советскую литературу с энтузиазмом, рожденным Октябрем, признанный писателем, повлиявшим на всю еврейскую литературу. Перец Маркиш был расстрелян 12 августа 1952 года. Общая судьба еврейских русских писателей одесситов Бабеля, Нотэ Лурье, Ханаана Вайнермана... Названный вымышленным именем, Перец Маркиш стал центральной фигурой романа лауреата Нобелевской премии Эли Везеля "Завещание расстрелянного еврейского поэта"*.

* Elie Wiesel "Testament dun poète juif assassiné". Издательство Seuil, 1980.

Не могу удержаться, чтобы в связи с этим не привести высказывание из книги Везеля "Молчание и людская память", что лежит сейчас у меня столе. "Я начал писать на идиш, будучи уже французским писателем, из сентиментальности и из верности". Сентиментальность и Верность. Не ответ ли это на вопрос, который многим из нас приходилось решать: "Как быть русским и остаться евреем?".

Франция ставит себе в заслугу то, что изданием антологии поэзии на идиш (издательство Gallimard, 1971) она спасла многих еврейских поэтов от забвения. К их числу относится и Мотл Грубиян, прошедший всю Отечественную войну и арестованный в печально известном 1948 году вместе со многими деятелями еврейской культуры. Он не был расстрелян в ночь коллективного убийства остальных членов Еврейского антифашистского комитета. Он получил "всего" семь лет лагерей... В 57 году в Одессе Мотл Грубиян пишет приведенные в сборнике стихи — признание в любви к Черному морю, к морю, "которое нельзя отправить в Сибирь".

Самое синее в мире

Вслушайтесь в то, каким представляется наше море читателю: "эта водная гладь, которая иногда кажется черной, как если бы ночь создавала там свою колыбель. Черное море как контрапункт светоносному городу".

Пушкин обращается к Морю как к "свободной стихии", Мотл Грубиян славит "непокорное Море". Молодой пианистке, выпускнице Одесской консерватории, эмигрировавшей в Париж, море преподавало первые уроки гармонии и эстетики*. Валентин Катаев озаглавил свою поэтическую повесть "Волны Черного моря". И раскрашенные магией Одессы мечты Пети о синем море и желтых скалах использует Сандрина Треине для финала своей книги.

Не забыто и значение для одесситов традиции морских купаний, ритуала походов "на море", от которых они "не откажутся ни за что на свете". Если купание в Средиземном море есть искусство, которое европейские аристократы превратили в утонченный ритуал, то в Одессе народный гений изобрел свой вариант: одесситы выбирают пляжи самые близкие, и какое имеет значение, плавают ли в воде пластиковые созвездия и окурки! Аркадия предстает как вариант Диснейленда, изменившего облик и даже предназначение популярного пляжа... Но осталось тем же, что и раньше, благоговение, с которым нам в прошлом сентябре довелось

* Maryna Both-Uzun. "L'heure du bain".

вновь войти в воду Отрады, посидеть на "массиве" Ланжерона, свесив ноги в ласковую глубокую воду, заплыть далеко в Каролино-Бугазе...

Море и кухня — два полюса, две страсти... Красота и разнообразие одесской кухни представляется достойным послем Одессы в "ближнем и дальнем" зарубежье — "синенькими". Поэтическое описание их приготовления сделано великим Валентином Катаевым в отрывке из "Одесских катакомб". Я не рискую вмешиваться в сей рецепт, ведь наши мамы священнодействовали по переданным из поколения в поколение своим секретам. Как комментирует Треине, влияние итальянское, греческое, еврейское, турецкое... создало в Одессе космополитичное, по существу новое кулинарное искусство. Искусство, отличное от остальной Украины еще и тем, добавлю я, что "красное с фруктовым привкусом вино" забрало за столом одесситов пальму первенства у водки.

"Покупайте живую сардину по цене мертвой"...

Статью о Привозе не надо ли было поместить в начало сборника, среди истоков одесского мифа, языка, одесского юмора? Призыв торговли, вынесенный в заголовок параграфа, я слышал на рыбном базаре Марселя, но он вполне мог звучать и на Привозе.

В комментариях автора Привоз предстает как легендарный институт Одессы, где плодородие украинских земель и дары Черного моря удовлетворяют торговые аппетиты населения. Сказочная атмосфера, раскрашенная всеми красками щедрого одесского лета. Горячие "пирожки" (в тексте по-русски), малосольные огурцы — знаки "нефранцузской", а следовательно, дикарской кухни... Надо учесть, что во Франции многочисленные базарчики организуют муниципалитеты на маленьких площадях или вдоль аллей, или, как в Лионе, вдоль набережной. Торгуют по воскресеньям (или по субботам) и строго до обеда. Вот только шумел базар, кричали арабы — продавцы овощей и обменивались семейными новостями крестьяне с постоянными покупателями, как вдруг в полдень все сворачивается, непроданное укладывается в грузовички, поливальные машины уже наготове, и после уборщиков мусора и вымытого асфальта воссоздается площадь с чистыми рядами платанов, на скамейках вновь устраиваются влюбленные и пенсионеры, и уже составлены дублеты для партии "петанка"... Вавилонская же башня Привоза, распахнувшая кованые ворота на весь день, для француза символизирует экзотику всей Украины. В одной из статей Аркадий Львов описывает посещение базара (правда,

это Новый базар, но для французов он все равно Привоз), именно посещение, а не покупки, потому что это настоящий праздник, настоящая радость, карнавал, живописная толпа покупателей и продавцов, вступающих между собой не только в торговые отношения... Это нужно у Львова прочесть целиком, или... посетить одесский базар самому...

Но не хлебом единым... Писатель Оливье Ролен пишет о гордости Одессы, о ее Оперном театре. А "аппетит культуры" одесситов подтверждается фактом создания первой в Империи публичной библиотеки. И так как для французов количество ресторанов определяет уровень развития страны, то Ролен непременно должен заметить, что сейчас в Одессе столько же кафе и ресторанов, как и в Марселе или Генуе. А я помню, как в 80-х годах в спорах с французами, работавшими в Одессе на строительстве трубопровода, в ответ на "аргумент": "А наша страна в 10 раз больше вашей", — Georges R. ответил: "Верно, но на одной улице Парижа в 10 раз больше ресторанов, чем во всем Союзе". Сегодняшние одесские рестораны описываются снисходительно, хотя отмечаются и поразительные проявления плохого вкуса.

Ну и конечно, говоря о торговле, составитель не смогла обойти легендарную фразу Ильфа и Петрова о контрабанде*. Теперь французы узнают, что не вся контрабанда делается в Китае. Раньше она делалась на Малоарнаутской.

За железным занавесом

В отрывках из двух своих репортажей из Одессы Жорж Сименон сводит счеты с полицейским советским государством. Одесса стала для молодого литератора морскими воротами в СССР и предопределила все последующие впечатления. Сименон уже многое увидел и понял в советской системе, и не ждет ничего хорошего от сталинского режима. А ведь тогда западные писатели еще верили большевистской пропаганде. Лишь в 36-м Андре Жид, который несколько лет тому назад "готов был отдать свою жизнь за успехи СССР", открыл для себя общую нищету и террор и выступил с заявлением, которое было первым разводом интеллектуалов с Октябрьской революцией. Сименон же еще в 1933 году (комиссару Мегре уже было 4 года) понимает лживость режима. Он чувствует в Одессе слежку за собой, которую даже не очень скрывает "гид в штатском".

* Маленький, всего в страницу отрывок из "Двенадцати стульев" приведен в прекрасном переводе Алена Прешака (Alain Préchac), хорошо известного в нашем городе.

По каждому запросу необходимо ждать распоряжение из Москвы... Будучи поселен в гостинице "Лондонская", Сименон сумел наблюдать праздник в честь Черноморского флота. Он потрясен, друзья рассказывают ему, что каждый участник демонстрации получит килограмм картошки... Эти репортажи (Georges Simenon, "Mes apprentissages. Reportages 1931-1946") теперь хорошо известны в Одессе. На их основании Сименон пишет один из своих лучших романов "Люди напротив", где анализирует бюрократическую систему, достойную Оруэлла*.

Комментарии репортажей Сименона составитель сборника использует, чтобы подойти к трагической теме голода на Украине, не обошедшего и Одессу... "Это горе было настолько бесчеловечным, отчаяние настолько невообразимым, что становилось каким-то абстрактным, выходящим за пределы сознания". Даже независимые журналисты, жившие в Одессе, обходили эту тему...

А железный занавес продолжал разделять мир еще много лет...

Александр Львов рассказывает об обвинении его в сионизме в 1970-м, о вызовах в КГБ и допросах. Писателю инкриминировали участие в сионистском подпольном центре в Одессе. "Ваши книги еврейские, они пропитаны еврейским духом", — долбил на допросах генерал А.И. Куварзин**. Роман Львова "Двор", судьба типично одесской ячейки ежедневного быта одесситов, смог быть тогда напечатан лишь на Западе, мало известным французам способом — переправленным через границу в виде микрофильма, спрятанного в коробку с обувью.

На залитой солнцем степи, купающейся в море

Так существует ли "красавица Одесса" или это только миф, романтическая легенда о свободном городе, о порто-франко, об убежище писателей, художников, композиторов?.. Наверное, и то, и другое, — и реальный город, проснувшийся после 70-летнего летаргического ужасного сна, город, только вошедший в век своего ренессанса, — и разлетевшийся по всему миру одесский миф, созданный жителями и гостями города.

Это вы, дорогие мои земляки, не дали "часам Одессы остановиться".

* Примечание М. О.: 70 лет спустя путь Сименона в Одессе повторили французские журналисты Рига и Мишо, сняв фильм с тем же названием, что и роман (Jean-Claude Riga et Léon Michaux, "Simenon et les Gens den face", 2002). У них тоже был свой "гид в штатском", только звали его не Соня, а Ольга, и связывались они для получения различных разрешений не с "ГеПеУ", а с украинской Госбезопасностью.

** Arkady Lvov, "Un businessman d'Odessa". Изд. Scarabee, 1984.

И потому со страниц сборника перед французом может появиться Homo odessicus* — объект и автор одесской легенды, живущий и сегодня на "залитой солнцем степи, купающейся в море".

И если, почувствовав аромат Одессы, проникнув в ее миф и узнав ее реалии, хоть один читатель сборника увеличит "сообщество влюбленных в Город людей", то можно считать, что Сандрина Треине свою задачу выполнила.

Лион

* Выражение Евг. Голубовского.

Крутится, вертится шар...

После публикации моих воспоминаний об аттракционе "Шар смелости" (см. альманах "Дерибасовская — Ришельевская", № 12, 2003 г.) посыпались вопросы. Многие читатели в детстве видели выступления спортсменов, но путали Петра Маяцкого с Петром Голенищевым, а Петра Салашного с Михаилом Косым. Все это побудило меня вновь взяться за перо, чтобы внести ясность, ибо я одна из немногих, кто помнит всех названных.

Петр Маяцкий. Начал работать в цирке силовым акробатом еще в царской России. Зрелый мастер, постигнувший все законы цирка, он создал свой "Шар смелости", превосходивший по зрелищности "Шар смелости" П. Голенищева.

Маяцкий работал в паре с красавицей-женой Надеждой Маяцкой. Надежда лихой амазонкой носилась на гоночном мотоцикле, так что ее красоту невозможно было рассмотреть. Во время представления шар расходился на две полусферы. В верхней части шара мотоциклисты выполняли программу, потом исполнялся коронный номер — "мертвая петля". Это происходило в абсолютной темноте, с фейерверками, которые вылетали из мотоцикла.

В одесском "Шаре смелости" не было спецэффектов, поскольку, как я уже писала, он стоял на открытом воздухе. Отец с большим уважением отзывался о Петре Маяцком. Петр Никифорович тоже относился к своим собратям с приязнью: помог заказать для одесситов красивые спортивные костюмы из сафьяна.

Отец восхищался мужеством Маяцкого. После аварии во время выступления артист был изувечен: у него были переломаны ноги, руки, ребра. И все же через год он вновь вернулся в "Шар".

После смерти Маяцкого его дело продолжили жена и дочь Марина. Они успешно выступали до 1975 года, пока на одном из представлений в Красноярске не упали вместе с нижней частью шара, которую не удержал лопнувший трос.

Марина Маяцкая впоследствии придавала этой истории мистический характер. Я ее передаю дословно. Петр Маяцкий разбился в Красноярске 12 января 1963 года. Год лежал в больнице. Некоторое время еще работал и вскоре умер. Мать и дочь Маяцкие продолжали работать в "Шаре". Во время гастролей в Ленинграде аттракцион вдруг вызывает телеграммой в Красноярс.

Надежда считала Красноярск роковым городом. Она в своих просьбах послать их в любой город, кроме Красноярска, дошла даже до министра культуры. Но все было тщетно. Чем все это кончилось, вы уже знаете. Ровно через 12 лет после Петра Маяцкого, день в день, тоже 12 января, мать и дочь разбились.

Надежда и Марина получили инвалидность и занялись дрессурой. Пять лет они выступали с дрессированными собаками и гепардами, объединив их в одном номере. Позднее Марина выступала одна.

Наша семья была дружна с Эмилем Кио, главой династии иллюзионистов. С Игорем Кио я познакомилась еще ребенком. Потом как-то меня, двадцатитрехлетнюю, он пригласил поужинать в ресторан. Естественно, что я отказалась. Он приезжал в Одессу, но я не возобновляла знакомство. И вот однажды я решилась на шутку. В 1997 году во время гастролей Кио в Одессе в антракте передала ему записку такого содержания:

"Игорь! 33 года назад Вы пригласили меня в ресторан поужинать. Так сегодня я согласна".

Игорь Эмильевич вышел ко мне в гриме, и на глазах изумленных охранников мы начали хохотать до слез. И еще большее изумление у них вызвало

завершение нашей встречи целованием рук. Я была потрясена галантностью Кио больше, чем его трюками.

Одно слово — цирк!

Долгие дружеские отношения связывали моих родителей с Ниной и Петром Салашными. Эти спортсмены работали в "бочке" и "прописаны" были в Киеве.

Веселые, радушные, любящие друг друга, они приносили с собой праздничное настроение. В 1948 году они работали без страховки, отчаянно. Прожили счастливую спортивную и семейную жизнь. Родители долгое время переписывались со своими тезками. Помнится, Салашные приглашали их на свою серебряную свадьбу. Потом прислали фото, где погрузневшая Нина в белом длинном платье опирается на руку по-прежнему глядящего на нее с любовью Петра. Несмотря на настойчивые приглашения, я ни разу не побывала у Салашных в Киеве, о чем сейчас весьма сожалею. Могла бы больше рассказать об этой прекрасной чете.

В "Шаре смелости" под руководством П.Я. Голенищева выступал мотогощик Михаил Косой. Внешне некрасивый, он покорял всех своим добродушием. Улыбка не сходила с его лица. Настоящий одесский характер! Жена его Манечка была похожа на Любовь Орлову. У них росли прекрасные дети. Старшая дочь Бэлла окончила какой-то вуз и была далека от спорта. Работала по специальности.

Когда подросли сыновья Косого, Михаил ушел из "Шара" и организовал свой аттракцион "Мотогонки по вертикальной стене", т. е. "бочку". Михаил Косой возглавлял аттракцион, его жена продавала билеты в кас-

се, а сыновья выступали. Дела шли вроде бы неплохо, пока не случилось несчастье — во время выступления непонятным образом слетела цепь с мотоцикла Яна. Парень погиб. В нашей семье это горе пережили, как свое. Ведь мальчики выросли на глазах у моих родителей. И я их хорошо знала, так как часто бывала в гостях у семейства Косых в доме на Ближних Мельницах.

Вскоре Косые уехали из Одессы и затерялись где-то на просторах Америки.

Только теперь я должным образом оцениваю тот факт, что в "Шаре смелости" под руководством моего отца не было несчастных случаев. Федор Шахматов, Павел Савицкий были для отца почти сыновьями, и он берег их по-отечески. Эту оберегающую без баловства силу я ощущала и на себе. Требовательность отца всегда была разумна.

Пусть эти страницы будут скромной данью памяти классных спортсменов с душою артистов, умевших любить и дружить от всего сердца.

Р. С.

Отец никогда не настаивал, чтобы я попробовала выполнить какой-нибудь заезд в "Шаре смелости", хотя я управляла мотоциклом уже в четырнадцать лет. К аттракциону он меня подпускал только в качестве зрителя. Наметанным глазом опытного тренера он трезво оценил мои спортивные возможности.

И все же у меня в активе есть маленький "трюк". В октябре 1958 года вместе со своим курсом я отбывала трудовую повинность в колхозе с. Билки Ивановского района. Однажды мама запекла утку с яблоками и снарядила отца навестить "работяг", т. е. меня с подружками.

Нужно сказать, что в колхозе нас кормили хорошо, но бытовых условий не было совсем: ни помыться, ни постирать.

Когда отец увидел меня в поле в стоящем коробом от пота и грязи спортивном костюме, в расплзающихся текстильных тапочках, сколотых английской булавкой, его сердце дрогнуло, и он "выпросил" меня у начальства на выходной.

Пока мы с девушками расправились со всеми вкусностями, быстро стемнело.

У мотоцикла, оставленного на деревенской улице, кто-то разбил фару. Сначала отец решил ехать один, но я дала ему слово следить за дорогой, и он уступил. Мы глядели не в оба, а в четыре глаза.

Встречный транспорт нас видел, поскольку что-то мерцало над нашим передним колесом, но мы продвигались вслепую, ибо совсем не видели дороги. Так мы проехали более 60 км и благополучно вернулись в Одессу. Нет нужды говорить, какими словами встретила нас мама. С адреналином у всех троих в тот вечер было все в порядке.

Ученик консерватории

Начало ноября 1957 года. Я уже три года проработал на Харьковском тракторном заводе, куда меня направили после окончания одесского политехнического. Вечером на поселке ХТЗ делать было нечего. Трамвай "марка" 20 почти час вез меня в центр. Пойти в театр было поздно, кончался первый акт. В кино не хотелось. К родственникам — не было смысла. Клуб туристов работал один вечер в неделю. Я шатался по пустому городу, чтоб к полуночи прийти домой и лечь спать.

Как-то на площади Тевелева у консерватории я увидел большую афишу о том, что завтра будет прослушивание всех желающих стать кандидатами в ученики-вокалисты. Меня это заинтересовало. На каждом туристском слете или конференции, стоило мне там появиться, все начинали скандировать: "Короб, пой! Короб, пой!". Так как время прослушивания меня устраивало, то назавтра я был в консерватории.

Я был записан в первой двадцатке, всего там собралось, наверное, человек сто. Все волнуются, надели свои лучшие платья, каждый репетирует свой номер. Мне, к сожалению, не удалось переодеться. И с моим номером вышло непросто: сначала я хотел спеть чардаш "Говорят, не смею я, говорят, не смею я с девушкой пройти в вечерний вечер селом!". Но как начали кандидаты петь, я решил поменять произведение. Очень взволнованный, я спросил ведущего, могу ли я поменять песню. Ведущий ответил утвердительно, и я назвал песню А. Новикова на стихи Л. Ошанина "Эх, дороги!". Вскоре вызвали меня. Как я пел, уже не помню. Помню, что были потные ладони. Отпев, я стоял у прохода на эстраду. Рядом стояла среднего роста девушка, широкая в кости, в синем платье. "Как вы думаете, меня взяли?" — "Взяли". — "А кто будет моим преподавателем?" — "Я!" Так я познакомился с моим учителем по вокалу в консерватории. Она назначила мне первый урок, и мы расстались.

На заводе я никак не мог сосредоточиться на служебных делах. В то время у меня была своя конструкторская группа в бюро нестандартного оборудования. Она не была проведена каким-либо приказом, но со мной работало от восьми до восемнадцати конструкторов. В зависимости от задания они детализовали мои общие виды либо по моим эскизам делали общие виды и детализовку, а мне оставалось проверить их работу. Но в тот день у меня все валилось из рук!

Наконец прозвенел звонок, рабочий день окончился, и я поехал в кон-

серваторию. Мой педагог ждала меня в вестибюле. Нам назначили аудиторию, и начался первый урок. Мы познакомились. Мою преподавательницу звали необычно: Мальвина Исферапонтовна. Я удивился, но промолчал. Начали распеваться. Преподаватель сказала, что у меня лирический баритон, а я-то считал, что у меня тенор! Мальвина Исферапонтовна сделала замечания по моему пению на конкурсе: я ошибся в песне.

К сожалению, много заниматься не удалось. Я пришел с завода усталым и голодным. Голос звучал глухо. Говорили о дальнейших занятиях. Нужно перед поездкой на урок обязательно немного поесть.

Мальвина Исферапонтовна рассказала, что на Украине есть три ведущих вокальных педагога: во Львове — Карпатский, в Одессе — Благовидова, а в Харькове — Павел Васильевич Голубев, в класс которого меня взяли. На этом мы расстались.

Прошло несколько уроков. Первое, на что обратила внимание мой учитель, — близкий звук, не позволить звуку уйти в горло. Для этого мы пели разные упражнения. Из-за моей всегдашней усталости дела продвигались медленно.

В тот день я, как обычно, спал стоя, пока трамвай больше часу вез меня на поселок ХТЗ. Придя домой, я обнаружил, что задний карман брюк разрезан. Вор подумал, что у меня там много денег, а там вовсе лежало письмо, что моей матери сделали операцию по поводу рака, а у отца поэтому случился инфаркт. Пришлось отпарывать испорченный карман.

На следующий день в нашем бюро разгорелся спор: нужно ли инженеру учиться в консерватории. Техник-конструктор Анатолий Васильевич Рыбальченко, который на заводе работал со времени его строительства, утверждал, что раз государство затратило деньги на обучение инженера, то второй раз тратиться оно не должно. А молодой техник-конструктор Неля Буда считала, что голос — явление редкое, учиться пению нужно. Голоса сотрудников разделились, но большинство меня поддержало.

На одном из следующих занятий (а это было в субботу) меня повели представлять самому профессору Павлу Васильевичу Голубеву, учителю и другу знаменитого Бориса Романовича Гмыри. В небольшом классе за столиком сидел профессор. Перед ним на столике стояла пара бутылок кефира, из одной Павел Васильевич наливал в стакан. У пианино стоял и по-хорошему мне улыбался баритон Коля Коваленко, с которым мы уже были знакомы. Ожидал своей очереди заниматься необычный Женья Иванов. Необычность заключалась в его внешности: необычайно красивый бас был у человека не очень большого роста. Был кто-то еще и сидел на

стуле рядом с Женей. Коля окончил свою программу. Меня позвали к инструменту. Павел Васильевич внимательно слушал мои упражнения и время от времени давал указания моему педагогу. Кстати, ее все звали просто Машей!

Наступила зима. Маша, чтоб я не простужался, запретила мне разговаривать на улице. Я старательно исполнял все ее требования. Тут-то и произошел этот анекдотический случай.

Харьковскому тракторному заводу одно подмосковное предприятие поставляло гидроподъемники к тракторам. А сейчас оно отказалось. Мне летом уже пришлось проектировать стенд для испытания гидроподъемников колесных тракторов ДТ-14, а теперь аналогичный спроектировать для гусеничных ДТ-54. Когда стенд был изготовлен, на его испытания собралась целая делегация: директор завода Павел Ефимович Саблев, главный инженер, еще кто-то, начальник нашего бюро Борис Иосифович Дашевский и я. У меня на всякий случай были чертежи стенда. Стенд помещался на площадке, где готовые тракторы грузили на железнодорожные платформы. Подъехал трактор, его установили на стенде, подвесили груз и включили подъемник. Трактор спокойно поднял груз и держал его, сколько требовалось. Главный инженер что-то у меня спросил. Я, не говоря, показал на чертеже. Главный разозлился и захотел, чтобы я обязательно ему ответил. Дашевский рассмеялся: "Он на улице не разговаривает!". Главный еще больше разозлился, но я, пока не вошел в помещение, не разговаривал. Директор завода улыбался — ему это понравилось! Вообще, я заметил, что где бы он меня ни встретил, он всегда со мной здоровался за руку. На заводе было свыше шестидесяти цехов и отделов, и директор не со всеми их начальниками здоровался за руку. Для меня делалось исключение! Почему? Я этого не знал и сейчас не знаю.

Кстати, сказать, что ХТЗ был большой, это не сказать ничего. Завод был огромен! На первую смену выходили 22 тысячи человек. А завод работал в три смены! Некоторые цеха продолжали трудиться даже в выходные дни. Таким был завод, на котором я работал.

Я познакомился со многими студентами-вокалистами. "Я — Алка Сандлер!" — так представлялась меццо-сопрано, подруга Маши. Кстати, Машина фамилия оказалась — Малькова. У Маши было меццо в четырех октавах. Голос, бывающий раз в сто лет, одинаково красивый и сильный и в низком, и в высоком регистре. Учеником профессора Голубева был скромный и красивый Коля Мануйло, обладатель необычайного баритона. Мы познакомились и подружились с Аллой Резиловой, ученицей "Царицы Тамары", про-

фессора Тамары Яковлевны Веске, зав. вокальной кафедрой. Студенты-вокалисты меня считали своим, и мне это было приятно! Конечно, не со всеми получалось по-хорошему — у меня не сложились отношения с тенором Костей. Маленького роста, туфли на высоких каблуках и толщенной подошве. Ко всему, он меня приревновал к Маше. Ай да Коська!

Приближалась зимняя сессия. Все еще и еще репетировали свои вещи. Вот тогда мне повезло услышать Машину программу. Она была очень сложной и вместе с тем необыкновенно красивой. Мне запомнилось, как она исполняла романс П. Чайковского на стихи Я. Полонского "Песнь цыганки". Я знал народную песню на эти же стихи (кстати, написанные в бытность Полонского чиновником в Одессе), но музыка Чайковского останавливала и привораживала. Каждый куплет по-своему говорил о любви и разлуке:

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит.
Мы простимся на мосту.

В консерватории готовились к зимней сессии, Новому году и капустнику. Никто не знал содержание номеров, их готовили в тайне. На капустник приглашались только свои студенты. Тридцатого декабря Маша сказала, что я приглашен (для меня ребята сделали исключение).

Начало веселья было в восемь часов тридцать первого. Пришли все мои знакомые и очень много незнакомых студентов. Я уже не помню всех реприз, помнится только Хор заярных невест и высказывания Козьмы Пруtkова по местному радио.

Народник Гриша Заярный сам на баяне аккомпанировал своему "хору", который состоял из четырех девушек (в том числе и его жены). Маша начала арию Любаши из "Царской невесты":

"Вот до чего я дожила, Григорий!"

"Хор" подхватил:
"Заярный!"

Так пропесочили любвеобильного Гришу! Все смеялись, хохотал и Григорий. По радио местный Козьма Прутков глубокомысленно вещал: "Не все Ивановы толсты!". Я увидел девушку Жени Иванова. Это была невысокая пианистка Милочка. Она, как и Женя, в этом году заканчивала консерваторию.

Капустник окончился за час до Нового года. На Новый год я подарил Маше купленный в букинистическом магазине клавир оперы Н. Римско-

го-Корсакова "Царская невеста". Маша была в восторге! Вот так я встретил Новый год в консерватории.

Сдана зимняя сессия. Нас везет поезд через Ленинград на север по Мурманской дороге. В нашей группе десять туристов. Конечно, не всё успели подготовить. В проходе вагона ребята подгоняют лыжные крепления. Девочки пересыпают гречку из кульков в мешочки. Для каждого нашлась работа.

Раннее утро. Станция Медвежья Гора — город Медвежьегорск. Вывалились из вагона. Холодно. Идем в город. Пока завхоз производил последние закупки, я с двумя туристами пошел в военкомат. Там офицеры разрешили нам познакомиться с топографической картой местности, по которой нам предстоит идти. Конечно, выдать карту они нам не могли: топокарта — государственный секретный документ! Спасибо им за помощь! Наконец все стали на лыжи, и группа вышла из города по заранее определенному по карте азимуту, примерно на запад. Нам в этом направлении предстоит идти три дня по тайге. Если немного отклонимся — попадем на дорогу, а по ней надо двигаться на север.

Засветло останавливаемся для оборудования бивака на ночлег. Подобрали подходящее место — поляна с маленькими елочками. В стороне нарубили таких же елочек и сделали заслон в виде подковы. Внутри насыпали лапник — небольшие хвойные ветки. На них настлали брезент, на нем — одеяла. Пока часть ребят готовила ночлег, другая часть валила сухие березы. У входа в заслон положили две плахи, на них разожгли костер. Под ним снег подтаял, и плахи с костром оказались в колодце. В снег воткнули ветку-удочку, двумя плахами укрепили ее и повесили ведро со снегом. Через какое-то время был готов обед и чай. Давно все переоделись в валенки, ватники и ватные штаны. Определили порядок дежурства и легли спать. Только дневальный не спал и подкладывал в костер. Должен признаться: так мне спалось только в раннем детстве!

Утром свернули бивак и — на запад! Идти было трудно: ноги на лыжах проваливались по колено в снег, без лыж каждый проваливался по пояс. Это оттого, что не было охотничьих лыж. У меня оказались прожжены маленькие отверстия на штормовке. Отметины от осины. Даже сухое дерево разбрасывает мелкие тлеющие угольки из костра. У других — те же неприятности.

Нам предстояло перейти через маленькую речку Поруста. Я шел замыкающим. Когда оставалась пара шагов до противоположного берега, лед треснул. Я успел убежать. Ботинки остались сухими — их защитили "чуни" (чулки на обуви и на нижней части штанов). Но к концу дневного перехода намерз лед на креплениях лыж, и мне очень не повезло.

Через несколько дней группа вернулась в Харьков.

В Харькове я пошел на завод. Все было как обычно. В консерватории репетировали оперу Ю. Мейтуса "Молодая гвардия". В ней были заняты все мои знакомые. Маша пела партию Бабушки, Женя Иванов — Валько, и так все остальные. После похода мой голос звучал лучше, ноты выходили округлые. Занятия получались более продуктивные. Мне собирались дать украинскую песню. Вместе со студентами-вокалистами мы посещали все премьеры в опере.

В туристской секции Борис Павлович дал мне две недели для подготовки отчета по походу. Наконец отчет был готов и принят.

Был подготовлен и спектакль. Его поставили в клубе милиции — в сквере, недалеко от фонтана "Хрустальная струя". Все нервничало. Помню, у левой кулисы Женя Иванов с папиросой в руке (курил, это чтоб голос ниже звучал) спрашивает: "Ребята! Вы не видели Милочку?". Буквально через минуту у правой кулисы Милочка спрашивает: "Вы не видели Женюручку?". Волновались страшно, но спектакль прошел на ура!

Мысль о моих родителях постоянно меня тревожила... В конце марта я с большими трудностями уволился с ХТЗ и вернулся в Одессу. Так окончилась моя учеба в Харьковской консерватории. Правильно ли я поступил?

Р. С.

Бас Е. Иванов — заслуженный артист Украины, солист одесской оперы, профессор Одесской консерватории, заведующий кафедрой оперной подготовки.

Меццо-сопрано М. Малькова — лауреат Украинского конкурса вокалистов, дипломат Всесоюзного конкурса им. Глинки, солистка Одесской филармонии.

Тенор Н. Мануйло — народный артист Украины, солист Киевской оперы.

Баритон Н. Коваленко — заслуженный артист Украины, солист Харьковской оперы.

Сопрано А. Резилова — заслуженная артистка Украины, солистка Харьковской оперы, профессор Харьковской консерватории, заведующая кафедрой сольного пения.

Тенор К. Дубинин — солист Харьковской оперы.

Меццо-сопрано А. Сандлер — солистка филармонии.

Пианистка Л. Иванова — концертмейстер высшего класса, обладатель специальных дипломов лучшего концертмейстера международных конкурсов вокалистов, профессор Одесской консерватории.

К сожалению, не все они дожили до наших дней...

ПРОЗА

Родион ФЕДЕНЕВ
О ком тревожится душа 97

Лена КУТИНОВА
Письмо от Луны к Солнцу 132

Норма МАНН
Жил-был дед 148

Владимир ИЛЬИН
Кораллы Карибского моря 153

Родион ФЕДЕНЕВ

О ком тревожится душа

Предлагаемая вниманию читателей театральная новелла имеет документальную основу. Ее составили сохранившиеся 42 письма Чехова к владелице одесского имения с вишневым садом Ольге Васильевой и ее 97 писем к Чехову.

1. Ницца

Мужчина в светлом костюме сидел на скамье перед фонтанчиком возле пансиона Рюс. Читал и был увлечен газетными новостями. А неподалеку появилась молоденькая девушка в скромном белом с кружевной оторочкой платье. Она медленно, словно собираясь с духом, направилась к мужчине, что был увлечен газетой.

— Здравствуйте, — сказала она.

Мужчина встал, поклонился, снял пенсне, а девушка заговорила быстро и с напором:

— Я знаю, вы — писатель Чехов. А я Оля. Ольга Васильева. Я вам писала... Но скажите сразу: что вы решили?.. Вы не возражаете, если я буду переводить ваши рассказы на английский?

— Я не возражаю, — ответил он с улыбкой.

— Конечно, у меня нет опыта, но я буду стараться лучше их перевести.

— А с чего вы хотите начать?

— С рассказа "Егеря".

Он молчал. Она напряженно ждала, и в этом напряжении были вопросы: "Одобрят? Нет?!". Он сказал:

— Если вы решили начать с моего "Егеря", то, я думаю, у вас все получится.

— Почему?

— Это старый, но хороший рассказ. Но, к сожалению, это редко кто понимает.

— Господи, как это здорово, что я поняла!

Жестом он предложил ей сесть, сел и сам, но Ольга не могла усидеть на месте, вскакивала, пересаживалась, то говорила полусепотом, то громко...

— Мы живем в Швейцарии всем семейством. Но мама больна, и мы приехали в Канны... Поближе к воздуху и морю.

Она взяла газету, развернула ее и спросила:

— А что вас заинтересовало здесь?

— Много пишут о деле Дрейфуса.

— Все о нем только и говорят.
— Совершенно верно. Говорят, но ничего не делают. Один Золя вступился за невинного.

— И, кажется, за это он получил год тюрьмы?

— Я всегда считал, что Франция — замечательная страна, — сказал Чехов. — Но раньше я думал, что французы народ огнеопасный. А они, оказывается, бывают, как и их совершенно никудышние спички: не годны ни свечу зажечь, ни камин растопить.

— Вы говорите по-французски?

— Я говорю на всех языках, кроме иностранных.

— А как это?

— Когда я, милостивая государыня, спрашиваю у француза, как переехать с Северного вокзала на Восточный, то француз бледнеет, будто я спросил его о чем-то не очень приличном.

Она улыбнулась и сказала:

— Мне в Каннах говорили, что вы страшно знамениты. Что Лев Толстой вас ценит. Что даже Пушкинскую премию получили. А впервые я прочитала ваши рассказы, когда мы еще жили в Одессе.

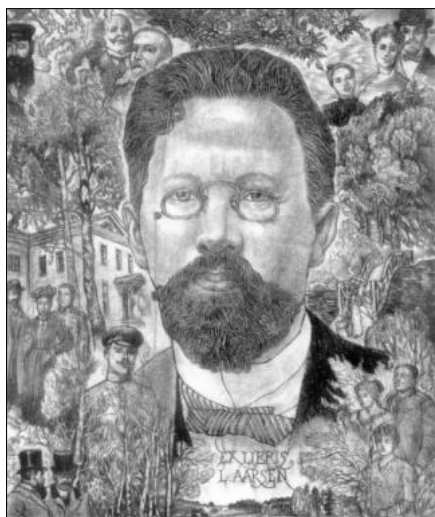
— Я бывал в Одессе.

— У нас там имение на Торговой улице, в ее конце, над морем. Не бывали там?

— Вряд ли. Я жил в Театральном переулке, в Северной гостинице. И потом, в другой приезд, когда возвращался после Сахалина, я жил у книгопродавца, милейшего Павла Петровича Меркульева, и тоже в Театральном переулке.

— Я знаю Театральный! Весной я с гувернанткой Гретой — теперь она наша экономка — весной мы всегда гуляли по Николаевскому бульвару, а возле Северной гостиницы брали извозчика и ехали по Театральному переулку... Наверняка я вас там видела. И значит, мы давно знакомы!

— О, это уж само собой разумеется! — ответил он в тон и продолжил: — Тогда, в Одессе, я истратил все деньги на мороженое. Помню бесконечные разговоры и прогулки на яхте.

Д. Беккер. "Вишневый сад". Офорт

— Да-да-да! — воскликнула она с жаром. — Из беседки нашего вишневого сада, где лесенка к Практической гавани, я всегда видела яхты! Смотрела и завидовала их пассажирам.

— Замечательное было время, — сказал он.

— Чудное! Но и сейчас время не совсем плохое.

— Еще бы. Февраль, но все одеты по-летнему. Розы цветут!

— Одно слово: Лазурный берег! Наш поезд из Канн сюда, в Ниццу, пришел в три, а вы писали, что вас легче всего застать утром до десяти или с четырех до шести пополудни. Мы тут с трех часов, и я просто не знала, куда себя деть.

Он осмотрелся, никого не увидел и сказал:

— А те, с кем вы приехали, видно, с успехом куда-то себя все-таки дели!

Ольга улыбалась и объясняла:

— Брат пошел в казино. Его жена Вероника, моя сестра Мари, ее вздыхатель Серж и наша экономка Грета составили брату компанию, чтобы он не проиграл в казино и деньги на обратную дорогу.

— Ваш брат игрок?

— Какое там! Скорее, он... не игрок, а вечный проигрыватель.

— Проигрыватель? — улыбнулся он. — Это замечательно сказано... — он что-то черкнул в записную книжку.

— Он всегда проигрывает, — сказала Ольга.

— Грустно, что он играет.

— Он проигрывает и домой всегда возвращается с кактусом в цветочном горшке. Мы уж привыкли: если он идет с кактусом, значит, проиграл.

— Милостивая государыня, да ваш брат, верно, уж небольшую рощу составил из этих кактусов.

— Лес! Целый лес!

— Посоветуйте брату играть по методу писателей.

— А как это?

— В воображении.

— И... можно выиграть?

— Сколько угодно. Вот недавно я выиграл целый мешок франков, и баронесса, что в этом пансионе сидит напротив меня за обедом, решила выдать за меня свою дочь.

— Вы шутите?

— Ничуть. У меня есть документальное подтверждение. Вот... — из записной книжки он достал листок. — Здесь зарисовано с натуры, как я еду в поезде из Монте-Карло с мешком денег.

— Но почему у вас в руке штопор?
— Должен же я хоть чем-то охранять свое богатство!..
— Понятно! Револьвера у вас нет, и в случае чего вы будете стрелять из штопора! Чудно! — она передала ему рисунок, встала со скамьи. — Но знаете... мне страшновато садиться за перевод вашего рассказа. Я накупила словарей, всяких справочников переводчика... Я русская, но здесь больше говорю по-французски и английски. Я усидчивая. Все говорят, что у меня есть характер. Но тут я привыкла к безделью, а это затягивает.

— О, да. Сужу по обитателям русского пансиона: буйное, непролазное безделье.

— А что вы хорошего подделываете здесь?

— Рассылаю подарки, каждый день пишу десяток открыток, отсылаю письма в журналы и издательства, обдумываю старые и новые вещи, пополняю свою коллекцию марок, утром работаю, пытаюсь писать, редактирую свое собрание сочинений, пересылаю книги... и греюсь на берегу на солнышке, блаженствую, чувствую себя французским бездельником...

В это время появилась процессия, которую возглавляли три дамы: сестра Ольги — Мари, экономка Грета и Вероника — жена Петра, брата Ольги. Далее понуро вышагивал и сам брат. В руке его был цветочный горшок с кактусом. Замыкал шествие вздыхатель Серж. На плече у него была тренога с фотоаппаратом.

— А вот и наши! — воскликнула Ольга, Чехов встал, а она стала представлять прибывших: — Моя сестра Мари... Наша экономка Грета... Мой брат Петр... разумеется... с кактусом! А это наша славная... Вероника, жена моего брата Петра. И... Серж... Сегодня он слишком тяжело вздыхает, потому что ему приходится нести мой малюсенький фотографический аппарат. А это... писатель Чехов.

Тот поклонился, а прибывшие рассаживались на скамье, соседней с той, на которую опустились Оля и Чехов. Скамьи стояли не напротив друг друга, а в ряд.

ПЕТР. Да-да, слышаны... В основном, конечно, от Ольги. Антон Павлович, кажется?... А не скажете ли вы нам, господин писатель, отчего зависит удача человека? Удача и, разумеется, успех? Вот, к примеру, я. У меня все было блестяще! Блестяще закончил университет по естественному отделению, ни дня не служил, но с успехом управляю поместьями своей матери. И в плане коммерции я не последний человек и в Одессе, и в Женеве. Увлекался, правда, бильярдом, картишками. Но в меру. А вот последнее время чувствую: земля из-под ног уходит. Коммерция

не удастся, доходы не те, да еще драгоценная наша мать Ольга Никифоровна так серьезно больна, что все эти европейские светила только руками разводят

ЧЕХОВ. Сколько ей лет?

ПЕТР. Семьдесят. Конечно, пожила, и хорошо пожила, дай Бог каждому. Но с ее болезнью будто и удача от меня отвернулась.

ВЕРОНИКА. Прости, но ты не совсем точен. Ты пристрастился ходить в казино, когда Ольга Никифоровна еще была здорова.

ПЕТР. Ах, господи боже мой, Вероника! Эти вечные уточнения!... Тщательность и щепетильность. Но в начале я не так проигрывал. Была удача, была!

ГРЕТА. Когда есть удача, надо сидеть тихо, а не бегать с кактусами в руках!

ПЕТР. Нет, Грета. Это немец удачу к удаче копит. А русский веселится, входит в раж, закатывает в лузу по три шара одним ударом и Бог знает на что способен!

ГРЕТА. Вот удача от него и отворачивается.

ПЕТР. А вы как думаете, господин писатель?

ЧЕХОВ. Право, со всей определенностью я могу сказать только одно: отчего удача отворачивается от человека, я не знаю. И существует ли вообще универсальный ответ на этот вопрос? Вряд ли.

ПЕТР. Нда...

ВЕРОНИКА. Если ты хочешь понять, кто виноват в наших бедах и неудачах, то спроси лучше себя: что делать?

ПЕТР. Кто виноват... Что делать... Дворянские вопросы. Ну? И что же делать?

МАРИ. Я тебе скажу. Надо жить и не гневить Бога и судьбу.

ВЕРОНИКА. Но этого может оказаться мало. Надо ясно, со всей определенностью ответить на вопрос: зачем ты живешь?

ПЕТР. Зачем я живу? Да, господи, нет вопроса проще. Я живу, чтобы все было хорошо. Чтобы и удача была, и деньги, и чтоб люди хорошие попадались.

ВЕРОНИКА. Не слишком ли просто? Ведь простота хуже воровства.

ПЕТР. Ну, не знаю! Эдак мы Бог знает до чего договоримся!

ГРЕТА. Человек живет для счастья.

ВЕРОНИКА. Жить для счастья — это эгоизм.

ПЕТР (к Веронике). А для чего ты живешь? В чем смысл твоей тонкой и благородно организованной натуры?

ВЕРОНИКА. Я живу для моих детей.

ПЕТР. И что же? Это правильно?

СЕРЖ. У нас как в анекдоте. Встретятся двое французов — говорят о революции, а заканчивают женщинами. Встретятся двое немцев — говорят о порядке, а заканчивают войной. Встретятся двое русских, начинают с первой рюмки, а потом ищут смысл жизни.

ПЕТР. Нда, желтого в угол кладу чистым!.. А я вот и попивать стал. Когда целую мать на сон грядущий, то перед этим жую мускатный орех, чтоб по запаху не догадалась о моих теперешних распрекрасностях, дуплет им в самую середину!

МАРИ. Зачем ты купил рулетку? Вы знаете, он купил рулетку и целыми днями бросает шарик.

ПЕТР. Хочу найти некую закономерность в этой подлой игре. Ищу свою систему. И найду!.. И вернусь из Монте-Карло не с кактусом, а с пальмой!

ЧЕХОВ. Приезжал тут... один журналист. Человек талантливый, громкий, веселый. И меня увлек своим намерением разбогатеть в Монте-Карло, выиграть миллион. Он тоже купил рулетку, тоже искал тайну непременного выигрыша.

ГРЕТА. И что же? Выиграл он свой миллион?

ЧЕХОВ. Проиграл все деньги, занял у меня на дорогу и уехал в Москву.

СЕРЖ. Считаю, что это ниже человеческого достоинства — испытывать судьбу с помощью какого-то шарика. Вручать свой успех беспристрастному с виду крупье — еще глупее. Уж если хочешь испытать судьбу, отправляйся во льды египетские и попробуй найти там какой-нибудь свой смысл или Северный полюс. Я говорю фигурально. Свой полюс можно искать и в двух деревеньках, которыми я владею и которые дают мне небольшой, но доход и возможности для приличной жизни.

ОЛЬГА. Bravo, Серж.

ПЕТР. А вот скажите, господин писатель, отчего женщины так влюбчивы именно в писателей? Особенно молоденькие девушки. Вы этого не замечали? Наверняка замечали! Какой-нибудь провинциальный делега напишет в газетку, тиснет свое произведение в журнале, и о нем уж говорят: писатель! Властитель дум! А молоденькие девушки так и вьются возле него, так и носятся, как ослепшие стрекозы.

ЧЕХОВ (нахмурившись). Женщин часто привлекает необычное.

ОЛЬГА. Фотографироваться!.. *(Она уже устанавливала треногу*

с фотоаппаратом.) Смотреть всем сюда. Улыбайтесь. Говорите чииз!.. Господин писатель не так сидит... Не надо сутулиться...

Она накрыла голову черным покрывалом, проверила резкость. Затем зажгла магний — вспышка осветила лица.

В это время послышалась музыка, а у стены пансиона появились в колпаках и цилиндрах бродячие музыканты. Они играли мелодию в миноре, и певец пел, закатывая глаза и заламывая руки.

ПЕТР (громко). Э, нет, господа музыканты! Нет!.. *(Музыка оборвалась.)* У нас и без вас на душе тоска и мерихлюндия!.. Давайте что-нибудь повеселее! Позанозистее!.. Пам-пам-пам!

Музыканты исполнили просьбу. И музыка была ритмична, певец с жаром исполнял куплеты из репертуара кафе-штанов, и Петр пошел в пляс, Грета хлопала в ладоши, Петр увлек в танец Ольгу и вдруг лихо запрыгал возле нее вприсядку.

Музыканты аплодировали, когда танец кончился. Один из них пошел по кругу собирать дань в цилиндр. Все с удовольствием бросали в него деньги, а Петр опустил в цилиндр и цветочный горшок с кактусом:

— Это вам от души, от чистого сердца!

Музыкант поклонился, а Петр обратился к экономке:

— А что, Грета, покажи и ты нам какой-нибудь свой коронный фокус-покус!

— С преувеликим удовольствием, — сказала и сделала игривый реверанс Грета, и воскликнула: — А фот! — и в ее руках появились цыганские платки. — А фот платочки жаркие, платочки цветные... А фот я их связываю... Крепким узлом связываю... — она подошла к Чехову: — Попробуй-ка, золотой мой, крепок ли узел, не слаб ли?

— Крепок.

— А фот? Я всего лишь дуну-дуну на них... Гоп-ля! И никаких узлов... И все платочки целы. Все свободны. Все по отдельности... Фот они... Мои цыганские платочки!

Ей аплодировали.

— Господа, идемте к морю! — предложила Мари.

— К морю! — подхватила Ольга. — Конечно же, к морю!.. — она смотрела на господина писателя и сияла.

И все направились следом за Мари.

2. Канны

В гостиной дома в Каннах Петр и экономка Грета разговаривали при свечах. Грета сидела за столом и раскладывала пасьянс. А Петр в беспокойстве метался по комнате и восклицал:

— Да! Я теперь женат! Сын растет. Наследник. Дочь... Но зачем я женился? Чтобы упорядочить жизнь? Являть пример семейного существования? Увековечить себя в потомстве? Жену я не люблю. Тогда зачем все? Я ничего отныне не понимаю! Мне нужно было на тебе жениться.

— Что вы, Петр Родионович!

— Вспомни: когда ты появилась у нас в одесском имении, молоденькая, веселая девушка, Олина гувернантка... я, юнец, по тебе с ума сходил!

— Но я была старше вас на целых три года.

— При чем тут возраст!

— А мое положение? Я, девушка из бедной семьи, была принята в известный в Одессе дом. Гувернанткой. Я была на седьмом небе от счастья. А вы... глаз с меня не сводили. Но... ведь это обыкновенно: юноши влюбляются в молоденьких гувернанток.

— Нет, мне тогда нужно было дожидаться совершеннолетия и начать жизнь с тобой, а не с моей смоленской дворянкой! Боже мой! Я сам, вот этими, собственными руками, все разрушил, Все уничтожил. Но оказывается, наши чувства не проходят просто так, распрекрасная моя Грета!

— Теперь ничего не вернуть, Петр Родионович. Я — экономка в господской семье. Хорошая, хоть не всеми уважаемая должность. Кстати, вот мой отчет за месяц, — она передала ему тонкую тетрадь, а Петр громким шепотом воскликнул:

— Вы все, все как сговорились быть со мной вежливыми и чужими! Я ей душу изливаю, а она мне... она мне отчет!

— Да разве это так? У меня за вас каждый день сердце болит. Вам бы не пить больше, Петр Родионович...

— Да... Квасу бы... Лазурный берег. А квасу нет.

— Я вам кофе сварю. Сейчас.

Грета вышла. Петр сидел за столом и разглядывал карточные ряды пасьянса. Переложил несколько карт, покачал головой:

— Не выйти этому пасьянсу!..

Вошла Вероника. Она куталась в шаль.

— Мерзнешь? — спросил Петр. — В Смоленске мороз — мерзнешь. В Волсте оттепель — мерзнешь. Тут, в Каннах, среднегодовая температура плюс пятнадцать, а ты все мерзнешь! Ты, верно, мерзнешь оттого, что я ря-

дом или где-то поблизости. А если я далеко, то ты мерзнешь при мысли: а вот он придет! А не завела ли ты себе в Каннах какого-нибудь француза? Или, на худой конец, итальянца? Они на титулы падкие. А ты у нас из графской семьи.

— До сих пор себе удивляюсь...

— Да? И что же ты нашла в себе такого удивительного? — прервал он ее.

— Удивляюсь: как я могла выйти за тебя замуж? Какое-то умопомрачение нашло, угар. Выстроила себе иллюзию и поверила в нее. А веры и самоуговоров хватило на три года. Расстаться? А дети? У меня средств нет, чтобы расстаться.

— И у меня пока нет. Но... рано или поздно я от матери наследство приму. Выделю тебе и детям. И расстанемся. Как мать сегодня?

— Сейчас поднимусь к ней.

Она ушла, а в комнату вернулась Грета с подносом, на котором был кофейный прибор. Петр взял чашку, обнял Грету, тихо сказал:

— Идем ко мне.

— Что вы... Не могу. Сейчас должны Марина с Олей вернуться.

— Ну... потом приходи! — он ушел.

Грета поставила поднос с кофе на стол, вышла в другую дверь и тут же раздался ее вскрик... Она вернулась вместе с Сержем и выговаривала ему:

— Что же вы... сидите в коридоре, впотьмах, я так испугалась! Отчего вместе с Мари и Олей не поехали на виллу к Игнатьевым?

— Устал быть сопровождающим. Устал быть свидетелем того, как за Мари увиваются отроки Милославские и Жеребцовы, а князь изрекает надменные пошлости. А как сегодня Ольга Никифоровна?

— Плохо.

— А что завешание?

— Диктовала неделю назад. Вызвала душеприказчика, нотариуса, адвоката. Петр Родионович по этому поводу беспокоится. Места себе не находит: почему все в тайне от него, от родного сына?

Серж прислушался. Подошел к окну.

— Кажется, приехали. Я пойду встречу.

Он вышел. Грета собрала карты со стола и прошла во внутренние покои дома. А в гостиной появились Мари и Ольга. Обе нарядно одеты. Мари в платье с турнюром. Ольга в атласном белом с кружевами. Мари устало говорила:

— Господи, давала себе зарок: не ходить в Каннах в гости. Но я давно уж пропустила срок, когда о девушке говорят: она на выданье. Приходит-

ся ходить в гости. Князь сегодня был в ударе. И Жеребцов мне понравился. Тихий, таинственный. Сейчас поднимемся к маме, а потом ужинать. Из гостей я всегда прихожу голодная, как волчица весной.

— Почему ты отправила Сержа домой?

— Я устала. Да и Серж давно у нас свой человек, чтобы обижаться. Ты вот что мне скажи... Я тебя последнее время редко вижу. И мы не открываем, как раньше. Как твой перевод на английский?

— Трудно. Оказывается, я не знаю таких простых слов, как подвода, картуз.

— Спросила бы у меня.

— Нет, я эти слова знаю. Но я писала господину писателю о своих якобы затруднениях. Он мне отвечал, разъяснял. И очень терпеливо. Такой человек... а вежлив, прост. Мы встречались. Оказывается, он не был в старой Ницце. Я повела его в эти узкие улочки с готикой и отсыревшими домами. Он вспомнил свой Таганрог, Сахалин. Говорил, что хотел бы отправиться в путешествие...

— Но ведь у него процесс в легких. Он приехал лечиться.

— Слава Богу, он и путешествует в воображении.

— В девяносто девяти случаях его болезнь неизлечима.

— А я уверена, что ему и выпадет этот один-единственный счастливый случай.

— Дай-то Бог.

— Теперь он здоров и уехал. В Париж, а потом в Москву.

В гостиную вошел Петр и сразу же обратился к Ольге:

— Оленька, я посмотрел отчет Греты за прошлый месяц и удивился твоим странным почтовым расходам.

— Что же тебя удивило?

— Ты вдруг стала пересылать книги в библиотеку какого-то неведомого никому Таганрога. Ну это еще ладно. Но ты отправила двести книг в Одессу, в Театральный переулок, какому-то Меркульеву... И оплатила пересылку этих книг на Сахалин! У тебя какое-то интересное знакомство есть и на Сахалине?

— Просто я узнала, что там на каторге совсем нет книг.

— На каторге?.. То-то я смотрю: почему это в Монте-Карло петербургские тайные агенты стали посматривать на меня с таким интересом! Ну а что это за обмен телеграммами с нашим русским посольством в Париже? В результате пришел громадный счет, который ты оплатила.

— Господину писателю, с которым я тебя познакомила в Ницце,

для работы срочно понадобился стихотворный текст Некрасова. Он попросил меня помочь. Но где во Франции найдешь Некрасова? Я обошла всех знакомых — ни у кого нет. Тогда я дала телеграмму в наше посольство с просьбой помочь. Они дали телеграмму в Москву, в Румянцевскую библиотеку, и оттуда телеграфом выслали нужный текст в посольство, а они мне.

— А ты все это оплатила.

— Да.

— Ты не подумай ничего дурного, но ведь денег, которые я тебе выдаю на карманные расходы, совершенно недостаточно, чтобы пересылать на Сахалин книги или загружать телеграф стихами!

— Деньги мне дала мама. Я рассказала ей о Сахалине, а потом о господине писателе, и она дала мне деньги.

— Да? Распрекрасно. Ты не подумай ничего лишнего, ради Бога, но ты истратила пару сотен золотых... А вот когда тебе потребуются тысячи, когда ты начнешь разорять нас, то прошу покорно, ты уж предупреди меня!

Мари немедленно вступилась за сестру:

— Как ты можешь такое говорить, Петр?! Оле понадобились деньги на добрые дела. А ты каждую неделю проигрываешь тысячи в казино!

— Я играю на свои! А она играет в доброту на чужие деньги!

— Если так, то я заработаю. И отдам, — заявила Ольга, но Мари потребовала от Петра:

— Ты должен извиниться перед ней. Иначе я подробно переговорю обо всем с мамой.

В это время в комнату из внутренних покоев вбежала Грета и, запинаясь, сообщила:

— Ольге Никифоровне... плохо... Я послала за доктором... но... боюсь, что поздно...

Ольга и Мари поспешно ушли во внутренние покои дома, а Петр спросил:

— Что значит: поздно?

— Дыхания нет. Пульса как мы с Вероникой ни искали, не нашли...

Петр тяжело опустился на стул. А Грета тихо говорила:

— Я... скажу вам о завещании, Петр Родионович. Теперь можно. Я из своей комнаты слыхала, как она его диктовала. Основная наследница — дочь. Но не Мари. А падчерица. Ольга Родионовна. Ей почти все.

Петр помолчал и спросил:

— Значит, неродной дочери почти все. А что же мне?

— Только смоленское имение.

В комнату вошла Ольга и молча остановилась у кресла.
— Что? — спросил Петр.
Ольга не отвечала.
Вошла Мари. Ничего не говоря, она передала черный платок сестре, и та покрыла им голову. Мари покрыла и свою голову вторым черным платком.
Петр подошел к ним, обнял.

3. Мелихово

Под перезвоны дверного деревенского колокольца Ольга шла за сестрой Чехова Марией Павловной и объясняла:

— Я и вам писала, Мария Павловна, и Антону Павловичу, но, видно, что-то с почтой... Я писала, что приеду в Мелихово. Вы ведь свободны в субботу от гимназии и приезжаете сюда. Мне хотелось и с вами повидаться, и с Антоном Павловичем...

Оля была в дорожном платье, несла в руке небольшой саквояж и осматривалась в гостиной, где мать господина писателя Евгения Яковлевна перекладывала из узелка в лукошко куриные яйца. Мария Павловна сказала, и довольно сухо, Ольге:

— Антона Павловича нет. Уехал к больному.

— А что, разве он практикует? — спросила Ольга.

— Нет, — ответила как отрезала Мария Павловна и обратилась к матери: — Мама, это Ольга Родионовна Васильева, знакомая Антона по Ницце, — она повернулась к Ольге: — Маму нашу зовут Евгения Яковлевна.

Евгения Яковлевна всплеснула руками над лукошком:

— Ах, я, кажется, со счета сбилась. Восемнадцать или девятнадцать?..

— Я пересчитаю, — успокоила ее дочь, а Евгения Яковлевна подошла к Ольге, с большим интересом ее рассматривала и говорила:

— Антоша не практикует, не лечит, как прежде, всю волюсь. Не до того. Сам хворый. Мы строго крестьян предупредили насчет этого: к доктору больше не приходить. Сам заболел. А они все идут и идут. Мы и Антоше наотрез сказали: забудь о своей медицине! И садом не занимайся. Отдыхай, лечись. Может, он вас послушает? Вы уж ему скажите. А то, не ровен час, опять у него кровь пойдет.

— Кровь?

— Он и докторам не хочет показываться. Вот и в вашу Ниццу в прошлом году попал. Там-то подлечился, а тут опять все по-старому пошло. А вы кто же, милая моя, будете, откуда, кто родители ваши?

— Родители мои... Давно умерли...
— Детка несчастная...
— Но меня удочерила моя названная мать, царство ей небесное, удочерила и вырастила, и многое из того, что ей принадлежало, она завещала мне.
— Какая ты счастливая! И хорошо, что приехала не спросясь. Ведь Антоша-то... он гостей любит, да приезжают всякие и едят, и едят, и ночуют, и ночуют.

— Девятнадцать, — сказала Мария Павловна.

— От хорошо. Девятнадцать-то всегда лучше, чем восемнадцать.

Мария Павловна ушла с лукошком во внутренние покои дома.

— Ты ее не бойся, — понизив голос, сказала Евгения Яковлевна. — Она живет ради Антоши. И за Левитана — художника — замуж не пошла, и за другого хорошего человека — он предложение делал — выйти отказалась, потому что она для брата только и живет. Она строгая. Но даст Бог — найдется и ей суженый. Ты-то не замужем, дитынько?

— Нет, что вы, но знаете, я вас именно такой себе и представляла. Да я вам гостинец привезла... — из небольшого саквояжа она достала сверток. — Тульские пряники.

— Да это праздник у нас сегодня с пряниками... — она развернула сверток. — В твоей Ницце, поди, таких пряников нет.

— Нет, конечно.

— Не умеют. А вот лечат хорошо.

— А я перевела рассказ А. П. и опубликовала его в Англии!

— А. П.?

— Так я Антона Павловича называю. Он мне прислал новые рассказы. Перевожу "О любви", "Крыжовник". Он мне написал, благодарил, но стал почему-то называть "Ваше высокоблагородие"...

— Это он шутит. И я, когда мне кто-то нравится, всегда шучу. Он весь в меня.

— А я хочу попросить у вас помощи, потому что я решила выпустить литературный сборник в помощь бедствующим в Самарской губернии. В нем будут участвовать и Толстой, и Бальмонт, и академик Куликовский, но А. П. не хочет. Тогда я решила посвятить этот сборник ему, но он не разрешает.

— А вот я поговорю с этим А. П. по-своему. Правда, он неважно себя чувствует. Из Ниццы приехал здоровым, помолодевшим. Просто не узнать. А теперь все снова. Да еще в Крым, в Ялту нас уговаривает переехать. Маша, Мария Павловна, ездила в Ялту смотреть участок. По ее

расскажам я поняла, что мне одной там будет хорошо — кладбище за забором. Помру — и никаких хлопот — все под рукой!

— Я была в Ялте! С Антоном Павловичем мы, к несчастью, разминулись, не встретились... Но я была на участке под дачу. Просторы там чудесные, горы, море бирюзовое внизу. Может быть, и я там дачу себе построю. И ведь как дешево!

— Конечно, если оно так, если просторы да еще такая барышня-соседка в гости приходить будет...

В это время вошла Мария Павловна и сказала:

— Антон приехал.

— Вот и хорошо, — сказала Евгения Яковлевна. — Пойду-ка я, скажу Арсентию, чтоб самовар ставил. Будем чай пить с тульскими пряниками из Ниццы...

Она ушла, а Мария Павловна спросила Ольгу:

— Вы приехали с расчетом, чтобы побыть у нас несколько дней?

— Нет, что вы. Я сегодня же уеду.

— Поезда вечером нет.

— У меня свой экипаж. Вы не волнуйтесь, Мария Павловна. Я знаю, что Антон Павловичу нужно отдыхать.. Но... как же вы его отпускаете, к больным, чтобы он лечил... Ведь такие поездки для него, по-видимому, трудны.

Мария Павловна внимательно и долго смотрела на Ольгу, а потом, ни слова не говоря, ушла.

Оля была в растерянности, прошла в красный угол и перекрестилась перед иконой.

Чехов вошел, снимая плащ, и остановился, увидев Ольгу.

— Здравствуйте, милостивая государыня, — весело сказал он. — Видел во дворе ваш экипаж, расспросил фореятора, так что знаю: вы где-то поблизости, и не только поблизости, а даже в моем доме. Чудно! — как вы говорите. Чрезвычайно рад вас лицезреть.

— И я. Вас.

Он нарочито внимательно осмотрел ее и сказал:

— А вы весьма изменились. И не в дурную сторону. Юная мадемуазель уступила место настоящей леди, но я все-таки хотел бы, чтобы леди кое в чем сразу признались! Вам ведь, несомненно, известно, что мы тут и в Мелихово устраиваем школу. И две недели назад мы получили денежный перевод от неизвестного лица на пятьсот рублей. Признавайтесь: неизвестное лицо — это вы?

— Нет-нет. Я впервые об этом слышу.

— Ну... как хотите.

— Я знаю, что в театре была читка ваших "Трех сестер".

— Если вы это знаете, то знаете и все остальное.

— Говорят, что во время обсуждения вы незаметно ушли из театра.

— Беру пример с ваших любимых англичан и учусь уходить по-английски. Но у меня плохо получается: судя по всему, мой незаметный уход из театра замечен всей Москвой.

— Потому что многие, как и я, смотрели вашу "Чайку" в Москве бесконечное число раз.

— "Чайка" мне, вроде бы, удалась. А вот с "Тремя сестрами" дело швах.

— Если вы шутите, то все замечательно. Но все-таки: почему вы ушли во время обсуждения пьесы? Вы заведомо не любите чужих мнений? Вас возмутило то, что говорили актеры?

— Говорили, что это вообще не пьеса, что ролей нет. Я писал веселую вещь, а на читке были слезы. Мое недоумение, видно, было столь велико, что я ушел.

— Они ничего не поняли в вашей пьесе!

— Как я недавно писал Комиссаржевской в Петербург — она хотела играть "Три сестры" в свой бенефис, — эта пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная... Я прочитал ее недавно другими глазами и убедился в этом.

— И принялись переделывать?

— Потихонечку.

— Не переделывайте, прошу вас! — воскликнула Ольга. — Все они, кто был на читке, должны на колени перед вами встать!

— Что вы, что вы, Ольга Родионовна! Вы так добры ко мне... Вы не были на читке, а там высказывали и дельные замечания.

— Забудьте, забудьте о них!.. — она процитировала из "Трех сестер": — "Музыка играет так весело, так радостно и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать..." В пьесе такая музыка этого вопроса, такая горечь. В ней много ответов на то, о чем мы говорили в Ницце.

— Вы знаете пьесу?

— Мне придется сознаться в преступлении. Я подкупила переписчика, и он сделал один экземпляр для меня.

— Но это просто невозможно слышать, милостивая Ольга Родионовна! — сказал он с улыбкой. — Дайте мне слово, что больше не будете так поступать. Впрочем, я уверен, что вы не станете больше идти на преступ-

ления, потому что в следующий раз я непременно буду сам посылать вам один экземпляр того, что напишу. Но пьесу я все-таки переделываю и стараюсь не портить. Вы правы: музыка, то есть пьеса, может быть веселой и радостной, но горечь из-за отсутствия ответа на вечный вопрос обязана звучать. Вы так добры ко мне, милостивая государыня, что я тоже хотел бы сделать для вас что-нибудь хорошее.

— Если я попрошу, вы сделаете?

— Все, что в моих силах.

— Не живите зимой здесь. Да и в Ялте. Там сыро, ветер, дожди. Поезжайте на зиму в Ниццу. Я там сняла дом. Но обещаю: докучать вам не буду. Когда позовете — буду приходить.

— А вы знаете, действительно, почему бы не уехать? И именно в Ниццу. Весна — мое время года. А там всегда весна. А потом... Путешествовать! Охота к перемене мест меня преследует всю жизнь. Начать с Италии и обязательно добраться до Неаполя. Но поступить вопреки пословице: "Увидеть Неаполь и умереть!". Куда как лучше: увидеть и жить.

— Значит, решено?

— Решено.

В гостиную заглянула Мария Павловна:

— Мама приглашает всех к самовару.

— Нет-нет-нет, — поспешно ответила Ольга. — Я с большим удовольствием, но... теперь у меня дела в Москве. И столько всего сразу... нужно успеть.

В дверях появилась Евгения Яковлевна:

— Какие могут быть дела на ночь глядя? Разве это по-соседски? Без чая я тебя не отпущу, соседка, — затем она объяснила сыну и дочери: — Ольга Родионовна обещала жить с нашим кладбищем в Ялте по соседству.

— Спасибо, спасибо вам... — говорила Ольга у дверей. — Но у меня еще в Алексине небольшое дело. Обязательно надо быть. И не провожайте...

Она быстро вышла. Оставшиеся в гостиной переглянулись, и А. П. все-таки пошел проводить гостью.

5. Ницца

Ольга, Мари и Грета пришли сюда, к скамейкам и фонтанчику возле пансиона Рюс. Здесь золотились цветы в распахнутых окнах, была слышна музыка знакомого оркестрика бродячих музыкантов. Грета осмотрелась по сторонам и спросила:

— Так где же твой господин писатель?

— Уехал. И получилось все так нескладно!

Они сели на скамью, и Ольга продолжила:

— Здесь, в Ницце, мы изредка виделись, писали друг другу о пустяках. Он был здоров. А потом загрустил, говорил, что с его никчемным здоровьем все потеряло хоть какой-нибудь смысл, все не так и во многом кончено.

— К сожалению, великому сожалению, он, видно, не ошибается в отношении себя, — сказала Мари.

— Нет-нет. У него бывают такие минуты... Но потом он собирался с приятелем в Алжир. Вместо лечения — Алжир! Я с ума сходила, но что я могу? Уговаривать, объяснять?

— Надо было потребовать! — сказала Грета и, вздохнув, продолжала: — Жаль, что я никогда никого не любила. Влюбленности были, но это все не то. Если бы я оказалась на твоём месте... да небу стало бы жарко!.. Недаром во мне есть и капля цыганской крови!

Мари встала со скамьи, подошла к фонтанчику, набрала воды в ладонь, выпила и весело сказала:

— А мне-то что делать?! Ну, допустим, мне нравится Борис Храповицкий. Джентльмен. Милый. Богатый. Но как я могу за него выйти замуж?

— Способов много, — сказала Грета. — Я советую воспользоваться самым древним.

— Это каким же?

— Сочетать предельное внимание с полным безразличием. То есть так сбить его с толку, чтобы он и спал с вытаращенными глазами.

Мари села на скамью и сказала:

— Но ты же знаешь мою фамилию.

— Жеребцова. И что же?

— А что по Москве будут говорить? Будут говорить: Жеребцова вышла замуж за Храповицкого! Жеребцова за Храповицкого!.. — она и сама рассмеялась. — Ведь это ужас!

Грета спокойно возразила:

— На Москве всегда так: поговорят-поговорят — и завидовать станут.

Мари обняла Ольгу:

— Девочка моя дорогая, ты на нас не обращай внимание. Это мы тебе завидуем. Ну? Что?.. Уехал твой А. П. в Алжир?

— Нет, слава Богу, — ответила Ольга. — Не уехал. Задул мистраль, и он поездку в Алжир отменил. Я пошла в здешнюю православную церковь, купила тридцать семь свечек, по числу его лет, заказала молебен и объяс-

вила ему, что переведу все его пьесы, и взялась за "Дядю Ваню". Какая грустная, как и он сам, пьеса! Он уехал дилижансом в Италию, а я знала, что он приедет в Неаполь и, конечно же, помчалась туда на всех парусах морем. Да! Вы должны знать... У нас с ним теперь есть дочь.

— Вот это правильно! — воскликнула Грета. — С этим — нечего тянуть!

— Когда он пишет мне, то всегда нашей дочери Марусе не только кланяется, но и велит слушаться меня, одним словом, всячески воспитывает и дает мне советы.

— А дочь на кого больше похожа? — спросила Грета.

— Вся в него. Смешливая и грустная.

Мари была поражена услышанным и спросила:

— Постой, но как же... дочь?! Когда?..

— Что за вопрос? — пожала плечами Грета. — Если по любви, то детей не удержишь. Сами выпрыгивают на свет Божий.

— Успокойтесь, — сказала Ольга. — Я девочку на воспитание взяла. И А. П. называет ее своей дочерью.

— Понимаю, — кивнула Грета. — Ты сделала обходной маневр.

— Я ждала А. П. в Неаполе, — говорила о своем Ольга. — В гостинице с жутким названием "Везувий". Он думал в ней остановиться. Но он все не ехал и не ехал! И тут я узнала, что в Риме, где он был, выпал снег и адски холодно! Это при его-то легких! Я написала ему в Рим. Ведь у него не было теплых вещей с собой! Вот уж поистине небеса восстали против нашей встречи в Неаполе. Но моя тревога за него вдруг прошла, слезы высохли, потому что я подумала: если мы не встретились в Неаполе, можно повидаться в Одессе. Я написала ему, что хочу продать свое имение с вишневым садом в Одессе. И А. П. мне сразу же ответил! Из Рима пароходом он отправился в Одессу. Но пока шло письмо ко мне, он уж оказался в Ялте. Оттуда А. П. написал мне, что в Одессе он поговорил с редактором "Одесских новостей" о продаже имения, встречался с маклером и поручил ему все разузнать, но так, чтобы не тревожить нашего старого дворецкого... Он советует не спешить с продажей! Подождать год-другой. И это просто замечательно!

— Ждать? — пожала плечами Грета. — Я всю жизнь жду чего-то и совсем не нахожу это замечательным!

— Но у нас с ним теперь еще одно общее дело... Жалею, что однажды я ему написала, как полоумная сектантка: "Если уж возводить культ, так до конца... Благословите меня на служение Вам". Ужас. Это я сейчас понимаю! А тогда... ему только и оставалось, что бежать от меня или смеяться. Он

уступил права на свои сочинения всего за восемьдесят тысяч! Моя усадьба с вишневым садом в Одессе стоит триста! Да если бы я чуть раньше получила наследство, я сама бы занялась изданием всех его произведений!

— Ты что же, хочешь стать для А. П. тем, кем была баронесса фон Мекк для Чайковского?

— Не знаю. Ничего не знаю.

— Оля-Оля-Оля. Ты действительно не в себе.

— Просто я хочу большего, чем все! Но как это сделать? Как повернуть стрелки, чтобы магнит обратил только на тебя свое внимание?

— Оля! Если ты так полюбила своего А. П., то...

— Что?

— Ты пропала.

— Ну, тогда... Да здравствует мое пропадание!

В это время появились бродячие музыканты, а исполняли они веселую ритмичную мелодию. Но Ольга почти ничего не слышала и говорила о своем:

— Я мечтаю, как я с господином писателем встречусь в нашем старом вишневом саду... И обязательно после апрельского дождя. И когда мы с ним войдем в мой сад, и будем говорить, говорить... то в саду бело-розовые ангелы, а вовсе не цветы, будут стряхивать на нас дождевые капли...

6. Одесса

Вот и сошла пелена тумана, и маячившие в воображении, будто за тюлевым занавесом, старые, но все еще крепкие и цветущие деревья вишневого сада возникли над обрывом к морю неотвратимой реальностью. Вероника, жена Петра, была в нежно-сиреновом платье. Она прошла по саду, заглянула в беседку и скрылась в ней. Затем явились в белых чесучовых костюмах мужчины с ивовыми тросточками, а за ними возникли в светлых платьях дамы, в шляпках, из-под которых цвели их взоры. Все они перемещались, вышагивали, даже странствовали меж темных стволов и праздничных купин деревьев. Только один старый дворецкий, а теперь управляющий имением, Василий Лукашов то маячил при ограде, то присаживался на высокий и, в общем-то, неловкий для сиденья серебристый табурет и говорил, говорил, теребя застежки на своей древней шитой золотом ливрее:

— Возле наливного колодца земля просела... а потом и в самом колодце трещины пошли, кладка осыпалась... Я завел бочки, и поливали огород и сад напрямик из них... В первую голову бабушкину вишню спасал. Ду-

маю, покойница мной, недотепой, довольна. И с того света может явиться на свой балкон посреди лета и полакомиться вишней прямо с веток, как она любила.

В мужчинах и дамах, фланирующих по саду, можно было узнать вздыхателя Сержа, Петра — брата Ольги, ее сестру Мари, экономку Грету и саму Ольгу Родионовну.

ОЛЬГА (она была возле увитой плющом беседки). Для меня не было места загадочнее и таинственнее, чем наша беседка. А гусеницы, а жуки, а бабочки... Это был целый мир.

На один из расставленных в саду шезлонгов первым уселся Петр. Уселся и занялся раскуриванием сигары.

ПЕТР. Драгоценная Грета... А почему бы тебе не показать нам, как когда-то в нашей распрекрасной юности, свою какую-нибудь замечательную иллюзию?

ГРЕТА. Что вы, Петр Родионович. Осмотритесь: иллюзия перед вами!..

ПЕТР. Да где же иллюзия?

ГРЕТА. А этот сад? Мой отец, в котором текла цыганская, еврейская и немецкая кровь, говаривал: "Иллюзия без реальности — это вишня без косточек. Сладко, а горчинки не хватает".

ПЕТР. Да он не фокусник был, а прямо тебе философ!

ГРЕТА. Поэтому и меня отдал сюда, в гувернантки, хотя я уж многие его фокусы научилась показывать. Он говорил: "Цирк — это грусть в чистом виде. Не хочу, чтобы моя дочь всю жизнь грустила".

ПЕТР. И что же? Ты здесь, у нас, все время веселилась? Нет. Твой папаша был неправ. Жизнь вообще грустная штука. Мари! А ведь наша с тобой юность прошла в этом саду! Мать удочерила Ольгу, когда ей было от горшка два вершка, а мы с тобой по теперешним меркам уж взрослыми были. Помню сохнувших по тебе гимназистов, а потом влюбленных студентов, помню всех наперечет.

МАРИ. А ты у нас был однолюбом.

ПЕТР. Да. К несчастью. (Он с нежностью смотрел на Грету и продолжал.) Как Грету распрекрасную увидел, так и пропал. Но почему пропал? Рядом с ней я... восторженно жил! Несчастье потом случилось, когда мать настояла, чтобы я женился на моей теперешней дворяночке.

ОЛЬГА. Так говорить — нехорошо.

ПЕТР. Про меня и Грету все всё знают.

В это время жена Петра Вероника вышла из беседки. Возникла неловкая пауза.

ВЕРОНИКА. Мой муж говорит все это не только при своей любви-нице Грете, но и при мне... своей законной жене.

Вероника выглядела подавленной и лишний здесь.

ПЕТР. Ну вот. Явление святой в цветущем саду!

ВЕРОНИКА. Тут такой воздух... запах моря перемешивается с цветочным... Мне тяжело дышать. И в беседке я будто уснула, и во сне так отчетливо слышала ваши голоса. Неприятный был сон!.. Вся моя жизнь — сон.

ПЕТР. Вероника... я заранее прошу у тебя за все прощения!

ВЕРОНИКА. Как там, у Шекспира, по этому поводу?.. Прощенье просит тот, кто ненавистью вскормлен... Забыла. Я про настоящую свою жизнь забыла. Мне бы уехать. Но... куда, к кому? Своих средств у меня нет, чтобы уехать...

ПЕТР. Послезавтра мы уезжаем.

ВЕРОНИКА. Как скажете, Петр Родионович. Как скажете.

Она медленно пошла из сада, а Ольга обняла ее. Они ушли.

ПЕТР. Ах ты, господи!.. Ольга всегда меня будто толкает к прямоте! Вот я и высказался.

МАРИ. При чем тут Оля?

ПЕТР. Да при том, что тут у нас образовался несуразный социальный симбиоз!! И бабка Ирина, и мамочка были из купцов. Оля вообще неизвестно каких кровей. А меня женили на дворянке. Да и тебя, Мари, окружили женихами из этих гнезд. Вот мы и мучаемся.

МАРИ. Я не мучаюсь.

ПЕТР. Конечно! Тебе нравится кружить головы, а вот выйдешь за какого-нибудь графа Храповицкого, тогда что-нибудь и поймешь.

СЕРЖ. Как? За графа?.. Мари, разве это решено?

МАРИ. Совершенно ничего не решено! Успокойтесь, Серж. (Она поцеловала его в голову.) Я вас люблю, и всегда буду любить.

ПЕТР. А я что могу поделать, если Вероника о Поль де Коке рассуждает и все время берет в свои защитники Шекспира, а я, несмотря на всю свою образованность, больше думаю о лошадях и овсе.

МАРИ. Нехорошо все получилось, Петр. Она все слышала из твоих уст. И о тебе, и о Грете.

ПЕТР. Да чего уж там! Она все знает. Да все всё знают! А Ольга... Хотя я ее и люблю, но при ней у меня все идет как-то наперекосяк. Недаром мать-покойница называла ее: наш судия!

ЛУКАШОВ. А помню: сидела эта судия у меня на закорках...

ПЕТР. Судия? А судьи да прокуроры всегда у кого-нибудь на закорках сидят!

ЛУКАШОВ. Нет, это я вспомнил, как мы спускались по Ирининой лесенке к морю. Оленька у меня на закорках была, вы, Петр Родионыч, впереди вприпрыжку бежали, за вами Мари прыгала, за мной Грета ползла по камням... А взрослых господ, царство им поднебесное, в наши купальни кучер, турок, вез в коляске по Военному спуску, в объезд. А вы уж все в воде, все мокрые! И звали мамочку побыстрее купаться.

Вернулась Ольга. Она молча села в шезлонг.

ПЕТР. Эх, положил бы я сейчас чистый шар в середину! Но давайте о деле. Вот что не укладывается у меня в голове: разве можно все это продавать? У кого рука поднимется продать лестницу к морю, наши веселые купанья?.. Мари! Разве можно продать святую бабушкину вишню у ее балкона?

МАРИ (*и она села в шезлонг*). Жалко.

ОЛЬГА. Вы видели этот балкон? На него теперь и ступить страшно. А вишня наполовину из сухих веток.

МАРИ. Но их можно удалить. Вовремя обрезать, ухаживать. Удобрять.

ОЛЬГА. Это говорить легко. Но какими длинными ножницами ты из Женева собираешься в этом саду обрезать ветки? А расходы? Пусть Грета скажет, во сколько мне обходится это имение.

ГРЕТА. Хозяйство убыточное. (*И она села в шезлонг.*) Раньше жильцы были, а теперь их и варениками с вишнями не заманишь. Каждый год убыток в тысячу рублей.

ПЕТР. Я вывернулся бы наизнанку, а деньги нашел бы. Ну, хоть на первое время. Но только чтоб не продавать. Как можно продать твою заветную беседку, сказочную вишню?

Ольга встала и отошла к ограде.

СЕРЖ. А ведь тут, как я вижу, на века строили. (*Он уселся в шезлонг.*) Дорические колонны. Самый внушающий стиль. Неподалеку отсюда дворец князя Воронцова. Там ведь тоже основательные постройки дорического ордена. И конюшни такие же. И сад.

ЛУКАШОВ (*дворецкий, будто нахохлившись, сидел на высоком табурете*). Старая госпожа Ирина Владимировна, дай ей Господь радости и на том свете, хотела и тут, как у князя, львов у въездных ворот поставить. И колоннаду устроить не хуже княжеской. Но не успела. Призвал ее Господь в свои райские чертоги с тамошними львами и колоннадами.

Теперь все сидели в шезлонгах, и только Ольга все еще переходила от дивана к дереву.

ОЛЬГА. Конечно, и у меня сердце разрывается. Но что делать, если тут все в убыток. И потом, по справке одесской Думы тут все строения ветхи и никуда не годны. Каждый год сад уничтожает оползень. А четыреста саженей сада вообще принадлежат городу.

ПЕТР. Мать платила за все имение с тысяча восемьсот пятьдесят девятого года. Сорок два года платила! Так что это не вопрос. Четыреста сажен отвоюем за давностью владения. У нас здесь всей площади две тысячи четыреста тридцать девять сажен! Хоть ипподром устраивай. А если поставить два-три доходных дома?

ГРЕТА. А с каких средств?

ПЕТР. Сообща найдем! Или коттеджи для дачников выстроить? Ведь это же распрекрасные доходы!

ОЛЬГА. А как же моя заветная беседка, бабушкина вишня?.. Все сломать, вырубить?

ПЕТР. Ну, не знаю. Да я просто не понимаю, чего ты хочешь! (*Он повысил голос и встал.*) Что? Прикажешь ждать, когда все наше детство и юность рухнут в этот проклятый обрыв к морю?! Да это же шар не в лузу, а через борт на пол! А не лучше ли, пока не поздно, укрепить берег, потом понастроить доходные дома? Конечно, все наши плантации и сад придется похерить. Но дивную вишню и твою беседку можно оставить... в качестве раритетов.

МАРИ (*она тоже встала и отошла к ограде сада*). Я думаю, что Петр говорит дело. Конечно, Оля, тут все принадлежит тебе. Но ты вызвала нас на совет. И правильно сделала. Мы все-таки гораздо старше тебя. И мы ценим, что ты советуешься с нами.

СЕРЖ. Да! (*Он встал с шезлонга и поцеловал ей руку.*) Но тут, милая, самая моя милая Мари, тут налицо дилемма. Имение разрушается, а посему: надо или продавать его как можно быстрее, пока его не проглотило время и оползень, или срочно холить и лелеять, реставрировать и ухаживать.

ЛУКАШОВ. Эх, знали бы старые господа, о чем мы тут гуторим! (*Он подошел к ограде.*) Одного в толк взять не могу: куда вы меня, недотепу, если продадите имение, денете? Нет! Уж вы меня тут замуруйте!.. В этом будет моя последняя просьба.

ГРЕТА. Оставьте вы это, Василий Лукич! (*Она поднялась и прошла к беседке.*) Вот, к примеру, если бы я купила вишневый сад, я бы вас тут выращивала, как живой памятник саду...

В странном этом броуновском движении в вишневом саду теперь можно было отметить, что все стояли, и только Ольга была в шезлонге.

ОЛЬГА. Милый мой Василий Лукич... Да, конечно же я о вас подумала в первую очередь. Если после продажи вы не захотите жить здесь, я сниму вам квартиру, назначу пенсию. А имение я думаю продавать с условиями. Во-первых, чтобы вишневый сад был сохранен. А во-вторых, чтобы все тут оставалось по-прежнему.

ПЕТР. Это наивно. Если человек покупает, да еще за такие деньги, он рассчитывает быть хозяином... властелином! Покупателя со своими условиями ты не найдешь. А если и найдешь, то это будет такой прохиндей, что вмиг перепродаст имение без всяких условий.

ОЛЬГА. Если мои условия не будут соблюдены, контракт будет разорван.

ПЕТР. Да все эти твои условия можно обойти за одну взятку судейскому чиновнику! Продашь — и тут понастроят дач, коттеджей! Будут грести деньги лопатами, а ты будешь кусать локти. И каков будет результат? Ну... получишь ты своих триста тысяч. Куда ты их употребишь? Зачем они тебе?

ОЛЬГА. Я хочу построить больницу. Хорошую, может быть, самую лучшую.

ПЕТР. Где?

ОЛЬГА. Здесь, в Одессе, или в Крыму, или хоть у тебя в Смоленской.

ПЕТР. Да? Ну, во-первых, деньги твои в нашей воровской губернии враз разворуют. А во-вторых, я этого никогда не допущу!

ОЛЬГА. Так это замечательно, Петр! Если ты возьмешься, то с твоим опытом мы построим больницу!

ПЕТР. Да нет, Оленька! Нет. *(Он встал за ее спиной и обнял.)* Мне придется поступить иначе. Мне придется опротестовать завещание моей родной матери в суде. Это будет иск о том, что мама была не в себе, когда завещала одесское имение с вишневым садом и другие владения падчерице, неродной дочери и, по сути, ребенку. И уверяю тебя, я выиграю это дело! *(Он подошел к столику, на котором было вино и фужеры. Налил вина, поднял бокал...)* Обдумай все это, моя дорогая. А теперь я хотел бы выпить за успешную иллюзию, которую приготовила нам наша милая Грета.

ГРЕТА. Не надо, Петр Родионович!

ПЕТР *(он выпил)*. Надо. Ведь ты обещала. Ты что-то готовила...

ГРЕТА. Это неважно.

ПЕТР. Важно! Иллюзии гораздо нравоучительнее, чем все наши реальные дела.

Грета помедлила и вошла в беседку. Повернулась лицом к зрителям и молча задвинула заранее приготовленную занавеску. Теперь Грету никто не видел.

И вдруг занавеска начала тлеть, дымиться, а затем в мгновение ока сгорела. А Грета исчезла.

СЕРЖ *(он заглянул в беседку)*. Грета!... *(Потом он обернулся к остальным.)* Нет ее... Совершенно исчезла...

ПЕТР. Пью за то, чтобы она возникла из пепла, как птичка Феникс!

ЛУКАШОВ. Свят, свят, свят...

ПЕТР. Серж! Идем-ка в конюшню. Посмотрим лошадей. Нам завтра в Аркадию ехать.

СЕРЖ. Но как же...

ПЕТР *(он обнял Сержа)*. Не волнуйся. Может, мы завтра нашу Грету встретим в Аркадии!

СЕРЖ. В Аркадии? У древних греков Аркадия... это, кажется, на мысе Пелопоннес... Там у них обитали боги...

ПЕТР. Насчет богов не знаю. А вот соблазнительных муз одесская Аркадия нам представит в избытке! *(К Лукашову.)* Идем, старичок!.. Взглянем на лошадей — не похожи ли они на аркадийских муз?

ЛУКАШОВ. Лошади, музы... Свят, свят, свят...

Они ушли. Мари и Ольга остались в саду одни.

— Но где же Грета?.. — спросила Ольга.

— Она уж где-то в доме. Я знаю этот ее фокус, — ответила Мари и села в шезлонг. — Какой тяжелый день. Пока ехали сюда, я ждала этого разговора. И боялась его.

— Милая, милая Мари... — Ольга на мгновение приткнулась к сестре. — Неужели Петр так и поступит, как говорил?.. Спор о завещании, нечистоплотные суды... Что это? Я в толк взять не могу! С тех пор как я начала что-то понимать, я всегда была при вас, мы жили заодно. А теперь не понимаю... Мама почти все завещала мне, и это очень тяжело. Я рассчитывала на вашу помощь. А Петр...

— Да он потрясен тем, что тебе досталось все! Правда, я верю в твое благоразумие. Но скажи мне: зачем тебе нужны такие большие деньги?

— Я хочу выкупить у тебя твою половину нашего женевского дома, — сказала Ольга. — Устроюсь в Женеве. Поступлю в университет. Ты обосновалась в Москве со своими интересами. А приедешь в Женеву — будешь жить у меня. Ведь и тебе сейчас нужны деньги.

— Да! Но меня ты не проведешь. Ведь твой господин писатель в про-

шлом врач. И насколько я понимаю, эту свою лучшую больницу ты хочешь построить для него?

— А что? Ты против?

— Я просто хочу уразуметь, на что ты рассчитываешь.

— Да ни на что я не рассчитываю!

— И все-таки я не понимаю: кем ты хочешь стать для своего господина писателя?

Ольга, в сильном волнении, которое она хотела не показывать, только и смогла вымолвить:

— Оставь, оставь...

— Верно говорит Петр: ты наивна, — она взяла со столика портсигар, достала тонкую "пахитоску", щелкнула зажигалкой, закурила и сказала довольно строго: — Но сейчас я тебе кое-что расскажу. Я уж два года в Москве. У меня салон. А уж о твоём господине писателе в моём салоне говорят чуть ли не каждый день. Он, может быть, и великий писатель, но зачем же тебе свою жизнь ломать?... Он, оказывается, обладает притягательным обаянием. Обаяние его таково, что он многих женщин свел с ума. В Ялте за Антоном Чеховым бегают стаи девиц, которых все именуют Антоновками. Замужней Авиловой он объяснился в любви, но не в реальных, а только со сцены, в своей пьесе. Красавицу Лику Мизинову он довел до сумасшествия, до беременности от другого мужчины, а она до сих пор в господине писателе души не чает!

С каждой фразой сестры Ольга сникала, но потом вдруг выпрямилась и мягко потребовала:

— Я прошу тебя прекратить и понять: я просто его люблю, как Христос завещал любить. Но, конечно же, ты права... Я его все-таки люблю немногим больше, чем всех...

Мари, по своему образу жизни и складу характера одинокая и привязчивая, любила самозабвенно свою нареченную сводную сестру, но и завидовала и, странно, часто уступала ей, а теперь сказала:

— Но у тебя, кажется, сложились отношения с неким молодым человеком. Ты была увлечена.

Ольга взяла портсигар со столика, закурила и сказала:

— Он славный человек, но что поделать, если душа тянется к другому?

— Но тот, к кому тянется твоя душа, настолько болен, что дал слово матери и сестре, что никогда не женится.

— И что же? Зачем ты мне об этом?

— А затем, что он недавно женился.

Ольга была сбита с толку, удивлена, но понимала, что Мари говорит правду, и тихо спросила:

— Когда?

— Да в мае. Сейчас вспомню... Да, двадцать пятого.

— Но... он мне, кажется, писал в этот день. И ни слова ни о какой женитьбе. Правда, он просил писать ему на какую-то станцию Аксеново. И сообщал, что там он будет пить кумыс.

— Ну, разумеется. Он женился и по настоянию жены поехал пить кумыс! Видимо... это помогает!

— Ты говоришь сущую ерунду. Насколько я знаю, он так болен, что ему совершенно не до женщин, а особенно до женитьбы.

— Да. Но эта Ольга... она заставила его жениться.

— Ольга?

— Представь! Ее тоже зовут Ольга. Актриса. Немка. Она так поставила дело, так влюбила в себя несчастного и больного господина писателя, так его разнюнила, что он просто рассиропился! Немки, оказывается, это умеют.

— Откуда ты это все знаешь?

— Я попросила Сержа. И он все выведал.

— Как мне жаль А. П...

— Да и мне. Эта его... возлюбленная Ольга... все проделала тихо. Оглашения о венчании не было. Венчались на Плющихе, в Воздвиженской церкви. Шаферами были какие-то случайные люди. А в это время в ресторане собрались артисты, родственники и не знали, зачем их созвали на эту ассамблею, пока им не объявили, чтобы они ели-пили за здоровье новобрачных, которые в это время уж были на вокзале и ехали пить этот двусмысленный кумыс в Уфимскую губернию. И, главное, какая гадость... Влюбить в себя мужчину!.. Это, если сильно захотеть, ничего не стоит. Но... заняться таким удивительным писателем, неизлечимо больным, затащить его в постель, женить на себе... Да она же его в могилу сведет.

— Но он, видно, любит ее. Я его теперь достаточно знаю, чтобы понять это. А если любит, значит, хочет жить и, даст Бог, будет жить долго.

И тут обе женщины увидели Грету, которая выбежала в сад и позвала тихо:

— Петр, Петр Родионович!..

Петр, Лукашов и Серж появились в саду. А Грета бросилась к ним, причитая:

— Петр Родионович... ваша жена... Вероника лежит на полу... Она приняла все снотворное... все таблетки...

После этих слов все тут же бросились в дом.

7. Москва

Мать Чехова Евгения Яковлевна была в гостинной возле нарядной новогодней елки и говорила своей дочери Марии Павловне:

— Пора с этой красавицы наряды снимать. Уж и водосвятие минуло, а у этой елочки все платья как с иголочки.

— Она и до семнадцатого достоин, — сказала Мария Павловна.

— День рождения будем с елкой отмечать?

— И премьеру "Вишневого сада".

— Антон пьесу репетирует, а я сегодня репетирую свой Таганрогский пирог! — весело говорила мать, а дочь отвечала ей в тон:

— Ваша тайная начинка к пирогу, мама, готова. Кухарка приказаний ждет.

— Чашку чаю выпью и пойду приказывать.

Дочь уж наливала чай из самовара, а Евгения Яковлевна села за стол и продолжила:

— Вот, кажется, все у нас есть. И достаток, и платье, и нитки, и сахарница полна. И в Ялте кухарка. Карпа по-польски готовит! А тут, в Москве, у меня одно беспокойство.

Мария Павловна отвечала весело:

— Самовар не поет, сова не кричит — все приметы хороши, мама. О чем вам тревожиться?

— Как об чем? Об Ольге.

— О какой же Ольге, мама?

Евгения Яковлевна была удивлена:

— Как о какой?... Да о жене Антона!

— А я думала, что вы об Ольге Васильевой вспомнили. Она в Москве, звонила, сегодня должна пожаловать.

— А мне Антон не сказал!

— Ему не до этого, вы же знаете. Каждый день на репетициях. Семнадцатого и премьеры, и день рождения. А об этой Ольге он говорил, что у нее в Севастополе был какой-то "романчик".

— Знаю. Антон мне ее письмо читал. Может, и был романчик. Но это у нее, видно, от огорчения, что Антон женился.

— У таких девиц все "романчиками" и заканчивается.

— Да она не ела, не пила и, может, о смерти думала, когда узнала о женитьбе Антона! И он переживал. Она ведь в Ялте недалеко от нас жила, на даче Соколовой. Он к ней ходил, к нам приводил, кормил. Она девушка славная, я ее люблю.

— Тогда почему же вы беспокоитесь о своей невестке Ольге? Она замечательная актриса. Публика ее на руках носит. Антон в ней души не чает.

Этими словами дочери мать была обижена. Отодвинула от себя блюдце с чашкой и укоризненно воскликнула:

— Маша! Да у меня и у тебя одно и то же беспокойство! Разве не так? Они живут врозь! Она в Москве красуется, а он мучается в Крыму, в проклятой этой Ялте. По всем православным законам жена обязана прилепиться к мужу и жить им, его заботами, а уж если он в болезни, то рядом неусыпно должна быть. А что получается? Вот сейчас вы все вместе тут в Москве, на Петровке. Мне здешний дворник говорил: вашему сынку на третий этаж тяжело взбираться! На каждой площадке подолгу дух переводит. А доберется сюда — и весел, вида не подает ни тебе, ни жене. А где она сейчас? Каждый вечер с кем-то под ручку, на извозчика — и нет ее!

Ольга была удручена этим разговором, но все-таки попыталась объяснить:

— Но, мама, это Москва, она актриса, ей нужно бывать в обществе, на людях. Ты должна это понять.

— Никогда не пойму. Она его, как он есть, тихого и веселого, спрашивает с этого света.

— Да что вы говорите, мама! Вы знаете, что я тоже к тому, что происходит с Антошей, отношусь с болью в сердце. И не могу себя успокоить тем, что скажу: это просто жизнь. Но это жизнь. Такая она теперь.

В гостиную заглянул Антон и спросил:

— А как поживает наш Таганрогский пирог? Я и в кабинете слышу, как он просится на стол, а его не пускают.

— Бегу! Бегу ставить! — воскликнула, поднимаясь из-за стола, Евгения Яковлевна.

— А вот Маша и я поможем тебе бежать!

Она ушла.

— Это счастье, что у нас такая мать, — сказал господин писатель.

— Но есть одно большое несчастье, — ответила Мария Павловна. — И в том оно, что и у тебя, и у меня детей нет.

— Маша-Маша... Я сам об этом думал... Мне бы пожить хоть год с Ольгой... хоть в Ницце, спокойно, семейно. Забыть обо всем, путешествовать... — он вдруг улыбнулся. — Но у меня, кстати, на провсякий случай есть уж две дочери!

— Две?

— Ее высокоблагородие госпожа Васильева уж вторую дочь взяла на воспитание. Так что у нас с ней две дочки.

— Поздравляю!

— Счастливый отец умильно трет слезы на щеках!.. Но она молодец. Она из тех натур, что не успокаиваются никогда. И это удивительно. Это новое поколение, в которое только ленивый не бросает камни. А на ее примере понимаешь: нельзя людей мерить поколениями.

— Это, может быть, так. Но в случае с Оленькой Васильевой это не совсем так.

Он весело спросил:

— Но как вас понимать, сударыня?

— Она... Она ведь тебя безропотно и безумно любит.

Он молчал. Подошел к елке, качнул несколько игрушек, украшающих ее, раздался перезвон. Все так же молча Антон направился к двери, но повернулся и сказал сестре:

— Но ты ведь знаешь, я не могу ей ничем ответить... Хотя... Я могу ей ответить только одним. Сюжетом. Сюжетом для небольшого рассказа...

Он ушел. Мария Павловна собирала со стола. Вернувшаяся в гостиную Евгения Яковлевна с порога объявила:

— Таганрогский пирог в печи! — она опустилась в кресло.

Раздался переливчатый звон колокольчика. Мария Павловна встала, вышла и вернулась с гостьей, которую Евгения Яковлевна никак не могла узнать, всматривалась. Это была дама в собольей шубке, в шляпке, повязанной легким платком, с саквояжиком в руке... Дама, запинаясь, произнесла:

— Мария Павловна... Антон Павлович мне сказал, что сегодня весь вечер будет ждать меня.

— Я знаю.

— Вот... я и приехала... — она обняла Евгению Яковлевну, даже опустилась на пол и прильнула к ней. — Здравствуйте... Мне так радостно видеть вас. Да вы меня не узнаете!

— Оленька?! — удивилась Евгения Яковлевна. — Господи... Это не ты — хотя, это совсем ты!..

Они обнялись. Оля встала, сняла шубку, шляпку, бросила все это на диван, весело предстала перед Евгенией Яковлевной в модном кашемировом платье. Евгения Яковлевна любовалась ею.

— Ну... ты — вылитая я, если с меня сбросить годков сорок!

А Ольга, имея в виду и Марию Павловну, отвечала:

— Я только-только из Женевы. Дала телеграмму Антону Павловичу. Приехала. Позвонила. Он велел сегодня, этим вечером, непременно прийти сюда.

Мария Павловна прошла к окну и села на стул, села как-то подчеркнуто строго, прямо. Молчала и наблюдала. А тем временем Ольга из принесенного с собой саквояжика доставала свертки и говорила, и объясняла Евгению Яковлевне:

— Тут фартуки, как вы заказывали. Здесь тесьма. Можно и подолы подшивать. А это лен... Замечательный. Из Новгорода, но в Швейцарии он баснословно дешев. А это боа... меховое... вам, — она укутала Евгению Яковлевну подарком.

— Боа? — Евгения Яковлевна прошла к зеркалу.

— Вам идет. Тепло? — спросила Ольга.

— Да в нем я, как королева... Как это называется?

— Боа.

— Вот в нем бы мне в Таганроге появиться в твои годы! Да у нас бы жизнь иначе пошла!.. Да капитан, что на меня заглядывался, с ума бы сошел и со своих Босфоров ко мне бы сбежал.

Им было весело. Мария Павловна сидела по-прежнему строго и безучастно.

— Спасибо тебе, милая, и за ковер, что ты из Африки в Ялту прислала, — сказала Евгения Яковлевна Ольге. — Мы его постелили. Антон как был рад! И уютно, и тепло. Уж толстый! Уж теплый! Теперь-то понятно, почему в Африке так жарко, если у них там такие ковры!.. Одного не прощаю: ты в Севастополе была, а к нам в Ялту не приехала.

— Там было испытание воздушных шаров. Я летала на них, как и раньше над Парижем...

— Это что же? У тебя прямо на воздушном шаре и "романчик" случился?..

— Романчик, может быть, и был... Но, боюсь, он теперь превратился в маленькое произведение.

— А я тут вообще путешественницей стала. Из Ялты в Москву. Отсюда в Санкт-Петербург, к сынку... Все тебе велели кланяться. А ты меня забываешь. Совсем не пишешь. Антону пишешь, а для меня одни приветы. Ты не смотри, что я не пишу. Глазами слаба стала. И шить не могу. Хотя две машинки есть. Ты писала, что-то случилось с твоим братом?..

— С его женой... Умерла. Я ее так любила...

— Кого любим, тех первыми и теряем, — вздохнула Евгения Яковлевна.

Мария Павловна отчужденно спросила:

— Будет ли наша дорогая гостья чай пить?

— Будет! С удовольствием, — откликнулась Ольга. — На улице легкий морозец, тихо и даже празднично, как на сочельник.

— А вот у нас и елка есть... Можно свечечки зажечь, — предложила Евгения Яковлевна, достала из кармана передника спички, передала их Ольге, и та зажигала свечи и говорила:

— Я, когда поднималась к вам на третий этаж, еле дух переводила. Какие высокие этажи!

— Восемьдесят ступенек! — кивнула Евгения Яковлевна.

— А как же Антон Павлович?.. Ему, верно, тяжело сюда подниматься.

— Совсем не легко. С гостями приезжает, они уж тут, а он все еще на первом этаже!

— Давайте ему устроим сюрприз. К его дню рождения, к семнадцатому, устроим тут лифт.

— Это было бы кстати, — сказала Евгения Яковлевна. — Но сюрприза не получится. Он увидит. Да и разве успеть?

— Тогда можно к семнадцатому другую квартиру нанять, — сказала Ольга. — Тут рядом, на Неглинной, сдается квартира. Хотя в четвертом этаже, но есть лифт! Переехать, кое-какие вещи перевезти можно тайком от него. А семнадцатого — устроить сюрприз!

— Это не сюрприз, доченька, это счастье было бы для всех.

Мария Павловна встала и сухо сказала:

— Не знаю, как Ольга Леонардовна к этому сюрпризу отнесется, но сейчас, мама, действительно будет сюрприз, но не очень приятный. Ваш Таганрогский пирог, кажется, горит...

Евгения Яковлевна всплеснула руками и засеменила следом за дочерью во внутренние покои дома.

Ольга осталась одна. Поставила заварочный чайничек на конфорку самовара, подошла к сияющей свечами елке. В гостиную вошел Чехов и, увидев Ольгу, сказал:

— Шел на запах пирога, но оказался на празднике привидений.

Ольга ответила ему в тон:

— И привидение готово поздороваться с вами и спросить: каково вам тут, в вашей реальности?

— В реальности? — подхватил он. — Не знаю, как во всеобщей реальности, но в моей реальности все благополучно.

— И что же происходит в такой благополучной вашей реальности?

— Стал академиком, и в России не находится такого дурака, который не пришел бы ко мне одолжить денег. Я тут же, правда, по другим причинам, отказался от звания академика, но очередь из желающих перехватить у меня пару сотен рублей не убывает. Мечтаю исчезнуть, уехать хоть

в достопамятную Ниццу или в Северную Италию, опробовать свои рыболовные снасти на загадочном озере Камо. А то склоняюсь к мысли о Швейцарии. Правда, боюсь не застать привидение в Женеве: а вдруг оно улетело в заоблачные выси на своем воздушном шаре?.. Ведь скучно сидеть у ворот на rue des Charmilles, за которыми живет это привидение.

Она, улыбаясь, ответила:

— У ворот вы не остались бы долго в одиночестве. Потому что из дома вышло бы привидение, которое вас отчаянно любит, и опутало бы вас своими колдовскими сетями.

Он воскликнул:

— Привидение! А где же обещанные фотографии моих дочерей?

Ольга из саквояжика достала конверт, из него фотографии:

— Вот. Самые симпатичные дщери господина писателя и привидения из Швейцарии.

— Прелестные дитяти, — он рассматривал фотографии. — Катю я никогда не видел, но сразу понятно: она унаследовала от папаши вежливость и упрямство. А Маруся... Она и на фотографии немногословна и последовательна. Вся в мать.

— Если так, то и почтенная мамаша имеет право прямо спросить: что, в конце концов, говорят врачи о здоровье драгоценного папаши двух таких чудных малюток?

— О, врачи много говорят! Просто без умолку и наперебой. Московский герр профессор Остроумов категорически запретил подопытному жить зимой в Ялте, ибо предпочтительнее Москва. А ялтинский специалист доктор Альтшуллер запретил упомянутому подопытному уезжать из Ялты, особенно в Москву!

— А что же сам подопытный?

— Ему остается лишь сокрушаться: зачем он четыре года жил зимой в Ялте, когда можно более спокойно и комфортабельнее стать привидением и в зимней Москве!

— Вы играете с огнем.

— Да. Золотые слова. Поэтому я то разъезжаю по московской округе, выискивая тут подходящее для себя жилье, то перекладываю печи в Ялте и везу туда новомодный шкаф глазастого стиля.

— Я прочитала ваш "Вишневый сад". Нет, не прочитала, а нырнула в него и чуть не задохнулась. Было неловко и досадно за самоё себя. Но весьма интересно: кто будет играть меня, то есть Аню, в вашей пьесе?

— Лилина.

— Но... ей ведь, кажется, около сорока.

— Вы ей понравились. Она уже жить не может без вашего образа. Расспрашивает меня, когда вы встаете, как одеваетесь и что у вас на самом деле на уме.

— И что же у меня на самом деле на уме?

— Сие, по-видимому, тайна за семью печатями. Я говорю Станиславскому, что в вашей роли главное — молодость. Но... это театр! И у них теперь появилась сверхзадача: как актрисе Лилиной создать перед публикой иллюзию, что ей не под сорок, а семнадцать! Это театр. Бороться с ним у меня нет никаких сил.

— А кто Раневская?

— Тут я должен раскланяться и сказать: это моя супружница Ольга Леонардовна.

— Распрекрасно. Меня играет пожилая жена Станиславского Лилина, а мою мать, Раневскую, молодая жена автора пьесы Чехова. Просто де-виль. Но я верю: вы не соглашались, боролись, доказывали, убеждали...

— И все впустую! Логика театра — это воистину логика потусторонних сил, — после паузы он тихо спросил: — Как вы?

— От жизни не улетишь на воздушном шаре, — ответила она. — Мой воздухоплаватель... Он милый, прекрасный человек. Но когда я еду куда-нибудь без него, одна, я реву. Я схожу с колеи... Разве можно жить с человеком, когда есть другой человек, без которого ты как без сердца. Как это могут попускать небеса... За что наказание, если вины за мной нет? Я даже ищу свою вину и не нахожу. Но, верно, она есть... — она улыбнулась, взяла себя в руки и сказала: — Вы скоро именинник. Что вам подарить?

— Все, что сами хотите, — ответил господин писатель.

— Ну, тогда... — она вышла в центр гостиной. — Я хочу пригласить вас в свой вишневый сад. Жизнь и так грустна, и если относиться к ней рассеянно, как героиня вашей пьесы Раневская, это значит быть в бесконечной печали. Жаль, что свои истины вы поручили провозглашать лицедеям. В отличие от вашей Раневской, я свой сад под топор не отдам, продавать не буду. Деньги на больницу найдем как-нибудь иначе. Но я не стану надеяться, что сад пощадят люди и время. Попытаюсь сохранить его сама, пока станет сил. Забудьте о морозной Москве, о ваших страхах перед премьерой. Вам не занимать воображения и вам ничего не стоит попасть в свое время года... когда ваш сад цветет, ветер с моря возносит его запахи над городом, и в такую пору каждый будто знает свою вину... ту самую вину, из-за которой так тревожится душа.

* * *

Автор этой истории вместе с ними увидел этот сон: распахнулись хляби земные, и меж темных стволов под цветущими купинами вишневого сада появились Петр, Вероника, Серж, Мари... Грустная Грета взорвала хлопушку с конфетти, и тут же Мария Павловна выкатила кресло, в котором восседала Евгения Яковлевна, а в руках ее было блюдо с Таганрогским пирогом... Автор этой истории забыл о старом дворецком Лукашове, но появился и он, выводя под уздцы в цветущий сад лошадь — завтра, может быть, предстоит поездка в Аркадию... Бродячие музыканты исполняли грустную мелодию, а девочка в трико крутила свое бесконечное колесо. И потом послышался голос Евгении Яковлевны, произносящей слова молитвы: "Отче наш... Иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя на земли якоже и на небеси..."

Письмо от Луны к Солнцу

Ирине Гороховой (Ханс)
(Весна 1975 — Осень 2002)

"Лежа в своей темной холодной могиле, я буду размышлять: "Что значило все то, что было когда-то?"... Несмотря на такие размышления, я абсолютно не уверена, что смогу встретить смерть с признанием и одобрением, с достоинством, с чувством, что все, наконец, окончено, но говорить об этом всерьез еще слишком рано...

Я чувствую потребность посвятить себя чему-то, передать свои знания перед тем, как покину этот мир... В противном же случае, если мой разум, подобно реке, которая находит свою смерть, растворяясь в море, умрет, то весь путь, который я прошла, будет напрасен. И не будет ощущения, что цель достигнута, и не будет чувства удовлетворения...

Мое "американское приключение" превратилось в смысл моей жизни... Я люблю свою жизнь и все, что связано с ней..."

Ирина Ханс. "Смысл моей жизни"
31 октября 1997 года

Все сплетено из атомов. Мы — суетливые атомы биосферы, подчиняясь бессознательным притяжениям, образуем молекулы друг с другом. Земля, для нас такая гигантская, для космоса — атом. Влекомая непознаваемыми взаимодействиями, Земля притягивается к другим планетам, чтобы образовать молекулу и стать частью неуловимой для нас сути. И тот самый, пройденный в школах, атом, является, может быть, крохотной, относительно человека, вселенной. По обе стороны — бесконечность, а мы в центре, только относительно самих себя. Человек — вселенная, в человеке — вселенные, человек — во вселенной.

Кто-нибудь плачет, когда умирает кишечная палочка или стафилококк, или живая клетка? Их собратья страдают? Они равнодушнее нас или мудрее? Мы не оплакиваем каждую съеденную кильку в томате. А ведь и у нее была самоценная, не похожая на другие — жизнь!

Мокнут и мерзнут молекулы мира. Дрожат, растворяются в живой акварели осени. Земля раскисла, разбухла, расслабилась. Дороги размякли. И ветер все гонит оранжевые частицы недавно шумевшей жизни, и ноет, ноет, ноет...

Буддисты говорят: "Колесо". И славяне говорили: "Круг". И профессор по истории языка диктовал: "Если в одном месте что-нибудь исчезает, то в другом обязательно появляется" — Ломоносов, закон сообщающихся сосудов.

А осень — пройдет! Застынет под снегом, напитает матушку почву гумусом, и — как пить дать — будет весна!

Мама и Ло говорят: "Что-то есть!" Есть /что-то/, где-то зачем-то, обязательно есть!

На твою могилу мы пришли первыми — я и Ло. Насыпали семечек — Ло их сама жарила. Утопили в цветах сигарету — и стали курить, Ло сказала, будто с тобой, и ветер вырвал у нее окурочек. Она завопила, затопала ножками (крэйзи, ты же ее знаешь), и пробасила на все кладбище: "Это же Ира курит!". /Твоя/ сигарета тлела в нескольких сантиметрах от резного креста, заваленного венками. Я сказала: "Конечно, сигарету дали, а поджечь не додумались, вот она и твою присвоила..."

Друг сказал: "Единственное, что ты можешь для нее сделать — память". Память — ворох случайных эскизов к прожитым мгновениям. Их можно разглядывать по одному, проявлять, заштриховывать, растягивать до романа и сжимать в одно слово. Сотни рисунков казались пустым барахлом, но вдруг разразился в вечернем, не существующем в памяти, Вашингтоне чудовищный выстрел, с двух метров в упор, и они стали сокровищем. В них немножечко живешь ты.

Мне было одиннадцать, а тебе — тринадцать. Я жила на восьмом этаже, ты — на третьем. В тебя был влюблен весь двор. Ты смеялась над моим старым халатом и искрилась чем-то таким, что меня с детства пугает в людях. Я все пряталась от людей, но ты нашла — прижатую страхом к лифту — и приручила.

— Познакомься — сказала мама — это Ирочка. Ты должна с кем-нибудь подружиться, нельзя постоянно одной ходить.

— Не хочу — сказала я и, наверное, покраснела.

"Жизнь стоит того, чтобы жить!" — говорила ты. И всегда была такой — обжигающе солнечной и живущей на всю катушку. Мы даже решили между собой, что ты Солнце, а я — Луна. Мы тогда романтизировали смерть сквозь призму личности Цоя. А она вот, оказывается, какая... Глухая, беспросветная пустота. Хочется из последних сил не верить! А она все ноет, ноет, ноет... Хочется до последней капли протестовать! Но протестовать нельзя — на все воля божья.

Можешь ли ты созерцать рассвет; когда небо сгущается, твердеет, болит от натуги, беззвучно вскрикивает горячим спектром и фантастически неизменно рождает солнце? Чувствуешь ли близость дождя, когда воздух, исколотый молниями, кажется тугим, светило слепнет и жмется в углу серебристой тучи, камни дрожат, и тусклые травы готовятся к омовению? Видишь ли ты, как темнеют воды и прощаются до весны, засыпая под толстыми слитками льда?

"Под небом голубым есть город золотой
С прозрачными воротами и яркою звездой.
А в городе том сад. В нем травы да цветы.
Гуляют там животные невиданной красы..."

Потом мы влюбились в Джима Моррисона. В фильме Копполы он пьет кровь. Ты тоже взялась попробовать. Надрезала мою руку пониже локтя лезвием "Нева" и слизнула все, что краснело. Я отказалась — не могу никого резать. Розовый шрам на правой руке останется со мной до кон-

Как много я не успела тебе сказать! Не успела обнять, не попросила прощений, не вручила подарков, не отправила писем, не призналась в любви... Но есть в мире одна книга, в которую можно верить. Я верю, что "рукописи не горят". Ты как-нибудь услышишь меня.

Когда очень близко знаешь человека (помнишь, как часто мы спали вместе?), чувствуешь в нем что-то такое, неуловимое, невозможное, неосмысливаемое. Я не могла видеть и чувствовать твою руку, но ощущала, что ты меня гладишь. Ласково так, будто утешаешь. Ты прощалась, а я, беспробудная малодушная трусиха, не смогла пересилить страх и мысленно закричала: "Не пугай, пожалуйста, не пугай!". Ты исчезла. А я до утра боялась при зажженных свечах. Кто как не ты научил меня любить свечи?

— Ленка, зачем ты трубку бросила? И что у тебя с голосом?
— У меня?

— Только что я тебе звонила. Спрашиваю — Ленка, ты? Да — отвечаешь, и голос такой повзрослевший, женственный.

— Мы друг другу одновременно звонили?

— И куда попали?

— Неужели в будущее?

Мы так и решили, что мистическое совпадение протащило нас на несколько лет вперед. Ведь ты на самом деле уехала учиться в Америку. А я до сих пор живу в нашем доме, на восьмом этаже.

После пожара, случившегося в моей квартире, я долго жила у вас. Родители твои — на работе, ты — где-то, а я пытаюсь накормить Юру. Он не чувствует во мне строгости и отказывается есть кашу.

— Хочу пельменей!

— Где я возьму пельмени?

— В морозильнике.

— Но я не могу, без разрешения!

— Я решаю!

— Ладно, пусть это будет на твоей совести, — открываю холодильник, нахожу там пачку пельменей — и вдруг звонок.

— Извините, а можно Витю? — спрашивает мужской голос.

— Витя здесь не живет, — отвечаю, — будьте здоровы! Так и быть, Юра, сварю я тебе пельменей.

— Не хочу пельмени, хочу курицу! Она в биокамере.

— Да определись же в конце концов! — звонок.

— Алло, позовите Витю.

— Вы не туда попали, неужели не ясно?

— Это номер 48-47-60?

— Да, но не Витин. Здесь другие люди живут.

— Можно узнать, какие?

— А вам что за разница? — бац — кладу трубку.

— Юра, умоляю, доешь кашу!

— Не хочу, давай лучше пельмени сварим.

Звонок. Женский голос. Как потом выяснилось — твой.

— Вас не затруднит попросить к телефону Витю?

— Здесь обитает семья Гороховых! — заорала я. — Витей даже не пахнет! Прекратите издеваться!

Прошел час. Юра так ничего и не съел. Снова звонок.

— Алло, здравствуйте, это Витя. Мне никто не звонил?

Тут бы любой идиот прозрел. Младенец смог бы заподозрить неладное. Но только не я. Преисполненная величайшей благодарностью к мифическому Вите я подробно изложила содержание предыдущих диалогов и потребовала объяснений.

— Понимаете, — объяснил "Витя", — на АТС перепутали номера — ваш оказался моим, а мой — вашим. Записывайте.

— Минуточку! — и я понеслась за ручкой. Когда я снова прильнула к трубке, в ней отчетливо прозвенел твой хохот.

Снится, будто сижу я у Ло дома. У нее пацаны в гостях — один в красном шелковом костюме, другой — в красном бархатном пиджаке.

— Настоящий пацан должен ходить в красных шелковых костюмах, — говорит первый.

— Нет, — настаивает второй, — настоящие пацаны носят красные бархатные пиджаки!

Какая скука, думаю я и засыпаю вторично, прильнув щекой к шахматному столу Ло. Таким способом оказываюсь дома. Звонок. Беру трубку. Твой голос: "Привет!". Ору чужим басом не то от радости, не то от страха.

— Надеюсь, хоть ты не поверила в мою смерть?!

— Нет, конечно, — отвечаю, — тебя в закрытом гробу хоронили, а я все думала — нет тебя там, не может быть! (Ты не слушаешь и с каким-то ребенком возишься. "Смотри, какая штуковина! — говоришь ему, — ПШШШ!") Это что за ребенок, твой?

— Нет, не мой, я подрабатываю няней.

— А где ты?

— Уехала.

— А как же мама? Она знает, что ты жива?

— Маме я уже позвонила. Ты всем нашим скажи — со мной все нормально, а то они черте что устроили! Обязательно передай: у меня все хорошо! Ну, пока, больше нет времени.

Я проснулась за шахматным столом Ло. Заскучала, снова проснулась. И оказалась дома, на сей раз в реальности. Что такое реальность? Где она? Которая из них?

Сдружившись с тобой, я невольно вписалась в многоликий социум дворовых детей. Одной из них была Ло. Лолита — уникум и шахматный гений. В четырнадцать лет она сыграла вничью с Карповым. Она по-прежнему живет этажом ниже меня. Помнишь, ты рассказывала, как ее папа

Томаз украл маму Изольду из солнечного Тбилиси и увез в Одессу? Ло назвали в честь певицы Лолиты Торес, а свою сестру Ирку она назвала в честь тебя.

Ло приходит ко мне по тысячу раз на день и называет меня большой славянской энциклопедией. "Я грузинка, — говорит Ло, — и не знаю русский так хорошо, как ты". Понятие "русский" у нее бесконечно широкое — от трактовок Святого Писания до способов приготовления плова.

Ло любит логически мыслить и раскладывать жизнь по черным и белым клеткам. Любит выигрывать, шататься по барам и пить таблетки "Петрович" для профилактики алкоголизма. Любимые книги Ло — "Бандитский Петербург" и "Уголовный кодекс". Любимые игрушки — мобильный телефон и газовый пистолет. "Когда я вырасту и стану самостоятельной в сорок лет, — мечтает Ло, — куплю дом, заведу телохранителя, четырех бультерьеров и стану мафиозным авторитетом. А на паркете мозаикой выложу Иисуса Христа".

Она чтит эстетику бандитизма и время от времени мечтает работать в прокуратуре. У нее особая логика, недоступная остальным.

Недавно Ло мне открыла тайну. Помнишь, сосед с шестого этажа, Илюха, был беспощадно в тебя влюблен? Каждое утро ты находила букет под дверью, и мы часами гадали: кто же этот загадочный цветовод? Им выяснился Илья. Он излил свои чувства на бумагу и поручил Лоле передать для тебя письмо. Конверт в местах склейки был испещрен мудреными закорючками. Но какие преграды могут противостоять Лолиному любопытству? Я помню, как ты вертела в руках конверт и вслух поражалась: "Ни за что не поверю, будто Лола отдала письмо непрочитанным! Но как ей удалось так мастерски конверт склеить? Даже Илюхины закорючки не пострадали! Фантастика!".

Разгадку Лола доверила мне только сейчас, лет десять спустя. Прочитав любовную околесицу, она страшно разочаровалась. (Неужели надеялась случайно встретить там теплые фразы о самой себе?) Чтобы ее не уличили в содеянном, Лолита купила новый конверт и старательно скопировала закорючки. Просто, как все гениальное.

Второе письмо Илья написал на латыни. Его никто не смог прочитать. Даже ты.

Мозг — это болезнь. Продукт первородного греха, неправильно развившийся орган, препятствующий человеческому совершенству. Мозг умирает вместе с телом. А что остается? Остается тогда что?

Помню, у тебя была тетя — экстрасенс. Она напроорочила, что ты скоро уедешь — далеко-далеко... Ты не знала еще, что в Америку. Мы как-то гадали, кажется по Платону. Что-то высчитывали. Получились графики судьбы. Твоей и моей. И ты трактовала, глядя в книжку: "У меня жизнь будет короткая, но очень яркая. В молодом возрасте я достигну пика и на пике умру. А у тебя длинная. Пик будет лет в тридцать, а потом спад, через время снова подъем, но уже не такой сильный. Наверное, ты станешь писателем, и тебя не будут признавать". Твой график уже сбывся.

Осень. Осень. Осень. Основа химического состава — вода. Акварель по мокрому грунту. Горизонты выполнены прогнутыми, частично ломаными штрихами. Стволы, покоробленные непогодой, жмутся к земле. Небо — тревожный ультрамарин — стекает на кроны и мажет индийскую желтую плесневело-зеленым. Все ползет, перетекает, блестит. Мир оптически искажен каплей, проносимой мимо глаза. Туман — цвета кислого молока с бульоном.

Редкие облака — в жирном лиловом соусе. Земля протушена с кленовой, дубовой, березовой, липовой, облепиховой, каштановой и рябиновой клетчаткой до пастообразной массы. Люди слегка замороженные, с брезентом и аспирином. Чай с желатином.

Сырая горечь с кислинкой. Сладкий, навязчивый аромат дыма, иссушающий ноздри. Несвежесть подгнивших фруктов, тяжелый дух мокрой шерсти и раздавленных экскрементов. Выразительность плачущей древесины и приторность недосушенного гербария с формалином.

Шум вод. Льющихся, капающих, расплескивающихся, штормящих. Шорох, шелест, хлопанье, всхлипывание, кашель, хрип.

Скольжение, бесформенность, вязкость. Мокрое и холодное. Такое же чувство, когда пальцы вонзаются в переспевшую выхоложенную хурму.

Ты приехала на каникулы. Я брала у тебя интервью для газеты, в которой тогда работала.

— В чем основные различия между русскими и американскими студентами, и какие трудности с этим связаны?

— У иностранных студентов, естественно, возникают трудности с языком. Их преодоление зависит от сферы, из которой ты вышел. Очень помогает знание других языков — французского, латыни. Многие корни в различных языках мира повторяются и многие слова интернациональ-

ны. Я всегда "выезжала" за счет богатого словарного запаса русского языка. А главная, банальная на первый взгляд, трудность — это акцент. Я совершенно не предполагала, что знание английских слов, умение складывать их в предложения, не является гарантией понимания. Тебя не понимают из-за акцента. Даже жесты не совпадают. Например, во Франции распростертая над головой ладонь означает, что ты выходишь из себя. А популярнейший у нас щелчок пальцем по шее, означающий "Давай выпьем", в Америке не понимает никто. А вообще в Миссурийском университете русские встречаются очень редко. Десять человек на двадцать пять тысяч, попавших в Америку по программам обмена.

Мой муж, Джейсон, говорит, что в украинских городах учеба в университете — естественное продолжение учебы в школе. Наши студенты чаще всего остаются в родном городе и часто продолжают жить с родителями. В Штатах, если ты поступаешь в университет, — 99 % гарантии, что ты переедешь в другой город. А это совершенно новый виток жизни — обретается самостоятельность. В Америке многие поступают в вуз, чтобы познать другую жизнь.

— Что в Америке знают об Украине?

— Украинцев воспринимают там положительно. Про нас всегда говорят, что мы гостеприимный народ. Американцы не менее гостеприимны. Они очень любопытные, всегда задают кучу вопросов, проявляют огромный интерес.

Джейсон говорит, что 50% американцев не знают, где находится Украина, что Одесса — город у Черного моря. Многие знают об Украине благодаря сборной по футболу, участвовавшей в Олимпийских играх.

— Существует ли вещь, которая не перестает удивлять тебя в американцах?

— Наверное, это их излишняя разговорчивость. Допустим, подходит ко мне в супермаркете девушка с таким вопросом: "Ты давно замужем? Я купила спагетти, болгарский перец, кабачки, чеснок. Сегодня мы съехались с моим парнем, и у нас будет первый совместный ужин. Как ты думаешь, что лучше приготовить? Я увидела у тебя на руке обручалку. Вы, вообще, вместе готовите? Кто из вас моет посуду?".

Еще поражает некоторая отстраненность от собеседника. По расстоянию, которое они выдерживают друг от друга, можно точно определить меру близости их отношений. Если это просто знакомые — они выдерживают дистанцию в метр — полтора. Русские при встрече обнимаются или жмут руку, французы целуют в щеку. Если здороваются американцы — они,

в крайнем случае, могут похлопать друг друга по спине. Они даже обнимаются на расстоянии, естественно, совершенно не задумываясь об этом.

— У нас существует стереотип, навязанный в основном кинематографом, что американцы — народ с примитивным мышлением...

— Мне трудно судить, потому что я четыре года живу там в атмосфере университета, нахожусь в привилегированной части общества, общаюсь с образованными людьми. Студенчество — самый плодотворный слой человечества, преисполненный жаждой жизни и новыми идеями.

— Расскажи о своей специальности и работе, которой сейчас занимаешься.

— Я учусь в аспирантуре на факультете истории искусств. Мое последнее исследование было посвящено американской художнице Иве Хессе. Она скульптор, но скульптурой в обычном понимании этого слова ее творчество назвать сложно. Они напоминают *bay morfiging* — живых существ. Чтобы начать исследование, я отправилась в Чикаго, где находятся ее произведения. Собирала теоретическую информацию, изучала биографию, уделяла много внимания отношению к ней на протяжении жизни и после смерти. Жизнь этой художницы превратили в легенду. У нее очень трагичная биография. Родилась Ива Хессе в Германии, в период геноцида. Ее еврейская семья эмигрировала в Соединенные Штаты. Вначале ее с сестрой посадили на поезд, и они месяц катались по Европе, стараясь спрятаться. В конце концов, она доехала до Америки, где встретилась со своей семьей.

Через некоторое время родители Ивы развелись, и мать покончила жизнь самоубийством. Для нее это было большой трагедией. В личной жизни у нее тоже не ладилось, и в искусстве она нашла настоящую отдушину. Ее судьба сходна с судьбой Фриды Кала. Творчество развивалось параллельно с болезнями, трагедиями и разочарованиями. Но она работала совсем в другой сфере, нежели Фрида Кала и была, по моему мнению, даже более яркой.

Ива Хессе считается одной из ведущих американских художниц-нехудожниц. Ее произведения выполнены из пластика, каких-то переплетенных веревочек, льдинок, сосуллек, напоминают сети, запутанные, как ее жизнь. Это нетрадиционное визуальное искусство.

— Насколько в Америке возможна реализация творческого потенциала, идей, мечтаний?

— На сто процентов. У меня есть долгосрочная цель — и я твердо знаю, что в ближайшие пять лет я вряд ли смогу ее реализовать, но в бли-

жайшие десять — без всяких сомнений. Я хочу открыть свою галерею и знаю, что могу это сделать, двигаясь шаг за шагом. Сейчас я коплю знания — работаю в музеях, веду экскурсии, знакоюсь с людьми, преподаю в университете.

Art History считается одной из наименее престижных специальностей, обладая которой сложнее всего найти работу. Но на сегодняшний день у меня никаких проблем и страхов по этому поводу не возникает.

— А какие профессии наиболее востребованы в Америке?

— Торговля, управление торговлей, менеджмент. Если речь идет о людях без высшего образования — это фаст-фуд. В этой сети работу можно найти любой в любое время, даже без знания языка. Среди людей с высшим образованием одна из популярнейших профессий — учитель и преподаватель. Здесь может быть единственная сложность — если ты магистр, тебя не примут на работу для бакалавров, потому что по закону магистрам обязаны платить больше, даже за тот же самый объем работы.

— Можешь привести живой пример отличия американских преподавателей от наших?

— В американской школе я не училась, а в университете преподаватель совершенно по-другому относится к студенту, нежели в наших вузах. Они с тобой на дружеской ноге и чувствуют себя гораздо свободней. Один мой преподаватель приволок на лекцию металлическую трубу, и как только студенты начинали засыпать, он оглушительно ударял в нее, как в гонг, и говорил: "Извините, если я кого-нибудь разбудил!".

А в самой системе образования больше возможностей. Мы постоянно отправляемся в экспедиции по различным городам и штатам. Университет оплачивает проезд и гостиницу. Сложно изучать архитектуру по слайдам и живопись по репродукциям. Например, в Париже я увидела известную мне ранее картину Кобе, которая оказалась высотой в целый этаж. Как можно понять, что такое небоскребы, пока не увидишь их собственными глазами? Ты стоишь, как маленький муравей под огромной машиной, крыши которой не видно — она тонет в облаках.

— Как русское искусство представлено в учебной программе?

— Крайне мало представлено. В обзорных лекциях упоминаются, например, московский собор Василия Блаженного, в авангардном искусстве — Татлин, Кандинский, Марк Шагал, Любовь Попова, Кабаков. Репина и Сурикова никто не знает.

— Не наблюдаешь ли ты ощутимых перемен менталитета, мировоззрения?

— Параджанов говорил, что не знает, к какой культуре принадлежит —

грузинской, армянской, украинской. Так же и я. Часть меня здесь, часть меня там, и ни одной стране я полностью не принадлежу. Вы меня не воспринимаете как полностью свою, и они меня своей не воспринимают. Я делаю из этого положительные выводы. На полстакана воды можно посмотреть как на стакан, наполовину пустой и наполовину полный. За эти годы я стала более раскованной, более уверенной в себе, но может быть, причина в возрасте, в том, что я занимаюсь любимым делом, и у меня есть любимый человек.

— Тебе знакома ностальгия?

— Иногда наступают моменты, когда не хватает, допустим, песен Юрия Шевчука. Но с другой стороны — ддтэшная Россия — это не моя Россия. Это Питер, белые ночи, которые я не видела собственными глазами, — это Россия глазами Шевчука. Какая-то часть меня осталась в Одессе. Это подпитывает. Здесь сформировалось мировоззрение. Я везде себя чувствую как рыба в воде — наверное, это черта характера. У меня нет привязанности к одному месту — я космополит.

Лето 2001

Каждый откуда-то родился и умрет куда-то. Где-то работает, или не работает. Любит, или не любит. Думает, спит, хочет, знает, видит, обременяет своим чувствованием мир. Каждый что-нибудь упорно и беспросветно ищет. Каждый сам по себе мил и добр. Но образовывая собой человечество как биологический вид, как космическую единицу — мы самое жуткое из всех чудовищ, самое кровожадное из всех хищников, самое безответственное из всех тварей. Мы забыли, что все умрем.

Сейчас я слышу, как Ло ругается с мамой. У них, грузинов, голоса громкие, и темперамент. Ло кричит: Ты сука! Я тебе все деньги отдаю, у меня скоро соревнования, а ты их, блядь, тратишь! А Иркин голос беспомощно попискивает: Не бейся, Лолита, пожалуйста, не бейся!

Я была у твоей мамы. С ней тяжело — она постоянно плачет. Больно. "На! — говорит. — Посмотри, это Джейсон у нее в ящике нашел. Начала читать — вроде твой почерк. Не могу, плачу, посмотри сама".

Это были мои письма. Все, с тех пор, как ты жила там, в другом мире. Перевязаны красной лентой, в которой даже остались едва ощутимые молекулы твоего запаха. Они вернулись ко мне. Как подарок.

"...Я дико за тобой скучаю. Ведь в каждом уголке моей квартиры, в каждом метре нашего подъезда, двора, улицы, во всяких местах города хранятся живые искорки тебя. Даже в моей одежде (новую покупают редко). Даже в моей коже, плечах, честное слово!

У меня странное ощущение реальности, будто смерть, или война, там... В России выборы Президента..."

"...Я боюсь одной вещи — ты там растешь, очень меняешься, а я живу себе просто и стою на месте. Мне пока нравится просто так жить. Знаю, что когда-нибудь, надоест..."

"...Твой ненаглядный Рибовол бросил институт и теперь работает в крутой фирме. Спрашивал много про тебя. Лолита наплела ему, что ты купила подержанный "линкольн" и давно вышла замуж. Он поверил..."

"...Ввели гривны. 1 гривна = 100 тысяч купонов. 1 доллар = 2 гривнам. Гвоздецкая говорит: очень жаль, что Ира уехала, потому что ты пошла на самотек, и никто тебя не воспитывает!..."

"...Продолжаю высылать тебе образцы новых денег. Глядишь — соберется целая коллекция. Приедешь домой — купишь себе пачку сигарет, или мне — если ты уже бросила..."

"...Меня очень развеселил момент в твоём письме, где повествуется о том, что когда ты отбиваешься от американских женихов — показываешь мою фотографию и говоришь: this is my boyfriend back home..."

"...Я с трудом понимаю, как можно "горчать" на какой-то фирме, выпускающей одежду. В твоих штатах абсолютно другие реалии и ты начинаешь в них вживаться. А реклама молока, которую ты мне зачем-то выслала, — просто символ американского дебилизма..."

"...Спасибо, что вы с Джейсоном называли его машину моим именем, только зачем?..."

Я шла по улице и думала, где ты сейчас? В каком таком мире? Накануне 8 Марта приснился сон.

Я лежу и слышу — кто-то пришел. Входит Юра.

— Привет, Ленка, с 8 Марта тебя!

— Спасибо, Юрочка!

— Подожди, я сейчас...

Возвращается с невидимой ношей. Бережно кладет нечто на кровать и уходит. Я чувствую — это ты. Обнимаемся — и я постепенно начинаю тебя видеть, проникая в другое измерение. Мы находимся в доме, напоминающем студенческое общежитие. Многокомнатно, многолюдно, все — молодые. Ты говоришь — "Ленка, жалко, что у тебя усы". Я обижаюсь. Снуют люди. Жлоб какой-то ко мне обращается и грубит. Ты говоришь — "Отстань от нее!" Он — "А что она здесь делает? Тут ей не место!".

"Я научу тебя, как вести себя Здесь. Тут нельзя ничего бояться. Не будешь бояться, ничего плохого не произойдет. И вообще, ничего здесь не принимай близко к сердцу и ни на кого не обращай внимания", — говоришь ты.

Подходит кто-то еще. Я чувствую — друг. Снуют другие. Пугают меня ради забавы. Стараюсь не обращать внимания.

Ты сказала: "Посиди, я сейчас..." — и ушла.

Друг проводит меня в комнату, где полно молодежи. Все веселятся и поют под гитару. Я тоже начинаю петь, выдумывая текст на ходу. Получается пародия — все смеются и аплодируют. Только одна — худая такая, кареглазая — злится. И злобно так на меня смотрит. Я понимаю — она твой враг и даже как-то связана с твоей гибелью. Остальные — мировые ребята.

Проснулась.

Ильичевск. Дача. Чердак. Керосинка. Мы.

"Ленка, сейчас ты изо всех сил пытаешься соответствовать имиджу "bad girl", но тебе это не очень идет! В конце концов, ты умрешь под забором. Ты же ничего из себя не представляешь!" Помнишь, как я обиделась?

Ты заснула, а я решила отправиться в Одессу пешком. Собрала вещи, а в какую сторону идти — не знаю. Посплю, думаю, в сарае. Ты утром встанешь — а меня нет! Перепугаешься, понервничаешь. Пол в сарае оказался цементным, и мебели никакой не было. Промучилась я полночи — замерзла невыносимо. "Фиг с ним", — думаю. И — на чердак. Нырнула под одеяло — постель теплая, твоим теплом нагретая, а ты сопишь, ни о чем не подозревая.

На следующий день я заболела, и ты лечила меня горячим молоком с медом.

Личность — сущность слоеная. С годами слои слипаются, вживаются друг в друга, срастаются. Попробуй выискать причиноследствия одной неуловимой черточки! Сквозь всю мою личность просвечиваешься ты. Когда я узнала тебя — жизнь изменилась, мир изменился, личность распухла от наслоений. Ты научила меня:

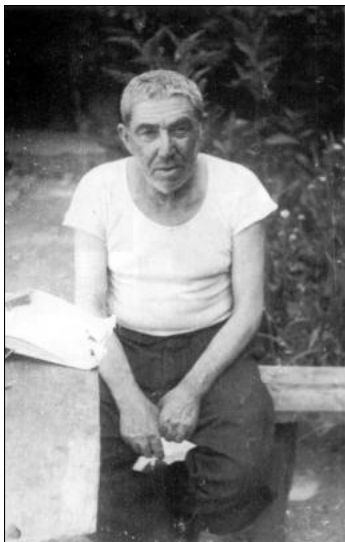
Любить живопись,
Брить ноги,
Дарить подарки,
Рисовать,
Загорать без лифчика,
Куриль,
Перешивать старые вещи,
Слушать радио,
Целоваться,
Стричь челку,
Говорить вместо [г] — [г], а вместо [мыска] — [миска],
Краситься,
Писать резюме,
Гулять по городу,
Дрессировать собак,
Пить вино,
Поступать в университет,
Пробовать в жизни все,
Презирать серость,
Выращивать пеллею,
Воровать мелочи,
Как будет по-французски "Меня зовут Лена",
Ходить по музеям,
Тереться мочалкой,
Шить собачьи подстилки,
Любить терпкие духи,
Готовить кабачки со сметаной,
Пить чай,
Мазаться кремом,
Обвивать цветочные горшки бельевой веревкой,
Сбегать по ночам из дому,
Плести бусы,
Гадать,

Носить серьги,
Украшать жилище,
Ходить на море зимой,
Не пить таблетки,
Делать открытки,
Ненавидеть халаты,
Принимать гостей,
Кататься на льду в ботинках,
Есть акацию,
Разводить рыбок,
Ходить в церковь,
Любить крыши, балконы и чердаки,
Кормить кроликов...
Ведь ты меня воспитала. Всего на два года старше и на два года умнее.

Жил-был дед

Чего нет, того нет

— Я прошу, чтобы в воскресенье вы все пришли поздороваться с тетей Ханной. Пожалуйста, не делайте вид, что вы не знаете, кто такая тетя Ханна. Тетя Ханна — это тетя Ханна. И не надо смотреть на меня ироническими взглядами, чтобы не жалеть потом. Я, к примеру, жалею, что иногда так смотрел на свою бабушку; а она была умнейшая женщина, и у нее было чему поучиться...

Я вас предупреждаю: тетя Ханна — очень старая. Я не знаю, сколько ей лет, но она воспитывала вашу бабушку и учила ее играть на скрипке. Сейчас она обходит родственников, потому что чувствует, что скоро умрет.

И еще одно: если она вам подарит вязаные салфеточки, вы должны их принять и сказать спасибо. Учтите, она их вяжет без очков и узор снимает не с картинки, а берет из головы!

Ай-яй-яй... Что я за несчастный человек? Я — неудачник. Что я за еврей? На каком языке я буду с ней разговаривать? Среди вас я все забыл. Не с кем слова сказать... Если меня спросят, к примеру: "Где-то твои внуки, кто твои правнуки?" — что я отвечу? А? Я отвечу, что я не виноват в том, что мои дети женились на ком попало. Где служили, там женились. И внуки пошли той же дорожкой. Что говорить!.. Ну, русские, украинцы — это ладно. Но карелы, лопари, чуваша-чалдоны — это же надо выискать!

Что я преувеличиваю? Ничего я не преувеличиваю! Ваша мама вообще внучка графа Поттоцкого. Я имею в виду — по замашкам. Полунемка есть одна. Но я бы не сказал, что большая аккуратистка. В старое время ни один приличный человек мне бы не подал руки. Сейчас на это смотрят сквозь пальцы. Все смешалось. Не семья, а Лига Наций!

Что? ООН? Хорошо. Пусть ООН. Дело не в названии...

Слушайте, вы, дети разных народов! Я вам скажу, о чем так жалею: у меня же нет ни одной невестки — настоящей француженки! Она бы мне пела: "Мон амур! Бон амур!..". В молодости мне одна что-то пела такое...

Но — чего нет, того нет.

Одесский климат

В последнее время на земном шаре все резко меняется. Прямо на глазах. Даже климат в Одессе. Но! Кое-что повторяется. К примеру, вот эта зима, что прошла. Точь-в-точь, как в двадцатом году. Как две капли воды. А тогда, имейте в виду, был голод. И между прочим, был тиф.

Бабушка ваша, покойница, лежала в тифу, и ваш папа, и все дети. Один Юлька не заболел, но он тоже лежал, за компанию. Ему было два года, и мне некуда было его изолировать. А вместе им было теплее....

Умер мой папа. (Это вам будет прадедушка.) И я не знал, как мне его похоронить. Вообще, тогда по-человечески уже мало кого хоронили. Были специальные бригады, которые собирали покойников по улицам и куда-то увозили. Мне почему-то не хотелось, чтобы так увезли папу. Я хотел его похоронить лично.

Я пошел на кладбище, нашел мортусов и стал их просить помочь мне выкопать яму, потому что я сам не мог. Я был молодой и бессильный. Сейчас у меня больше сил, чем тогда... Так что вы думаете — эти мортусы? Сделали печальные лица и стали торговаться. Но как! Чтобы я дал им денег — раз. Чтобы я дал им по два фунта хлеба — два. А откуда? Большой вопрос!

Я сказал им, чтобы они пошли ко мне домой, и дома я им все это выложу. Я надеялся по дороге уговорить их сбавить цену. Но я их не уговорил.

Что делать? Если б не Юлька, я бы всех убил и себя в том числе. Все равно один конец.

Я побежал к Абраму Гольдвехеру. У-у! это был змея! Он же был богатый человек. Но делал вид, что у него, как у всех, ничего нет. С понтом — сейчас равенство.

Я ему говорю: "Абрам, дай мне денег, чтобы я мог похоронить папу. Я тебе отработаю". А он (чтоб он перевернулся в гробу!): "Где-то, где я имею?".

Он не имел!

Я прихожу домой. У меня была четвертушка хлеба, — так эти мортусы ее разорвали, как звери. Если б вы видели эту картину! Не дай Бог, конеч-

но. Папа лежит на столе. (Полагалось на полу, но я боялся. Сами понимаете...) Бабушка — почти молодая — лежит с детьми на кровати. Юлька высунулся из-под одеяла и плачет: "Ой, я гаёдный! Я, каитя, гаёдный! Ой-ёй-ёй!"... Он был слишком здоровый ребенок, и я боялся, что он умрет неожиданно. Если бы мне кто-то сказал, кем он будет...

Он перед войной отличником закончил строительный институт, и его премировали путевкой в дом отдыха. Это путевка пропала, потому что началась война, и его взяли в саперы. После ранения он остался долечиваться в Хабаровском крае. Там он стал потихоньку работать, жену там взял и, видно, показал себя с хорошей стороны. Лет через десять после демобилизации — уже семья есть, две внучки — его призвали, но — во флот, строить военные порты на Чукотке.

Я понятия не имею, сколько он их там настроил...

Короче, если бы, когда они все лежали под одеялом и дрожали от холода, мне бы кто-то сказал, что он будет капитаном 1-го ранга, на должности вице-адмирала, к слову, — я бы рассмеялся...

Митька таки раскрылся

Если я вас разбудил, то это ничего. Я пришел вам рассказать, что Митька Тимченко показал свое подлинное лицо. Ваш уважаемый дядя Митя — раскрылся!

Что случилось? Случилось то, что еще не осветили в газетах. Мы вчера играли в беседке в домино. Он, как всегда, постоянно был мимо. Я ему говорю, чтобы как-то поддержать: "Митя, почему ты не принес с собой подушку? Тебе было бы удобней спать". Ну, что я такого сказал? А он вдруг прямо встал на дыбы и завизжал: "Гедаля, как ты мне надоел! Когда ты уже сдохнешь?". А я ему говорю: "Что ты, Митя, я еще должен пойти за твоим гробом".

А он мне: "Раньше — ты".

А я ему: "Зачем? Мне жизнь не надоела. Я не спешу. Это ты туда иногда спешил".

Это я сказал таки с намеком. До войны он одно время постоянно вешался. От него тогда первая жена уходила. Сколько она уходила, столько раз он вешался. Я даже сам его однажды из петли вытаскивал. Вообще, я заметил, что если кто-то однажды был сумасшедшим, то обязательно еще когда-нибудь покажет себя с этой стороны. Так вот — я не ошибся! Что с ним сделалось, когда я ему напомнил! Я вам передать не могу. Он кри-

чал, как будто его режут, и дошел до того, что я жидюра и проклятый крокопийца. Ну тогда я ему тоже сказал, что пока мои дети и я в том числе сражались на фронте, он здесь сотрудничал с оккупантами. В этом месте он прямо задохнулся, поднял на меня руку и, нечаянно конечно, выдернул шнур от слухового аппарата, и я перестал хорошо слышать. Все остальные стали ему что-то говорить, а потом поднялись и ушли, и мне дали знать, чтобы и я уходил. А у меня не было желания объясняться с этим ненормальным. Я свистнул Бандита, и мы пошли домой.

Пришли, включили телевизор. Там давали моды сезона. Сижу — смотрю. Вдруг — явление в коробочке! Кто бы вы думали? Митька собственной персоной. Бандит на него прямо набросился с лаем! Он же видел всю эту сцену в беседке! Когда Бандит успокоился, Митька сел за стол и как ни в чем не бывало стал мазать себе хлеб маслом. Но — молчал. Он молчит, и я молчу. Жду, когда он поужинает. Потом он наконец раскрыл рот и сказал, что он передо мной очень виноват. Но и я перед ним виноват. Потому что он не сотрудничал с оккупантами, а продавал на Привозе солдатам зубной порошок с примесью извести. Так что, можно сказать, даже вредил и был почти как партизан. Ну, партизан, так партизан. Я нарочно ждал, что он еще сочинит. Я думал: почему чуть что, так сразу это? Жид и жид. И еще какое-нибудь имя. Когда я был мальчик, говорили — Лазарь. Потом я был Моисей, Мойша, Абрамчик. Нормальные имена, но не мои. А Маланский — кто такой? Откуда он взялся? И зачем мне столько имен? Мне столько не надо. Я не испанский гранд. Меня зовут Гедалий, Гедалий Соломонович. Это имя меня устраивает. Я на него откликаюсь. И вообще, почему мне от случая к случаю должны напоминать, что я чужак? Сколько надо прожить на одном месте, чтобы врасти, и тебе не тыкали в нос, что ты приبلудился? Мне моя бабушка рассказывала со слов своего отца, что мы переселились в Одессу в 1829 году. Мы чуть-чуть не пересеклись с Пушкиным. А что?..

И вообще, кому известно, кто где первым поставил ногу и сказал: это мое? Если мой прародитель Ной высадился на Арарате, я должен сказать: "Отдайте мне мой Арарат!"

На горе Арарат растет крупный виноград...

На кого плюнуть? На столько лет за плечами? У него же никого, кроме меня нет... Плюнуть! Вмазать по физиономии я б еще мог. Но плюнуть — никогда.

...Так сидим — он жует, я молчу. Мне интересно знать, как он завершит свой визит. И тут он — идиота кусок — говорит, как будто ничего не

произошло, — кстати, он, наконец, догадался, как можно починить мой старый будильник! А? Будто бы он все время только об этом думал и даже мучился...

Вы заметили, что с тех пор, как он вошел, я не сказал ни слова? Я смотрел на него и думал: неужели я пятьдесят с лишним лет знаю этого человека для того, чтобы так сидеть и над ним издеваться? И я сказал: "Слушай, у меня уже есть новые часы. И ты это знаешь. Но! Если тебе нужно с чем-нибудь поиграть, можешь взять старые на комод".

Он порылся, где я сказал, нашел часы, подергал Бандита за шею и пошел на выход. В дверях он оглянулся и сказал: "Извини, Гедаля, я не хотел. Само вырвалось. Знаешь, как бывает".

— Еще как знаю, — сказал я, а под конец не выдержал и — вы меня простите — сказал, куда ему идти. Я же очень долго молчал.

Так чего я пришел? Я хочу вас просить, если он к вам зайдет, — а он зайдет, — не подавайте виду, что вы все знаете. И дайте ему что-нибудь починить, если попросит. И помните, я — вам ничего не говорил.

Кораллы Карибского моря

Посреди лета что-то стряслось с пятницами.

Началось все две недели назад, вечером, в самое что ни на есть беззаботное время, когда привадишие за пять рабочих дней дух и тело начинают расправляться в предвкушении двух непечатых выходных. Игорь и Катя готовились на выход — посидеть с друзьями в летнем ресторанчике. Жена наносила последние штрихи перед зеркалом, а Игорь уже просто томился в духоте квартиры, когда его случайный взгляд зацепился за настенный календарь.

Выделенное передвижной рамкой число пятнадцать уходившей пятницы было повседневно-голубым, а завтрашнее субботнее шестнадцатое число — красным. Привычная смена рабочих будней уикендом. А для него суббота вдруг вспыхнула красной лампочкой аварии. Ведь месяц-то — июль, макушка лета, и пятнадцатое число еще по тропинке вверх, а следующее — вершина, пик, точка перелома; дальше — будьте внимательны при спуске!

Ему стало невыносимо обидно за проведенное непонятно как время, ведь по-настоящему летний вкус и цвет имели денька два или три.

Ужас. Нонсенс. Край.

Еще хуже было то, что куда-то кануло вовсе не пол-лета. Он мог бы перебрать в памяти с десятков лет и зим: чем занимался, к чему стремился, кого терпел, с кем расходился, — вспомнить радости и обиды, подарки судьбы и удары под дых — все можно было выстроить в одну цепочку. Нельзя было только понять, как растрочена эта уйма времени. И еще нельзя было сказать, когда стало проясняться — ты уже с ярмарки.

Очередная пятница не задалась вовсе. Бессчетные двухдневные звонки и электронные письма по увязке предельных скидок и сроков поставки оказались напрасны — их фирма проиграла тендер, а потом в узких улочках центра полетело сцепление его выдавшей виды "шестерки". Но это было еще не все. В готовый к печати каталог спешно понадобилось внести пару новинок. Плотнo засев за компьютер, он до восьми вечера правил текст, излагал его по-английски и корпел над версткой нескольких новых страниц. Специфика небольшой компании нередко предполагает совмещение обязанностей менеджера по продажам, сведущего в предлагаемой технике, с навыками редактора, дизайнера, логистика, водителя-экспедитора, а также грузчика со знанием иностранного языка.

произошло, — кстати, он, наконец, догадался, как можно починить мой старый будильник! А? Будто бы он все время только об этом думал и даже мучился...

Вы заметили, что с тех пор, как он вошел, я не сказал ни слова? Я смотрел на него и думал: неужели я пятьдесят с лишним лет знаю этого человека для того, чтобы так сидеть и над ним издеваться? И я сказал: "Слушай, у меня уже есть новые часы. И ты это знаешь. Но! Если тебе нужно с чем-нибудь поиграть, можешь взять старые на комод".

Он порылся, где я сказал, нашел часы, подергал Бандита за шею и пошел на выход. В дверях он оглянулся и сказал: "Извини, Гедаля, я не хотел. Само вырвалось. Знаешь, как бывает".

— Еще как знаю, — сказал я, а под конец не выдержал и — вы меня простите — сказал, куда ему идти. Я же очень долго молчал.

Так чего я пришел? Я хочу вас просить, если он к вам зайдет, — а он зайдет, — не подавайте виду, что вы все знаете. И дайте ему что-нибудь починить, если попросит. И помните, я — вам ничего не говорил.

Кораллы Карибского моря

Посреди лета что-то стряслось с пятницами.

Началось все две недели назад, вечером, в самое что ни на есть беззаботное время, когда привадишие за пять рабочих дней дух и тело начинают расправляться в предвкушении двух непечатых выходных. Игорь и Катя готовились на выход — посидеть с друзьями в летнем ресторанчике. Жена наносила последние штрихи перед зеркалом, а Игорь уже просто томился в духоте квартиры, когда его случайный взгляд зацепился за настенный календарь.

Выделенное передвижной рамкой число пятнадцать уходившей пятницы было повседневно-голубым, а завтрашнее субботнее шестнадцатое число — красным. Привычная смена рабочих будней уикендом. А для него суббота вдруг вспыхнула красной лампочкой аварии. Ведь месяц-то — июль, макушка лета, и пятнадцатое число еще по тропинке вверх, а следующее — вершина, пик, точка перелома; дальше — будьте внимательны при спуске!

Ему стало невыносимо обидно за проведенное непонятно как время, ведь по-настоящему летний вкус и цвет имели денька два или три.

Ужас. Нонсенс. Край.

Еще хуже было то, что куда-то кануло вовсе не пол-лета. Он мог бы перебрать в памяти с десятков лет и зим: чем занимался, к чему стремился, кого терпел, с кем расходился, — вспомнить радости и обиды, подарки судьбы и удары под дых — все можно было выстроить в одну цепочку. Нельзя было только понять, как растрочена эта уйма времени. И еще нельзя было сказать, когда стало проясняться — ты уже с ярмарки.

Очередная пятница не задалась вовсе. Бессчетные двухдневные звонки и электронные письма по увязке предельных скидок и сроков поставки оказались напрасны — их фирма проиграла тендер, а потом в узких улочках центра полетело сцепление его выдавшей виды "шестерки". Но это было еще не все. В готовый к печати каталог спешно понадобилось внести пару новинок. Плотнo засев за компьютер, он до восьми вечера правил текст, излагал его по-английски и корпел над версткой нескольких новых страниц. Специфика небольшой компании нередко предполагает совмещение обязанностей менеджера по продажам, сведущего в предлагаемой технике, с навыками редактора, дизайнера, логистика, водителя-экспедитора, а также грузчика со знанием иностранного языка.

А нынче в пятницу надо было оформить очередную экспортную поставку. Накатанная процедура позволяла управиться с делом до обеда. Но на таможне, ставшей после революционно-честных выборов нового президента аренной нескончаемой борьбы за чистоту рядов и рук, следовали свежим инструкциям. И выходило, что рутинная поставка за рубеж двух небольших приборов провоцировала стратегические риски для страны, и прояснить их масштаб могла только специальная комиссия.

Когда Игорь, комбинируя слова и купюры, за полдня прошел всех причастных лиц и собрал коллекцию их подписей, выяснилось, что глава комиссии застрял в кабинете своего регионального начальника. Тогда Игорь заскочил в свой офис, загрузил машину пятью такими же коробками и по-ударному разделался с их контрабандной отправкой пассажирским поездом. Удовлетворив жажду мести, он вернулся на таможню, доброжелательно ответил на вопросы главы комиссии, получил подпись и смог отправить груз. Так и день прошел.

И перешел в вечер пятницы. И стоило забыть о бессмысленно потраченном времени и всех простить. Он в одиночку собрался на море. На Фонтан.

Припарковался у кафе наверху. Жара настоящего лета, как водится, отменила линию горизонта, и зелень воды плавно переходила в выцветшее на солнце небо, еще издали сообщая пляжным завсегдатаям, что море нынче отнюдь не бодрит, но ласково обволакивает. Обгоняя ленивых дачников, снимая на ходу футболку, Игорь через ступеньку сбежал по длинной лестнице вниз.

Отыскав свободный пятачок песка у самой воды, он расстелил пляжное полотенце цветов бразильского флага, разделся до плавок и с наслаждением вошел в воду. Форсировав шумную и многолюдную прибрежную полосу, поплыл к подводному волнолому, в полусотне метров вторящему изгибам береговой кромки.

По-настоящему удовольствие от плавания Игорь стал получать всего несколько лет назад. Возможно, это объяснялось тем, что в молодости он на приличном городском уровне бегал сотку и полкруга, и после пьянящей скорости спринта трудно было оценить прелесть ползания по воде.

Язык моря дошел не сразу, зато теперь убеждал с полуслова, доходчиво демонстрируя реальный масштаб обычной береговой суеты. Солоноватая горечь воды гасила ненужные вибрации, а переменчивая волна то убаюкивала, то подзадоривала и возвращала на берег другим человеком.

Игорь миновал подводные редуты волнолома и двинулся в сторону прикованной к якорю симпатичной яхты. Космос как предчувствие мог зародиться именно рядом с безбрежностью моря, — вспомнил он вчерашний фильм. Тонкий флер ретро обволакивал до тех пор, пока его не настиг аквабайк спасательной службы. Смахивающий — два в одном — и на братка, и на желтого попугая, спасатель строго наказал держать курс на берег. Недовольный возвращением к реальности, Игорь ответил, что если отдельные маломеры не станут поднимать волну, то и проблем у пловцов не будет. Спаситель набычился, очертил круг поменьше, но решил проявить свое рвение на ком-нибудь другом и рванул дальше.

Умеренная доза адреналина подвигла Игоря перейти на кроль, а через пару минут он размеренным брассом потянулся к берегу.

Уходящее солнце уже не жгло, а приятно грело, вечерний бриз сушил мокрую кожу. Народ ловил косые закатные лучи, утолял жажду, жевал, курил, обменивался мнениями, сдавал картишки, листал желтую прессу, обнимался, следил за детьми, просто глазел по сторонам, шел за пивом и мороженым.

На белом шезлонге у воды прижимала к уху трубку девушка. Трубка была вишневой, а стильное бикини девушки — розовым. Два хвостика волнистых каштановых волос соскальзывали за плечи, подчеркивая легкие движения головы.

Поделившись с соседом сигаретой, Игорь невольно посмотрел направо, и его глаза вновь остановились там же. Он попытался понять, в чем дело. Вариант секс-бомбы не подходил, да и увидеть объект при этом надо бы в полный рост. Дальнобойно-броских черт лица или мощного художественного эффекта обильно наложенной косметики тоже не наблюдалось. Нельзя было сказать, что ее отличали экзальтированные жесты или неумеренные хлопоты лицом. Тем не менее, девушка в розовом явно выпадала из окружения. То ли хвостики у нее были задорные, то ли все дело в особняком и косо к прибору стоящем белом шезлонге.

Удовлетворившись этим толкованием, он решил, что ему тоже следует позвонить, и набрал Сережку. Уяснив, кто, где, с кем и чем занят, они наметили завтра вечером покатасть в теннис, а в воскресенье встретиться за городом. Сережкина дача на Каролино-Бугазе все лето собирала шумные компании. День отдыха на песчаной косе между морем и лиманом заменял три дня в городе.

Друг спросил, как дела с новой знакомой. Эффектная Алла недавно

удостоверяла ему права собственности, после чего он пару раз подвозил ее. Общение выходило весьма занятым, и Игорь подспудно надеялся встретить Аллу у моря — по ее словам, она загорала на этом же пляже.

Обычно Игорь делал вечером один заплыв. Можно было уходить и сегодня. Море сделало свое дело, теперь накопившуюся за неделю усталость могут снять красное вино и сон. Для *hard day's night* показаны тихие игры.

Кто-то одевался и уходил, но классная вода еще многих удерживала на пляже. Дети чуть поутихли, а музыку в прибрежных барах сделали громче. Незнакомка в розовом листала что-то вроде Elle. Игорь зачем-то попытался встретиться с ней глазами, но не преуспел. Нет, она не выстраивала неприступную стенку. Она была проста, органична — и необъяснима.

Неожиданно для себя Игорь подался в воду второй раз. Поплыл напористо и технично, точно пытаясь заслужить тренерскую похвалу. Это было нереально, но ему казалось, что он затылком чувствовал на себе чье-то внимание.

На выходе из воды он перехватил короткий взгляд светло-голубых глаз знакомки. И понял, что его торс — с хорошими мужскими плечами над весьма приличным прессом — вполне оценен. И упругой походкой дошел до бразильского флага и выразительно сел.

— Игорь Сергеич, вам сколько лет? — одернул он себя. — Будьте скромнее. — Впрочем, далеко не все мужчины могли бы похвастать тем, что сберегли вес неизменным со студенческих времен. Он снова посмотрел направо.

Незнакомка в розовом избавилась от резинок, и волосы рассыпались по ее плечам. И еще она достала из изящного чехла модные, без оправы очки, в которых, оказывается, нуждались ее глаза.

— Ага! Вас, сударыня, явно что-то заинтересовало.

Теперь Игорь знал, что объект его интереса неявно поглядывал в его сторону. Незнакомка знала себе цену и изучала его.

— Вы не знаете, где зимуют фламинго? — пришло ему в голову в качестве первой фразы. Фраза, конечно, была так себе, хотя и лучше, чем вопросы из разряда "не хотите ли вы мороженого". Но смущало вовсе не это. Пляжное знакомство само по себе банально, но важно не что, а как. Границы личного мира в такой тесноте прозрачны и взору и слуху, а проходить фазу знакомства с непредсказуемым финалом на потеху скужающей публике не хотелось. Вот если бы она пошла к воде...

Ожил его мобильный. Прораб Гриша перечислял материалы, которые будут непременно нужны завтра, — шел ремонт новой квартиры. Потребности в подвозе недостающего швеллера, досок или шпаклевки возникали внезапно, как юношеская эрекция, и регулярно, как поломки подержанного авто. Проблема потолков заняла несколько минут, и Игорь не сразу вернулся на берег.

Небо оставалось ярким, но с песка солнце ушло. Незнакомка завернулась в яркое парео. Это снова было ей к лицу, но вовсе не с руки Игорю. Напора для преодоления сложности мизансцены явно не хватало, все же он прилично выложился днем. Хотелось уже получить что-нибудь на блюдечке, к тому же зачетные очки на этой неделе он уже набрал. Потом он не раз вспомнит эту чудную мыслишку, а тогда он поднялся, прихватил одежду и погреб по песку к выходу.

Что и было отмечено искоса брошенным взглядом из-под удивленно приподнятых бровей.

Что ему снилось, он не помнил, но вряд ли тайга или горы, и отнюдь не стражи державных интересов. Несколько раз за утренними делами он словно вновь ловил на себе тот вчерашний взгляд. И пытался уверить себя, что насмешки в нем не было.

Почему бы ему ни удовлетворить простое любопытство — она оказалась там случайно? Она загорает там иногда или каждый день? Она придет сегодня? Одна?

Накаленный как печка багажник "шестерки", конечно, всех мешков с изогипсом не вместил. Пришлось грузить несколько штук в салон. На последнем заходе резкая боль хлестнула по правой стороне спины, словно порвал струну горячий гитарист. Стараясь поменьше пачкать чехлы, он не удержал спину прямой — и немедленно поплатился. Когда смог сесть за руль, то отвез злополучную шпаклевку, поспорил с прорабом, поколесил по городу в поисках цветного стекла, и выбирая гибкую черепицу. Придав подобие пристойного вида салону машины, добрался до дома и принял душ.

Отлеживаясь на диване в надежде на целительные свойства фастумгеля, он известил Сережку, что пропустит матч. Друг требовал письменного заключения врача и грозил штрафными санкциями — но на деле убеждал с травмой не шутить и явиться завтра на дачу для лечебного массажа и плавания.

Жена с подругой отправились в салон обновить прически, а он переключал телеканалы с летними повторами старых программ, пока в шестом часу не признал, что отлежаться не удастся, что ему, несмотря ни на что, надо "на тринадцатую".

На этот раз он съехал на тянущуюся вдоль полосы пляжа нижнюю дорожку. Любителей солнца и моря было достаточно. На море царил редко выпадающий полный штиль.

Ее он увидел сразу. Лежа на животе на том же косо к воде стоящем шезлонге, она читала, подперев голову кулачками. Собранные в один пучок волосы прикрывали верхнюю часть розового купальника.

Не отдавая отчета в своих действиях, он резво потянулся к бардачку за пляжной амуницией — и застыл, скривясь от боли. Скуля и подвывая, потихоньку привалился к спинке сиденья.

Когда он снова посмотрел на берег, незнакомка в розовом как раз меняла позу. Она подобрала под себя стройные ноги и села на пятки, а затем, снова опершись на кулачки, склонилась над книжкой. Теперь фасон нижней части ее бикини стал доступен взгляду во всей своей фестончатой сногсшибательности.

"Морская фигура, на месте замри!" — давненько Игорь не играл в детские игры.

— Ротик прикрой! — посоветовал он себе после паузы. Потом уже трезвым взглядом оценил откровенность позы и задумался. Но все было настолько органично, что он готов был поручиться — это не способ привлечь внимание, это просто удобная для чтения поза. Да и вовсе не поза, а положение тела, которое привлекательная и не одергиваемая ревнивым собственником женщина запросто может себе позволить.

Спина ныла не отпуская. Он вытер мокрый лоб и глянул на себя в зеркало заднего вида. Тихо покачал головой. С глазами побитой собаки таких женщин не покоряют.

Проехав с полкилометра, он с безучастием механизма какое-то время проплавал в, должно быть, восхитительной — судя по числу купающихся — воде и поехал назад.

Незнакомки в розовом на пляже уже не было.

Наутро тремя машинами съехали на Бугаз. Сережкин анекдот о полете в Рио был хорош, но окончательно всех развеселила Ритка. К ним в турагентство после удачной поездки зашла постоянная клиентка — ви-

но, конфеты. Стала показывать свои фото в популярном стиле "Я и Колизей". Замороченная за день директриса Галка, взяв в руки снимок дамы на фоне Эйфелевой башни, задумчиво произнесла:

— Потрясающе! А где это?

Галка, по ее словам, бывала в Париже шесть раз. Поэтому сомнений не было:

— Говорит всем, что в Париж, а сама — то в Лохвицу, то в Попелюхи!

Только Игорь и после умелых хлопот Любы над его спиной чувствовал себя неважно. Залег с книжкой у дачного бассейна в тени какого-то рододендрона. Вокруг нарядного деревца с затейливыми, похожими на трубу от граммофона кирпично-красными цветками, кипела знойная жизнь. По тени нижних веток сновали солнечные зайцы. Легкий ветерок шелестел листвою и дудел в трубчатых домиках-ловушках. Ему вторил озабоченный гул тамошних постояльцев — привороженных цветками пчел и шмелей, их полосатая ярмарочная карусель без устали кружила над головой. Чуть выше, попискивая, прыгало с ветки на ветку шустрое пернатое с розовой грудкой, а над всем этим гамом по белесому небу ползли ослепительные крутобокие облачка.

...Тем временем Жак Соньер выполз из-под полотна и начал судорожно озираться...

...розовая птичка... розовая черешенка... розовая фиалка...

— Мосье Лэнгдон прибыл!..

...розовая помада... тугой розовый бутон... парфюм Touch of Pink...

— В ответ пролаяли что-то неразборчивое...

...розовая орхидея... розовый фламинго... розовый жемчуг... розовый коралл...

— Как, нравится? — осведомился Фаш и приподнял широкий подбородок.

...эх, Игорь Сергеич, Игорь Сергеич... Надо бы спросить у Доктора, когда заявится с пляжа: синдром жирафа — это медицинский термин?

В понедельник парило с утра и, к облегчению задыхавшихся сердечников, после обеда на город обрушился мощный короткий ливень. Шансы увидеть ее на пляже теперь еще более поубавились — хотя только наивные как дети субъекты могли еще на что-то надеяться. Но Игорь, закружась пораньше, заскочил домой переодеться, известил жену о благотворности плавания для его спины и вскоре оказался "на тринадцатой".

На прежнем месте стоял другой, синий шезлонг. На нем поправляла замысловатую прическу средних лет дама — того типа, который так привлекал Рубенса.

Розовых фиалок в поле зрения не было. Орхидеи цвели и источали колдовской аромат не здесь.

Чего и следовало ожидать. Даже если она — кто запретит фантазировать — ненароком вспоминала о нем, то из его отсутствия следовал вполне определенный вывод.

Оставалось плавание в лечебных целях.

Назавтра вечером он снова был на пляже. Заплывы, похоже, в самом деле шли ему на пользу. Повернув к берегу, он уже не остерегался сделать резкое движение. Он плыл прямо на закат. Мелкие хлопья невесомых облачков, окрашенные в самые немыслимые оттенки, были в карнавальном беспорядке разбросаны по нежно-голубому заднику чистого неба. Придумать такое, пожалуй, мог только оставленный без присмотра ребенок. А сотворить смог бы ребенок-океан с планеты Солярис.

— Ты узнаешь ее, ты узнаешь ее, ты узнаешь ее из тысячи, — твердило радио, когда он ехал домой.

— Ты увидишь ее! Ты увидишь ее! — он был теперь в этом уверен, он это чувствовал. Надо было как-то дожидаться еще одного вечера.

Он его дождался. И оказался на том же месте в тот же час. И еще издали различил ее розовый купальник.

Она расположилась почти у самой воды. Она была не одна. Она что-то рассказывала той самой даме от Рубенса. Стянутые назад волнистые волосы завершались тугой французской косичкой. И это снова было классно. Сколько же у нее вариантов удачных причесок?

Он бы не смог ответить, были ли вокруг люди. С кем она сидела, было совершенно неважно. Он растянул свой флаг и разделся. Подошел к воде и убедился, что она мокрая. И в три секунды оказался перед тем самым шезлонгом. Что он собирался сказать — о таких пустяках он не думал. Да и вообще в разговоре участвовали разве что периферические участки сознания.

— Прошу прощения. Я, похоже, посеял компас и немного заплутал. Подскажите, далеко ли до моря?

Она чуть повернулась, с легким прищуром всмотрелась светло-голубыми глазами — и быстро опустила их.

Она молчала с едва заметной усмешкой на губах, а дама от Рубенса понимающе улыбнулась и произнесла:

— Рукой подать. Надо только обернуться.

— Вы меня выручили, — ответил он и сделал легкий поклон им обеим.

И спросил, адресуясь к одной:

— А вы не составите мне компанию?

— Нет. Холодно, — наконец-то произнесла она.

— Холодно там, — он показал на воду, — или здесь?

— Там.

— Жаль. Я б подогрел, если б знал.

Он вернулся к своему флагу и принялся изучать панораму дальнего рейда. Он впервые по-настоящему, близко, увидел ее лицо. Как он был обделен раньше! "Я красивых таких не видел".

Не надо было ничего выдумывать. Да он бы так и не смог — откуда у менеджера по продажам возьмется воображение Боттичелли?

Его нисколько не опечалило фиаско. Было достаточно ее присутствия всего в десятке шагов.

А она — кто бы мог подумать — пересела лицом к закатным лучам, достала косметичку и, оценив себя в зеркале, слегка подкрасила губы. Шальная улыбка поселилась на его лице, и с этим ничего нельзя было поделать. Стало легко и весело.

Игорь пошел купаться. Утопиться он бы не смог. Вода просто вытала, кивала ставшее невесомым тело. Ее голос звучал у него в ушах, а утонченные черты казались нереальными. Он плыл и издали поглядывал на берег.

В какой-то момент она поднялась и оставила свою соседку. Отошла в сторонку, прижимая к уху трубку. Это явно не было легким трепом. Она вышагивала вдоль воды, замирала на месте, поправляла волосы, забавно загребала стопами песок, чертила пальчиком узоры, наклонялась, словно наконец-то решила собрать коллекцию ракушек. На это стоило посмотреть.

Она ела яблоко и разговаривала с соседкой. Она листала журнал. Она расплетала косичку и проходила по волосам щеткой. Она категорически не смотрела в его сторону. Зато его настойчивые взгляды не раз перехватывала ее соседка.

А его поведение наверняка бы не только озадачило друзей и близких, но и пробудило профессиональный интерес специалистов в области психиатрии. Он качал головой, почесывал в затылке, беззвучно шевелил губами или принимался бормотать вслух:

— Ах, так! Вот ведь врединка какая! — и лупил кулаком по песку.

В какой-то момент она водрузила на носик знакомые ему очки и принялась перебирать какие-то бумаги. Он различил загранпаспорт и цветной буклет авиабилета. Она собралась в турпоездку? Она приезжая? Она вообще живет за границей и приехала погостить? Почему она на пляже с документами, было непонятно и неважно.

Она отыскивала нужный листок и набрала записанный на нем номер. Она не уединялась и явно выясняла что-то по делу.

Эйфория Игоря улеглась. Он дожидался, кто уйдет первой — она или ее соседка. Они засобирались вместе. Широкая джинсовая юбочка мягкими волнами легла на ее бедра, едва прикрывая купальник. И это опять было классно!

Игорь улучил момент, когда она чуть оторвалась от своей спутницы, и появился перед ней. От неожиданности она отступила на шаг или два в сторону. Он засмеялся и поднял вверх руки:

— Это не ограбление!

Она вопросительно смотрела на него.

— Я только хотел предложить... Может быть, если вы не слишком спешите...

— Мы вполне можем обойтись без этого.

— Но, если вы...

— Нет. Я уверена, что всего этого не нужно.

Ему ничего не оставалось, как пожать плечами. Только произнеслось:

— Sorry. Let it be.

В последний момент она посмотрела на него более пристально, и выражение ее лица — или это только показалось — чуть смягчилось.

Сумерки сгустились резко.

Одинокий провод пересек выкативший диск луны, походая низведя ночное светило до простого значка диаметра с урока геометрии. Но лунный свет был вовсе не печален: досада — не безразличие.

По дороге домой машину Игоря четырежды обгонял серебристый "лексус". На свободных участках дороги иномарка запросто уходила дале-

ко вперед, но потом — то удачно выбирая полосы на светофорах, то сделав с ходу левый поворот — впереди оказывался Игорь. В который раз обнаружив себя позади "шестерки", неразличимый за тонированными стеклами владелец "лексуса", похоже, не выдержал. Врубив дальний свет, он выскочил на встречную полосу и наконец-то смог утешиться.

А Игоря утешал знавший что почем Челентано.

Через двадцать один час он водрузил бразильский флаг на прежнее место. Героини Боттичелли отсутствовали. Дамы от Рубенса тоже.

Стараясь не копаться в своих чувствах, он добросовестно доплыл до дрейфовавшей в приличном отдалении яхты и вернулся на берег. Растираясь полотенцем, он почему-то обернулся — и увидел ее, спускающуюся на пляж. Вместе с той же спутницей.

Пляж перестал быть простой полоской песка, прозябающей на краю суши, — теперь Игорю не нужна была и набережная Круазетт в разгар кинофестиваля.

Она осталась в своем розовом купальнике и соорудила на голове забавную башенку из высоко заколотых скрученных волос. Вдвоем вошли в воду, по талию — у одной из них она точно была. Они весело переговаривались, ее лица он не видел. Зато ясно различал добродушную улыбку ее собеседницы и то, как она указывала глазами в его сторону.

Когда она оставила свою спутницу на мелководе и уверенно поплыла к волнорезу, Игорь влетел в воду. На ходу он еще готов был спросить у дамы, дает ли она добро на выход в море, но та деликатно отвернулась.

Он поравнялся с ней через минуту и, слегка запыхавшись — не то от проделанного рывка, не то по какой-то другой причине, — выдохнул:

— Добрый вечер! Следует ли мне обозначить свое приближение гудком?

— Гудком? Прикольно. Давайте!

— Щас! — он откашлялся. — Нет. Может, лучше дать сигнальную ракету?

— Давайте ракету. Так где она?

— Забыл впопыхах на берегу.

— Как же вы могли?

— Сам не пойму. Радует, что мое внезапное появление не привело к судорогам. Меня вот на днях схватила, по счастью, в бассейне.

— А где бассейн?

— На даче моего друга, на Бугазе.

— А где это?

— Ага! Если вы об этом спрашиваете, значит, вы не местная...

— Да. Днепропетровские мы.

— Вот ведь! Сколько исколесил, а в ваших краях бывал только проездом. И вас не видел.

— Да я наполовину одесситка. Каждое лето провожу здесь у тети несколько недель. В этот раз только меньше.

— Что ж так?

— Сейчас живу за границей.

— На Кипре? — почему-то вырвалось у него.

— Нет, — удивилась она. — Но, в самом деле, на острове.

— Где, если не секрет?

— Далеко. На Гаити.

— Ого! Так вот в чем дело...

— И в чем же?

— Ну, это хоть что-то объясняет. Ваше появление делает этот пляж другим. Придает ему — не могу сходу выразиться получше — законченный смысл.

— Да бросьте вы! Какое сегодня число?

— Четвертое. Месяц август, тысячелетье третье. Планета Земля.

— Смешно! У меня до отъезда осталось пять дней.

— Обхохочешься!

Они доплыли до волнореза и, положив на него руки, качались на волнах.

— Меня Игорем зовут. А вас?

— Авас!

— "Меня Николай Степаныч!" ... Вы знаете эти старые хохмы? Неслабо! То есть прикольно! Так как же вас зовут?

— Нина.

— У меня не было в этой жизни близких знакомых по имени Нина... Скажете — и не будет?

— Ну, близких, наверное, не будет.

— Вот так!... На берег мне можно не плыть.

— Take it easy! А чем вы вообще занимаетесь?

Они возвращались к берегу. Он плыл на спине и чуть впереди нее — так они видели лица друг друга. Он рассказал о своих занятиях и узнал о ее участии в модельном бизнесе и опыте телеведущей. И поделился, как они вчетвером искали спонсора и запускали ночной телеканал и что из

этого вышло. И Нина хвалила Одессу, а он сравнивал ее с Питером, который когда-то узнал в командировках как свои пять пальцев. И оказалось, что их знаки Зодиака образуют удачное сочетание, и вспомнили они, как попал в телеэфире впросак знаменитый астролог. И говорили о самых красивых женских именах и о том, какая буква и какой цветок самые эротичные. И еще о чем-то. Сколько он потом ни вспоминал эти минуты на закате, память рисовала ослепительный полдень.

Она подплыла к тете, а он выбрался на берег. Они плескалась еще несколько минут, и Нина — хоть бы немного еще о прекрасном — кружила вокруг тети и при приближении очередной волны смешно вытягивала изящную шейку, защищая от воды свою башенку. Он смотрел бы на это до утра.

Они немного посидели вместе.

— Так это кораллы Карибского моря? — он сделал легкое движение головой к ее купальнику.

— Ч-ч-ч! — она предостерегающе выставила перед собой ладошки. — Именно. Хотя, если зайдете в duty free при пересадке в Дюссельдорфе, может быть, найдете что-то похожее.

— Зайду обязательно. А до тех пор мы могли бы вместе поужинать?

— Могли бы. Но не будем.

Он вздохнул:

— What a pity! А вот если бы я знал ваш номер, то мог бы впредь сообщать, как сегодня водичка... Или что-нибудь еще.

— Я над этим подумаю.

В машине по дороге домой неистовствовала Anastacia — Left outside alone. И не мог он различить в этой, должно быть, мольбе одинокой женщины ничего, кроме страсти торжествующей любви.

Все утро наступившей пятницы он не мог сосредоточиться ни на чем, но все дела, проблемы и нестыковки разрешались сами собой. В районе полудня он смог выкроить час и попасть туда, где мысленно находился все это время. Нины на пляже не было.

Но она была в этом городе, она поднималась по этой лестнице, ходила по этим улицам. Представить, что спустя несколько дней ее здесь не будет, было невозможно. Он ей должен все объяснить. Your beauty is true. Он давно ждал — именно ее. Как он мог не узнать ее в ту пятницу — сто лет тому назад!

Надо было как-то протянуть несколько часов до вечера. И все эти часы где-то в области солнечного сплетения — он ощущал это физически — неумолчно и сладко звенела натянутая тетива. Такого за собой он не знал.

Все стихло вечером — пляж был пуст. То есть ее не было. Он увидел тетю и подошел к ней:

- Добрый вечер! Вы решили сегодня племянницу не брать?
- Да. Оставила дежурить по кухне.
- А вы, оказывается, строгая тетя!
- Конечно. Иначе нельзя!

Он только выразительно вздохнул. И пошел топиться, и проплавал полчаса.

Он перехватил тетю наверху, когда она переходила дорогу:

- Вас подвезти?
- Нет-нет, — она разглядела его в полутьме салона. — Мне сюда. —

И миновав ажурную калитку, стала удаляться по узкой длинной аллее между особняками.

От Фонтанской дороги аллею отделяло давно знакомое ему полукругье облицованной мрамором стены. Белый на темно-сером фоне, пробирався сквозь сумерки барельеф — с характерным женским профилем и лаконичным текстом, что здесь когда-то родилась знаменитая поэтесса. Чуть поодаль он различил граффити — алое сердечко и два слова под ним — Дышу тобой.

Настоящий художник, даже еще не вполне набивший руку, всегда говорит за других.

Она появилась на пляже в последний вечер.

Тогда он — такого не бывало в этой жизни — собрался плавать десятый день подряд. И куда ему потом девать столько все прибывающего здоровья?

Она сидела с тетей и еще с кем-то. Он поздоровался издали. Она явно мерзла и накинула кофту. Ему было жарко, но в воду тоже не тянуло.

Он склонил голову набок и подпер эту тяжесть локтем. Он не прессовал страстным взглядом, не корил и не телепатировал немые вопросы. Он просто посматривал на нее, стараясь подольше задерживать глаза где-нибудь еще.

Она повернула к нему голову — и тоже склонила ее набок. Несколько секунд тихо и отстраненно смотрела на него. Тогда он соскользнул подбородком с ладони и уронил голову на песок. Она улыбнулась и показала

ему язык. Отвернулась. А он перевел взгляд туда, где который день подряд море неразлично обращалось в небо.

Sunshine, sunshine reggie!
Give me, give me, give me
Give me a little smile
We got a message for you.
Веселый народ — эти карибы!

Он не был на пляже неделю. В большой и шумной мужской компании отправился на стадион на футбол. Безучастно отсидев первый тайм, во втором увлекся тем, как наши фланги терзают их защиту, и рвал голосовые связки не хуже записного фаната.

Когда осевшая в уличном кафе компания заметно поредела, поделился с Сережкой опытом вечерних купаний. Помолчав, друг снова наполнил рюмки и, чокаясь, спросил:

- Эйфория — это здорово. А что в реальном остатке?
- Немерено. Я на земле, где вы живете. Ну, или — знаю, ты на свете есть. И надпись на заборе.
- Каком еще заборе?
- Да есть там один.

Они знатно, по-взрослому, отметили победу, выяснили, где кроется истина, и, душевно дуэтом изложив историю о том, как "у девушки с острова Пасхи украли любовника тигры", констатировали тот непреложный факт, что "каждую пятницу, лишь солнце закатится, кого-то жуют под бананом".

Что проехали — не вопрос. Что за ближним поворотом? Да тоже не вопрос! Не спи за рулем! Do your best. Терпи до лета — и не жди его. Оно может случиться в любое время — был бы ты готов.

Всякое в жизни бывает. Но не со всеми и не всегда.

В сентябре зарядившие на неделю шторма съели половину от прежней ширины пляжа, и те места, где стоял белый шезлонг и стелился бразильский флаг, скрылись в мельтешении ажурной пены. Но это было неважно.

Ну и что, что так совсем недолго
Нам с тобой выпало летать,
Ну и что, что так немного толку
Из того, что кому-то летать,
А кому-то ползать...

Приемник в машине был настроен на прежнюю волну.

Всемирная паутина доносила, что на острове Гаити в разгаре сезон дождей и ураганов. Прогноз погоды на десять дней сводил с ума своим разнообразием: семь дней кряду гроза, на восьмой — гроза во второй половине дня, за которой еще два грозовых дня.

Игорь узнал, что после кораблекрушения на коралловом рифе Колумб сделал своим флагманом каравеллу "Нинья" — у берегов острова, который теперь называют Гаити.

И еще Игорь теперь знал, что раз в несколько лет в Тихом океане по непонятным причинам неожиданно и неотвратимо возникают мощные течения — то холодные, то теплые, — которые глобально меняют погоду.

Сказать названия?

— Ла-Нинья. Эль-Ниньо.

ПОЭЗИЯ

Виталий АМУРСКИЙ	
СловЛарь	170
Олександр ЧЕРНЕЦЬКИЙ	
Коріння — вічність	174
Александр ДМИТРИЕВ	
...И душа поэта раскрыта... ..	178
Валентина СИЛАНТЬЕВА	
И солнечный лучик, и ноток созвучье... ..	181
Юлия МЕЛЬНИК	
Руками до моря бережно донести... ..	185

Словарь Двенадцать экзерсисов

Меня преследуют две-три случайных фразы...

Мандельштам

1-й: приглашения к перемене мест

Ждут
нас в Турции
настурции.

В Греции
акации,
грации,
Горации.

Там
там-там,
а тут
пряники растут.

2-й: пространства

В.
Даль
уходит
в
даль.

3-й: объектов во времени

Луна с чаркой,
Луначарский
с Чарской...
Вот, черт,
всё течет.

4-й: резюме

определяем

время по Прусту
размер по Прокрусту
капусту по хрусту

5-й: старого триллера

В советский сад проникший диверсант
Назвался: Жорж. Потом сознался: Санд.

6-й: триллера современного

Говорит, что — петух.
а у самого
пять ух.

7-й: ностальгии

Арбат, Неглинка...
А Барт —
Не Глинка...

Виталий АМУРСКИЙ

Словарь

Стихи

Париж 2006

8-й: обмена

Шило на мыло,
Нить на иглу,
Будет на было
С бабкой в углу.

Злато на лапти,
Сад на фонтан.
Царское платье
На Тришкин кафтан.

9-й: печали

Ах, сколько пострелов
В России!
Ах, сколько Растрелли
В пострелах растили!
Ах, в скольких пострелах
Растрелли растлили!..

10-й: вихря

Снег танцует под фонарем
Лифарём.

11-й: пожеланий

Не теши кол,
Нет души коль.

Ни пуха тебе, ни пера.
Ни мухи, ни комара.

И как там еще, тьфу ты,
Под килем семь футов!

12-й: стихания

Стихопарение
Стихомоление
Стихобиение
Стихо...
...как тихо!

Иври-на-Сене

Очарование словом

Русский поэт и русский художник, давно живущие во Франции, Виталий Амурский и Николай Дронников, хорошо известны и в Одессе. Многочисленные публикации Виталия Амурского имеют своего читателя в нашем городе, а выставки рисунков Николая Дронникова в библиотеке имени Горького, во Всемирном клубе одесситов приобрели своего зрителя.

Недавно из Парижа был получен элегантный подарок – маленькая книжечка стихов Виталия Амурского, сделанная Николаем Дронниковым, – не первый и, даст Бог, не последний плод их совместного творчества. Вышедшая тиражом в двадцать пять экземпляров, она рассчитана на искушенный вкус библиофилов.

Виталий Амурский и Николай Дронников и в Париже остаются верны русской речи и русской культуре.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Коріння — вічність

* * *

У квітні — коронація весни!
Сніги зійшли.
Земля й тополі — голі.
А вже довкруг майдану, на роздолі,
зухвало парубкують ясени.

Спішить ручай на зустріч до ріки,
Ляга на гул така зелена свіжість...
Весна дарує нам тепло і ніжність
з ласкавої
і доброї руки.

Спадає день.
На тихі й світлі сни
у голови кладе найперше зілля...
У квітні — коронація весни.
Весілля.

* * *

І день згора, і ніч згора —
усе на світі попелиться...
Та ось — немов з плечей гора,
і ти, наповнена добра,
ідеш до мене прихилиться.
Ідеш, як свято в сірий день,
як синій дощ на перший посів.
І серед наших двох покосів
нам осінь третій прокладе.
На добрі дні, на тихі сни,
на наші руки, повні таїн...
І вже летить в обійми син
і поміж нами виростає.
І вже ми втрюх з вогню й золи
кладем у серце грім щасливий...

...Коли б не грози ті і зливи —
ми й дня, мабуть, не прожили.

Перед штормом

Серпневий жар...
Вечірній присмак.
Прийшло-стишена вода.
Хіба що десь зненацька присне
чайний сміх.
І — пропада.
І припада до хвилі радар
чутливим променем зірниць.
Лягає вечір горілиць
на сполотнілий дебаркадер.
Серпневий жар...
Червоний присмак.
Холодно-сірий зблиск води...
А у води ж солоний присмак.
А сміх у чайки... молодий!

* * *

На трьох весіллях їй кричали "гірко",
Старе вино за край стола лили...
Була любов.
Чоловіки були.
Було на серці лагідно і дзвінко.
Від поцілунків.
Від рясних обнов.
Від щедрого селянського обіду...
Та тільки першим вересень пішов, —
зорав поля
і не залишив сліду.
Був жовтень. Для сусідок напоказ.
Ходив селом, своїм багатством мірявсь.
Та в нього, мабуть, інша завелась.
Труснув сади
і з тим добром завіявсь...

Змарніла. Подалася на порі —
чекала листопаду на дорозі.
А він прийшов.
І листям не зігрів.
І сам згорів на першому морозі.
Було...
Спливло...
Та тільки серце й досі
на когось ще надію сповива.
...Тремтить в садах стара, зів'яла осінь,
печальна,
як покинута вдова.

Коріння — вічність

Коріння — вічність.
Листя — вічний прах.
Ще б сто літ родить моєму саду...
Та вже пора.
До спокою пора б,
до врочого, як пісня, листопаду,
до істин первородних і простих,
коли твій сад холодний і порожній.
О, березню,
довік мені прости,
що я не твій вчорашній подорожній.
...Так хочеться збороть тремтливий щем,
через межу на себе подивиться,
де ми корінням станем, а не листям,
і в сизій бруньці знову проростем!

* * *

Так одчайно, непомітно
відгулялись наші весни.
І куди ж це той зазимок підгання?
Чи пора уже з весілля?
Чи пора сушити весла?
Чи збиратися в дорогу без коня?

А над плесом ходить вечір —
синій-синій.
Через річку,
через нічку,
через брід.
Он з тобою, он до тебе —
Тільки син мій...
Надивляється здивовано услід.
Так запахла
чебрецева і вогниста,
не моя уже, а синова весна...
Дорога моя надія —
Золота весільна пристань
віддає йому у спадок
два весла...

...И душа поэта раскрыта...

* * *

Искрится друза хрусталя,
Искрится снег,
Искрится память.
На ветке вишни зреет камедь —
Янтарь в холодном серебре.

* * *

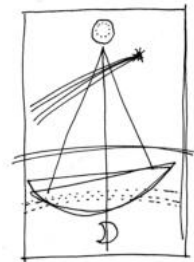
Говорливые цикады,
Желтокрылые синицы.
Не из Ленина цитаты,
Не из Сталина страницы.
На просторе, на огромном,
Где гуляет запах ветра, —
Не изданием многотомным,
А колышущейся веткой,
Облаками, что над степью
Набухают влагой летней,
На крыльце танцором степа
Выбиваю, сколько лет мне.

* * *

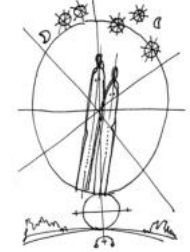
Ю. Коваленко

Раскрыта книга.
И душа поэта раскрыта.
Ни точек, ни запятых.
Запятнана репутация
(Он слыл выпивохой).
Кто-то через плечо заохал,
Читая рифмы.
Кошелку, кашляя, несет старуха, как риф.
Что поэту нужно?
Строка, что ласкает ухо,
Как скорая помощь.

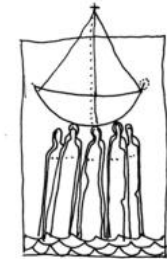
* * *

Так случилось, что прошлой осенью,
Когда небо жердью горбатой
Черно-серой и чуть с просинью
Вдруг шарахнуло громко гранатой.
Отошел, отзвенел, будто шума шелк.
Тишина. Чуть аукнулось где-то там.
Я от вас в золотые леса ушел
И вернулся в весну, в соловьиный щелк.
И пусть кто-то, пусть самый умный кто
Мне подскажет, как жить, как судьбу нести.
Жизнь — театр, и старая травести
Детским голосом спросит:
Вам любовь или тапочки принести?

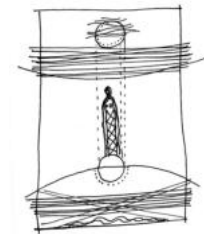
* * *

Витиеватая лоза
Пьянеющего винограда,
Полупустынные глаза
Полуземного Эльдорадо.
Хотя героем вовсе не был
Тот окаем, что на полнеба.
И полудождь, и полугром,
И полубыль, и полунебыль —
Всё.
Тишина. Уйти, уйти.
Навинчена на будни гайка.
А ты лети, лети, лети
К созвездиям, морская чайка.

* * *

Острой изморозью
На ресницах туман.
Я не видел ночей,
Как сегодня страшней.
Блеск луны белобрысой

мне подарком за честь.
 Будто слово назначено
 После речи, но чьей?
 В полуфразах слов древних
 Не слышу греха.
 В крае чудном, не одинок, не гоним.
 И живу, как и жил,
 От стиха до стиха.
 Охраняет меня добрый мой серафим.
 Я не видел ночей,
 Как сегодня страшней.
 Стая воронов вылетела из-за плеча.
 Только сверлит глазами меня Моисей
 Да святой Михаил стережет от меча.

Рисунки автора

И солнечный лучик, и ноток созвучье...

* * *

Фольварки Пастернака и надмирность Блока —
 Мой свет и день — о чем скорбеть?
 Судьба — мой пес (или бездомная собака?) —
 Но разве этот бедный, милый зверь

Не обнимает сердце тихой лаской —
 Странствие и сострадание рядом —
 О, милая, с тобой утешусь старой сказкой:
 Вон дом и сын, и сад за будничным оврагом.

Ну, не лижи ладонь и не толкай мне локоть,
 Полоска черная? Но белой не заказан путь —
 Фольварки Пастернака и надмирность Блока —
 Продержимся в сцепление лап и рук.

Ну что ж ты, пес, не унывай, не надо —
 Шопен с фольварками и снова Пастернак —
 Ну, помнишь, как щенком ты крался за оградой?
 Так вот, за тем оврагом — белый, дымный сад.

* * *

Как камень тешут трудно и упорно
 И, может, проклиная этот труд,
 Уже измученной и полумертвой,
 Встаю, долблю урок.
 А где-то Брут,

Мытарствуя предательством,
 Но, посягнув на славу,
 Вопит о праве покорять Сенат —
 Не надо, юноша, во вражеском анклав
 Вам пребывать.

мне подарком за честь.
 Будто слово назначено
 После речи, но чьей?
 В полуфразах слов древних
 Не слышу греха.
 В крае чудном, не одинок, не гоним.
 И живу, как и жил,
 От стиха до стиха.
 Охраняет меня добрый мой серафим.
 Я не видел ночей,
 Как сегодня страшней.
 Стая воронов вылетела из-за плеча.
 Только сверлит глазами меня Моисей
 Да святой Михаил стережет от меча.

Рисунки автора

И солнечный лучик, и ноток созвучье...

* * *

Фольварки Пастернака и надмирность Блока —
 Мой свет и день — о чем скорбеть?
 Судьба — мой пес (или бездомная собака?) —
 Но разве этот бедный, милый зверь

Не обнимает сердце тихой лаской —
 Странствие и сострадание рядом —
 О, милая, с тобой утешусь старой сказкой:
 Вон дом и сын, и сад за будничным оврагом.

Ну, не лижи ладонь и не толкай мне локоть,
 Полоска черная? Но белой не заказан путь —
 Фольварки Пастернака и надмирность Блока —
 Продержимся в сцепление лап и рук.

Ну что ж ты, пес, не унывай, не надо —
 Шопен с фольварками и снова Пастернак —
 Ну, помнишь, как щенком ты крался за оградой?
 Так вот, за тем оврагом — белый, дымный сад.

* * *

Как камень тешут трудно и упорно
 И, может, проклиная этот труд,
 Уже измученной и полумертвой,
 Встаю, долблю урок.
 А где-то Брут,

Мытарствуя предательством,
 Но, посягнув на славу,
 Вопит о праве покорять Сенат —
 Не надо, юноша, во вражеском анклав
 Вам пребывать.

Глотая газ какой-то подземельно-рудный,
В своем пространстве не атолл, а риф,
Я все качу свой камень многотрудный
Наверх — поймешь ли ты меня,
Сизиф?

Я знаю, риф красив кораллом,
Скорбя, тружусь и в памяти храню:
Сей труд уже прокомментирован Гайдаром
И мужем французским —
Алжирцем Камю.

* * *

И солнечный лучик, и ноток созвучья —
Веселых иль грустных — не все ли равно?
Вон кроны деревьев подставили уши —
Мне видеть и слышать все это дано.

Косым переливом дождевки и льдинки —
Хрустя, улеглись на асфальт.
Страдает, наверно, мой старый малинник,
Но ты это, Господи, просто поправь.

Пусть будут — и лучик, и нотки созвучий,
Малиновка пусть распевает в кустах.
Я к дубу приду, чтобы только послушать,
Как мысли о вечном под кроной шуршат.

* * *

Воспрепятствовать белому снегу
И ветвям, прочертившим сквозное окно?
О, нарядным весенним побегом
Я приду в этот мир все равно.

Воспрепятствовать белому свету,
Солнцу, вставшему с краю небес?
О, зимой и весной, и засушливым летом,
Как глоток благодати — встречаю рассвет.

И не надо мне праздной судьбины,
Парусов, под которыми так мне хотелось уплыть,
В свитке дней, и красивом, и длинном,
Есть моя скромно-пестрая нить.

* * *

И Моцарт с его "Невинностью сына"
Привстал и шагнул далеко.

А как бы хотелось срифмовано-просто:
Расправив крыла (или плащ) широко,
Витают над нами трагически-вечно,
Безудержный Моцарт. — И все нипочем.

Но нет, на скрижалях убогой судьбины,
Когда слово "Моцарт", как "ящер", никто,
Не славит, не знает, а скрипка в плечо
Рыдает, рыдает, о век мой проказник,

Ну, сколько еще? "Невинностью сына"
Измучив мне душу, ушел этот гений, ушел.

* * *

Сыну Сергею

Я, отражаясь белым днем
В твоей бронзовости прекрасной,
Все повторяю: "До — плывем,
Мир познающие всечасно,

Не могут тиной, слизью, сленью
Укрыть становище Земли".
Вотще: огромность этой пенной
И вечно царственной весны

Во мне, в тебе и — бронзовым закатом
В остатке дней озарены
Твое, а, может, и мое стаккато
В чуть теплом ковшике Земли.

* * *

Я пиршество земли приемлю как подарок, Пронзительность
весны всё в кулачке храню,
Чуть теплится, но все-таки горит свечи огарок
И Боги помнят путь к изложью моему.

Поющие струи извилистого слова
Вздывают паруса придуманных ветрил —
Но пиршеством земли я осиянна снова,
И соловьиный сад маячит мне вдали.

О, казуистика земной неуголимой воли:
Плащом серебряным прикрыв нетленный торс,
Мой Моцарт над смычком колдует-канифолит,
И вязью сталактита оплывает воск.

Поклевышем цветистости упругой
Всплывает утро, денность возлюбя,
И я, рожденная не дамой, а прислугой,
Внимаю естеству земного бытия.

Простецкой, где-то заплутавшей ноткой,
В хоре праздничном красивейших рулад,
Я замираю на тропе короткой:
Бытийности? Да нет, — земного бытия.

Раскованная твердь земного притяженья —
Земля тюльпаном тужится в ночи,
Плыву в стремнине каждодневного раденья,
Дунайской — в льдинках — прихлебнув воды.

Руками до моря бережно донеси...

* * *

Любая росинка дороже жемчужин в браслетах...
Она появилась... Она исчезает...И в этом
Есть строгая тайна. Как древнего солнца касанье.
Вот в этом: она появилась, она исчезает...

Мы тоже роса — на прохладные травы прилечь бы
Зажмурив глаза. А проснувшись, — друг друга беречь бы.
За горечь ошибок. За чая глотки на вокзалах.
Что мы как роса появились. Что мы — исчезаем.

* * *

Я стою в полумгле, обрываю шиповник,
Он колюч снаружи, колюч изнутри...
Остальное, возможно, и не припомнить.
Остальное, должно быть, перегорит...

Кисло-сладкая ягода золотая...
Мир, в тебе заключенный, светел и цел...
А по небу ангелы пролетают,
Не нуждаясь совсем в витамине С.

* * *

Как падают в море, так больше падать и некуда...
Не стоит меня в этот миг вылавливать неводом,
Когда я все рыбы, все крабы, когда я — соль...
Не стоит меня вытаскивать на песок...

Что скажет, глотая воздух острыми жабрами,
Тебе за попытку спасти от моря душа моя ?
Спасибо тебе, спасибо... Обрати спаси...
Руками до моря бережно донеси.

* * *

Я пиршество земли приемлю как подарок, Пронзительность
весны всё в кулачке храню,
Чуть теплится, но все-таки горит свечи огарок
И Боги помнят путь к изложью моему.

Поющие струи извилистого слова
Вздывают паруса придуманных ветрил —
Но пиршеством земли я осиянна снова,
И соловьиный сад маячит мне вдали.

О, казуистика земной неуголимой воли:
Плащом серебряным прикрыв нетленный торс,
Мой Моцарт над смычком колдует-канифолит,
И вязью сталактита оплывает воск.

Поклевышем цветистости упругой
Всплывает утро, денность возлюбя,
И я, рожденная не дамой, а прислугой,
Внимаю естеству земного бытия.

Простецкой, где-то заплутавшей ноткой,
В хоре праздничном красивейших рулад,
Я замираю на тропе короткой:
Бытийности? Да нет, — земного бытия.

Раскованная твердь земного притяженья —
Земля тюльпаном тужится в ночи,
Плыву в стремнине каждодневного раденья,
Дунайской — в льдинках — прихлебнув воды.

Руками до моря бережно донеси...

* * *

Любая росинка дорожке жемчужин в браслетах...
Она появилась... Она исчезает...И в этом
Есть строгая тайна. Как древнего солнца касанье.
Вот в этом: она появилась, она исчезает...

Мы тоже роса — на прохладные травы прилечь бы
Зажмурив глаза. А проснувшись, — друг друга беречь бы.
За горечь ошибок. За чая глотки на вокзалах.
Что мы как роса появились. Что мы — исчезаем.

* * *

Я стою в полумгле, обрываю шиповник,
Он колюч снаружи, колюч изнутри...
Остальное, возможно, и не припомнить.
Остальное, должно быть, перегорит...

Кисло-сладкая ягода золотая...
Мир, в тебе заключенный, светел и цел...
А по небу ангелы пролетают,
Не нуждаясь совсем в витамине С.

* * *

Как падают в море, так больше падать и некуда...
Не стоит меня в этот миг вылавливать неводом,
Когда я все рыбы, все крабы, когда я — соль...
Не стоит меня вытаскивать на песок...

Что скажет, глотая воздух острыми жабрами,
Тебе за попытку спасти от моря душа моя ?
Спасибо тебе, спасибо... Обрати спаси...
Руками до моря бережно донеси.

* * *

Останови мне время, домовой...
Запрячь хоть что-нибудь в пустынном доме...
Заставь искать... Иголкою в соломе
Вдруг свет неуловимо золотой

Над нами вспыхнет. В сумерках вещей
Затерянный — как под крылом у птицы...
И найденное вряд ли пригодится
Кому-нибудь, кроме души моей.

* * *

Горловой голубиный в голубе звук
Обкатает волною острый недуг,
Что застрял где-то в ребрах... Голубь, звеня,
Пролетает сквозь небо и сквозь меня...

Горло голубя — галька... Громко — нельзя...
Горечь смоем волною, если глаза
Ты прикроешь — увидеть:
Голая грань, грохот города, голубь...
Горлом — не рань...

* * *

Собака рывкнет что-то о любви,
По-детски перекрикивая ветер
О вездесущей, о небесной тверди
На безымянные лады свои.

И на ее загривке нет следа
От рук, от слез, от кожаной полоски.
И тает в полумраке голос жесткий
Свободный от ушей и до хвоста.

* * *

Средь призм многоликих что делать простому лучу?
Устав от неоновых вспышек, ты веки смежаешь...
И, словно "спасибо" тому, кто придумал свечу,
Звучит в тебе вечер, которому ты не мешаешь...

Душа, словно рыбка, в самой сердцевине теней,
Не ждет, чтоб чужая наживка спасла от напасти
Остаться в бездонности этой, на этой ничьей
Земле, для которой еще не придуманы снасти...

Обернут в страницу Маямского календаря
Подсолнечник желтый... Как все в этом мире смешалось...
Но бабочку, что застывает в глотке янтаря,
Вдруг выпустит вечер, которому ты не мешаешь...

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ
Раздевалка 189

Александр МАРДАНЬ

Раздевалка Одноактная пьеса

Действующие лица:

Петр — худрук областного драматического театра, 50 лет
Актрисы областного театра:

Маша — 44 года

Ольга — 42 года

Ирина — 23 года

Наталья — 35 лет

Анфиса — 63 года

Действие происходит в наши дни, в городе, жители которого говорят по-русски.

Действие I

Картина I

Комната, в которой мерцают зеркала. Издалека слышится музыка. Входит пожилая женщина, включает свет над гримировальным столиком. Она в костюме старой няни из пьесы "Три сестры". Достает из сумки бутылочку-фляжку, отпивает из нее, прячет фляжку. Закуривает. Стремительно входит Маша. На ней — длинное черное платье. Маша подходит к своему столику, зажигает лампы, достает из рукава фотографию и прячет ее в сумочку. Затем берет со стола сигареты и подходит к Анфисе.

АНФИСА (протягивая Маше зажигалку): Интересно выходит... Какую чеховскую пьесу режиссер ни ставит — а получается "Палата номер шесть"...

Маша не реагирует на реплику Анфисы, пытается прикурить, руки у нее трясутся. Наконец прикуривает, затягивается.

АНФИСА: Машенька, что случилось? Ты так закричала "Не трогайте меня!", что хотелось милицию вызвать...

Маша молча курит.

АНФИСА: Успокойся. Хочешь чаю?

Маша отрицательно мотает головой. Наконец сбивчиво произносит:

МАША: Представляете... беру у вас... чашку, иду на авансцену, к сто-

лу, где Ирка... с пасьянсом сидит, и вижу — среди карт... на столе лежит... фотография...

АНФИСА: Ну?!

МАША: А на фото — я с Вершининым.

АНФИСА: Ну?

МАША: Целуемся.

АНФИСА: Ну? В финале?

МАША: В кафе! В горсаду! На прошлой неделе!!!

АНФИСА: Ну-у-у! *(Достает бутылочку.)* Хлебни, успокойся.

МАША: Нет, спасибо, я слова забуду... Это Ирка... Малолетка-интриганка.

АНФИСА: А ей зачем?

МАША: Мстит. Я как-то ляпнула, что ей только в варьете плясать, потому что слов запомнить не может. Каждый вечер роль путает... Вот она мне типа шоковой терапии устроила, чтобы я текст уронила. Ну ничего, я сейчас...

АНФИСА: Фотография там осталась?

МАША: Нет, я ее сразу в рукав спрятала.

АНФИСА: Выпей чайку. *(Достает из сумки термос, наливает Маше чай. Маша пьет.)* Как ты думаешь, какой должен быть торт?

МАША: С кремом.

АНФИСА: Нет, я про вес. Килограмм десять хватит?

МАША: Кому?

АНФИСА: На юбилей.

МАША: А-а-а... Не знаю, Анфиса Михална. Я торты не ем.

АНФИСА: С собой возьмишь.

Слышны аплодисменты. В комнату, припадая на одну ногу, вбегает Ирина. Она включает свет на своем столике, садится и начинает разуваться.

ИРИНА: Черт, до крови натерла...

МАША: Ирина Владимировна!

ИРИНА (перебивает): Мария Максимовна, понятия не имею, откуда это взялось! Спросите у Миши, у реквизитора. Карты уже лежали на столе. Беру их, начинаю раскладывать, и вдруг среди них — фотография! Я чуть со стула не съехала.

МАША: Кто ее в колоду засунул?

ИРИНА: Любой мог.

МАША: Положить — да. А сфотографировать?

ИРИНА: Зачем мне это нужно?

МАША: Сама знаешь.

ИРИНА: Да у меня и аппарата нет...

Звонит мобильный. Ирина роется в сумочке, достает телефон.

ИРИНА: Алло! Влад? Привет! *(Пауза.)* Ты был в зале? Ой, а я тебя не увидела... *(Пауза.)* Ясно. Хорошо, я через пять минут выйду. *(Кладет телефон на столик.)* Мария Максимовна, вы помните, в какой день вы с... ну, когда эта... съемка была?

МАША: Это... наверное... А какая разница?

ИРИНА: Я могу показать, какие вечера я в "Мираже" работала. *(Роется в сумочке, достает календарик, протягивает его Маше.)* Вот тут обведено. На снимке число есть?

Маша, отвернувшись, достает из сумочки фотографию, сразу убирает ее, рассматривает календарик и возвращает его Ирине.

ИРИНА: Ну что?

АНФИСА: Ира, как ты думаешь, торта на десять килограмм хватит?

ИРИНА: Для чего?

АНФИСА: Для юбилея.

ИРИНА: На весь театр? Не-е. Мало. Надо два таких.

Снова звонит мобильный Ирины.

ИРИНА: Алло! Олежек?! *(Пауза.)* Ты едешь сюда? *(Пауза. Растерянно.)* Где будешь ждать? На служебном? Олежек, мне еще переодеться надо... Может, завтра увидимся? *(Пауза.)* Никак? *(Пауза. Обреченно.)* Хорошо, выйду. Целую, зайчик. *(Кладет телефон на столик.)* Господи! Что же делать?

АНФИСА: Не поминай имя Господа всуе...

ИРИНА: Черт! Что делать?

АНФИСА: Тьфу на тебя, богохульница!

МАША: Оба ждут на служебном?

ИРИНА (надевая кроссовки, напевает): Воротились. Оба, двое, два крыла.

АНФИСА: Допрыгаешься. Разведется с тобой Владик.

ИРИНА: Ничего. Я их сама сейчас разведу. *(Хватает со столика мобильный, набирает номер.)* Алло, Олежек? Ты когда подъедешь? Уже? *(Капризным голосом.)* Зайка, за углом универсам, знаешь? Пожалуйста, зайди, купи мне "Рафаэлло". Так сладкого хочется! *(Пауза.)* Знаю, что в это время очереди. Ну, постой десять минут ради любимой женщины! Спасибо, милый. *(Набирает другой номер, про себя бормочет.)* Не-е-ет, от рекламы есть польза! Каждый хочет преподнести актрисе коробочку

с бантиком... Райское наслаждение! *(По телефону.)* Алло! Владичек, я так ногу натерла — едва хожу. Не успею к тебе подойти. Ты меня не жди, ладно? Возвращайся в зал, а на служебном встретимся после спектакля. Хорошо? Целую, зайка! *(Убирает телефон в сумочку.)*

МАША: Высший пилотаж!!!

ИРИНА: Хотите сказать — вы так не умеете? *(Запнуровывает кроссовки.)* Кстати, кофточка у вас!..

МАША: Какая кофточка?

ИРИНА: В которой вы на фотографии. *(Выбегает, громко хлопнув дверью.)*

МАША *(Анфисе):* Осторожно, двери закрываются! Остановка — театр, следующая станция — бордель... Маленькая, но очень перспективная стерва. Хотя щелкнула нас, кажется, не она.

АНФИСА: Ты с ней не шути, она без тормозов. Знаешь, как она в театральное поступала?

МАША: Нет.

АНФИСА: Ей председатель комиссии сказал: "Не надо этюдов, вы нас просто напугайте". Ирка чуток подумала, достала из сумочки зажигалку, подожгла занавески и выбежала из аудитории.

МАША: И что?

АНФИСА: Повезло — был огнетушитель, погасили. У старушки из комиссии — обморок, "скорую" вызвали... С заданием справилась, напугала. И в тот же день — на вокзал. А на следующий день в списке поступивших — ее фамилия. Соседки по общежитию порядочные оказались, телеграмму дали.

МАША: А занавески?

АНФИСА: Вышли из первой стипендии.

МАША: Анфиса Михална, вы мне не поможете?

АНФИСА *(тоном старой няни):* Что, матушка, что, милая?

МАША *(присаживается рядом с ней):* Родненькая, спросите как-нибудь аккуратно у Натальи, где она была двадцатого.

АНФИСА: Это в прошлый четверг?

Входят Наталья и Ольга.

ОЛЬГА *(напевает):* В Москву, в Москву, в Москву... Фу-у-у, накурили!

АНФИСА: Оля, вот получишь заслуженную... К ней отдельная гримерка прилагается... Если раньше на пенсию не уйдешь.

ОЛЬГА: На сцене — реализм, переходящий в натурализм. От военных несет табаком и чесноком с перегаром. А от Тузенбаха — еще и луком.

Ему Чиполлино играть... Возраст допускает. Я бы на месте Никитича первый ряд не продавала — во избежание удушья и повальных обмороков.

МАША: Оля, куда ты торопишься? Мне еще дохлопать не успели, а ты уже несешься со своей репликой, как с вилкой в заднице... Тебя ж все равно не слышно.

ОЛЬГА: Почему?

МАША: Из-за аплодисментов...

НАТАЛЬЯ: Куда это Ирка поскакала? Новый поклонник?

МАША: Старых разводит. Чтобы не получилось, как в прошлый раз...

ОЛЬГА: А тебе на чужие синяки грима жалко?

МАША: Представь, что мне даже на свои жалко.

НАТАЛЬЯ: Ты-то здесь при чем? Вот у Ирки — страсти!

АНФИСА: А на сцене — пельмень сибирский.

МАША: Ей современное играть — разморозилась бы. А так... Вечером томно вздыхает, пасьянсы раскладывает, а ночью в ресторане... не щадя живота своего...

НАТАЛЬЯ: Она же вечно на диете?!

МАША: А танцу живота диета только в помощь.

ОЛЬГА *(приподнимает платье и подтягивает колготки):* Я бы тоже что-нибудь современное сыграла. В джинсах. Сил нет эти тряпки по полу волочить.

Кстати, я после Чехова себя плохо чувствую. Может, потому что до меня в этом платье Галка играла?

МАША: Ну и что?

ОЛЬГА: Она же подвешенная. Нормальные люди в монастырь не уходят.

МАША: Нормальные люди в театре не работают. И при чем здесь платье?

ОЛЬГА: Правильно, в театре работают талантливые... А одежда впитывает ауру.

АНФИСА: Олечка, одежда впитывает грязь. Если я не ошибаюсь, этому платью лет пять. А стирают раз в пятилетку... Я костюмерше говорю: "Вы когда мое постираете?". А она мне — "Мойтесь почаще!"... Пойду завтра к Пете. Объясню, что в генеральском доме прислуга в чистом ходила...

На пороге появляется мужчина.

ОЛЬГА *(завизжав, опускает подол):* Петр Никитич! Опять без стука?

АНФИСА: Легок на помине!

ПЕТР: Дамы, пардон... Ольга Викторовна, что случилось? Вы забыли, что вам во втором акте на сцену выходить?

ОЛЬГА (*приложив ладонь к воображаемому козырьку*): Разрешите получить замечание, товарищ худрук! Форс-мажор! Змейка разошлась. За минуту до выхода. Искала шаль. (*Поворачивается к нему спиной, сбрасывает шаль.*)

ПЕТР: Ясно. А вы, Марь-Максимна, сегодня что-то чересчур эмоциональны. Вам не показалось? Что это за верхнее ля на ровном месте?

МАША: Петр Никитич, я старалась...

ПЕТР: Стараться надо дома с мужем. (*Ольге*): А вы что ляпнули? "Андрей проиграл вчера в карты двести долларов". В Перми?! В тысяча восемьсот девяностом году?! Если вы в собрании сочинений Чехова найдете хоть один доллар, я подарю вам сотню!

ОЛЬГА: Кстати, в зале никто не заметил.

ПЕТР (*всем*): Так, завтра репетиция. То, что вы играете, — это не классика, а порнография.

АНФИСА: Что поставили — то и играем.

ПЕТР: Анфиса Михална, если вы думаете, что вместо вас ввести некого...

ОЛЬГА: Петр Никитич, я завтра никак не могу. У меня во второй половине дня съемка.

ПЕТР: Перенесете.

ОЛЬГА: Петр Никитич, как я смогу...

ПЕТР: Вы у кого сейчас снимаетесь? У Тарантино? Или Михалкова?

ОЛЬГА: Вы же знаете...

ПЕТР: Оля, завтра — репетиция! Все!

АНФИСА: Петр Никитич! Один вопрос! Я к юбилею торт заказываю... Вы как думаете, десять килограмм — хватит?

ПЕТР: А какой торт?

АНФИСА: "Графские развалины".

ПЕТР: Ну зачем же? Вы еще всем молодым фору дадите!.. Закажите лучше "Монастырскую избу". (*Наталье.*) Наталья Ивановна, можно вас на минутку? (*Выходит вместе с Натальей.*)

АНФИСА: Прибежал, раскомандовался... Любишь командовать — заведи собаку... Император!

МАША: О! Закажите "Наполеон"!

АНФИСА: Я ему "Кутузова" закажу... На прощание.

МАША (*Ольге*): Ты чего так визжала, когда Добрыня зашел? Он увидел что-то новое?

ОЛЬГА: Мне повизжать не трудно, а Наташке — спокойнее будет... Добрыня совсем озверел. "Съемку перенесите". Как он это представляет?

И на черта мне эта репетиция? В сотый раз слушать про способ конструктивного действия, про надежду и отчаяние чеховских героинь? Мне за ролик платят больше, чем за месяц в театре.

МАША: Да не шуми ты. Что, в первый раз накладки? Отвертись. У тебя вроде на прошлой неделе тоже и съемки были, и спектакли, и все сложилось.

ОЛЬГА: От этой жизни я скоро сложусь, как картонный домик.

Пауза.

МАША: У Наташки колечко новое видела?

ОЛЬГА: Нет, не заметила.

МАША: Ну да, она же когда в театр приходит — сразу его переворачивает, камушком вниз. Чтобы не пялились и не болтали о Добрыниных доходах.

АНФИСА: Аренду раздает направо и налево. Не театр, а прокатная площадка.

ОЛЬГА: Колечко Наташка, конечно, переворачивает, а вот загар не спрячешь. Сразу видно — солярий. Причем регулярно.

МАША: И тренажерный зал. Она мне недавно жаловалась, что хочет пару килограмм сбросить — и никак не получается.

ОЛЬГА: Могу ей новую диету рассказать: целый месяц ешь всё, что хочешь, но — только на зарплату. Минус пять килограмм гарантирую.

МАША: А помнишь, какая она пришла? В девяностом, кажется?

ОЛЬГА: В девяносто втором. Ее тогда сразу в "Доходное место" ввели.

МАША: Во вьетнамских джинсах ходила и в кофточке из люрекса.

ОЛЬГА: Тогда люрекс, теперь — бриллианты. Сорока. Любит блестящее.

АНФИСА: Девчонки, чего вы на нее набросились? Каждая из вас могла эти камушки заработать. Надо было перед Петрушей активнее задом крутить.

МАША: Чем?

АНФИСА: Доходным местом! (*Все трое хохочут.*) А вообще, десять лет пользоваться одним унитазом с худруком — еще не значит разбираться в системе Станиславского.

Ольга и Маша смеются. Отсмеявшись, умолкают. Сидят за столиками, поправляют грим. Анфиса подливает себе из термоса.

Маша начинает тихонько напевать.

*Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там, в краю далеком,
Буду тебе сестрой.*

Дальше тихо напевают все вместе.

*Милая моя,
Взял бы я тебя,
Там, в краю далеком,
Есть у меня сестра.
Миленкий ты мой,
Возьми меня с собой...*

МАША (*поежившись, набрасывает на плечи кофту*): Похолодало...

ОЛЬГА: Так Пасха скоро.

МАША: Ну и что?

ОЛЬГА: За неделю погода всегда портится.

МАША: Почему?

ОЛЬГА: "Кучки".

МАША: Какие кучки?

ОЛЬГА: Еврейские.

МАША: А что значит "кучки"?

ОЛЬГА: Не знаю. Кучки, тучки... Так называют. (*Встает.*) Пойду в костюмерную. (*Выходит из гримерки.*)

Пауза.

МАША: А может, не она? Хотя я о ней в первую очередь подумала.

АНФИСА: Из-за той истории? Вы же вроде помирились. Тем более у вас — ничья. Ни тебе, ни ей.

МАША: Не помирились, а смирились. Столько лет прошло. Но — кто ее знает... Иногда кажется — вырванный зуб до сих пор болит...

АНФИСА: И у тебя?

МАША: У меня пломба. (*Неожиданно поет.*)

Я отдала тебе,
Америка-разлучница,
того, кого люблю,
храни его, храни!

АНФИСА: Он что — в Америке?

МАША: То в Америке, то в Европе... Только в Африке еще не ставил. *На ее столике тренькает мобильный.*

МАША: Алло! Да, Витя, могу. Антракт. (*Пауза.*) Хорошо. Павлик нормально поел? (*Пауза.*) Уложи его пораньше. (*Пауза.*) Нет, сама доберусь. Пока. (*Кладет трубку на столик. Напевает.*) Там, в краю далеком, буду тебе женой...

АНФИСА: Маш, не сходи с ума. Ты что, мало в жизни соленой воды нахлебалась? Витя — деловой, с деньгами. Женился. Зачем те-

бе Вершинин? Голь перекатная... Хочешь, как Олька, прокладки рекламировать?

МАША: Надоело каждый день бизнес-планы слушать. Скушно.

АНФИСА: Тоже мне — Печорин! Скушно ей! Смотри, уже какой-то паперони объявился...

МАША: Паперони — это колбаса. А папарацци этого я на чистую воду выведу! Анфиса Михална, можно глоточек?.. Для успокоения...

Анфиса достает фляжку. Маша пьет, возвращает фляжку.

Входит Наталья.

НАТАЛЬЯ: Только что Ирину видела с кавалером.

МАША: Да?! Ну и как он?

НАТАЛЬЯ: Анфиса Михална, что вы про торт говорили? Руины?

АНФИСА: "Графские развалины".

НАТАЛЬЯ: Во-во. Правда, не знаю, были ли там в роду графья...

МАША: Такой старей?

НАТАЛЬЯ: Кажется, Ирка готовится к роли богатой вдовы.

МАША: Доиграется! Разведется с ней Владик.

НАТАЛЬЯ: Чтобы развестись, надо сначала пожениться.

АНФИСА: Как? Они не расписались?

НАТАЛЬЯ: Разве что на стенке. А паспорт у нее чистый.

Пауза. Входит Ольга.

ОЛЬГА: Костюмерше позвонили из дома — кран прорвало, соседей заливают. Домой ускакала и ключи никому не оставила. Переодеться не во что.

МАША: Давай зашивать.

Достает нитку с иголкой. Ольга поворачивается к ней спиной, и Маша зашивает змейку.

ОЛЬГА: Наташа, у меня завтра по съемкам — никак не вырваться...

НАТАЛЬЯ: Олечка, я не Юлий Цезарь, две роли одновременно не сыграю. И потом завтра Петр Никитич такую новость объявит!

ВСЕ (хором): Ну?!

НАТАША: Нельзя. Я обещала. Ни-ко-му!

ОЛЬГА: Наташ, пожалуйста. Миленка, солнышко... Я умру до завтра!

НАТАЛЬЯ: И на съемки не пойдешь?

АНФИСА: Наташка, ну не томи!

НАТАЛЬЯ: Это по поводу премьеры к новому сезону.

ОЛЬГА: Тоже мне — новость! Что будут ставить — угадываю с трех нот. Кого-то из покойников. Шекспира давно не ставили. В крайнем случае — Гоголя. Гонорары платить никому не нужно. И все в школьной

программе, поэтому на спектакли будут регулярно водить классы... Лучше тридцать рублей отдать, чем день на чтение потратить.

НАТАЛЬЯ: Дело не в том, кого будут ставить, а — кто будет ставить.

ОЛЬГА: Ну? И кто?

НАТАЛЬЯ: Лучше сядь, а то у Маши иголка в руках...

МАША: Наташ, у меня действительно иголка, так что ты рискуешь. Говори уже!

НАТАЛЬЯ: Только без угроз! Петр Никитич сказал...

Дверь распахивается, и в гримерку вбегает Ирина.

ИРИНА (запыхавшись): Ой, кого я видела!!! В зале сидит...

Звонит первый звонок.

АНФИСА: Кто?!

ИРИНА: Я в кулисы пошла, хотела посмотреть, вернулся Влад в зал или нет. Боялась, что он меня с Олегом увидит... В общем, смотрю острожненько из-за занавеса и вижу — в зале сидит... Знаете, кто?

ВСЕ (хором): Ира!!!

ИРИНА: Богомолов! Собственной персоной!

Пауза. Все молчат.

АНФИСА: Ты не обозналась? Ты же его живьем никогда не видела.

ИРИНА: Зато в журнале видела. У Маши. Он там такой... в кожаной куртке на фоне небоскребов.

МАША: Господи... Не может быть.

ИРИНА: Если не верите, сейчас на сцену выйдем — сами посмотрите. В пятом ряду, справа. В черном свитере.

АНФИСА (Маше): А ты говоришь — он в Америке.

НАТАЛЬЯ: В зале он. Это и есть новость. Богомолов будет у нас ставить бомбу.

ОЛЬГА: Это название такое?

НАТАЛЬЯ: Название — неприличное. Но спектакль произведет в городе фурор. Петр Никитич так и сказал: это будет бомба!

АНФИСА: Как это — неприличное?

НАТАЛЬЯ: Ой, девчонки... *(Смеется.)* Мне же ничего говорить нельзя. Завтра Петр Никитич все скажет.

МАША: Он уже один раз поставил... с неприличным названием. После этого и пропал. На двадцать лет. С правом переписки...

АНФИСА: Это ты про "Голого короля"?

ОЛЬГА: И с кем же это он переписывался? С тобой, что ли?

АНФИСА: Пренеприятное известие — к нам едет ре... жиссер...

ИРИНА: Богомолов?! Ничего себе — пренеприятное... Он же звезда!

Звонит второй звонок.

АНФИСА (встает, крестится): Ну, хватит о суетном. Пошли на сцену.

Маша и Оля синхронно бросаются к зеркалам,

опять поправляют прически, грим и костюмы.

АНФИСА: Эй, сестры! Хватит красоту наводить! Он все равно вас еще увидит, причем без грима... Вы, главное, текст не забудьте.

Маша и Оля одновременно плюют через плечо

и вслед за Анфисой выходят из гримерки.

ИРИНА: Наталья Ивановна, ну скажите, что за спектакль будет? Бомба импортная? Или отечественного производства?

НАТАЛЬЯ: "Нам не дано предугадать, где наше слово отзовется..." Ира, я и так получу нагоняй.

ИРИНА: А женских ролей там сколько? Я на главную, конечно, не претендую, но... Наташа, замолвите за меня словечко!

НАТАЛЬЯ: Перед кем? Тут все решать будет Богомолов.

ИРИНА: А мне кажется, что в нашем театре все решает другой человек.

НАТАЛЬЯ: Ладно, Ирочка, попрошу. Но без гарантий.

ИРИНА: Знаете, я когда долго не выхожу на сцену, я начинаю играть дома. Для кошки. Для вещей. Для пустой квартиры. И роли себе придумываю... странные... Снега, дождя, травы под этим дождем... Солнца, которое эту траву сушит... Как этюды на экзаменах. Я не могу без театра. У вас такое бывает? Вы одна играете?

НАТАЛЬЯ: Нет. Мне нужен зритель. Хотя бы один. Кто-то из классиков говорил, что зритель для актера — воздух для самолета... Самолет без воздуха летать не может. Ракета может, а самолет — нет. Вы, Ирочка, наверно реактивная. А мне без зрителя играть неинтересно.

Голос из динамика: "Наталья Ивановна, на сцену!"

Наталья выходит. Ирина достает мобильный телефон и набирает номер.

ИРИНА: Алло! Ленка? Спасибо тебе, все получилось. Классная фотография. Доказательство на лице! Даже на двух. Она чуть со сцены не упала, когда увидела. Пауза была такая, что худрук уже разнос устроил. На завтра репетицию назначил... *(Пауза.)* Мне зачем? Пусть перед тем, как читать проповеди, чтит заповеди. Вечно замечания делает. *(Кривляясь, передразнивает.)* "Ирочка, генеральская дочка не может смотреть на мужчину так плотоядно. Ее воспитывали в строгости". *(Нормальным голосом.)* Нет, она так и не поняла, кто снимал. *(Пауза.)* А у меня — алиби!

Всё! С меня — коробка "Рафаэлки". Кстати, о конфетах... Театр в театре — Влад с Олегом чуть не столкнулись. *(Пауза.)* Лен, я понимаю, что с этим надо кончать... Вопрос — с кем? *(Пауза. Смеется.)* Ленка, ты дура!.. "Вот если бы к носу Ивана Ивановича да приделать глаза Василия Никифоровича..." Ой, есть еще потрясающая новость! Ты стоишь? Сядь... Приехал сам Богомолов! *(Пауза.)* Кто это?! Теперь я сяду... Да-а, видно, далеки мы от народа... Режиссер, знаменитость! Второй Эфрос. *(Пауза.)* Эфрос кто?.. Долго объяснять. *(Пауза.)* В общем, классный мужик, и я буду у него играть! *(Пауза.)* Как это — не назначит? А куда он денется?! *(Пауза. Смеется.)* Меня же в строгости не воспитывали! *(Пауза.)* Кажется, нет. Так что — завидный жених!

В динамике раздается голос: "Ирина Сергеевна — на сцену".

ИРИНА: Ой, Ленка, мой выход! Пора бежать. Все, пока!

Ирина отключает телефон, гасит свет и выходит.

Приглушенно слышны музыка и аплодисменты.

Июль, 2006 г.

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Валерий ПОДГОРОДИНСКИЙ
Как это делалось в Одессе 202

Белла КЕРДМАН
Одесские парижане в Рамат-Гане 219

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
"Но мысленно на юбилее..." 227

Илья ИЛЮШИН
"Золотое дитя" 233

Лада ПРОКОПОВИЧ
Агатовые курьезы 236

Вероника КОВАЛЬ
"И все же тоскуем по странной отчизне" 241

Будет в Одессе памятник .
Кириаку Костанди 257

Как это делалось в Одессе

Об авторе

Валерий Подгородинский — одессит, давно и плодотворно работающий в Москве. В нем сочетаются вдумчивый театровед и умелый руководитель. Достаточно сказать, что В. Подгородинский долгие годы заведовал отделом театров Министерства культуры СССР, а сейчас — один из руководителей прославленного Малого театра.

Наш земляк активно участвует в работе традиционных международных конференций по проблемам русских театров стран СНГ, которые проходят в Одессе.

Статья В. Подгородинского, посвященная памяти Исаака Бабеля "Как это делалось в Одессе" написана в далекие 60-е годы. Мы публикуем ее с сокращениями, но основной ее пафос сохранен и актуален.

Феликс КОХРИХТ

От автора

Дорогая редакция, мне показалось, что эта статья, написанная 40 лет назад, может заинтересовать Ваш альманах. Тогда, в 1966 году, уже начали закручивать идеологические гайки, и один из толстых московских журналов отложил публикацию до лучших времен.

80 лет назад Бабель создал шедевр под названием "Закат", одну из лучших пьес всех времен и народов. Бывший одессит и в те, шестидесятые, и сегодня поклоняется гению одного из самых блистательных стилистов мира.

И сегодня с благодарностью вспоминаю дивные рассказы режиссера Василько о довоенной театральной Одессе и прекрасного человека, замечательного врача Сосюру, брата известного поэта, подарившего мне общение с не изданными в то время (а возможно, и до настоящего времени) документами и письмами нашего великого земляка.

С уважением к тому большому делу, которому служит "Дерибасовская — Ришельевская",

Ваш Валерий ПОДГОРОДИНСКИЙ

"Так вот — забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень".

И. Бабель. Король

"Куда? Куда вас носит?..."

И. Бабель. Дорога

Объявлений не было. Зачем? Весь город знал, что только мосье Загурский может сделать нового Яшу Хейфеца. Мамы и папы, бабушки и дедушки, толстые тети и худые дяди в мечтах, снах и видениях узревали, как их дитя становится знаменитостью. Старшим не повезло, они вытащили

жизненный билет с прямо-таки нахальным содержанием, которое гласило: "на ваш билет не пал выигрыш". Странные люди, они не верили. Билеты были отпечатаны миллионными тиражами, все соседи, родственники и знакомые вытащили точно такие же билеты. Они были неплохими выдумщиками и изобретали кучу самых разнообразных хитростей, чтобы доказать ошибку старой дамы (судьбой называли ее древние греки).

Знаете, они перепробовали тысячи, а может быть, и еще больше способов. Обосновывали их научно (это они умели). И... никаких результатов. Наука не помогала, только единицам удавалось уловить момент и расшифровать загадочный взгляд мрачной дамы и... очень скоро их имена знал весь город и даже другие города. Это звучные имена вроде Харитон Эфрусси и Шая Кропотницкий.. Люди, носившие эти имена, могли позволить себе роскошь владеть виллой на Фонтанской дороге, пить нездешнее вино и курить сигары с плантаций Пирпонта Моргана, а когда они укладывались спать в самый последний раз, их накрывали огромными памятниками из розового и черного мрамора. Ну и что? Есть день и есть ночь, есть Ш. Кропотницкий и не так чтобы богатый Илья Исаакович. Есть еще тысячи и даже больше других, знавших "что такое гобелен, отчего яacobинцы предали Робеспьера, как готовится искусственный шелк, что такое кесарево сечение", умевших ответить еще на тысячи разных вопросов, кроме единственного: "Отчего им так не везет в жизни?".

Слушайте! Они все же нашли выход. И помог им хитрый Загурский. На улицах Молдаванки он замечал хилого золотушного еврейского ребенка и обещал родным за небольшую плату сделать его вундеркиндом. Мосье Загурский обучал азам музыкального искусства. Он рассматривал россыпи обыкновенных булыжников, замечал драгоценные камни, тщательно стирал с них пыль, учил пользоваться носовым платком и всовывал в руки скрипку. Когда проходили три года зубрежки, в течение которых юное дарование обучалось пилить часами, не падая в обморок, его отправляли в Петербург, к знаменитому профессору Ауэру, известнейшему ювелиру, одевавшему эти драгоценности в роскошные оправы виртуозов. И тогда концертные эстрады всего мира становились в очередь за право осыпать цветами и деньгами знаменитых Мишу Эльмана, Цимбалиста и Яшу Хейфеца.

Мир огромен и люди любят музыку. И все же Загурский помог не всем. Почтенному маклеру Эммануилу Бабелю долго пришлось пить горький напиток разочарования. Дядя Яши Хейфеца каждый день, встречаясь на улице, хвастался, какие большие деньги зарабатывает их любим-

чик. Сын Бабеля не стал музыкантом. Вместо уроков музыки он посещал городской пляж, где всегда можно было встретить Ефима Смолича, корректора "Одесских новостей". Этот мудрый старый гигант обладал удивительным качеством — он любил детей, этот человек. Учил их плавать, рассказывал истории о рыбаках и животных. Кажется, он первый научил мальчишку видеть природу, разбудив в нем чувство природы. "Человек, не живущий в природе, как живет в ней камень или животное, не напишет во всю жизнь двух стоящих строк" (рассказ "Пробуждение").

Родители Бабеля вспомнили о музыке как о последнем шансе. Сыну уже было четырнадцать, и за восьмилетнего его можно было сбывать лишь по росту и по хилости. Музыка началась и кончилась в 1908 году. К этому времени будущий писатель успел много увидеть.

Он родился в 1894 году в одном из красивейших городов мира, в Одессе. Отец — мелкий торговец. В школу попасть было нелегко. В приготовительный класс из сорока мальчиков могли поступить лишь два еврея. Другой еврейский мальчик занял его место в школе. Другой мальчик, у которого был очень богатый папа. Горе семьи было огромным, но выход был найден. В один год учитель прошел с маленьким Исааком курс приготовительного и первого классов сразу, и вторая попытка поступления оказалась успешной. Его приняли сразу в первый класс. В тот же день все многочисленные родственники узнали, что сын Бабеля будет учиться в Одесском коммерческом имени императора Николая I училище.

Мальчишке повезло, его злое стремление выучиться подметил преподаватель французского языка Вадон. Способности к языкам, унаследованные от деда, позволили к пятнадцати годам настолько овладеть языком, что он стал писать рассказы на французском. И много лет спустя Бабель удивлял своих коллег блестящим знанием языка.

Он рано научился смотреть и запоминать. В 1905 в этом дивном городе, как и по всей стране, проходили еврейские погромы. Начиналось это внезапно: десяток лавочников, обильно намаслив бороды и сапоги, прикрывшись портретом самодержца, били стекла еврейских лавчонок. К ним присоединялись любопытные, и очень скоро толпа становилась тьмой. Срабатывал рефлекс накопительства, беспронимательной лотереи, звериного закона "бей и хватай". Даже неплохие в другое время люди пьенели в такие "праздники" и неслись в звериной пляске черносотенцев. На всю жизнь запомнил маленький южанин эти картины. Спустя много лет он рассказал об этом в одном из лучших своих рассказов "История моей голубятни", посвященном учителю. "...и я закрывал последний неза-

лепленный глаз, чтобы не видеть мира, расстилавшегося передо мной. Мир этот был мал и ужасен... Я шел по чужой земле".

Разве мог он изменить этот мир, мальчик, начитавшийся Мопассана и краем уха слышавший, что где-то далеко "делает свое дело Карл Маркс". Через много лет он отомстил этому миру и воспел новый.

Он начал писать в пятнадцать лет. В квартире отца, на Екатерининской улице, было тесно. Он убегал советоваться с морем. В одном из рассказов писал о том, что море отказывалось понимать, что его не волновали заботы людские и что волны откатывались, ничего не сказав в ответ. Море молчало. Зато громко и внятно говорила бабушка: "Не верь людям. Не имей друзей. Не отдавай им денег. Не отдавай им сердца". К мудро-мрачным словам бабки прислушивались многие. Только не внук. Он любил деда, невероятного умницу, эпикурейца в цилиндре и рваном пиджаке, нищего полиглота, жизнерадостного и доброго человека. Убогие стремления отца подняться на гребень волны, поближе к богатству, и глухая стена человеконенавистнической философии бабки отталкивали его. Дед оставил чудное наследство: жадное любопытство и любовь к людям. Дед (этот умница, растерявший и раздаривший все, сохранил лучшее — жизнерадостность и лукавство, всю ту беспутную мудрость и мудрое беспутство), помог ему выйти на широкую дорогу жизни. Дед научил его не только преодолевать, но и презирать трудности, быть выше и сильнее их.

И начались дороги. В 1915 году его уже знают и гонят из всех редакций Петербурга. А через год он встретился с человеком, о котором позже написал: "...он первый исполнил свою заповедь — превратить труд подневольный в непрерывную и радостную жизнь творчества" ("Начало"). Он встретился с Горьким, встретился с учителем.

Встреча произошла в редакции журнала "Летопись". Горькому понравились первые рассказы Бабеля, и по его рекомендации их опубликовали. Но, как выяснилось очень скоро, это были просто два-три сносных юношеских опыта. И тогда Горький отправил Бабеля в люди... На долгих семь лет.

* * *

Был солдатом на румынском фронте, служил в ЧК, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в Северной армии против Юденича, в Первой конной армии, работал корректором, репортером... "И только в 1923 году я научился, — признается Бабель, — выражать свои мысли ясно и не очень длинно".

И тогда мир узнал нового писателя, не похожего на других, противоре-

чивого, и сразу же после появления вызвавшего ожесточенные споры, которые не стихают по сей день.

По свидетельству друга, писателя И. Лифшица, он ушел в армию с документами на имя Кириллы Васильевича Лютова. Большинство рассказов "Конармии" ведутся от этого имени.

О грубом и бесшабашном Афоньке Биде, оправдывающем злодеяния во имя будущего: "Нехай пчела перетерпит. И для нее небось ковыряемся".

Есть в сборнике еще один интересный герой — Лютов. Думается, что неверно некоторые критики полностью отождествляют автора с "очкариком", скованным "интеллигентской жалостью", вымаливающего у судьбы "простейшее из умений — умение любить человека". Своим "Дневником" автор опровергает некоторые взгляды Лютова. Лютов — образ собирательный, это интеллигент, попавший в революционный поток. Путь его нелегок, не всегда его понимают, многих отталкивает его стремление жить без врагов; но он остается в Конармии, и часто ему симпатизирует автор.

Вовремя поставленная точка

"Человек, который мог писать десять строчек в неделю, а то и две, пока они, наконец, да и то не во всем, его устраивали".

Е. Габрилович

Как получилось, что сын одесского маклера, занимавшегося сельскохозяйственными машинами, разными веялками и молотилками, стал выдающимся писателем, тончайшим знатоком языка? Его дед знал все языки и писал по ночам сочинения. Но он был тихим евреем и остался в памяти немногих просто странным человеком. Внук понял, что литературу ни тихостью, ни робостью не сделаешь. Нужны "цепкие пальцы и веревочные нервы, чтобы отрывать от своей прозы с кровью иной раз самые любимые, но лишние куски". Внук начал писать в 15, в печати первые рассказы появились, когда ему было 22, и потом снова долгие семь лет молчания — работы. Он владел искусством молчания. Его даже называли "классиком молчания" и смеялись. О его молчании ходили легенды, а он писал и перечеркивал написанное, чтобы завтра повторить все сначала. Однажды он показал Паустовскому пухлую папку, в которой хранился двадцать один вариант рассказа "Любка Казак", появившийся в печати спустя три года. Он искал слова. Точные слова. Единственные.

"Я поражен был тем обстоятельством, что слова у Бабеля, одинаковые со словами классиков, со словами других писателей, были более плотны-

ми, более зримыми и живописными. Язык Бабеля поражал или, вернее, завораживал необыкновенной свежестью и сжатостью. Этот человек видел и слышал жизнь с такой новизной, на какую мы не были способны", — писал К. Паустовский.

Чтобы определить марку вина, нужен опытный специалист, дегустатор. Попробуйте дать прочитать пару строчек любого рассказа Бабеля человеку, когда-то уже читавшему "Конармию", — последует безошибочный ответ — БАБЕЛЬ. Где секрет такого сильного влияния? Почему читаешь его с большим наслаждением, нежели смакуешь редкое вино? В одном из рассказов о герое говорят так: "Беня говорит мало, но говорит смачно. Беня говорит мало, но хочется, чтобы он еще сказал". Бабель умел ценить слово. О многословии он говорил с брезгливостью и со злобой вымарывал из рукописи лишние слова. Никогда не говорил "пишу", всегда говорил "сочиняю" и постоянно жаловался на отсутствие у себя сочинительского дара, на отсутствие воображения. А оно, по его словам, было богом поэзии и прозы. Он брал слова из жизни. Он был волшебником и знал тайну слов лучше простых смертных.

Наверно, о нем писал Н. Заболоцкий:

"Мы услышали бы слова
Слова большие, словно яблоки. Густые
Как мед или крутое молоко.
Слова, которые вонзаются как пламя,
И в душу залетев, как в хижину огонь,
Убогое пространство освещают.
Слова, которые не умирают
И о которых песни мы поем".

Он писал медленно, всегда тянул, опаздывая сдавать рукопись. Ему всегда не хватало несколько дней или даже часов, чтобы посидеть над рукописью и все править, править, править. "Вы можете сечь меня розгами в 4 часа дня на Мясницкой улице — я не сдам рукописи ранее того дня, когда сочту, что она готова", — писал он редактору Полонскому, уже в который раз выпрашивая отсрочку. Свой страшный недостаток — неумение быстро писать — он превратил в повод для страшной зависти многих литераторов. У него был Стиль, свой собственный стиль. Стиль Бабеля.

Его произведения называли фантастическими, колдовскими, говорили о раблезианском стиле, вспоминали Гоголя ранних периодов. "Еще один колдун пришел в литературу и останется в ней навсегда".

Рассказ о методе его работы может служить учебным пособием для

молодых и даже маститых писателей. "Если нет точного сравнения, то лучше не брать никакого. Пусть существительное живет само в своей простоте..."

Побольше точек!.. Каждая фраза — одна мысль, один образ, не больше.

Три причастия в одной фразе — это убиение языка.

Два прилагательных к одному существительному может позволить себе только гений..."

Герцен-мерцен

"Бабель установил рекорд литературного мастерства..."

Из статьи

Паустовский рассказывает о Бабеле интересные истории. После войны Бабель с семьей жил на Фонтанской дороге, в заброшенной даче. И был у него страшный тиран — нет, не угадали, не теща. К теще он привык, хотя она не была золотом. Был там мальчик по имени Люся. "ТОТ" мальчик, — называли его друзья Бабеля. Мальчик Люся забирался к Бабелю в письменный стол, хватал его любимый химический карандаш, страсть как любил подслушивать и передразнивать своего дядю.

— Герцен-мерцен сжарен с перцем, — выкрикивал мальчик услышанное слово, прибавляя к нему свои, превращая в песенку. И вызывал бурный восторг бабушки, мечтавшей о внуке-поэте, и бешеную ненависть и мечты о повешении у Бабеля.

Не знаю — стал ли мальчик Люся поэтом, но наверняка он подслушал много интересных разговоров Молодых мудрецов. Бабель и его друзья были замечательными спорщиками и прежде, чем сесть за стол, любили рассказывать об увиденном сегодня. Лучше всех выходили рассказы у Бабеля, слушатели "просто рыдали от удовольствия".

Бабель прекрасно знал литературу, любил "железную прозу" Киплинга, печальные и простые стихи Саши Черного, боготворил Мопассана и восхищался Горьким. В литературе о Бабеле его сравнивают с Мопассаном и Флобером, с Франсом и Рабле, некоторые прибавляют Хемингуэя. В русской литературе его сравнивают с Гоголем, Лесковым, но чаще всего с Горьким.

Вероятно, наибольшее влияние на него оказал Горький. Он первый учил Бабеля писать, он всегда приходил на помощь в трудную минуту. Учил наблюдать жизнь, активно в ней участвуя. Горький учил его пониманию ответственности художника, уважению к читателю...

Он любил людей, умел любить людей, этот хитромудрый очкарик. Ведь они ему родные, "они — я, они — человек". Они разные, непохожие — тем лучше. Он едет в новый колхоз на Украине, на стройку на Кавказе или наблюдает французских моряков в портовом кабачке. Эта штука, по имени жизнь, поинтересней театра. Эренбург тянет его из кабачка, находится там небезопасно, и в ответ слышит: "Почему? Ведь здесь интересно".

Так я спрашиваю вас, что нужно для того чтобы стать драматургом? Когда человек немного знает жизнь, и о нем говорят — "неплохой писатель" — это уже немало.

— Но ведь нужно знать законы театра. Хотя бы в общих чертах познать с законами драмы, с теорией драмы.

— А кто вам сказал, что ему это неизвестно...

Не знаю, когда это началось — это знание. Может быть, в детстве, когда слушал рассказы мудрого деда. Или в летние душные ночи во время польского похода Конармии. А скорее всего, незадолго до августа 1926 года. Знаменитая булгаковская коробочка, эта трехмерная картинка с горящим светом и движущимися, такими знакомыми фигурками, давно виденными и уже описанными в одесских рассказах. Вот они снова рядом, преследуют...

Жизнь дай! Еще дай!

"— Я видел — и слоны плачут..."

— Врешь, слоны не плачут..."

— Говорю тебе, слезами плакал..."

Из пьесы

"В Ворзеле за девять дней я написал пьесу..." — сообщает писатель в одном из писем близкому другу от 26 августа 1926 года. а в сентябре 1926 года пьеса переделывается заново, и в октябре он читает ее людям, мнению которых дорожит. "...Чувствую, что третья сцена не доработана и не хочу сдавать пьесу в таком виде", — пишет Бабель другу и продолжает отделять "Закат". Затем снова опробывает ее на слушателях: в марте в Киеве, в апреле в Одессе и Виннице, затем следует новая "подчистка", и только 22 июня 1927 года посылает рукопись В. Полонскому в "Новый мир".

С большей частью героев "Заката" мы уже встречались в "Одесских рассказах". Оттуда пришли два главных героя, два представителя известной фирмы "извозопромышленное заведение Мендель Крик и сыновья", представители двух миров — уходящего и пришедшего на смену.

Вот в двух словах содержание пьесы.

У старика Менделя в 62 года совсем некстати появились странности. Он влюбился в русскую девушку Марусичку и желает изменить свою жизнь. Сынкам его это пришлось не по вкусу и они не без помощи револьверной рукоятки сумели разъяснить распоясавшемуся папаше его настоящее место. Был день и пришел вечер. Завершается пьеса свадьбой перезрелой сестрицы Двойры.

"Все в порядке. Выпьем рюмку водки".

Пьеса сразу же попала на сцену. Уже в конце 1927 года ее увидели зрители Баку (Бакинский рабочий театр, БРТ, режиссер В. Федоров) и Одессы (Русский театр, режиссер А. Гринич, и Украинский, режиссер Е. Вильнер). А 28 февраля 1928 года состоялась премьера "Заката" во МХАТ-2. Ставили спектакль Б. Сушкевич, декорации М. Левина. Играли прекрасные актеры: Бирман, Корнакова, Берснев, Чебан, но спектакль успеха не имел и после шестнадцати представлений сошел с репертуара. Впрочем, не имели успеха и другие постановки. Некоторое время популярное имя — Бабель — привлекало зрителя, но странное дело, на сцене появлялись как бы знакомые герои, и в то же время какие-то другие. Исчезло "неугасимое молдаванское рыцарство", куда-то пропала прелестная Циля, дочь молочника Эйхбаума, не было револьверных выстрелов и налета на контору самого Полтора Жиды, мосье Тартаковского, не было и знаменитого красного автомобиля с сигналом "смейся, паяц".

Актеры и режиссеры не угадали, с какой стороны подойти к пьесе. Бирман-Двойра блестяще создала образ стилизованный, гротескно-иронический. Корнакова-Маруся трактовала свою героиню в чисто бытовом плане, а Чебан-Мендель "вместо жанра и гротеска — трагический надрыв... Вместо легкой тонировки от быта, от южной акцентировки — чистая пафосная речь, подчеркивающее отвлечение от быта, от места".

Иные рецензенты склонны были обвинить в неуспехе постановки театр. Таких, впрочем, немного. Большая же часть писавших отклики на премьеру обвиняли автора, не сумевшего написать пьесу, а просто предложившего театрам расширенный рассказ вместо пьесы; "шаблонный своей темой, элементарный по своим выводам".

Главу фирмы Менделя Крика мы могли и не заметить в "Одесских рассказах". Впрочем, наиболее дотошные замечали, что он слыл грубияном между биндюжниками (хотя чаще всего не знали, к кому относится эта характеристика) и закатывались в смехе, уверенные, что биндюжник — это что-то вроде одесского хулигана, босяка или урки.

В пьесе — это основное действующее лицо. Его фирма высоко котируется в городе. Его кони "миллион пшеницы отвезли, они полмира угля перетаскали". Этот человек крепко стоял ногами на земле. У него было много силы и "двадцать жеребцов и двадцать лошадок, скованных железом. И ноги, большие, как столбы, и руки, злые руки его". Злые руки, охочие до дела и умеющие показать себя в пьяной компании. Да что там, не только в кабаке. "Городовикам ремни обрезал, на главной почте швейцара бил. По четверти выпивал не закусывая, всю Одессу в руках держал... Телеграфные столбы крал и домой на плечах уносил..." Вот какой старик был.

Пьяные собутыльники разносят весть о подвигах Менделя по всей Одессе. Кто не знает старого Менделя-биндюжника! Кто скажет ему плохое слово? Человек заработал, человек может позволить себе отдохнуть.

Кто скажет, что это нехорошо, когда старый еврей нашел себе любовницу, молодую русскую девушку? Вслух никто не скажет, потому что это не просто старый еврей, а Мендель Крик... И только старая Нехамка бубнит нескончаемо: "...Ему шестьдесят два года, бог, милый бог, и он горячий, как печка, он здоровый, как печка". А-а... "Спи, Нехамка! Дай дышать", — скажет такой Мендель и отвернется. Он отвернется и снова будет делать из понедельника воскресенье.

Потому что ходил человек по свету, шестьдесят два года ходил и только сейчас начал задумываться. Узнал, "что в Америку свободно уехать может, что человек через моря летать может, через горы, через высокие горы летать может". И вспомнил Мендель, что "глаза у меня были сильнее телескопов, и чего я сделал с моими глазами? У меня ноги были быстрее паровозов, мои ноги по морю ходят, а чего я сделал с моими ногами?". И заскучал, и затомился, и обиделся на свою жизнь Мендель. "От обжорки к сортиру, от сортира к обжорке... Я полы мордой заметал, а теперь сяды поставлю", — утверждал Мендель.

И люди стали ближе ему, они все — Человек, и он — человек. Ему обнять хочется людей своими крепкими руками, ему радостью своей поделиться хочется. И уж совсем неожиданным для завсегдатаев кабака становится поведение Менделя в ответ на то, что турок обсуждает меня: ведь убьет, сразу убьет и не посмотрит, что святой человек.

И турку, русского языка не знающему, рассказывает Мендель о жизни своей, а потом бережно целует его в губы.

А Марусичка его — это не просто любовница. Девочек он повидал на своем веку, а чем эта лучше? Ну, коса золотая, голос звонкий, сильный, веселый. Так ведь все равно глупенькая, как и все.

Лишь в одной, самой маленькой, пятой сцене мы встречаемся с Марусей и узнаем о ней всего ничего. Приходит со стариком, выпроваживает мать за покупками и щебечет птичка, щебечет о том, как на кладбище побывала. А в это время "Мендель смотрит на Марусю с обожанием. Он дрожит и мычит что-то в ответ, не понятно, но мычит".

Маруся про Ксеньку, подружку прыщавую рассказывает и про жениха ее Сергея Ивановича, а сама постель готовит, себя раздевает и с Менделя пиджак стаскивает.

"Ну, иди сюда, скажи — Марусичка...

— Марусичка.

— Скажи — Марусичка, солнышко мое...

Старик хрипит, дрожит, не то плачет, не то смеется.

(Ласково) — Ах, ты, рыло!"

Конец сцены.

Всего одно слово произносит Мендель, этот первейший грубиян среди биндюжников купленной им девушке, одно слово, и только мычит и смотрит с обожанием. Он придумал для себя, что девочка эта из другого мира. Из того мира, где люди летают, как птицы, и сажают сады. Марусенька рассказывает, как с Сергеем Ивановичем кокетничала, а в рыжей голове Менделя бегают, расталкивая друг друга, мысли о какой-то новой, только начинающейся жизни.

И заведение он свое продает ради этой жизни, ради того чтобы вырваться из гнусного несостоятельного мира. Но...

"Иисус Навин, остановивший солнце, был злой безумец. И вот Мендель Крик, прихожанин нашей синагоги, оказался не умнее Иисуса Навина. Всю жизнь он хотел жариться на солнцепеке, всю жизнь хотел он стоять на том месте, где его застал полдень. Но бог имеет городских на каждой улице. И Мендель Крик имел сынов в своем доме. Городовые приходят и делают порядок. День есть день, и вечер есть вечер".

Городовые не сумели сделать порядок.

Порядок сумели сделать дети Менделя, порядок сумел сделать Бенцион... сын Сиона, порядок сумел сделать Бенья Крик.

Когда мы читали "Одесские рассказы", мы имели полное право сказать, что Бабель любит своего Беню. Он не жалел для него самых ярких красок, он писал о его великодушии и храбрости, о его стычках с полицией, о его остроумии, он даже рассказал, как Бенья с налетчиками разогнал черносотенцев.

Бандит? — Безусловно. Но личность необыкновенно яркая. К 1927 году писатель переосмысливает Беню, яркость красок в рассказах сменяется в пьесе сумеречными тонами, зловещей тьмой. Гораздо больше слов уделяется уходящему Менделю и очень мало его сыну. Но последний незримо присутствует в каждой сцене.

Вовсе не нужен ему дружок Пятирубель, чтобы разносить славу о его подвигах. Он сам говорит мало и другим не советует увлекаться словами. Когда-то в рассказах Фроим Грач сказал: "Бенья говорит мало, но говорит смачно. Бенья говорит мало, но хочется, чтоб он еще сказал".

В пьесе Бенья говорит еще меньше, но и от этих слов несет холодным ужасом. Боярский, жених сестры Двойры, на трех страницах пьесы расскажет о себе больше, чем Бенья на протяжении всего действия. Каждому из героев, даже самому незначительному, автор предлагает массу разнообразных интонаций, наделяет различными красками их голоса: оглушительный, скрипящий, звонкий, грозный, медленный, гундосый, визгливый, жующий, отчаянный, жирный...

И только после имени Бенья в пьесе мы не находим указующей авторской ремарки. Лишь один раз Бенья "подходит к Никифору в упор и говорит ласковым, вздрагивающим голосом — Ты у меня умрешь сегодня, не поужинав, Никифор, мой дружок..."

Он говорит мало и научил себя не повышать голос, но каждое его слово отчетливо слышно. И если попадется человек, не выдавший Беню в лицо и не знающий, что нужно молчать и внимательно слушать все, что скажет Бенья, то худо ему придется, с ума сойдет от страха такой человек.

Во второй сцене пьесы из слов Нехамы мы узнаем причину, по которой Бенья пошел в налеты. Оказывается, выродок отец не пускает детей в дело, вот и пошел сынок "такое солнце на небе, пошел в эту жизнь". Ах, и наивная эта мамаша! Или она в синагоге не бывает, или соседки к ней в дом не приходят.

Сын не слепой и знает, что на соседней улице живет Фроим Грач. И разве он не был в синагоге, где кантор запросто во время молитвы стреляет из револьвера по пробегающей мимо амвона крысе? Это же крыса, а не корова. А он, кантор Цвибак, "договорился молиться в синагоге, а не в кладовке с крысами".

Пока мать выспаривает у отца право для детей заняться делом, старший сын уже создал свое собственное дело.

В пятой сцене Бабель рассказывает о работе фирмы Менделя младшего...

"В синагоге. Все молятся. В наступившей тишине слышны отрывистые приглушенные слова:

БЕНЯ: Ну?

СЕНЬКА (за спиной Бени): Есть дело.

БЕНЯ: Мы не сделали дела.

СЕНЬКА: Оптовое дело.

БЕНЯ: Что можно взять?

СЕНЬКА: Сукно.

БЕНЯ: Много сукна?

СЕНЬКА: Много.

БЕНЯ: Какой городовой?

СЕНЬКА: Городового не будет.

БЕНЯ: Ночной сторож?

СЕНЬКА: Ночной сторож в доле.

БЕНЯ: Соседи?

СЕНЬКА: Соседи согласны спать.

БЕНЯ: Что ты хочешь с этого дела?

СЕНЬКА: Половину.

БЕНЯ: Мы не сделали дела".

И тут раздается выстрел кантора, и начинается визг обиженных евреев, мешающий серьезной беседе.

"Пусть будет тихо!" — чуть громче говорит Сенька, и продолжает молиться еврейская толпа, и продолжается разговор двух серьезных деловых людей, Бени и Сеньки.

Не много мы узнаем подробностей о работе этой фирмы, но мы согласны с автором, который дал Бене такие слова: "Время идет. Дай времени дорогу".

И только наивный Пятирубель может сомневаться, что еще не настал вечер. Старый шамес Арье-Лейб уже заметил низко опустившиеся пылющие леса заката: "...зачем шуметь, что еще не вечер, когда ты видишь, что перед нами уже нет человека?".

Пусть папаша пьянствует, бьет кому-то морды и спит с русской девушкой. Такую малость Бенья еще может позволить, разве что иногда обзовет отца нехорошим словом. Но ведь из рук уплывает добро, уплывает капитал, который безусловно необходим для нового дела. И здесь Бенья делает то, чего не могут сделать городовые, он восстанавливает "справедливость". Пусть суббота будет субботой. Пусть мир будет таким, каков он есть. Папаша отрицает этот "сортный и обжорный" мир, а сын стоит на

страже. Он родился в этом мире, ему в нем уютно, он не видит необходимости менять его. Никаких иллюзий, никакой религии, никаких норм.

— Не возьмете! — кричит старик.

— Ой, возьмем! — и на голову старика опускается рукоятка револьвера.

Недальновидный Мендель захотел вырваться из скорлупы своей жизни в какую-то другую, большую и интересную. Он не собирался ее создавать, а надеялся купить.

Бедняга, он ошибался. Такие вещи не покупают. Но даже если кто-нибудь и сумел бы ему продать желаемое, найдутся люди, чтобы запретить.

И кто бы мог предположить, что это сделает его сын, "разукрашенный, как испанец на деревенском празднике" (из ремарки к первой сцене).

В первых репликах первой сцены он еще ничем не напоминает Бенью последних сцен. Немногословный молодой человек вывязывает галстук у зеркала. Наше любопытство к нему просыпается лишь тогда, когда Боярский, осененный внезапной мыслью, обещает Бене, что "в цене сойдемся". Он не возьмет денег, этот хитрый Боярский, хотя вовсе не привык сорить деньгами. И мы внимательнее приглядываемся к этому 26-летнему щеголеватому молодому человеку, который от сцены к сцене на наших глазах прибавляет силу и к концу пьесы становится почти дипломатом. Он уже умеет не только вести деловые разговоры, где достаточно одного слова или даже легкого прищуривания глаз. Он встречается с обществом в открытую, но как дипломат искусно вуалирует свою мысль, придавая ей внешне пристойный вид.

"Моя мысль: еврей не первой молодости, еврей, отходивший всю свою жизнь голый, и босой, и замазанный, как ссыльнопоселенец с острова Сахалина... И теперь, когда он, благодаря бога, вошел в свои пожилые годы, надо сделать конец этой бессрочной каторге, надо сделать, чтобы суббота была субботой..."

Он просит гостей поднять бокалы за старых супругов и находит в какой-то чужой кладовой прямо-таки поэтические выражения.

"Мы знаем, слишком хорошо знаем, что никто не выложил цементом эту дорогу, никто не поставил скамеек на длинном этом пути, и оттого, что великие кучи людей пробежали по этой дороге, она не стала легче, она стала тяжелее. Друзья, сидящие в *моем* (Подчеркнуто мной. — В. П.) доме! Я жду от вас, что вы не разбавите водой вино в ваших стаканах и вино в ваших сердцах..."

Что за интересное совпадение! Пьеса Бабеля появилась в один год с пьесой Брехта "Трехгрошовая опера", даже на несколько месяцев рань-

ше. Брехтовский герой Мекки-Нож триумфально прошелся по всем сценам мира, а его брат по духу, его талантливый коллега, созданный Бабелем, еще не нашел своего решения.*

Новые прочтения пьесы наверняка заставят говорить о героях, которым ранее не уделялось должного внимания.

О владельце конфекциона под фирмой "Шедевр", мосье Боярском, об этом хитром попрыгунчике, до отказа набитом разного рода любопытными историями и не скупящемся, щедро раздаривающим эти истории другим.

"Еврей, который уважает раков, может позволить себе с женским полом больше, чем себе надо позволять, он может сказать сальность за столом, и если у него бывают дети, так на сто процентов выродки и бильярдисты. Это я вам сказал замечание из жизни".

О мосье Боярском, удивительно предупредительным на слова в разговоре с Беней или Менделем и отвечающем невесте на ее просьбу хотя бы немножко любить ее: "А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубать? Смешно, ей-богу!..".

О вежливом Боярском, знающем ответы на все вопросы, которые когда-либо задавала или задаст жизнь. О мосье Боярском, отлично умеющем ладить с другими мира сего. Вполне возможно, что безобидный мосье окажется фигурой ничуть не менее страшной, чем сам Бенья.

Или старый знакомый, сват и шамес Арье-Лейб, осмеливающийся возражать сыну Крику тогда, когда никто этого не смеет.

А бедняга Никифор, этот Буриданов осел, этот горемыка, попавший между двух огней и тщетно пытающийся найти какой-то ему понятный выход?

И уж конечно, умница и циник, раввин с Молдаванки, крохотный семидесятилетний Бен Зхарья. Существо, как бы состоящее из одной головы, визгливым голосом бросающей пошлые остроты. Существо, наблюдающее за миром, с интересом рассматривающее его вот уже семьдесят лет и не стесняющееся перейти на "ты" с богом. "По утрам бог переворачивает меня на спину, чтобы я не мог молиться. Богу надоели мои молитвы". Существо, как бы являющее собой сосуд мудрости всех евреев Молдаванки.

Бабель умеет писать о главном так, что не упускается ничего из второго плана. Каждому из героев, хоть на минуту появляющемуся на сцене, он дает точную выразительную характеристику.

В третьей сцене, в трактире на Привозной площади, мы встречаем офи-

*С конца 60-х годов пьеса "Закат" была поставлена во многих театрах СССР, а позднее — зарубежных стран. Одна из наиболее удачных работ — спектакль в Одесском русском театре. (Ред.)

цианта Митю, старичка с серебряными волосами ежиком. Бегаёт этот старичок, носит выпивку, считает выбитые стекла и поминутно обращается к хозяину: "Фомину взойти или рано?". Облапошить старого Крика собираются. Весь из себя тихонький вроде старичок — и вдруг, когда Мендель, эта громадина, эта скала, от скуки платить отказывается, старичок распался и показывает свои шакальи зубки: "Я мальчик злой, я покусую!".

Как-то Л. Андреев заметил, что герои Чехова никогда не начинают и не кончают свои речи, они всегда продолжают их. Героям Бабеля также присуще это свойство, каждый говорит, не особенно прислушиваясь к своему визави, заранее зная, что тот ответит. Но тем парадоксальнее реакция на неожиданную фразу или на нелогический, не оправданный предыдущим поведением героя поступок.

Так реагирует Мендель на появление ночью в своей спальне сына.

Бурно встречают выстрел кантора пришедшие отдохнуть в синагогу прихожане.

Замирают от неожиданности пьяницы, когда Мендель целует турка как брата в губы.

И только все знают, что старый сатир Бен-Зхарья никогда не повторяется. Каждое слово, слетающее у него с губ, — желанное и всегда неожиданное. Этот раввин уже добился права быть непохожим. Если кому придет в голову упрекнуть его за пошлость или богохульство, он с усмешкой напомнит о своих годах — пора понемногу сходить с ума. И тут же найдет шпильку поострей для блюстителя...

Да старый Арье-Лейб, выдавший виды, будет резать свою правду-матку, всхлипывая: "У тебя был хороший отец, Бенья..."

Бабель назвал свое драматургическое произведение — "Закат" — пьесой в 8 сценах.

Не трагедия, комедия или драма, а просто пьеса.

Произведение для театра.

Каждая часть получила название — сцена. Не картина или акт, или действие, а сцена, как бывало у Горького. Литературная жизнь пьесы довольно благополучная, а сценическая до настоящего времени не удалась.

Между тем драма Бабеля написана именно для театра. Даже для определенного театра. Писатель любил Московский Художественный и предполагал, что именно на этой сцене пьеса получит свое первое боевое крещение. Впервые встретится с театральным зрителем.

Его драма наполнена действием.

На поверхности как будто сонная, спокойная жизнь, подобная той, что

совершают микроскопические существа, образователи кораллов, а в глубине вулкан, извержение которого ожидается с минуты на минуту. Уже в первых сценах слышен глухой рокот небольших взрывов, но основной взрыв, извержение, случится лишь в шестой сцене, и небо zalьется кровью заката, и наступит молчание, и все ниже опустятся "пылающие леса заката".

Молчание. Вечер. Синяя тьма, но над тьмой небо еще багрово, раскалено, изрыто огненными ямами. В седьмой и восьмой сценах извержение прекратится, но время от времени ветер будет проносить по воздуху пепел и маленькие камни, которые никому ощутимого вреда не принесут.

Бабель блестяще владеет искусством драматургической реплики. В первой сцене Боярский, как паучок, вяжет и вяжет паутину слов, но следует стремительная, как укол шпаги, реплика Бени, и разодранная паутина уже несется в воздухе, никому не нужная.

Он пишет пьесу сценами, которые критики 1928 года упорно называют рассказами, а всю пьесу расширенным рассказом. Его драматическая сцена — это замкнутый в себе, законченный драматический процесс, и в то же время необходимая часть общего.

Много ли узнаем мы о главном герое пьесы из второй сцены? Нехама и Мендель в спальне. Разве что муж "связался с кацапами", пьет водку и матерится. Но уже здесь раздаются первые удары грома. Писатель вводит в ночную спальню к старикам старшего сына. Сталкиваются два Крика.

Но катастрофа еще впереди...

Одесские парижане в Рамат-Гане

В Музее русского искусства им. Цетлиных в Рамат-Гане состоялась открытие выставки произведений одесских художников-модернистов из Общества независимых, как они себя тогда, в начале прошлого века, называли. Все представленные работы — числом около 100 — из собрания известного деятеля сионистского движения, издателя, ученого, мецената Якова Перемена. Картины эти хранятся сегодня в семьях большого клана его наследников. В последний (до нынешней выставки) раз уникальное собрание в полном объеме можно было увидеть разве что в тель-авивской квартире Якова Абрамовича при его жизни, оборвавшейся в 1960 году: там оно было широко доступно. И вот работы одесских "независимых" из наследия Перемена вновь воссоединены на стенах двух выставочных залов музея!

Выставке предшествовал кропотливый труд людей, которых я назвала бы наследниками Я. П. по духу. Отметим, что прошла она под патронажем мэра города г-на Цви Бара. Что народу на открытие собралось много, и под сводами музея иврит звучал попеременно с русским. Среди выступивших были старшая дочь основателя коллекции Хава Чернов-Перемен, жена его внука Ница Дрори-Перемен — редактор научного журнала "Аль-паим", а также заместитель посла Украины в Израиле г-н Анатолий Маринец... И, конечно же, Леся Войскун, куратор музея, хрупкая молодая женщина, которая стала душой и мотором многотрудного, многоходового и деликатного этого предприятия.

Нет, Леся не одесситка. Она выпускница Петербургской академии художеств. В Израиле 11 лет. В Одессу попала два года назад на международную конференцию славистов, скажем для краткости, "по Харджиеву", и не будем вдаваться в подробности того научного форума. Несколько слов о Николае Ивановиче Харджиеве, однако, скажем. Он, с начала 30-х собиратель "старых бумажек" и "нелепой мазни", этот Корейко русского авангарда, на протяжении всей жизни ведущий нищенское существование, в 93-м (в возрасте за 90) тайно вывез в Амстердам свою коллекцию и враз стал миллионером. Купил трехэтажный особняк, улегся на диван лицом к стене и не вставал до самой смерти, прибравшей его в 96-м. И весь мир заговорил о Харджиеве, о нем пишут, его изучают... Но почти никто, даже в родной нашей Одессе, уже не помнил пророка своего отечества — Якова Абрамовича Перемена, собиравшего еврейских новаторов (да, позволю

совершают микроскопические существа, образователи кораллов, а в глубине вулкан, извержение которого ожидается с минуты на минуту. Уже в первых сценах слышен глухой рокот небольших взрывов, но основной взрыв, извержение, случится лишь в шестой сцене, и небо zalьется кровью заката, и наступит молчание, и все ниже опустятся "пылающие леса заката".

Молчание. Вечер. Синяя тьма, но над тьмой небо еще багрово, раскалено, изрыто огненными ямами. В седьмой и восьмой сценах извержение прекратится, но время от времени ветер будет проносить по воздуху пепел и маленькие камни, которые никому ощутимого вреда не принесут.

Бабель блестяще владеет искусством драматургической реплики. В первой сцене Боярский, как паучок, вяжет и вяжет паутину слов, но следует стремительная, как укол шпaги, реплика Бени, и разодранная паутина уже несется в воздухе, никому не нужная.

Он пишет пьесу сценами, которые критики 1928 года упорно называют рассказами, а всю пьесу расширенным рассказом. Его драматическая сцена — это замкнутый в себе, законченный драматический процесс, и в то же время необходимая часть общего.

Много ли узнаем мы о главном герое пьесы из второй сцены? Нехама и Мендель в спальне. Разве что муж "связался с кацапами", пьет водку и матерится. Но уже здесь раздаются первые удары грома. Писатель вводит в ночную спальню к старикам старшего сына. Сталкиваются два Крика.

Но катастрофа еще впереди...

Одесские парижане в Рамат-Гане

В Музее русского искусства им. Цетлиных в Рамат-Гане состоялась открытие выставки произведений одесских художников-модернистов из Общества независимых, как они себя тогда, в начале прошлого века, называли. Все представленные работы — числом около 100 — из собрания известного деятеля сионистского движения, издателя, ученого, мецената Якова Перемена. Картины эти хранятся сегодня в семьях большого клана его наследников. В последний (до нынешней выставки) раз уникальное собрание в полном объеме можно было увидеть разве что в тель-авивской квартире Якова Абрамовича при его жизни, оборвавшейся в 1960 году: там оно было широко доступно. И вот работы одесских "независимых" из наследия Перемена вновь воссоединены на стенах двух выставочных залов музея!

Выставке предшествовал кропотливый труд людей, которых я назвала бы наследниками Я. П. по духу. Отметим, что прошла она под патронажем мэра города г-на Цви Бара. Что народу на открытие собралось много, и под сводами музея иврит звучал попеременно с русским. Среди выступивших были старшая дочь основателя коллекции Хава Чернов-Перемен, жена его внука Ница Дрори-Перемен — редактор научного журнала "Аль-паим", а также заместитель посла Украины в Израиле г-н Анатолий Маринец... И, конечно же, Леся Войскун, куратор музея, хрупкая молодая женщина, которая стала душой и мотором многотрудного, многоходового и деликатного этого предприятия.

Нет, Леся не одесситка. Она выпускница Петербургской академии художеств. В Израиле 11 лет. В Одессу попала два года назад на международную конференцию славистов, скажем для краткости, "по Харджиеву", и не будем вдаваться в подробности того научного форума. Несколько слов о Николае Ивановиче Харджиеве, однако, скажем. Он, с начала 30-х собиратель "старых бумажек" и "нелепой мазни", этот Корейко русского авангарда, на протяжении всей жизни ведущий нищенское существование, в 93-м (в возрасте за 90) тайно вывез в Амстердам свою коллекцию и враз стал миллионером. Купил трехэтажный особняк, улегся на диван лицом к стене и не вставал до самой смерти, прибравшей его в 96-м. И весь мир заговорил о Харджиеве, о нем пишут, его изучают... Но почти никто, даже в родной нашей Одессе, уже не помнил пророка своего отечества — Якова Абрамовича Перемена, собиравшего еврейских новаторов (да, позволю

себе сказать так — ведь из всех художников, чьи работы он приобрел, не еврей был только Сигизмунд Олесевич). Так, Перемена на родине не помнили: ведь в 1919-м он уже вывез свое собрание в Палестину...

Доклад на "Харджиевском" форуме Леси Войскун стал настоящей сенсацией — по крайней мере, так восприняли одесситы ее сообщение о коллекции Перемена, выставленной сейчас в Музее им. Цетлиных, и о коллекционере Якове Абрамовиче Перемене. В Одессе время от времени ходили "слабенькие версии" насчет ранних работ Теофила Фраермана, Амшея Нюрнберга, Сандро Фазини (Александра Файнзильберга, родного брата Ильи Ильфа) и других "независимых", выпускников нашего художественного училища. По одной из версий работы эти должны быть где-то за рубежом, по другой — пропали на просторах Одной шестой во времена гражданской войны. Она же не только своими глазами видела эти картины, но и привезла с собой их репродукции, перевела на русский язык мемуары Перемена!

Я спросила у Леси, как она сама узнала об этой коллекции и ее собирателе? Оказывается, некий элемент случайности, часто сопутствующий открытию, в данном случае был закономерен. По прибытии в страну иврит ее состоял лишь из алфавита, однако трудолюбие и высокая взыскательность к себе свое дело сделали: она овладела языком Страны в относительно короткие сроки и на достойном уровне. Так что, увидев в 2000 году сборник "100 лет израильской культуры", вышедший на иврите, смогла его читать. Среди разных документов и снимков интерес вызвала фотография парохода "Руслан". Из подписи к ней Леся узнала, что в числе пассажиров судна прибыли тогда в Палестину будущие знаменитости еврейской страны: Иосиф Клаузнер, доктор философии, который стал профессором Иерусалимского университета (между прочим, дядя Амоса Оза), Иуда Магидович, ставший первым архитектором Тель-Авива, художники Ицхак Френкель, Ида и Йосеф Константиновские, поэтесса Рахель, танцовщик Барух Агадати и другие. Одним из организаторов репатриации на "Руслане" был Яков Перемен, который привез с собой из Одессы семью и 200 художественных произведений. "Что за работы и где они?!" — мелькнула у молодой репатриантки мысль. Потом были еще импульсы: вопрос студентки об одном одесском художнике, подсказка знакомого — мол, где-то здесь должна быть большая коллекция "русских картин". Ну, и начались поиски — в архивах, в семьях потомков Якова Абрамовича. Она атрибутировала картины, переводила мемуары коллекционера.

Ко времени поездки в Одессу Леся уже знала тему, как никто другой. Знакомство с Ольгой Барковской, сотрудницей Одесской научной библиотеки им. Горького, автором ряда интересных публикаций, дало ей возможность расширить круг исследований за счет "русской" составляющей темы. Например, архивные материалы из фондов Горьковки позволяют воссоздать культурную атмосферу в городе в десятилетиях двадцатых годов прошлого века. Так выяснилось, что молодые художники, чьи работы привез в Израиль Я. Перемен, были ядром группы "независимых", ставшей антиподом Товариществу южнорусских художников, ведущих свое начало от передвижников. Эти, новые, ориентировались на Париж, ездили туда учиться живописи, а некоторые там и остались. Их не случайно стали именовать "одесскими парижанами".

Леся Войскун отмечает, что во время подготовки выставки коллекции Перемена она работала в тесном сотрудничестве с одесскими исследователями Ольгой Барковской, Аленой Яворской, Сергеем Зеноновичем Лучником, Виталием Абрамовым, Татьяной Щуровой, которые восстанавливают историю южнорусского литературно-художественного модернизма, прерванного в советское время. И особую благодарность она выражает Оле Барковской за ее щедрую и бескорыстную профессиональную помощь, без которой исследование одесского аспекта коллекции Перемена было бы невозможным.

Эпизод в тему. Один мой земляк, ныне израильтянин, выпускник того же одесского училища, явился на презентацию с альбомами любимых своих художников: Волокидина, Головки, Костанди... Он, отличный живописец, один из последних, быть может, последователей (да простится мне тавтология) традиций южнорусской художественной школы, стал посреди выставочного зала разворачивать передо мной те альбомы, призывая смотреть и сравнивать с выставленным модерном! И столько горького непонимания было в его голосе, столько скорби в глазах... Можно представить себе, что творилось тогда, в десятилетиях двадцатых в Одессе!

В одесской периодике, в те годы обширной, как никогда прежде и никогда после (разве что сейчас число журналов, газет, альманахов в моем городе резко выросло), часто встречались эти имена: Нюрнберг, Гершенфельд, Мексин, Малик, Олесевич, Фазини, Фраерман. Израильтяне же увидели их в каталоге Перемена, но так мало о них знали! Потомки Якова Абрамовича не владеют русским языком, а то, что он писал на иврите или писалось здесь о нем, долгие годы было недоступно русскоязычным исследователям. Публикаций о Я.А. Перемене и его коллекции на рус-

ском языке до последнего времени практически не было. И вот теперь стараниями Леси Войскун и ее коллег из Одессы связь времен на этом участке культуры восстановлена.

Я нашла в интернете научную статью Л. Войскун о Якове Перемене и сведения о его разносторонней деятельности почерпнула оттуда. Родился он в 1881 году в Житомире, в религиозной семье, воспитан был в еврейских традициях и даже получил диплом раввина. Переехав в Одессу в конце 90-х, сразу окунулся в бурную среду еврейской молодежи, наверстывающей недополученные предыдущими поколениями знания, приобщаясь к культурным ценностям европейского по духу города. Из его воспоминаний: "...в течение 1899-1900 гг. посвящал несколько дней в неделю самоусовершенствованию в науках: истории, философии и социологии".

Молодой провинциал из Житомира серьезно увлекся также политикой и вскоре стал председателем ЦК одесской радикал-социалистической рабочей партии "Поалей Цион". Декларацию партии с ее девизом "Единая нация, единая страна, единый язык" он озвучил, выражаясь нынешним сленгом, на Седьмом сионистском съезде в Петрограде. Яков Перемен принял самое активное участие в организации в городе "Хаганы" — еврейской самообороны, что на тот момент было весьма актуальным. Свою подпольную кличку — Атид, что на иврите означает "Будущее", — он передал потом родившейся в Израиле младшей дочери: назовет ее Атидой.

Книжная лавка "Культура" (она же — и библиотека), которую Перемен открыл на Преображенской, 41, сразу стала центром встреч и собраний городской еврейской интеллигенции. Ее посещали известные литераторы — Равницкий, Бялик, Менделе Мойхер-Сфорим. Забегали также студенты помещавшегося на той же улице художественного училища, в их числе и "независимые". В мемуарах Яков Абрамович вспоминает, как собрал круг молодых поэтов новой волны во главе с Багрицким. Поэты, правда, недолго держались круга, а вот с художниками связь не прерывалась до самого его отъезда на историческую родину.

И ежегодно при спонсорской, как теперь бы сказали, помощи Перемена устраивались в городе выставки. Художественные устремления этих талантливых молодых людей, как отмечалось в одной из рецензий на Осеннюю выставку 1917 года, были разнообразны. Их увлекали все новаторские течения французского и русского искусства. Эту "разновидность", разнонаправленность одесских модернистов, не мешавшую им, однако, держаться вместе, а самым молодым из них, Олесевичу и Фазини, даже дружить, мы могли видеть на выставке.

Уезжая в Палестину в составе Третьей алии, Яков Перемен вывозил свою коллекцию картин и рисунков не просто как часть личного имущества — он собирал ее именно для Эрец-Исраэль! В 1918 году в Одессе делаются попытки создать некую лигу, которая бы объединила еврейских художников. Целью ее полагалось развитие пластических искусств в Палестине, которой предстояло стать, по убеждению сионистов, духовным центром еврейской нации. Был подготовлен и манифест Лиги — на русском языке, но свет он увидел лишь в Эрец-Исраэль, на иврите — в 1921 году в каталоге выставки первой Постоянной палестинской художественной галереи, зал для которой арендовал сам Перемен. Л. Войскун, нашедшая русский оригинал манифеста Лиги в семейном архиве Переменов, впервые его сейчас опубликовала.

Но еще до организации собственной галереи, в дни Песаха 1920 года, Яков Абрамович выставил свое собрание в гимназии "Герцлия", где учились его сыновья Нахман и Натан. И это была первая художественная экспозиция в первом еврейском городе — Тель-Авиве, отмечает в своем исследовании Л. Войскун. Однако для еврейского ишува, впервые увидевшего образцы нового искусства в работах одесских модернистов, выставка оказалась слишком радикальной, здесь не готовы были к ее восприятию. Да и постоянная экспозиция, где Перемен поместил наряду с картинами одесситов произведения преподавателей иерусалимской академии "Бецальель" во главе с Борисом Шацем, долго не продержалась: в конце 22-го года галерею пришлось закрыть. Яков Абрамович с горечью признает в своих воспоминаниях, что общее отношение к его галерее было равнодушным.

Но не ею единой жил этот оле, просветитель и меценат. Он открывает библиотеку, где, в частности, были книги по искусству на пяти языках, и она вскоре становится интеллектуальным центром Тель-Авива. Он скупает земли у арабов из соображений места для будущих репатриантов — и сегодня в районе старой таханы-мерказит нашего "города без перерыва", на углу улиц Левински и Гдуд ха-иври можно увидеть табличку: "Яков Перемен, основатель квартала Неве-Шаанан". И наконец, берется за дело, о котором мечтал с юности: изучение ассирийской клинописи. Он издает "Басни Ассирии и Вавилона" и даже составляет ассирийско-ивритский словарь, который остался в рукописи и хранится в архиве у дочери...

Более поздние попытки вновь выставить "одесских парижан" Якову Абрамовичу также не удаются. На обращение мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа передать коллекцию в открывшийся в 1932 году городской музей

он, подаривший университету свою уникальную (20 тысяч томов!) научную библиотеку, ответил отказом: опасался, что она может быть разрознена. Вот и держал уникальное собрание картин при себе, предоставляя каждому возможность их увидеть. Но жизнь есть жизнь, и с годами коллекция дробилась, переселяясь в дома наследников собирателя. К их чести надо сказать, оставалась она все же в пределах клана. Потомки как бы продолжают принцип Якова Перемена: работы им собирались не для продажи, а для "удовольствия и образования публики".

Итак, выставка "Одесские парижане" в Рамат-Гане. Как театр с вешалки, она началась с пригласительного билета, на обороте которого с одной стороны — репродукция "Испанской танцовщицы" Сандро Фазини, с другой — анонс из газеты "Ха-Арец" о первом в Палестине показе коллекции Перемена в апреле 1920-го. Приступая к обозрению экспозиции, сразу отмечаешь высокий профессиональный уровень ее устроителей, их заботу о зрителе. Тебе лично хотят достойно показать каждую выставленную работу, рассказать о ней и о ее авторе, насколько позволяет настенная аннотация к разделу и табличка к картине.

Первым делом остановишься у большого шаржированного портрета Якова Перемена (гуашь, белила, бумага). По белому полю шуточные надписи: "Музей Я. Перемена", "Перемены в живописи. Продано". Он вспоминал: "...художники решили преподнести мне оригинальный подарок на память: написали мой портрет в форме шаржа, который отмечал мою преданность искусству. Картину сделали по этюду-экспромту Амшея Нюренберга в совместной работе всех художников, которые участвовали в вечеринке, около двадцати человек. Работа была закончена с быстротой молнии, и она сохранилась в моей коллекции до сегодняшнего дня".

В этой статье нет возможности рассказать о каждом из тех, кто был представлен на выставке "одесских парижан". Но о тех, чьи имена были на слуху в мое одесское время, как не сказать?

Амшей Нюренберг, уроженец Елисаветграда (Кировограда), шесть лет учился в Одессе, а затем продолжил учебу в Париже, где делил мастерскую с Шагалом. Он входил в четверку основателей "Окон РОСТА" под руководством Маяковского, читал лекции во ВХУТЕМАСе, написал монографию о Сезанне. С молодым Нюренбергом дружил молодой Перемен, называя его "братом и членом семьи". Дружил с ним, уже пожилым и маститым советским художником, молодой Юрий Трифонов, для которого Амшей Маркович был действительно членом семьи — тестем. Можно согласиться с теми, кто считает Нюренберга советского периода менее

интересным, чем ранний, — мы же знаем стандарты и регламенты той жизни. Но я не позволю себе рассуждений в сослагательном наклонении: мол, останься этот человек в Париже, творческая судьба его сложилась бы иначе. Не могу, зная судьбу другого художника из этого круга — Сандро Фазини...

Александр был старшим из четырех братьев Файнзилберг. Родился в Киеве, но родиной всегда считал Одессу, где жил в юности. Окончил то же художественное училище, что и остальные "независимые". Он был отличным рисовальщиком, но и кистью живописца владел отменно, а в Париже, куда эмигрировал в 22-м году, увлекся еще и художественной фотографией. Фотоаппарат, кстати, подарил ему брат — Илья Ильф. Псевдонимы себе братья выкраивали из собственных имен и родовой фамилии: Александр — "с итальянским акцентом": Сандро Фазини, следующий — Михаил, также отличный художник, подписывал свои работы инициалами: МАФ. Ну, а Илья выбрал акцент еврейский, прибавив к имени начальную букву фамилии. И только младший, Вениамин, ставший топографом, псевдонима не имел. Жизнь Фазини и его жены Азы трагически оборвалась в июле 42-го: они были арестованы в Париже, отправлены в лагерь Дранси, и вскоре погибли в Освенциме.

Несколько рисунков Фазини из коллекции Перемена помещены вместе с его художественными фотографиями парижского периода начала 30-х годов и портретами из семейных альбомов, любезно предоставленными Александрой Ильиничной Ильф, дочерью писателя. Как рассказывает Леся Войскун, снимки доставили из Москвы при содействии работников тамошнего израильского посольства и нашего Минюста.

В какой-то момент мой взгляд выделил в наполненном зале знакомое лицо молодого человека: журналиста Ильи Кричевского. Он — внук Ильи Ильфа, живет в Израиле и сотрудничает с русскоязычной прессой. Так совпало, что оба Ильи — дед на портрете и внук вживе — оказались для меня в одном ракурсе, и проявилось их явное сходство: та же рельефная лепка губ, характерные надбровные дуги...

Более других известен был современной мне Одессе Теофил Борисович Фраерман. Он преподавал в училище, которое сам закончил до первой мировой войны, и его школу прошли многие одесские художники, в том числе Дина Михайловна Фрумина, которая называла его своим первым учителем, любимец города Олег Соколов и другие. Т. Ф. называли "парижанином": уехав по окончании училища, как было принято у художников того времени, в Париж, он, сын состоятельных родителей, открыл

вроде бы там свой салон и сдружился с Матиссом, которого высоко ценили наши "независимые", вместе с ним выставлялся. К началу "окаянных дней" телеграмма о болезни матери побудила его срочно, налегке выехать в Одессу. Вернуться в Париж Теофилу Фраерману уже не удалось. Как пишет в своих воспоминаниях художник В. Поляков, "начав жизнь заново, он развил бурную деятельность реформаторского толка: пополнял музейные фонды, преподавал, создавал системы и тут же разрушал их, выступал на собраниях, ругался, острил. Человек живого ума, элегантно внешности, насвистывая, входил он с тросточкой в класс и весело, как бы между прочим, вел разговор о живописи".

...Нет, живописать словами работы "одесских парижан", а тем более давать им оценки я не собираюсь. Выставка в Музее русского искусства им. Цетлиных открыта — смотрите.

"Но мысленно на юбилее..."

На прошедшем юбилее одного из самых тонких, самых талантливых одесских художников, уже более тридцати лет живущего в прекрасном далеке — в городе Нью-Йорке — Ильи Шенкера. Недавно ему исполнилось 85!

Для меня это двойной юбилей — ровно полвека тому назад судьба подарила мне знакомство с замечательной парой — Ильей Шенкером и его женой Ларисой.

Нет, полвека назад все было иначе. После школы я начала работать в Гипрограде, где и познакомилась с Лялей Швальбиной, молоденькой прелестной женщиной с поблескивавшими серебряными нитями ранней седины в густой шапке темных волос, переживавшей как раз в это время, очевидно, свой первый творческий успех — на Всесоюзном конкурсе архитекторов Ляля получила высокое признание, что у многочисленных друзей Ляли вызвало радость и до боли в скулах — зависть и раздражение у недоброжелателей. Может быть, Ляля тогда в первый, но не в последний, думаю, раз встретилась и с радостью, и с завистью ее окружающих. (Помню, друзья Ляли удивлялись, как это она не забыла денежную премию конкурса где-нибудь на стуле, на чертежной доске. Тогдашняя привычка Ляли оставлять кошелек, ключи и подобные "мелочи" в самых неожиданных местах вошла у ее коллег в поговорку.)

Родители меня всегда учили, что к старшим нужно обращаться по имени-отчеству. И хоть я только окончила школу, а Ляля недавно институт, я, помня родительские наставления, стала (по-моему, единственная в Гипрограде!) обращаться к ней по имени-отчеству: Лариса Иосифовна. Ляля меня высмеяла, и с тех пор, хоть давно она известна под "взрослым" именем — Лариса Шенкер, для меня она остается — да простится мне эта слабость! — Лялей Швальбиной тех далеких лет.

Правда, вспоминается, что задолго до знакомства с Лялей я слышала от моей мамы с благодарностью произносимое имя "доктор Уланицкая". Потом и сама за какой-то справкой оказалась в районной поликлинике, в районе Вознесенского переулка, и после суতোлки коридора попала в кабинет к доктору Уланицкой, очаровавшей меня и благородной внешностью, и внимательным участием, и безукоризненной интеллигентностью. Я поняла свою маму.

Доктор Уланицкая была мамой Ляли Швальбиной.

Я вспоминаю Гипроград тех лет и многих-многих работавших там лю-

вроде бы там свой салон и сдружился с Матиссом, которого высоко ценили наши "независимые", вместе с ним выставлялся. К началу "окаянных дней" телеграмма о болезни матери побудила его срочно, налегке выехать в Одессу. Вернуться в Париж Теофилу Фраерману уже не удалось. Как пишет в своих воспоминаниях художник В. Поляков, "начав жизнь заново, он развил бурную деятельность реформаторского толка: пополнял музейные фонды, преподавал, создавал системы и тут же разрушал их, выступал на собраниях, ругался, острил. Человек живого ума, элегантно внешности, насвистывая, входил он с тросточкой в класс и весело, как бы между прочим, вел разговор о живописи".

...Нет, живописать словами работы "одесских парижан", а тем более давать им оценки я не собираюсь. Выставка в Музее русского искусства им. Цетлиных открыта — смотрите.

"Но мысленно на юбилее..."

На прошедшем юбилее одного из самых тонких, самых талантливых одесских художников, уже более тридцати лет живущего в прекрасном далеке — в городе Нью-Йорке — Ильи Шенкера. Недавно ему исполнилось 85!

Для меня это двойной юбилей — ровно полвека тому назад судьба подарила мне знакомство с замечательной парой — Ильей Шенкером и его женой Ларисой.

Нет, полвека назад все было иначе. После школы я начала работать в Гипрограде, где и познакомилась с Лялей Швальбиной, молоденькой прелестной женщиной с поблескивавшими серебряными нитями ранней седины в густой шапке темных волос, переживавшей как раз в это время, очевидно, свой первый творческий успех — на Всесоюзном конкурсе архитекторов Ляля получила высокое признание, что у многочисленных друзей Ляли вызвало радость и до боли в скулах — зависть и раздражение у недоброжелателей. Может быть, Ляля тогда в первый, но не в последний, думаю, раз встретилась и с радостью, и с завистью ее окружающих. (Помню, друзья Ляли удивлялись, как это она не забыла денежную премию конкурса где-нибудь на стуле, на чертежной доске. Тогдашняя привычка Ляли оставлять кошелек, ключи и подобные "мелочи" в самых неожиданных местах вошла у ее коллег в поговорку.)

Родители меня всегда учили, что к старшим нужно обращаться по имени-отчеству. И хоть я только окончила школу, а Ляля недавно институт, я, помня родительские наставления, стала (по-моему, единственная в Гипрограде!) обращаться к ней по имени-отчеству: Лариса Иосифовна. Ляля меня высмеяла, и с тех пор, хоть давно она известна под "взрослым" именем — Лариса Шенкер, для меня она остается — да простится мне эта слабость! — Лялей Швальбиной тех далеких лет.

Правда, вспоминается, что задолго до знакомства с Лялей я слышала от моей мамы с благодарностью произносимое имя "доктор Уланицкая". Потом и сама за какой-то справкой оказалась в районной поликлинике, в районе Вознесенского переулка, и после суতোлки коридора попала в кабинет к доктору Уланицкой, очаровавшей меня и благородной внешностью, и внимательным участием, и безукоризненной интеллигентностью. Я поняла свою маму.

Доктор Уланицкая была мамой Ляли Швальбиной.

Я вспоминаю Гипроград тех лет и многих-многих работавших там лю-

дей и с восхищением, и с благодарностью, и с печалью. И Рашель Абовну Владимирскую: "Валечка, почему вы не хотите у меня работать?!" — "Рашель Абовна, я вас боюсь!" — по простоте душевной отвечала я. Рашель Абовна славилась строгостью и взыскательностью, а я не отличалась рвением в работе над чертежной доской...

И Ноэми Григорьевну Мильграм, с которой я ездила в командировки, и она открывала мне прелесть провинциальной архитектуры. И Александра Ивановича Николаева, отсидевшего в сталинских лагерях, вернувшегося оттуда совершенно глухим. Мы сидели с ним одно время рядом, больше переписывались, а во время прогулок в обеденный перерыв он рассказывал о "Юрке Олеше", они были одноклассниками в гимназии, играли в футбол, а потом встречались на "Зеленой лампе". Я прочла в "Литературке" сообщение о смерти Юрия Олеси и утром, придя на работу, написала Александру Ивановичу: "Умер Олеша". Он схватился за голову, и я услышала подобие глухого стоны... Как же невежественна я была, почему ничего тогда не записала из его воспоминаний? Почему так мало спрашивала?!

И Людмилу Николаевну Павловскую, с таким тактом вписавшую новый дом на углу Пушкинской и Жуковского, и это среди помпезности сталинского новостроя.

Словом, вспоминать можно и должно многих. Но именно Ляля Швальбина ввела меня в свой дом, познакомила со своим мужем — Ильей Яковлевичем Шенкером. И теперь, полвека спустя, возвращаясь в то далекое время, я поняла, что именно они, Ляля и Илья, для меня, только-только окончившей школу, стали первой художественной академией. Может, нескромно, но все же могу сказать, что девочкой я была начитанной, ходила в музеи, на выставки, в библиотеки. Но живая живопись! Это впервые — Илья Шенкер.

И сейчас, проезжая, проходя по Екатерининской на квартале между Малой Арнаутской и Пантелеймоновской (хоть мне больше нравится сохранившееся в литературе название улицы Новорыбная), я задираю голову вверх и с нежностью смотрю на окна последнего (высокого!) этажа старого дома.

Счастливая "Голубятня"! Там жили родители Ляли (отец тоже был врачом) и Ляля с Ильей.

Илья из архитектурного института ушел на войну, отвоевал все четыре года, вернувшись, окончил архитектурный, но одновременно учился живописи у Теофила Борисовича Фраермана. Причащение к Гармонии

через архитектуру (в те времена было у кого учиться) и бесценные уроки Фраермана, а также воздух, свет, прозрачные цветные тени Одессы, ее среда, живописные обитатели ее домов и улиц и были, очевидно, той основой, на которой и выросло, отточилось, отгранилось, расцвело, засияло тихим светом творчество художника Ильи Шенкера.

Когда Ляля познакомила меня с Ильей, введя в их дом, у него и мастерской не было. Узкая маленькая комната с единственным окном — она и была его мастерской в те времена. Для меня здесь все было откровением, и краски, и уже написанные акварели, и многочисленные рисунки, но, прежде всего, сам Мастер.

Боже мой, — думаю я, — ведь когда мы познакомились, Илье было всего 37 лет. Но он не просто мне, девчонке, казался мудрецом, он и был уже тогда мудрым. Это была библейская мудрость его народа, мудрость цадиков местечек, из которых родом были его предки, это была мудрость человека, сполна познавшего горечь и жестокость войны, фронтового лиха и послевоенного лихолетья с его "борьбой с космополитизмом" и "делом врачей", перенесшего утрату своих учителей — Г. Готтельфа и Т. Фраермана...

За тридцать семь лет Илья Яковлевич пережил уже столько, что могло бы хватить на несколько жизней. Но испытания не ожесточили его. Он и в те, такие молодые годы, был не только мудрым, но и ироничным, веселым, общительным, доброжелательным, щедрым человеком. Этот список можно продолжать и далее.

Не знаю, не могу судить, за что судьба оказалась так расположена ко мне, что подарила мне не просто знакомство, но доброжелательное отношение Ильи и Ляли ко мне. Не только я с предвкушением радости от общения с ними часто поднималась в их "поднебесье", но и они заходили за мной, в мое "подземелье". (Именно от Ляли и Ильи я впервые услышала: "Надо тебе познакомиться с Женей Голубовским!". Как-то мы шли вдвоем по Большой Арнаутской. От Ришельевской нам навстречу шел молодой человек в коричневом пальто и шляпе (!). Шел очень быстро (теперь я думаю, бежал за каким-нибудь книжным раритетом). Мои спутники и молодой человек, не останавливаясь, поздоровались. "Это Женя Голубовский", — услышала я и оглянулась. Знать бы!...) Однажды мы вдвоем пошли в филармонию, где я и познакомилась с Женей Голубовским... Они водили меня к своим друзьям, и я до сих пор помню, какое впечатление произвела на меня библиотека Жанны и Лени Бериных (я еще не была знакома с Женей Голубовским и его библиотекой!). Случались и смешные истории. Однажды, это было первого или второго мая, Илья и Ляля зашли

за мной, а на улице стоял незнакомый молодой человек. "Саша Фрейдин", — представился он. Мы дошли до Потемкинской лестницы, где рядом, над Луна-парком, было кафе-мороженое. Мы втроем разговаривали, смеялись, Саша сидел молча. Вдруг он прикрыл ладонью лицо, я, ни о чем не догадываясь, только успела участливо спросить: "Вы себя плохо чувствуете?" — как на мой вопрос последовал материализованный ответ. До встречи с нами Саша уже "отметил" Первой. Многие годы спустя мы с Сашей весело вспоминали наше первое знакомство. А тогда Илья и Ляля сетовали: "Вот, называется, познакомили молодого человека с девушкой!".

Но особенно часто мы гуляли по Одессе, над морем. Как-то майским днем мы, гуляя, дошли до Лермонтовского курорта и присели на траву под тенистыми деревьями. Солнце пробивалось сквозь листву, по траве прыгали солнечные зайчики. Илья и в такие прогулки, в это одесское "dolce far niente", брал альбом и карандаши. Через полчаса, может быть, на бумаге появился набросок. Через какое-то время Илья тронул его акварелью, и уже в июле подарил мне мой портрет. На нем дата и подпись "Шенкер. 12.VII.1958". Он висит на стене, как маленькая драгоценность, и, глядя на него, я вспоминаю симоновские строчки: "И, постарев, владельца одна себя к своим портретам приревнует"...

Илья несколько раз меня писал. И всякие истории случались. Помню, как однажды он написал совершенно волшебный портрет, там, наверху, на Екатерининской. Во время работы Илья рассказывал то грустные, то веселые истории. В тот раз он вспоминал своего старшину в авиаполку во время войны. История в артистическом исполнении Ильи была очень смешная. Я до сих пор помню, как Илья воспроизводил завершение монолога злившегося на кого-то старшины: "От яхидный — ложками стучить!". Я уже падала от смеха и то ли я подтолкнула Илью, то ли он, видя мою неудержимую реакцию, сделал неверное движение, но, о Боже, на моем мокром акварельном глазу появилось непоправимое пятно. Было не до смеха, так жалко было изуродованный портрет. Но Илья оставался самим собой. Через какое-то мгновение он написал на месте пятна черную повязку и воскликнул: "Все, Валя, будете Кутузовым!". О Моше Даяне мы тогда еще не знали...

Но этот случай ничто по сравнению с другой моей провинностью. Рисовавший в начале своего живописного пути только акварелью, Илья во второй половине пятидесятых все чаще и чаще обращался к масляной живописи. Он задумал большую композицию маслом и попросил меня попозировать еще на стадии пленэрных этюдов. Я с радостью согласилась.

Илья и Ляля приходили на склоны Отрады, я усаживалась на траву, Илья писал, Ляля что-нибудь рассказывала, иногда уходила к подруге, которая жила рядом, на Отрадной улице. Мы встречались по будним дням после работы, в долгие предзакатные часы одесского лета. Однажды мы договорились встретиться в воскресенье, в ставшее уже привычным время.

Воспользовавшись воскресным днем (в те годы суббота была еще рабочим днем, правда, Никита Сергеевич сократил в субботу рабочий день на два часа, и мы долго не могли к этому привыкнуть!), я с компанией сверстников отправилась на пляж, в Отраду, целый день купаясь, загорая, опять купаясь до посинения, опять загорая... Солнце уже начало клониться к закату. "Боже, меня же ждет уже Илья Яковлевич!". Набросив на себя сарафан, я полетела вверх по крутым склонам Отрады. Слава Богу, не опоздала, радовалась я, увидев идущих навстречу Илью и Лялю. Рано радовалась! Увидев меня, Илья воскликнул: "Валя, что вы сделали!" — и с горькой обреченностью махнул рукой. Я растерялась и стала оглядываться по сторонам, одергивать сарафан, может, прилип к мокрому купальнику? "Валя, лицо, лицо!" Вместо привычной бледности, которая, очевидно, входила доминантой в живописный замысел художника, мое лицо полыхало красным пламенем одесского загара. Деликатнейший Илья Яковлевич все же предложил мне сесть на мое место среди пахучих отрадненских трав, взялся за кисть, но ясно было, что писать ему уже не хотелось. Краснорожее пятно разрушило весь тонкий колористический строй. Я чувствовала себя преступницей, темпераментная Ляля из-за спины мужа грозила мне своим маленьким кулачком. Больше в Отраду мы не возвращались...

Потом я уехала в Ленинград, в университет, а когда вернулась, мы с Женей Голубовским стали бывать у них в другой квартире, на Новорыбной угол Новой. К этому времени у Ильи уже была мастерская на Большой Арнаутской угол Белинского.

Именно туда мы уже водили своих друзей — из Москвы, из Питера. Блестящий талант художника осваивал все новые пространства. Прежняя верность акварели и мощная масляная живопись соседствовали с графикой — его Дон-Кихота знала не только вся Одесса, шенкеровский рыцарь из Ламанчи на своем Росинанте прошел по необъятным просторам бывшего Союза. Вдохновенный пушкинский цикл гравюр стал событием в отечественной художественной Пушкиниане. Я счастлива, что наша дочь, работая над изданием Одесской главы "Евгения Онегина" в переводе на несколько европейских языков, получила разрешение Ильи Яковлевича и использовала его мотивы в оформлении этой книги.

Моя последняя встреча в качестве натурщи с Ильей Яковлевичем была в 1966 году. Он в это время писал портрет Петра Тодоровского. И мой портрет. Моделью я по-прежнему была бездарной. Однажды пришла не в той юбке. В тот раз Илья Яковлевич не церемонился, он мне уже выдал и за "Кутузова", и за загар Отрады, и за юбку сполна! Моей любви к нему от этого не убавилось.

А потом начался исход. Уехали и Шенкеры. И пространство Одессы стало сжиматься, как шагреневая кожа...

Ляля Швальбина стала Ларисой Шенкер, знаменитым редактором журнала "Слово/Word", который я смотрю в интернете, Илья знаменитым художником, выставки которого — событие, о котором много пишут в престижных изданиях.

А что пишу я? Конечно, не искусствоведческий очерк. Чем завершить этот текст? Может, строчками из того же стихотворения Бориса Пастернака, слова которого я вспомнила и поставила как заголовок.

"Вы — подлинность, Вы —обаянье, Вы вдохновение само. Об этом всем на расстояньи пусть скажет Вам мое письмо".

Так что это, "цветы запоздалые" к прошедшему юбилею?

Нет, все-таки запоздавшая на полвека благодарность за "Толубятню", за "Кутузова", за Отраду, за то, что жили в Одессе Илья Шенкер и Ляля Швальбина, чьи имена волшебным образом рифмуются и продолжают друг друга.

Илья и Ляля.

Ляля и Илья.

"Золотое дитя"

Наш давний автор

Одесситы постарше хорошо помнят Илью Ефимовича Илюшина. Ученик легендарного профессора Столярского, десятиклассник школы, носящей его имя, он 22 июня 1941 года должен был играть свой выпускной концерт, но пришлось сменить скрипку на трехлинейку...

После войны Илья закончил консерваторию, работал ведущим артистом симфонического оркестра Одесской филармонии, театральным дирижером.

Одесситы запомнили И. Илюшина и как активного журналиста, который 35 лет был собкором газеты "Советская культура", автором других центральных и местных изданий. Он награжден и за ратный труд, и за успехи в искусстве и журналистике.

Сейчас Илья Ефимович живет в США, и несмотря на весьма зрелый возраст и недуги, активно сотрудничает с русскоязычными изданиями Нью-Йорка.

В наш альманах он прислал заметки о встрече со знаменитым скульптором, ветераном Великой Отечественной войны Эрнстом Неизвестным. Беседа относится к тому времени, когда он работал над скульптурой "Золотое дитя", установленной перед одесским морвокзалом.

Феликс КОХРИХТ

Мне посчастливилось — Эрнст Неизвестный пригласил в свою мастерскую в нью-йоркском Сохо (район выставочных залов и галерей). В просторном светлом помещении тесно от множества его работ. Стоя на высокой лестнице, ваяет "Золотое дитя" и беседует со мной.

— Это модель будущего монумента "Золотое дитя", — говорит он. — Установят его в Одессе в дни празднования 200-летия города в сентябре 2004 года.

...Весной 1944 года наша воинская часть вошла в Одессу. Город только был освобожден от фашистских оккупантов. Приказом по 86-й гвардейской стрелковой Николаевской Краснознаменной дивизии от имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевого задания командования на фронте, за проявленную доблесть и мужество награжден орденом Красной Звезды гвардии младший лейтенант Неизвестный Эрнст Иосифович, командир стрелкового взвода 260-го гвардейского полка.

Фронтовик Неизвестный прошел по многим военным дорогам. Был тяжело ранен. Две "похоронки" получила его мать. В апреле 1945 года

Моя последняя встреча в качестве натурщи с Ильей Яковлевичем была в 1966 году. Он в это время писал портрет Петра Тодоровского. И мой портрет. Моделью я по-прежнему была бездарной. Однажды пришла не в той юбке. В тот раз Илья Яковлевич не церемонился, он мне уже выдал и за "Кутузова", и за загар Отрады, и за юбку сполна! Моей любви к нему от этого не убавилось.

А потом начался исход. Уехали и Шенкеры. И пространство Одессы стало сжиматься, как шагреновая кожа...

Ляля Швальбина стала Ларисой Шенкер, знаменитым редактором журнала "Слово/Word", который я смотрю в интернете, Илья знаменитым художником, выставки которого — событие, о котором много пишут в престижных изданиях.

А что пишу я? Конечно, не искусствоведческий очерк. Чем завершить этот текст? Может, строчками из того же стихотворения Бориса Пастернака, слова которого я вспомнила и поставила как заголовок.

"Вы — подлинность, Вы —обаянье, Вы вдохновение само. Об этом всем на расстояньи пусть скажет Вам мое письмо".

Так что это, "цветы запоздалые" к прошедшему юбилею?

Нет, все-таки запоздавшая на полвека благодарность за "Толубятню", за "Кутузова", за Отраду, за то, что жили в Одессе Илья Шенкер и Ляля Швальбина, чьи имена волшебным образом рифмуются и продолжают друг друга.

Илья и Ляля.

Ляля и Илья.

"Золотое дитя"

Наш давний автор

Одесситы постарше хорошо помнят Илью Ефимовича Илюшина. Ученик легендарного профессора Столярского, десятиклассник школы, носящей его имя, он 22 июня 1941 года должен был играть свой выпускной концерт, но пришлось сменить скрипку на трехлинейку...

После войны Илья закончил консерваторию, работал ведущим артистом симфонического оркестра Одесской филармонии, театральным дирижером.

Одесситы запомнили И. Илюшина и как активного журналиста, который 35 лет был собкором газеты "Советская культура", автором других центральных и местных изданий. Он награжден и за ратный труд, и за успехи в искусстве и журналистике.

Сейчас Илья Ефимович живет в США, и несмотря на весьма зрелый возраст и недуги, активно сотрудничает с русскоязычными изданиями Нью-Йорка.

В наш альманах он прислал заметки о встрече со знаменитым скульптором, ветераном Великой Отечественной войны Эрнстом Неизвестным. Беседа относится к тому времени, когда он работал над скульптурой "Золотое дитя", установленной перед одесским морвокзалом.

Феликс КОХРИХТ

Мне посчастливилось — Эрнст Неизвестный пригласил в свою мастерскую в нью-йоркском Сохо (район выставочных залов и галерей). В просторном светлом помещении тесно от множества его работ. Стоя на высокой лестнице, ваяет "Золотое дитя" и беседует со мной.

— Это модель будущего монумента "Золотое дитя", — говорит он. — Установят его в Одессе в дни празднования 200-летия города в сентябре 2004 года.

...Весной 1944 года наша воинская часть вошла в Одессу. Город только был освобожден от фашистских оккупантов. Приказом по 86-й гвардейской стрелковой Николаевской Краснознаменной дивизии от имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевого задания командования на фронте, за проявленную доблесть и мужество награжден орденом Красной Звезды гвардии младший лейтенант Неизвестный Эрнст Иосифович, командир стрелкового взвода 260-го гвардейского полка.

Фронтовик Неизвестный прошел по многим военным дорогам. Был тяжело ранен. Две "похоронки" получила его мать. В апреле 1945 года

в боях западнее Рюккендорфа при захвате контрольного пленного проявил себя смелым и инициативным командиром. Одним из первых поднялся в атаку на противника, увлекая за собой бойцов своего взвода. Ворвавшись в траншею, гранатами и огнем из автомата уничтожил пулеметную точку и 15 вражеских солдат. Будучи раненным, продолжал командовать взводом,

и благодаря этому были взяты траншеи противника и пленный. Вот так героически сражался гвардии младший лейтенант!

Я тоже ветеран-фронтовик, был взволнован встречей с товарищем по оружию Эрнстом Неизвестным, ныне ньюйоркцем.

Наблюдая за его работой над скульптурой, продолжаю беседовать о "Золотом дитяти".

— Наша воинская часть только-только прибыла в освобожденную Одессу, — рассказывает скульптор. — Всюду следы боев, развалины. Тяжелые годы провели одесситы в оккупированном городе. Но дух их не был сломлен. Оптимизм, крепость духа поразили меня. Я давно задумал монумент "Золотое дитя". Многие мои скульптуры глубоко трагичны. В них воплощен образ мужественного человека, который даже перед лицом смерти не теряет присутствия духа. Этот оптимистический трагизм я сам прошел. И вот впервые за свою жизнь создал монумент в светлом, радостном, романтическом ключе. "Золотое дитя" — яркий, солнечный образ рождающегося гиганта, надежда на процветание будущего вольного города. Это мой дар, который я посвящаю 200-летию Одессы. Все работы проводит "Эрнст Неизвестный корпорейшн" из Фонда Неизвестного.

Хочу отметить помощь молодого одаренного одесского скульптура Михаила Ревы. Два месяца мы с ним работаем в творческом содружестве в моей мастерской в Нью-Йорке.

* * *

Прошло время, гипсовую модель по частям погрузили в Нью-Йорке на океанское судно. Доставили сначала в Одессу, а оттуда в Киев. Там на заводе "Монументскульптура" отлили в бронзе и установили в центре черноморского города.

Четырехметровая фигура мальчика стала самой большой в мире фигурой младенца.

Монумент открыли. Эрнст Неизвестный приезжал на это событие. Был дорогим и желанным гостем на юбилейных торжествах 200-летия города.

Я рад, что присутствовал в мастерской Э. Неизвестного при рождении "Золотого дитяти".

Агатовые курьезы

А, право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов!

А.С. Пушкин

В художественной литературе, будь то проза или поэзия, трудно найти произведение, в котором так или иначе не упоминался бы какой-нибудь минерал. Иногда минерал становится главным героем (из-за которого, как правило, проливаются реки слез и крови), и его название гордо выносится в заголовок произведения, как, например, "Гранатовый браслет" А. Куприна, "Аметисты" И. Анненского, "Малахитовая шкатулка" П. Бажова, "Бриллианты для диктатуры пролетариата" Ю. Семенова и др. Но чаще всего он, безымянный, играет лишь роль булыжника на мостовой, о который спотыкается главный герой, или маленького камешка, который тот же герой через несколько страниц задумчиво бросает в воду, наблюдая за расходящимися на поверхности кольцами...

Но есть один минерал, которому с названием не повезло больше других. Причем это невезение преследует его только в художественной литературе, а в минералогии (наука все-таки) с названием все в порядке.

Речь идет об агате.

В минералогии агатом называется разноцветно-полосчатая или узорчатая разновидность полупрозрачного халцедона. Полосчатость агатов обусловлена перемежающимися слоями халцедона различной толщины (от микрона до нескольких миллиметров), которые разнятся окраской, густотой тона, степенью просвечивания и пористостью. Если чередующиеся серо-голубые и белые слои на изломе или в срезе камня расходятся зигзагообразными или концентрическими линиями, то он называется просто агатом. Если же слои располагаются прямыми параллельными друг другу полосками или образуют какой-либо узор, и при этом с белыми слоями чередуются слои красного, желтого, бурого, черного или другого цвета, то такая разновидность может иметь собственное название. Более того, даже разные срезы одного образца агата могут различаться характером рисунка и, следовательно, называться по-разному.

Слово "агат" по отношению к полосатым камням было известно еще Теофрасту (IV в. до н. э.). Значительно позже, в первой половине XVIII в., шведский минералог Г. Валлериус отмечал, что перечислить все разновидности агата невозможно, да и не нужно, поскольку они всегда зависят от индивидуальности рисунка.

Вместе с тем, при всем бесконечном разнообразии агатовых проявлений среди них нельзя найти одноцветного, в том числе и чисто черного. Агат — это полосатый и только полосатый камень.

Однако в литературе часто можно встретить выражение "глаза черные, как агат". Например, О'Тенри в рассказе "Чья вина?" описывает глаза героини как "...жесткие и чернее агата". У М. Булгакова в рассказе "Китайская история" есть строки о метком китайце-пулеметчике: "В агатовых косых глазах от рождения сидела чудесная прицельная панорама..."

Даже у Набокова — одного из самых беспощадных критиков и непримиримых врагов литературных штампов — в "Защите Лужина" врач-психиатр "говорил приятные вещи и смотрел агатовым взглядом, который теплом разливался по всему телу".

Данный эпитет настолько распространен, что С.И. Ожегов в Словаре русского языка в качестве примера применения прилагательного *агатovýй* приводит именно словосочетание "агатовые глаза (перен.: черные и блестящие)".

Интересно отметить, что в словаре В.И. Даля это сравнение (а значит, и ошибка) отсутствует. Напротив, толкование слова снабжено подробной минералогической характеристикой камня, как бы признанием за ним права оставаться термином, а не просто расхожим эпитетом.

При всей несостоятельности такого сравнения, тем не менее, на этой почве иногда вспыхивали настоящие поэтические "перебранки". Например, поэт Ф.А. Туманский посвятил Софье Пушкиной, обладательнице черных как смоль глаз, такой мадригал:

Она черкешенка собою, —
Горит агат в ее очах,
И кудри черные волною
На белых лоснятся плечах...

Ответом на эти строчки явилось стихотворение А.С. Пушкина, который в то время серьезно увлекся своей однофамилицей и дальней родственницей:

Нет, не черкешенка она, —
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней, —
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

Да, ответ, достойный великого поэта. Правда, трудно сказать, проявились ли здесь познания Пушкина в минералогии, или его гений интуитивно почувствовал подвох... В любом случае это — хороший пример того, как, избегая литературных клише, можно избежать и досадных ошибок.

Устоявшееся представление об агате как о черном камне проявилось и в стихотворении А.А. Вознесенского "Книжный бум", где есть такие строки:

Попробуйте купить Ахматову —
Вам букинисты объяснят,
что черный том ее агатовый
куда дороже, чем агат.

Прекрасная рифма. Но черных агатов не бывает.

Подобные курьезы происходят, вероятно, оттого, что агат путают с черным опалом или гагатом. Опал — твердый природный гидрогель двуокиси кремния; черный опал часто бывает с опалесценцией красного цвета. Гагат — черный ископаемый уголь; плотный, смолистый. Древние называли его "черным янтарем". Красивые, удивительные минералы. Но не они фигурируют на страницах литературных произведений.

С.И. Ожегов объясняет происхождение эпитета "агатовые глаза" как контаминацию с "гагатовый". Но контаминация обычно имеет место при слиянии часто употребляемых речевых единиц, а "гагат" и "агат" трудно к таковым причислить. Более того, в результате контаминации возникает новая речевая единица, чего в данном случае не наблюдается. Так или иначе, но контаминация, как и любая другая (не всегда закономерная) деформация слов, возникая в устной повседневной речи, не должна переключиваться в литературу.

Так на каком же основании "гагат" подменяется "агатом"? Ведь, казалось бы, происхождение этих слов не дает никаких к тому оснований. Не вдаваясь в проблемы их этимологии, следует лишь заметить, что оба слова имеют греческие корни. Но "агат" происходит от *ahates*, а гагат — от *gagates*. Чувствуете разницу? В русском написании эта разница почти потеряна. Может, поэтому и возникла путаница?

Попытки объяснить причину подмены гагата на агат в поэзии приводят к еще одной версии.

Поэтам часто приходится ради спасения своих "хромающих" на рифму или размер стихов прибегать к таким приемам, как словотворчество, смещение ударения в словах, замена русских слов иностранными и т. п. Однако замена слова "гагат" словом "агат" никак не может повлиять ни на рифму, ни на размер, ни на образность стиха! Неужели все это — только лишь для благозвучия?

Русская поэзия знает такие примеры. В дореволюционные времена строгое соблюдение резкой разницы между звуком "е" и звуком "э" считалось признаком образованности, культурного лоска. "Электричество" вместо "электричество", "экзамен", "экипаж" говорили простолюдины. Поэты, желая возвыситься над толпой, нарочито использовали слова с "э". Но, пожалуй, дальше всех зашел Игорь Северянин, который, если ему не хватало "э" в словах, просто заменял его другие буквы: "Шоффэр, на Острова!".

Вероятно, и "агат" для кого-то был более благозвучен, чем "гагат". И если можно одну букву заменить другой, почему нельзя какую-то букву вообще выбросить?..

Тем более что ради нужного звучания поэты порой готовы и не на такие жертвы. Например, на использование слов, значение которых им не известно.

Так, по воспоминаниям Ирины Одоевцевой, О. Мандельштам, прочтя ей строки

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
И выпуклую радость узнаванья.
Я так боюсь рыданья аонид...

вдруг спросил:

— Кто такие аониды? Знаете?

Она ответила, что никогда о них не слыхала, и предложила заменить их на данаид: те, мол, тоже, вероятно, рыдали, наполняя бездонные бочки. Но Мандельштам возмущенно замахал на нее руками:

— Нет. Невозможно. Данаиды звучит плоско... нищий, низкий звук! Мне нужно это торжественное, это трагическое, рыдающее "ао". Разве вы не слышите — аониды? Но кто они, эти проклятые аониды?

Он задумался на минуту.

— А может быть, они вообще не существовали? Их просто гениально

выдумал Пушкин? И почему я обязан верить вашей мифологии, а не Пушкину?

Действительно, в этом случае мы с одинаковым участием готовы верить рыданиям и пушкинских, и мандельштамских аонид.

Но кто поверит в существование женщины с агатовыми, т. е. в полосочку, глазами, и что эти глаза способны вызвать поэтический восторг?! Впрочем... мало ли?.. вдруг это не обыкновенная земная женщина, а какая-нибудь аонида...

Каковы бы ни были причины подмены слова "гагат" на "агат", ни одна из них не может служить оправданием для мастера литературного слова. Особенно если речь идет не просто о создании ярких поэтических образов, а об описании природы. В произведениях, призванных воспеть красоту и мудрость природы, такие "па" вообще не допустимы. Ибо для описания природы используются не просто красивые слова, а понятия, термины.

Например, Владимир Солоухин в книге "Камешки на ладони" пишет: "...каждый камешек про себя знает, что он есть отдельный, самостоятельный камешек, что он сам по себе: этот в розовых прожилках, этот прозрачен, этот хоть и сер, но уникален сквозной дырочкой в нем, этот черен, как агат. А ведь бывает и вправду — агат".

Душевно, трепетно. Но — еще и еще раз повторюсь — черных агатов не бывает.

Вероника КОВАЛЬ

"И все же тоскуем по странной отчизне" Один из "незамеченного" поколения

Насчет переселения душ — не знаю. Но что были и есть в мировом пространстве-времени души, родственные нашим, знаю точно. Вдруг окутают теплом строки какого-то средневекового поэта, и поражаешься, что ты, дитя двадцатого века, чувствуешь так же, как он. Или с картины вдруг полыхнет взглядом страстный идадьго и пронзит сердце тоской несбыточной мечты: почему, почему мы не сошлись во времени? Нечто подобное испытала я и при знакомстве с Карлом фон Гершельманом. Сначала с его творчеством, затем — с историей его жизни.

В центре семейного снимка
Карл фон Гершельман

Первопричина моего интереса к личности Гершельмана имеет чуть ли не детективное начало. Сколько-то лет назад таллиннский музей посетил приезжий из Германии. Он назвался сыном художников Карла и Элизабет фон Гершельман. В семье хранится многое из их творческого наследия.

Даже для эстонских искусствоведов сообщение о том, что "нашлись" работы подзабытых художников, оказалось сенсацией. Элизабет была эстонкой, дочерью крепостного, который в свое время спас в бою барона Розендорфа, и тот в благодарность даровал ему вольную и свою родовую фамилию. Карл происходил из древнего дворянского рода прибалтийских немцев. Супруги в 20-30 годы прошлого века жили в Таллинне. Она занималась росписью фарфора, он — графикой. Вскоре музей открыл для соотечественников эти имена, организовав выставку работ из семейной коллекции и других музеев. Об этой экспозиции и коротко об авторах искусствовед Май Левин поведал в 2005 году на страницах эстонского журнала "Вышгород".

Ну и что? Как говорится, что мне Гекуба, что я ей?

Не могу понять, почему, но при чтении очерка я вдруг подспудно ощутила, что не случайно пришел он мне в руки, не случайно.

Интуиция меня не подвела. Вот оно! Карл Гершельман (он не любил

выдумал Пушкин? И почему я обязан верить вашей мифологии, а не Пушкину?

Действительно, в этом случае мы с одинаковым участием готовы верить рыданиям и пушкинских, и мандельштамских аонид.

Но кто поверит в существование женщины с агатовыми, т. е. в полосочку, глазами, и что эти глаза способны вызвать поэтический восторг?! Впрочем... мало ли?.. вдруг это не обыкновенная земная женщина, а какая-нибудь аонида...

Каковы бы ни были причины подмены слова "гагат" на "агат", ни одна из них не может служить оправданием для мастера литературного слова. Особенно если речь идет не просто о создании ярких поэтических образов, а об описании природы. В произведениях, призванных воспеть красоту и мудрость природы, такие "па" вообще не допустимы. Ибо для описания природы используются не просто красивые слова, а понятия, термины.

Например, Владимир Солоухин в книге "Камешки на ладони" пишет: "...каждый камешек про себя знает, что он есть отдельный, самостоятельный камешек, что он сам по себе: этот в розовых прожилках, этот прозрачен, этот хоть и сер, но уникален сквозной дырочкой в нем, этот черен, как агат. А ведь бывает и вправду — агат".

Душевно, трепетно. Но — еще и еще раз повторюсь — черных агатов не бывает.

Вероника КОВАЛЬ

"И все же тоскуем по странной отчизне" Один из "незамеченного" поколения

Насчет переселения душ — не знаю. Но что были и есть в мировом пространстве-времени души, родственные нашим, знаю точно. Вдруг окутают теплом строки какого-то средневекового поэта, и поражаешься, что ты, дитя двадцатого века, чувствуешь так же, как он. Или с картины вдруг полыхнет взглядом страстный идадьго и пронзит сердце тоской несбыточной мечты: почему, почему мы не сошлись во времени? Нечто подобное испытала я и при знакомстве с Карлом фон Гершельманом. Сначала с его творчеством, затем — с историей его жизни.

В центре семейного снимка
Карл фон Гершельман

Первопричина моего интереса к личности Гершельмана имеет чуть ли не детективное начало. Сколько-то лет назад таллиннский музей посетил приезжий из Германии. Он назвался сыном художников Карла и Элизабет фон Гершельман. В семье хранится многое из их творческого наследия.

Даже для эстонских искусствоведов сообщение о том, что "нашлись" работы подзабытых художников, оказалось сенсацией. Элизабет была эстонкой, дочерью крепостного, который в свое время спас в бою барона Розендорфа, и тот в благодарность даровал ему вольную и свою родовую фамилию. Карл происходил из древнего дворянского рода прибалтийских немцев. Супруги в 20-30 годы прошлого века жили в Таллинне. Она занималась росписью фарфора, он — графикой. Вскоре музей открыл для соотечественников эти имена, организовав выставку работ из семейной коллекции и других музеев. Об этой экспозиции и коротко об авторах искусствовед Май Левин поведал в 2005 году на страницах эстонского журнала "Вышгород".

Ну и что? Как говорится, что мне Гекуба, что я ей?

Не могу понять, почему, но при чтении очерка я вдруг подспудно ощутила, что не случайно пришел он мне в руки, не случайно.

Интуиция меня не подвела. Вот оно! Карл Гершельман (он не любил

свое баронское "фон") учился в Одесском кадетском корпусе, затем на философском отделении Новороссийского университета. Выходит, самые благоприятные для развития личности годы художник провел в нашем городе!

Иллюстрирована была статья несколькими графическими листами художника. По благородству и изысканности рисунка чувствовалась близость его к русскому модернизму, который мне очень интересен, а потому усилился интерес и к автору.

Карл Гершельман, говорилось в рецензии, не только художник, но и поэт, эссеист, философ. Приведена ней в качестве примера строфа из стихотворения, которое полностью я затем обнаружила в одном из эмигрантских изданий:

Удалось однажды родиться.
Обещали — жизнь впереди.
От надежд голова кружится,
Сколько силы в плечах, в груди.

Вот и юность. — Теперь уже скоро.
Вот и старость. Где же, когда?
— За окном: решетка забора,
Телефонные провода.

Это в с е? — Конечно, до гроба.
Это жизнь? — А кто же? Она.
— Значит, это лишь так, для пробы,
Значит, будет еще одна.

Станный диалог лирического героя с кем-то, кто, видимо, знает ответ на все вопросы! В нем столкнулись нетерпение юности, разочарованность от несбывшихся надежд, самоирония, зашкаливающий оптимизм... Ясно, что поэт — человек не только чувствующий, но и думающий.

Все узнанное из статьи говорило о том, что разностороннее творчество Карла Гершельмана — не однодневка, не суррогат искусства, а подлинное искусство. Как интересно было бы вчитаться в прошлестевшие страницы его стихов, взглянуться в рисунки, почувствовать, что тревожило душу его поколения!

Значит, нужно "копать"!

На тему фильма Ф. Ланга
"Метрополь"
Тушь. 1926-27 гг.
Из коллекции Гершельманов
Германия

тоном художественного вкуса и человеческой порядочности.

Для начала — линия его жизни, хотя бы пунктиром.

В 1899 году в Севастополе, в семье Карла Львовича фон Гершельмана, доктора медицины, генерала медицинской службы, родился сын. По дворянской традиции назвали его именем отца. Воинская профессия была, так сказать, семейной. Второй сын Карла Львовича, Михаил, как удалось выяснить, в первую мировую был подпоручиком 2 дивизиона 15 артиллерийской бригады. В начале нового века генерала перевели по службе в Одессу. Видимо, тоже на начальствующую военную должность, поскольку сведения о нем занесены в Адрес-календарь Одесского градоначальника на 1912 год. Он являлся членом совета Евангелическо-лютеранского прихода церкви св. Павла.

Поселился генерал с семьей на улице Херсонской, 17. Представьте мои чувства: долго изучать биографию героя и в конце понять, что он провел детство и отрочество в двух шагах от библиотеки, где я листала Адрес-календарь! Вглядывался в те же лепные орнаменты на купеческих домах, слышал крики торговков с того же Нового рынка, конское ржание и скрип телег по утрам. Я словно видела — вот идет худенький мальчик в кадетской форме и подкидывает ногами желтую листву деревьев, которые тогда вовсе не были большими... Мне становилось по-человечески ближе и понятней то, что выскажет он впоследствии в своих стихах-размышлениях.

В 1906 году мальчика определили в Одесский кадетский корпус. Однако запомнились ему из этих лет не только уроки ратного дела. В длинном автобиографическом стихотворении он вспоминает

О том, как лежал кадетом
В саду, в траву животом,
И были: сад разогретый
И я, и Жюль Верна том...

Не просто о чтении идет речь, а об увлечениях, которые шли вразрез с семейными традициями. Формально Карл следовал им. Окончил кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Участвовал, правда, недолго, в первой мировой. Был капитаном лейб-гвардии 3-й гвардейской артиллерийской бригады. Воевал в войсках Деникина и Врангеля на Южном фронте. Но все-таки верх взяла иная страсть. Юноша круто повернул судьбу свою в те поля, где говорили не пушки, а Музы. Он поступил на философское отделение Новороссийского университета.

Получить серьезное образование не пришлось. Вместе с армией Врангеля Гершельман был эвакуирован в Турцию. Только через год ему удалось через Болгарию, Румынию и Польшу пробраться в Ригу, а с 1922 года он в Таллинне. На этом карьера военного закончилась. Он служил чертежником-графиком в министерстве земледелия, на лесопильной и текстильной фабриках. Впоследствии он будет вспоминать

Про годы скучной работы,
Про то, как становишься стар,
Про службу, деньги, заботы
И вечной спешки угар...

Однако у истинно талантливой натуры под серой золой буден горит-разгорается золотой огонь иной жизни — радостной, прекрасной, потому что — творческой. Каждую свободную минуту Карл посвящал искусствам. Он влился в художественные и литературные круги города. И жену там встретил. Элизабет уже выставляла свои тонкие, изящные акварели, расписывала фарфор. Сохранилась интересная фотография тех лет, сделанная где-то на даче. За дощатым столом сидят Карл-старший — седовласый, почтенный, в черном сюртуке, и Карл-младший с молодой женой —

оба в светлом, улыбаются, будто день сулит им только счастье.

Первые показы работ и первые публикации сделали Гершельману имя. А он творил все напряженней и смелей. Техника оттачивалась, размышления обретали глубину. Он стал непременным участником художественных выставок и литературных сборников. Таковыми оказались по результату эти "годы скучной работы".

В 1940 году Карл после мучительных колебаний был вынужден покинуть Эстонию. Годы войны он с женой и детьми Константином и Анной провел в Польше. В 1945 году семья бежала через Берлин в баварский городок Эйхштадт. Там уже больной астмой художник занимался иллюстрированием детского католического журнала, написал "Распятие" для местного монастыря.

21 декабря 1951 года Гершельмана не стало. В эмигрантском "Новом журнале" (Нью-Йорк, 1952, № 31) писатель Юрий Иваск выступил с прощальным словом о старом друге, с которым немало копий было сломано в литературных дискуссиях: "Высокого — рыцарского — роста, с неистребимой выправкой военного, всегда тщательно одетый, (хотя часто бедствовал) и подтянутый, он был скромн и даже застенчив, и не внешне, а внутренне походил на своего любимого толстовского героя — Безухова. Как Пьер, он думал свою думу и имел контакт только с людьми узкого дружеского круга, чуждого суеты и тщеславия. Для немногих, знавших К. К., его смерть — потеря, которую нечем заменить".

Итак, известно, что Карл Карлович жил с родителями в Одессе примерно с семи до двадцати лет. Он впитывал вольный воздух Южной Пальмиры, вглядывался в необозримость горизонта, за которым детское воображение рисовало картины экзотических городов Востока, ленивую роскошь африканских базаров. Кадетов часто выводили на море, они лазали по скалам, учились гребле и плаванию. В стихах и рисунках Гершельмана мне не встретились пейзажные импрессионистские зарисовки Одессы. Возможно, он не сохранил детские опыты в эмигрантских скитаниях. Но я

Видения
Тушь, акварель.
Конец 20-х - начало 30-х гг.
Частное собрание. Германия

ближе к другому объяснению: склонность к философии заставляла его от-метать детали, пусть даже живописные, поскольку в каждом явлении он искал квинтэссенцию.

Несомненно, в кадетском корпусе он получил широкое образование. В 1906 году, например, в фундаментальной библиотеке корпуса было 3,5 тысячи книг, представляющих историю военного дела, философских учений, мировую художественную литературу. Практиковались частные уроки рисования карандашом и масляными красками. Кадеты лепили модели из воска, осваивали ремесла, фотографию. Мальчики сообща готовили театрализованные представления — разыгрывали классические сюжеты, писали декорации.

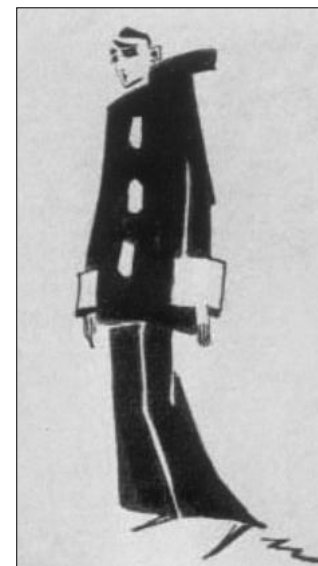
Старшие кадеты получали в качестве поощрения возможность провести свободное время в центре города. А там поэтической натуре было от чего растеряться, было чем подпитаться. На литературном и художественном фронтах происходили настоящие баталии. Страсти кипели между приверженцами классического искусства и авангардистами. В живописи традиционную для Одессы южнорусскую школу теснили всяческие "измы" — имажинизм, кубизм, фовизм, супрематизм... "Салон независимых" привлекал, конечно, в первую очередь, бунтарски настроенную молодежь, студенчество. Ниспровергатели старого искусства камня на камне не оставляли от традиционных художественных ценностей. Работы Василия Кандинского, братьев Бурлюков, Павла Филонова, Александры Экстер, безусловно, оказали влияние на эстетику Гершельмана большее, чем реалистическая школа. Трудно сказать, посещал ли начинающий художник открывшуюся в 1918 году свободную школу пластических искусств или художественную школу Александры Экстер, но его творчество говорит о серьезном знании русского и европейского искусства и хорошем владении ремеслом.

Молодой кадет имел возможность посещать популярные тогда поэзо-концерты. Их афишами пестрели газеты. В Русском театре потрясали публику громогласные Владимир Маяковский и Давид Бурлюк. Сладкоголосый Игорь Северянин выступил в компании лиропоэта Вадима Бояна и артистки-футуристки Эсclarмонды Орлеанской. В 1918-19 годах молодые поэты Анатолий Фиолетов, Зинаида Шишова, Семен Кирсанов, Вера Инбер, Вениамин Бабаджан, Эдуард Багрицкий ярко заявили о себе. Литературное общество "Зеленая лампа" пропагандировало новое искусство, свободное от устаревших идей и языковых штампов. Альманахи "Шелковые фонари", "Авто в облаках", "Седьмое покрывало" были тому

свидетельством. В этих сборниках нет стихов Гершельмана. Возможно, он посещал занятия литературных сообществ, поскольку впоследствии активно выступал с критическими разборами стихов собратьев по перу. Но, кажется мне, "веселое племя щелкоперов и болтунов" было не вполне созвучно самоуглубленности Карла. Скорее всего, он в те годы созревал как поэт и относился к себе самокритично, но не пытался подделаться под авторитеты.

Особую страсть Гершельман, судя по его литературному и научному наследию, питал к философии. Отвоевав свое ("на рассвете — рокот пушек по шоссе"), он стал студентом философского отделения. Один из авторов статьи о творчестве Карла Карловича пишет, что из занятий философией у юноши ничего не вышло. Это не так. Время для учебы было самое что ни есть неподходящее. Теоретически в Новороссийском университете можно было получить фундаментальные знания. Сама атмосфера разумного жизнеустройства, которую принесли в город его первоуправители, философские сочинения мирового уровня из библиотеки Ришелье и трех поколений Воронцовых, высокообразованные преподаватели — все было в университете. Достаточно назвать доктора философии, заслуженного ординарного профессора Николая Ланге. Его учебник логики был удостоен премии им. Петра Великого. На его лекции по философии математики ходили студенты всех факультетов. Много времени он уделял студенческим кружкам. Зная это, начинаешь понимать, чем навеян загадочный рисунок Гершельмана "Математик": худой человечек с прозрачным мозгом, в котором происходят, как в колбе, некие реакции, вычерчивает замысловатую конструкцию, вектор которой направлен в будущее. Думаю, что подобную манеру определили и увлечение наукой, и фантазии утопистов двадцатых годов, и ирония, которая прошивает ткань всех произведений Карла.

Университет в те годы содрогался от забастовок, застыл от холода, голодал, а, главное, профессорско-преподавательский состав и студен-

Пьеро
Тушь. Конец 20-х годов
Из коллекции Гершельманов
Германия

чество раскололись на два непримиримых лагеря. Профессура приветствовала приход в Одессу союзнических войск. В 1919 году Совет университета принял постановление избрать главнокомандующего вооруженными силами юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина почетным членом Новороссийского университета (в 1920 году оно было отменено).

7 февраля 1920 года Красная Армия заняла Одессу. Карл Гершельман в это время уже был призван в белую армию. При эвакуации добровольческой армии из Одессы бежала за границу большая группа профессоров во главе с ректором Кишенским. В документах архива университета их отъезд обозначен как "заграничные командировки". С этой волной эмиграции покинул Одессу и студент Карл Гершельман. Однако занятия на философском отделении стали для него серьезной основой для постоянного углубления знаний в этой области, по сути, сформировали его мировоззрение.

К сожалению, получить полное представление о творчестве Карла фон Гершельмана пока не представляется возможным. Его работы как художника, в основном, находятся в коллекции семьи. Всего лишь восемь стихотворений мне удалось разыскать в различных антологиях эмигрантской поэзии. Но надеюсь, очень надеюсь, что более глубокое знакомство с наследием незаурядного человека, сложившегося как творческая личность в нашем городе, еще впереди. А пока — то, что открылось.

Выставяться Карл начал в Таллинне с 1925 года. Он писал акварелью, рисовал тушью и карандашом, иллюстрировал книги, создавал эскизы декораций, рисунки для тканей, занимался прикладным искусством. Оформлял альманахи "Девственная земля" и "Новь". Его привлекали фантастические, сказочно-фольклорные, религиозные сюжеты. Он постоянно обращался к классике. В его художественном творчестве нашли отражение мотивы поэзии и прозы Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Блока. Он был воспитан на русской культуре, был плотью от плоти ее.

Карл предъявлял к себе высокие требования в смысле художественной формы. Как отмечает искусствовед Май Левин, в образно-стилевом отношении его акварели-гуаши и рисунки примыкают к русскому символизму, к "Миру искусства", к стилю модерн, впитавшему в себя элементы кубизма и тяготеющего к арт-деко. Те репродукции, которые мне довелось увидеть, несут на себе печать времени. Они по духу сродни то изысканным романсам Вертинского, то гротеску карикатуристов, то нарочито грубой манере футуристов, то словно вышли из-под легкого пера романтика. При всем при том от работ остается впечатление самобытности и целостности.

Гершельман был участником выставок в Тарту, Хельсинки (1929 г.), Киле, Кенигсберге, Любеке, Берлине (1929-30 гг.). Имел несколько персональных выставок. В августе-октябре 2004 года работы Карла и Элизабет демонстрировались в музее Адамсона-Эрика в Таллинне.

Более полно отражена в критике поэтическая и философская "составляющая" творчества Карла фон Гершельмана. Прежде всего нужно подчеркнуть, что она отражает мировоззрение сотен и сотен творческих людей, покинувших родину. Их масса неоднородна. Одну часть составляли те, кто уже имел имя в русской литературе, такие, как Куприн, Бунин. Вторая часть — дети таких людей. Они не видели Россию и любили ее только лишь отраженной в воспоминаниях отцов и матерей. Гершельман относился к третьей категории — тех, кто увез с родины ярчайшие впечатления детства и юности, душой остался там, не сумел прикипеть душой к чуждой жизни. Принадлежавший к этой когорте писатель Владимир Варшавский с болью говорил: "Пожалейте нас больше, чем всех ваших предков. У них было много горя, которое делало их достойными сострадания. У нас не было того, что их утешало". Он называет своих сверстников "незамеченным" поколением.

Надо отдать Варшавскому должное: в своем исследовании он делает все от него зависящее, чтобы память о талантливых литераторах не канула в Лету. Нельзя без скорби воспринимать приведенные им слова Владимира Ходасевича: "В известном смысле историю русской литературы можно назвать историей уничтожения русских писателей.

Трагически погибли еще молодыми Н. Гронский, В. Диксон, Б. Новосадов, Б. Поплавский, С. Шарнопольский.

Покончил с собой Болдырев.

Пропал без вести Агеев.

От тяжелых болезней, вернее, от тяжелой жизни преждевременно умерли Вера Булич, Карл Гершельман, Ирина Кнорринг, И. Савин".

Три главных темы определяли все творчество "незамеченного" поколения: **Россия. Чужбина. Одиночество.**

Карл Гершельман в этом смысле типичен. Расцвет его поэтической деятельности приходится на 30-е годы. Этому немало способствовало то обстоятельство, что русская диаспора была в Эстонии довольно многочисленна и активна. Только в Таллинне работало более тридцати русскоязычных писателей, существовало шесть литературных кружков. Карл был одним из организаторов и деятельных участников Ревельского цеха поэтов. Прочи-

тал там доклады "О рифме", о поэзии Юрия Иваска, о сборнике стихов Г. Иванова "Розы". Участвовал в работе интересного Нымесского литературного кружка. Был членом правления русского таллиннского Литературного кружка. Сотрудничал в альманахе "Новь". Его статья "О современной поэзии" вызвала отклики в зарубежной прессе.

Свои произведения Гершельман отдавал в печать редко и неохотно. Ни одного сборника он не составил. Большинство стихов, статей, эссе увидели свет после его кончины благодаря американской исследовательнице эстонского происхождения Темире Пахмус. По ним можно в определенной степени "реконструировать" мировоззрение и склад души Карла.

Словно именно о нем отзывалась поэтесса Зинаида Шаховская, характеризуя эмигрантов: "...их интересуют не столько "вещи мира", сколько их скрытый смысл. На всем их творчестве лежит отпечаток интеллектуальности, субъективности". Я бы добавила, что поэзия Гершельмана является попыткой заглянуть в подсознание и одновременно осмыслить себя и человека вообще в контексте мирового и даже космического времени.

Философствование в поэзии — вещь опасная. Набор истин, пусть даже глубоких, не вызывает чувственного отклика, а именно в нем — сила влияния поэзии. Карл Гершельман умел выразить тревожащие его сердце мысли через образы, ритм, звукопись. Таинственный переход настроений, перепады эмоций в его лирике достигаются гармонией рационалистичности и чувственности, возвышенности и иронии. Вот пример:

В далекой вечности, когда я стану Богом
И наконец сполна вселенную создам,
Я вспомню налегке, как по земным дорогам
Я брел беспомощно, растерян и упрям.

И я пойму тогда, сквозь ласковую жалость,
Зачем такой смешной, в штанах и пиджаке
Стоял я у окна. И солнце расплзлось
По лужам мартовским и по моей руке...

Любопытный штрих. Когда составитель антологии "Вернуться в Россию — стихами" (1995 г.) В. Крейд решил в предисловии привести пример совершенной поэтической формы, он вознамерился взять одну строфу из

стихотворения Гершельмана "Золотое". Однако все строфы были настолько гармоничны, что В. Крейд привел их полностью.

К сожалению, Карл Карлович не ставил даты под своими произведениями, поэтому трудно проследить его эволюцию как поэта. А может быть, это и не стоит делать. Нужно просто наслаждаться мудростью спокойствия автора, сквозь которую лишь иногда прорывается безысходность в странном сочетании с жизнелюбием и озорством.

Писал он и рассказы, некоторые опубликованы. Это размышления о сущности бытия и других метафизических вопросах. В них сталкиваются реальность и фантазии, явь и сны, а человек находится в "пограничной" ситуации, что сближает взгляды писателя с эстетикой французского экзистенциализма. Тем же вопросам посвящены его философско-религиозные эссе и статьи, в частности, "О царстве Божиим". Думаю, что большую ценность представляет неопубликованная многолетняя переписка Карла с русской поэтессой Верой Булич, жившей в Хельсинки. Однако для нас этот и другие источники недоступны.

Гершельман провел последние шесть лет жизни в Германии, но все его художественные и литературные привязанности были в прошлом. По духу он остался поэтом "парижской школы", как и большинство поэтов-эмигрантов. Что же значило их совокупное творчество в контексте русской литературы первой половины XX века? Об этом не скажешь лучше, чем Юрий Иваск, составивший антологию русской зарубежной поэзии "На Западе": "...самый факт эмиграции обогатил русскую поэзию "новым трепетом" и — следовательно — наше *несчастье* было одновременно и нашей *удачей*".

Прожил Карл фон Гершельман по нынешним меркам немного — чуть более полувека. А успел сделать в полунищенских условиях эмигрантского быта очень много. И мы, несомненно, должны отдать дань уважения этому человеку. Пусть он не будет "незамеченным" в том городе, где прошли счастливые годы его жизни.

Кстати, последняя мемориальная выставка Карла фон Гершельмана состоялась в 1989 году в германском городе-побратиме Одессы — Регенсбурге.

Стихи Карла фон Гершельмана

Этот мир, где Пушкин и Шекспир,
Где зубная боль и поцелуи,
Где сижу я, удивленный, и слежу я, —
Этот странный, этот четкий мир...

Сам в себе, как в театральной ложе,
С каждым днем внимательней и строже,
Я слежу. Сравнительно большой
Проплывает мир передо мной.

Проплывает отрочеством дальним
(Лодка над рекою и купальня),
Проплывает поцелуем у ворот
(Очень близкая щека и рот),

И войною девятнадцатого года
(На рассвете грохот пушек по шоссе),
Папиросою ночного перехода,
Конской гривой в росе.

Проплывает этим садом и окном,
Лампою над письменным столом...
Этим стулом проплывает, торжествуя,
Где сижу я, удивленный, и слежу я...

Сам в себе, как в ложе театральной,
С каждым днем и строже и печальней,
С каждым днем все чище и нежней,
Из прозрачной глубины моей...

* * *

А самое главное? — вот что:
Я живу и жизнь хороша,
Утром солнце из сада, ночью —
Робкий шорох карандаша.

Кто-то вывел меня из потемок,
Поведет он меня и впредь.
Жить доверчиво, как ребенок,
И доверчиво умереть.

И окончится все, как надо:
Если надо: навеки спать,
Если надо — солнце из сада
И стихи, и я сам — опять.

* * *

Сижу над стаканом чаю,
Вечерние окна глухи.
Я жизнь, как стихи, читаю,
Читаю жизнь, как стихи.
Поэма страниц на триста.
Читаю в один присест.
Растянуто, водянисто,
Лишь пара удачных мест.
Удачны отдельные строки,
Ну, скажем, первые сны
О том, что женские щеки
И розовы, и нежны.
Строки о первом романе:
Как в комнате у нее
Сидели в углу на диване,
Сидели — и это все.
О том, как лежал кадетом
В саду, в траву животом,
И были: сад разогретый
И я, и Жюль Верна том.
Или еще (не вчера ли):

В столовой, молча с женой,
И четко часы стучали,
Стучали часы надо мной...
Отдельные полные строки,
Насыщенной жизни клочки,
Беспримесной и глубокой,
Все прочее — пустяки.
Все прочее — нагроможденье
Пустых и случайных фраз.
Плохое стихосложение,
Ненужно длинный рассказ
Про годы скучной работы,
Про то, как становишься стар.
Про службу, деньги, заботы
И вечной спешки угар,
И даже про климат гадкий,
Про дождь несносный наш...
Читаю все по порядку
И злобно грызу карандаш.
На каждом шагу заминка,
Вычеркиваю и рву.
Вот эти главы в корзинку,
Оставить одну строку.
Задумано — гениально.
Исполнено — ерунда.
С решительностью похвальной
В корзинку — и без следа.
Сажу над стаканом чаю,
Перебираю клочки.
Я жизнь, как стихи, читаю
Сквозь старческие очки.

* * *

Мне кто-то подарил окно в весенний сад
И складки легкие оконной занавески,
И сквозь окно в саду отвесных сосен ряд,
Их бурые стволы в косом закатном блеске.

Взволнованно слежу, как медленный закат
Беззвучно клонится, огромен, чист и ярок,
О, неужели Бог когда-нибудь назад
Свой удивительный потребует подарок.

* * *

Мы к этому дому, и к этой постели,
И к этому миру привыкнуть успели.

А было — ведь было! — совсем по-иному:
Ни этого мира, ни этого дома,

И было чернее, но чище и шире
В том странно-забытом, дожизненном мире.

Боишься мы смерти, грустим о потере,
И все же влечемся к таинственной двери,

И все же тоскуем о странной отчизне,
О странно-забытой, дожизненной жизни...

Но дверь отворилась, взойшли на крыльцо,
Нам черное, чистое дышит в лицо.

* * *

Не напрасно загорелось золотое,
Золотое, что мы жизнью называем:
Эти сосны, освеженные зарею,
Это облако с порозовевшим краем.

Эти ведра у колодца, с легким плеском,
С мягким плеском рассыпающие воду,
Гул трамвая за соседним перелеском,
Отдаленный перезвон по небосводу.

Из-за четкого вечернего покоя,
Из-за тучки над колодцем тонкошеим,
Из-за жизни наплывает золотое,
Золотое, что назвать мы не умеем.

Будет в Одессе памятник Кириаку Костанди!

Последней, так и оставшейся незавершенной, работой замечательного одесского скульптора Николая Степанова была фигура Кириака Костанди, основателя южнорусской живописной школы. Сейчас сын — скульптор Клим Степанов — как бы завершил дело, задуманное отцом.

Как сказал главный художник города Владимир Гепелев, в этом году скульптура будет установлена во двореке Художественного музея.

Е. Г.

* * *

Не напрасно загорелось золотое,
Золотое, что мы жизнью называем:
Эти сосны, освеженные зарею,
Это облако с порозовевшим краем.

Эти ведра у колодца, с легким плеском,
С мягким плеском рассыпающие воду,
Гул трамвая за соседним перелеском,
Отдаленный перезвон по небосводу.

Из-за четкого вечернего покоя,
Из-за тучки над колодцем тонкошеим,
Из-за жизни наплывает золотое,
Золотое, что назвать мы не умеем.

Будет в Одессе памятник Кириаку Костанди!

Последней, так и оставшейся незавершенной, работой замечательного одесского скульптора Николая Степанова была фигура Кириака Костанди, основателя южнорусской живописной школы. Сейчас сын — скульптор Клим Степанов — как бы завершил дело, задуманное отцом.

Как сказал главный художник города Владимир Гепелев, в этом году скульптура будет установлена во двореке Художественного музея.

Е. Г.

ПУБЛІКАЦІИ

Анатолій ГЛУЩАК
Станіслав Місаковський чи W.F.D.? 259

Фаина РАЙХЕЛЬГАУЗ
О том, что прошло 266

Станіслав Місаковський чи W. F. D.? чи Українець, який уславив нову польську поезію

10 серпня 1994 року знайшов мене у редакції "Вечерней Одессы" чоловік похилого віку. Виглядав він провінційним учителем-пенсіонером. Але здивував запитанням, чи знайомий я з сучасною польською поезією.

— Ружевиц, Шимборська, Новак, — назвав я відомі імена. — Перекладаю також Ліпську, Пентака, Слів'яка, Ожуга, покійну Посвятовську...

— Я заходив до офісу одеських письменників, — приязно посміхався гість. — Мені порадили зустрітися з вами. А про Місаковського щось чули?

Хвильку подумавши, я відповів, що у моїй поетичній полоністичі, яку збираю зі студентських років, такого автора нема. Прибулець дістав з течки кілька книжок і поклав на стіл. На обкладинках стояло прізвище автора — Stanislaw Misakowski. Співрозмовник повідомив:

— Це найновіші збірки. А в СРСР мене не друкували, здається, і в книгарнях "Дружба" мої твори не з'являлися.

Наступного року, вже 16 серпня, до редакційної кімнати знов увійшов пан Станіслав — цього разу з сином Вітеком. І подарував ще дві свої збірки (дати відвідин подаю за автографами). А ще показав грубенький машинопис, на титульній сторінці якого стояв тільки загадковий криптонім W. F. D.

— Оце мій життєпис, — повідомив Місаковський. — А на титулі — перші літери моїх справжніх імені, по-батькові, прізвища. Я народився у причорноморському степу, на Херсонщині... Оце знову їду туди до сестри.

Так я дізнався, що справжнє ім'я Станіслава Місаковського Володимир Феофанович Дем'янок. За першими літерами латиною — W. F. D. Народився 8 травня 1917 року. Ще до колективізації влада забрала в родини майно (зокрема, млин), батька арештувала. (Місаковський показав мені два збережених його сестрою листи до дружини — написаних з допру. Запам'яталася настанова їй: "Що б не сталося зі мною, вивчи дітей". Писав "куркуль" українською мовою.)

Далі родину депортують... до Чечні. Володимир підлітком пристав до безпритульних. У цих мандрах — аж до Далекого Сходу — почав спілкуватися з усіма російською мовою. Згодом повернувся до рідних, закінчив десятирічку. Навчався у Ставропольському сільгоспінституті. Молодого агронома відправляють до офіцерської школи в Куйбишев. Після початку війни курсантам достроково присвоюють звання лейтенантів і відправляють терміново на фронт.

В Білорусії артилерист Дем'янок потрапляє в оточення і в полон.. Опинаяється

в польських таборах військовополонених. Звільнення радянськими військами не принесло радості — як і багатьом колишнім офіцерам. Смерш їм не вірить: допити, очні ставки, підозри, в новому полоні йдуть чутки — готують ешелон для відправки до Сибіру. Туди, де батьків слід загубився ще до війни...

Дем'янок ще з двома арештованими розбирають вночі кладку камери і розходяться врізнобіч. Він перебирається на поморські землі, які відійшли до Польщі. І стає Станіславом Місаковським, старшим на сім років.

Місаковський-Дем'янок книгу свого нового життя творив у пам'яті та в серці, не розкриваючи її сторінок упродовж кількох десятиліть сторонньому читачеві. І лише у віршах (перша збірка вийшла 1964 року) вдавався до алюзій, метафоричних уподібнень, парафразів, пов'язаних з подіями, змінами, настроями, які пережив, перетерпів, перекодував — вже польською мовою.

З 1973 року Місаковський, який змінив чимало професій, займається виключно літературною працею. З 1978-го і аж до розгону Спілки польських письменників — член її головного правління. Його першим прийняли від Польщі до Міжнародної академії поетів у Кембріджі (Англія). З 1988 року — член пен-клубу, а з 1989-го — член-засновник незалежного об'єднання польських літераторів. Автор двох десятків книг.

Помер восени 1996 року. Автобіографічна книга "W. F. D." залишилася невиданою, як і дві поетичні збірки. Мої переклади творів С. Місаковського українською мовою пропоную читачам альманаху "Дерибасовская — Ришельевская". Ширша добірка побачить світ в антології польської поезії другої половини XX століття — у Львові.

Анатолій ГЛУЩАК

Станіслав МІСАКОВСЬКИЙ

Справедливість

Ось і настав час
найвищої справедливості

перекреслили історію
спалили особові справи
відмінили звання і нагороди

без команди
без наказу
без декрету

але усі стояли
як мур

за ідею
готові були покласти
життя

але ж — зауважив котрийсь —
бракує нам ворога

та й ватажка бракує —
докинув другий

не переймайтеся —
повчав бувалий, у бувальцях —
щойно рушите
відразу знайдуться
і ворог
і провідник

1980

Пітьма

Мені веліли стояти
я стояв
мені веліли сидіти
я сідав
мені веліли лягати
я лягав

мене просвічували
вздовж і впоперек
частково і цілком

вдень і вночі
притомного і сплячого

розклали тіло на елементи
зробили аналізи
але того що шукали
не знайшли

а тимчасом
над їхніми головами
кружляє пільма
навальна і невловна

Де шукати правди

Питаєш: де шукати
правди
відповідаю: скрізь
придивися
вона лежить перед тобою

в камені життя котрого
ніколи не розгадаєш
у квітці що розпуклася
без твоєї участі
у землі що народила
і прийме тебе
в голубині далей
яких ніколи не здолаєш

а зазирни-но в себе —
чи не бачиш
як вона скулилася

Дилема

Гамлетівське
бути чи не бути
повертається

як пора року
як епідемія грипу

не уникнемо запитання
не дамо відповіді

якщо бути
то тут і зараз

якщо не бути
то ніколи
і ніде

отож бути
чи не бути

1982

Світ не змінився

Ніхто не знає
звідки він з'явився

пообіцяв що вилікує
світ

зійшов на п'єдестал
протягнув уперед
руку

осудив матір
батька
всю родину

образив сусіда
збездистив наречену
ушпигнув священика
висміяв міністра
злегковажив приятеля

виніс вирок капіталізові
виступив проти церкви
покинув над ідеєю

скинув владу
відмінив традицію
зігнував право

але світ не змінився
сонце сходить вчасно
і місяць
не потьмарився

Моя батьківщина

Моя батьківщина
там
де я можу бути собою

шукаю її скрізь
розсилаю оголошення
розпитую перехожих

запевняю що дотримуватимусь
цілковитого нейтралітету

однак пропозицій
як не було так і нема

Батьки сказали

Оце тобі
сказали батьки
земля
кінь плуг коса

ти маєш голову руки ноги
маєш усе щоб думати
орати
жити

оце тобі камінь
і гора

оце тобі міра
простору і часу
щоб ти знав
де твій початок
і де край

О том, что прошло*

Как я дважды воровала золотые часы

Есть такая поговорка, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, но со мной одна и та же история повторилась дважды. Начальник госпиталя послал меня сопровождать безногого солдата домой в Молдавию. Пересадка должна была быть в Одессе. Наши родственники, зная, что я буду в Одессе, передали для своей дочери золотые часы и кусок сливочного масла. Все мои вещи в то время составляли небольшой клумачок: это юбка из мешковины и старенькая кофточка. Взяв у родственников эту маленькую посылочку, я положила ее в свой клумачок. Приехав поездом в Одессу с этим безногим солдатом, я оставила ему этот клумачок, а сама пошла в кассу компостировать билет на Молдавию. Я проводила солдата, пожелав ему счастливого пути. В Молдавию он ехал уже один, его там встречали родственники, а я сразу побежала вернуть часы и масло. Радостно постучав в дверь, я вошла в дом и говорю: "Здравствуйте, я вам привезла часы и масло!". И вдруг я увидела, что ни масла, ни часов в моем клумачке нет. Я очень расстроилась, заплакала, а тетя Лиза — так звали эту женщину — мне и говорит: "Ты видишь эту дверь, немедленно уходи вон!". Я всю дорогу плакала, мне было очень больно и стыдно. Это было 10 мая 1945 года.

А в 90-х годах эта же семья выехала на постоянное место жительства в Америку. Их дочь Цилия, живя в Одессе, работала врачом, у нее была хорошая дружная семья. На день рождения муж подарил Цилие золотые часы. Потом ее муж умер. Когда Цилия с детьми уезжала в Америку, золотые часы нельзя было вывозить, она оставила свои часы у меня на хранение, чтобы при первом удобном случае я их с кем-нибудь передала.

Однажды Цилька позвонила мне из Америки и сообщила, что на днях ее родственники приедут ко мне за часами. Мне срочно нужно было поехать к дочке в Одессу (ее должны были оперировать). Часы я положила на видном месте, чтобы мой муж не должен был их искать. Когда я

* Окончание. Начало в кн. 25.

уехала в Одессу, то мой муж, чтобы отвлечь себя от грустных мыслей, попросил соседа по даче в Загорске помочь ему в мелком ремонте квартиры. Они хорошо поработали, поужинали, решили отдохнуть...

В 12 часов ночи мой муж, проснувшись, обнаружил, что соседа уже нет, двери настежь открыты. Он сразу подошел к серванту и увидел, что сосед забрал часы, вино, серебряные ложки и кое-что еще. Все было бы не так обидно, но часы...

Леня сразу же позвонил к соседу домой, но его дома не было. Лишь под утро тот вернулся домой сильно пьяный, продав все это за копейки. Его мама, очень приличная женщина, тяжело пережила поступок сына, и на следующей день пришла к нам и принесла моему мужу в носовом платочке самое ценное, что у нее было: золотой крестик, кольцо, серьги — эти вещи ей были дороги как память о ее матери.

Когда я вернулась из Одессы, и Леня мне все рассказал, то я сразу поехала к матери соседа и все ей вернула. Потом я Цильке написала письмо, в котором подробно рассказала о случившемся. Незамедлительно от нее пришел ответ, дословно: "Моя дорогая Фаиночка, не переживай, эти часы сейчас ничего не стоят, забудь об этом, пожалуйста". Это письмо, конечно, меня успокоило.

У моего мужа Лени была двоюродная сестра Нюра, очень одинокая. Кроме нас у нее не было близких людей. Когда Нюра была в преклонном возрасте, она мне подарила золотую цепочку и золотые часы. Они у меня хранились как память о ней. Некоторое время спустя вновь пришло письмо из Америки от Цилии, в котором она как ни в чем не бывало просит меня передать через знакомых ее золотые часы. Я передала ей часы, только это не часы, подаренные ей мужем, а часы, которые мне подарила двоюродная сестра Нюра.

Вот так я дважды вошла в одну и ту же реку. Кстати, по этой причине (сейчас я уже могу об этом сказать), я не была у Цилии на свадьбе, на именинах, старалась лишний раз к ним не приходить, хотя вся их семья не пропускала ни одного торжества в нашем доме.

Переписываться с Цилей я перестала, так как вообще не люблю оправдываться, тем более, когда тебе не верят. Много раз я мысленно писала Цильке письма, разговаривала с ней, но меня останавливало то, что она пожилой нездоровый человек и будет переживать. А сейчас написала об этом — и стало легче на душе.

История Юлиса Шульца

Наш колхоз был еврейский, хотя в нем жили несколько русских семей и четыре немецких. Все мы жили дружно. У нас никогда не было национальной вражды. В 1937 году Юлис Шульц, прекрасный немецкий парень, женился на замечательной еврейской девушке — Кларе Койфман, и у них родились два сына.

Когда началась война, немцы убили Клару. Юлис со своей мамой остались в колхозе, а детей он отвез к своему двоюродному брату — Адольфу Шульцу. Полицаям, очевидно, мало, что убили мать этих детей, они рассказали немцам о том, где находятся Юлиса дети. Фашисты заставили Юлиса привезти в колхоз своих детей.

У нас в колхозе была большая канава, в которой поили скот. Юлиса мать привела своих внуков, а Юлиса заставили живыми закопать своих детей в этой канаве.

Немцы позвали людей из соседних сел, чтобы показать, как они расправляются с евреями. Дети в канаве сильно плакали, звали отца, а он продолжал засыпать их и приговаривал: "Сейчас я к вам приду". Земля шевелилась минут 20, потом все стихло.

Прошло время, Юлис уехал в Германию, женился, у него родился сын. В 1975 году Юлис со своим сыном приехал в колхоз и посетил это страшное место. Я тогда уже жила со своей семьей в Одессе, и моя соседка по колхозу написала мне подробное письмо.

Она писала о том, как Юлис бросился на это место, где были зарыты его дети. Он рыдал, целовал землю и просил прощения у своих маленьких детей. Его сын тоже сильно плакал, он также просил прощения у своих братьев за весь немецкий народ.

Юлиса подняли с земли, соседка предложила ему зайти к ней на чай, но Юлис никому не мог смотреть в глаза. Он взял своего сына и с опущенной головой ушел на станцию, ни с кем не простившись.

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Восторги смеха и тоски" 270

"Восторги смеха и тоски"

В который раз пропоем песню "безумству храбрых". Начать издавать интеллектуальный иллюстрированный еженедельник "Театр и кино" в ноябре 1915 года, в минуту разрухи и войны — затея, на первый взгляд, странная. Но автором ее был талантливый журналист и критик Лев Маркович Камышников (редактор-издатель), на счету которого до и после этого числится участие в первоклассных журналах и газетах Одессы и Петербурга.

Убеждение, что театр необходим даже в самое трудное время, желание извлекать из этого искусства самое значимое и "направлять зрителя по пути красоты и правды" позволило ему на протяжении нескольких лет (1915-1917, 1919) стремиться вести зрителя "к театру-творцу, театру духа, а не нервов, взбудораженных и требующих, как брома, зрительных и чувственных ощущений".

"Театр и кино" действительно стал первым изданием в Одессе, заговорившим о серьезных и насущных проблемах театра и начинающем разворачиваться кинематографе.

Хорошо зная столичную художественную жизнь, Лев Камышников считал, что Одесса имеет право на самостоятельное активное творчество. На страницах журнала кроме "театральных фельетонов" самого редактора подробно и профессионально отражалась жизнь многочисленных театров Одессы и кинематографа, регулярно давалась столичная хроника, оперативно печатались рецензии на спектакли, причем в них давались емкие трезвые оценки работы артистов местных и гастролеров, много фотографий драматургов, антрепренеров, режиссеров, исполнителей. Изюминкой, а точнее, просто пиром для гурманов, можно считать идею Камышникова привлечь к работе в журнале известных художников. Здесь масса рисунков и карикатур Мих. Линского, И. Мексина, встречаются работы Б. Антоновского, МАДа, эскизы декораций популярного художника Городского театра А. Дмитриева и др. Отдельная благодарность ему за дружбу с художником Сандро Фазини, который с большим мастерством делал зарисовки актеров в ролях, и они даже лучше фотографий доносят до нас атмосферу театра того времени. Например, любимым объектом карикатур был популярный фарсовый актер М. Чернов.

Камышников привлек к работе в журнале молодых поэтов, и на страницах "Теат-

ра и кино" стали довольно часто появляться опусы Бориса Бобовича, Александра Кранцфельда, мелькнул Валентин Катаев и др. Особенным энтузиазмом отличался Петр Сторицын. Увлеченный поэзией и меценатством (очень может быть, что он делал какие-то денежные вложения в журнал, как раньше в известные одесские литературные альманахи). Во всяком случае, его поэзо-рецензии, стихи к бенефисам и литературным датам очень часто печатались в "Театре и кино", хотя, честно признаться, особую одаренность они, увы, не отражали.

Журнал невольно изображал истинное лицо современного ему театра. Камышников искренне сокрушался, что театральное искусство теперь "не школа, не кафедра, а лишь средство развлечения. Остальное не интересует, не волнует, даже отталкивает". Он тщательно призывал среди этой вакханалии сохранить ядро театра. Куда там!

Правда, после февральской революции ненадолго появилась иллюзия свободы. Вы прочтете очень показательные стихи Изы Кремер. Людям казалось: "Оковы сняты! Какая будущность!".

Увы, журнал перестал выходить в апреле 1917 г. После перерыва, в январе 1919 года Камышников сделал попытку возобновить издание, но все было уже другим. Не спасли и рисунки из старых запасов...

В горьком редакторском "Театральном фельетоне" он напишет: "Очевидно, воздух Совдепии такой, что в нем дышать свободной и творческой душой невозможно... Однако, и здесь, где нет ни "Чрезвычайки", ни социализирующих искусство комиссаров, актеры и авторы не находят себе покоя, не видят цели, к которой можно бы было стремиться...". Многое тогда из жизни с уродливой жестокостью отразилось и на театре. Растерянность и неизвестность впереди заставили Льва Камышникова покинуть Россию в 1919 году и уехать в Нью-Йорк. Сколько раз потом и теперь Одесса будет терять талантливых, необходимых ей людей?!

Для публикации мы, однако, выбрали забавные и лирические страницы из "Театра и кино", памятуя, что театр, все-таки, прежде всего праздник.

Татьяна ЩУРОВА

Театральный фельетонъ.

Рядовая тема театральных критиков — репертуарный голодъ.

На пьесы дороговизна и спекуляція пошла значительно раньше, нежели на прочие продукты потребления, значительно раньше начала нынѣшней войны. Дороговизна пьесъ старое, большое зло театра, съ которымъ бороться тѣмъ труднѣе, чѣмъ лучше и богаче обставленъ въ театральномъ отношеніи городъ. Правда, дороговизна пьесъ имѣетъ свое законное оправданіе. Театру хорошая пьеса даетъ хорошую прибыль. Въ маленькомъ городѣ при одномъ театрѣ авторы соответственно уменьшаютъ свои аппетиты и поэтому картина репертуарнаго голода не дѣйствуетъ на насъ такъ угнетающе. Но авторовъ, въ особенности хорошихъ, становится все меньше и погоня за ними вздула цѣны на товаръ, часто не соответствующій по качеству его рыночной стоимости. Въ этомъ отношеніи антрепренеру приходится дѣйствительно очень туго. Уплатилъ человѣкъ за пьесу много, а пьеса провалилась на перв. же спектаклѣ, что съ ней сдѣлаешь? Казалось-бы, въ такомъ вопросѣ интересъ антрепренера, его матеріальныя соображенія должны были-бы ему подсказать линію поведения. Покупать надо только такую пьесу, которую заранѣе можно безъ риска считать прибыльной. А опредѣлить это вовсе ужъ не такъ трудно. Чтобы ни толковали о счастливомъ театрѣ и счастливомъ городѣ, кромѣ этихъ, частью невѣжественныхъ, частью суевѣрныхъ разговоровъ, есть одно опредѣленное и исчерпывающее сужденіе, могущее повести антрепренера по правильному пути. Въ серьезномъ театральномъ дѣлѣ публика своя, т. е. болѣе или менѣе серьезно настроенная къ театру, болѣе или менѣе понимающая то, что происходитъ на сценѣ. Такую публику можно взять только тѣмъ, что заслуживаетъ вниманія. будить мысль и чувство, словомъ, тѣмъ, что

носить печать талантливости. И критика даже средней способности сужденія всегда болѣе или менѣе отражаетъ такіе вкусы толпы. Лучшимъ примѣромъ къ тому, о чемъ я здѣсь пишу, является успѣхъ пьесы Винниченко "Ложь", единственной пьесы, которую пресса встретила у насъ опредѣленно благожелательно. Пьеса идетъ при полныхъ сборахъ и публика чувствуетъ автора, при всѣхъ его недостаткахъ брызжущаго настоящимъ талантомъ драматурга. И тутъ я позволю себѣ высказать мысль, которая инымъ покажется парадоксомъ, но которая по существу нисколько не парадоксальна, или ошибочна. Гораздо труднѣе режиссеру отказать себѣ въ удовольствіи поставить новую пьесу, даже плохую, нежели поставить хорошо старую, забытую давно, но хорошо сдѣланную пьесу. Между тѣмъ, погоня за новинками какъ бы лишаетъ режиссуру чуткости, отнимаетъ у нея вѣрный литературный критерій.

Сколько плохихъ пьесъ выбрасывается еже-

"Женщина безъ упрека"
Гальскій — Глаголинъ
Шаржъ С. Ф.

годно на рынокъ драматургами болѣе или менѣе бездарными!

Антрепренеры считаютъ почему то священнымъ долгомъ всѣ ихъ поставить въ теченіи сезона, затрачиваясь матеріально, изнуряя труппу репетиціями и работой, а публику необходимостью созерцать и слушать любую ерунду. Не говорю уже о томъ, что театръ, ставящій все и вся, никогда не сдумаетъ хотя-бы приблизительно намѣтить контуры своего отношенія къ сценѣ. Пестрый репертуаръ также обезличиваетъ театръ, какъ пестрое платье обезличиваетъ красивую женщину.

Но результаты этого обезличенія на театрѣ отражаются значительно хуже, ибо театръ не только голое эстетическое зрѣлище, но и опредѣленный идейный факторъ. Почему то установился такой взглядъ, что ставить можно въ драматическомъ театрѣ все, что не имѣетъ въ себѣ элементовъ, чуждыхъ драмѣ, и поэтому любая благонамѣренная стряпня считается уже приемлею для театра, разъ она написана "драматургомъ". Это глубокое заблужденіе, вызванное недостаточно высокимъ культурнымъ уровнемъ руководителей театральныхъ дѣлъ въ Росіи.

Великое умѣнье не только въ томъ, чтобы хорошо поставить пьесу, а въ томъ, чтобы совсѣмъ не ставить того, чего показывать публикѣ не слѣдуетъ. Умѣть не поставить — этого не понимаютъ современные режиссеры или антрепренеры и напрасно пеняютъ они на авторовъ. Это уже ихъ собственная вина, а никакъ не тѣхъ, кто пишетъ плохія пьесы...

...Все это я говорю и повторяю къ тому, что умѣнье выбрать пьесу — большое умѣнье, столь же большое, какъ и поставить ее.

И если бы не наше тусклое для театра время, когда многое, чего нельзя простить, прощается, а то, о чемъ надо говорить, не говорится, объ этомъ, затронутомъ мною вопросѣ, надо было бы писать, писать безъ конца.

Л. Камышниковъ.

г. Ляровъ (Шамраевъ "Чайка")
Шаржъ С. Ф.

И. Г. Ильсаровъ — исполнитель кабаре-
тныхъ пѣсенокъ. Шаржъ М. Линскаго

Е. Гельцеръ и Жуковъ в балетѣ "Танецъ
ковбоевъ" Шаржъ С. Ф.

Дружескія характеристики.

I. Одесскіе поэты.

Начну цикл своих характеристик съ Петра Сторицына, поэта, про которого одинъ изъ его соратниковъ. Георгій Цагарели, выразился такими глубоко-правильными и характерными строками:

Какъ мѣсяцъ лысый, грузный тѣломъ,
Онъ острыхъ сплетень любить зодчества,
Поэтъ-чудакъ въ костюмѣ бѣломъ,
Чей вѣчный спутникъ одиночество...

Когда то былъ убѣжденнымъ толстовцемъ. Теперь футуристъ. Отъ смятеннаго богоискательства пришелъ къ тихому лону своихъ нѣжныхъ, немного вычурныхъ стиховъ... Любить искусство, еще больше ея служителей... Въ бесѣдѣ съ другими говорить больше другихъ... Въ противномъ случаѣ нервничаетъ, волнуется, заплываеетъ...

Таковъ Петр Сторицынъ.

Анатолій Фіолетовъ, хотя и объявилъ себя предвѣстникомъ солнечныхъ разсвѣтовъ, однако это не воплотило точно. Никакихъ разсвѣтовъ его поэзія не предвѣщаетъ, но все же есть въ ней что то чарующее и улыбочное. Читаетъ онъ свои стихи, покачиваясь, подобно маятнику, со стороны въ сторону на 90° и на распѣвъ.

Въ Одессѣ, среди посвященныхъ, возлагаютъ надежды на Эд. Багрицкаго.

Чувствуя нѣкоторое духовное тяготѣніе къ Артуру Рембо, Виньону, Эредіа, Бодлеру и друг. титанамъ, этотъ поэтъ допускаетъ и любить утверждать обратное: "великіе покойники, моль, не лишены кое-чего отъ меня идущаго..."

Читаетъ свои произведенія вычурно, громко, захлебываясь отъ меда образовъ и метафоръ, размахивая руками съ ногтями, на которыхъ вѣчный трауръ по "великимъ покойникамъ".

Исидоръ Бобовичъ. Вотъ поэтъ, совершенно напрасно выступившій на свой почетный путь. Дѣло въ томъ, что своей творческой деятельностью онъ заслонилъ другого поэта (см. ниже подпись), надъ счастьемъ и славой котораго можно поставить крестъ...

Увы, ничто не вѣчно подъ луной!

Если вы встрѣтите на улицѣ юношу съ утонченно-краснымъ лицомъ и съ темно-зелеными глазами, знайте — это Ал. Соколовскій. Разница между нимъ и Пушкинымъ въ томъ, что перваго зовутъ Александръ Сауловичъ, а втораго Александръ Сергѣевичъ. Ну развѣ это такъ ужъ важно?

А. Кранцфельдъ можетъ гордиться своей дружбой съ Оск. Уайльдомъ. "Эхъ, было времячко, когда подходилъ я къ Уайльду и говорилъ ему: ты Оскаръ, не обижайся, но Маруська тебя разлюбила"... Такъ говоритъ г. Кранцфельдъ, подымаетъ голову и дѣлаетъ интересное лицо...

Много нѣжности и затаенной грусти теплится въ сердцѣ Семена Кесельмана. Ликъ его дышетъ нездѣшной чистотой, и непорочныя девушки въ свѣтлыхъ одеждахъ вѣчаютъ чело нѣжнѣйшаго и лиричнѣйшаго изъ одесситовъ вѣнкомъ изъ благоуханныхъ розъ...

Какъ счастливъ онъ! Ни ужасъ порока, ни смятеніе и сжигающая сила страсти не способны нарушать дѣвственность его души... Его стихи, за исключеніемъ цензурныхъ (остается лишь поражаться чистотѣ поэта!), блестящи по своей формѣ и глубоко цѣломудрены по содержанію...

Таковы въ общихъ чертахъ характерныя признаки наиболѣе видныхъ представителей одесской поэтической богемы...

Борисъ Бобовичъ.

У окна.

Wers libre.

Мелкій дождикъ плачетъ по стекламъ.
Сѣрый день на вечеръ похожъ.
По садамъ, помятымъ и блеклымъ,
Пробѣгаетъ сырая дрожь.

Я одинъ въ опустѣвшемъ домѣ,
Позабитый. Чужой для всѣхъ.
Острый вѣтеръ упорно ломить,
Искривленный стекломъ орѣхъ;

Подъ орѣхомъ — цвѣтникъ измятый.
Въ цвѣтникѣ — огни георгинъ.
Я тоскую, всѣмъ проклятый,
Въ опустѣвшемъ домѣ одинъ.

Ты сказала вчера — "не знаю".
И подумала — "не люблю".
Я стою у окна. Повторяю:
— Я не знаю... знаю... люблю...

Я не знаю... Четь или нечеть?
Я не знаю, можетъ быть, четь.
Мелкій дождикъ стекаярусь мечеть
И вѣтеръ въ трубѣ поеть.

И гнутся вѣтви орѣха,
И листь за листомъ летитъ.
— Четь или нечеть? — Застрѣха
Дождевымъ серебромъ блеститъ.

Валентинъ Катаевъ.

Акварели.

1. Сигизмундъ Олесевицъ.

Движенія изломно-угловаты,
И женственны малиновыя губки.
И дымъ отъ кѣпистена изъ закопченной трубки —
Васъ одѣвають въ клочья сѣрой ваты.

Упадочны, причудливы и гладки
Но мнѣ понятны Ваши акварели,
— Дворцы, какихъ не выстроитъ Растрелли
И розовая грива у лошадики.

Въ нашему театру незнакомки
Накинете влюбленно и учтиво
Одежду изъ шелковъ и Ваши примитивы
И красокъ дымъ волнующий и тонкій.

Мы разыграемъ съ куклами изъ ваты
Серебряныхъ сѣдыхъ венецианцевъ.
И среди масокъ, золота и танцевъ
Откроемъ балаганчикъ угловатый.

2. Сандро Фазини.

Какъ свято чтить Андіомену
Душою, кистью и перомъ
Фазини ультра-современный
Въ искусствѣ красочно-своемъ.

Какъ онъ стущаетъ страсть въ альковѣ
Своихъ упитанныхъ Жаннетъ,
Одѣтыхъ въ платья цвѣта крови,
Простыхъ, какъ Дантовскій сонетъ.

Кричащей киноварью сдѣланъ
Глубокой фондъ его картинъ,
Гдѣ женщинъ розовое тѣло
Цвѣтетъ на зелени куртинъ.

Кто, какъ не онъ изъ четкихъ формулъ
Математическихъ задачъ
Рождаетъ смѣхъ, подобный шторму
И дробно скачущій, какъ мячъ.

Онъ любить хрусткій бѣгъ экрана
Въ порту заброшенный притонъ
И губы яркія, какъ рана
Доступныхъ женщинъ любить онъ...

Александръ Кранцфельдъ.

Иза Кремеръ.

Вмѣсто отвѣта на анкету.

Позабывъ невзгоды и тоску,
Вдругъ изъ рабства вырвавшись суроваго
Мы, взлелѣявъ смелую мечту,
Дождались прекраснаго и новаго!
Это новое, желанное пришло
Словно дождь весенній воскрешающій,
Это новое съ собою принесло
Яркій свѣтъ, все обновляющій...
Это новое, какъ лучезарный сонъ
Рѣть въ воздухъ, вдыхается,
Это новое, какъ гулкій мѣдный звонъ
Радостной волною разливается!
Кто, забывъ опасность, дерзко мнитъ
Вдругъ остановить потокъ бушующій?
Кто веселымъ птишкамъ запретить
Пѣть весною гимнъ ликующій?
Кто, невѣжествомъ и мракомъ ослѣпленъ,
Силится унять волну мятежную?
Кто, забывъ инерціи законъ,
Смѣетъ удержать лавину снѣжную?!

Иза Кремеръ.

Изъ Яковлевнѣ Кремеръ.

Она была, какъ музѣ каприччіо...
"Madame Loulou".

Она — поэтъ съ душой артистки,
Хлопки, восторги и цвѣты.
Кричать ей — "Дуся" гимназистки
Изъ верхнихъ ложъ до хрипоты.

Она прелестна: крошка Тилли,
Цыганка Шари и Жермень.
Принцъ Максъ! Меня Вы обольстили,
Околдовали, взяли въ плѣнъ...

Miss Джень! Я Васъ люблю и плачу.
Молю: скажите мнѣ — О, yes!
Я Вами весь до дна захваченъ,
Вашъ грумъ, повѣса и балбесъ.

Ma petite Loulou! Пусть онъ уѣхалъ,
Мансарда есть и у меня.

Я жду любви, проказы и смѣха,
Улыбокъ солнца и огня.

Въ Литературкѣ на бильярдѣ
Скорѣй гоните въ лузу шаръ,
Чтобъ у меня въ моей мансардѣ
Рискнуть на гоце и на пог.

Васъ ждутъ рулетка и фіалки.
(Фіалки, кажется, вашъ вкусъ?).
И я, поэтъ, худой и жалкій,
Волнуясь, жду васъ, не дожусь.

Въ своей семьѣ я "деръ мизиникъ!",
Для васъ я самый вѣрный пажъ.
И счастливъ я, какъ именинникъ,
Цѣлуя каждый пальчикъ Вашъ...

Я слышу голосъ вашъ такъ близко...
Хочу кричать до хрипоты:
Она — поэтъ, она — артистка,
Ей поклоненье и цвѣты.

Ал. Кранцфельдъ.

Ночное кафѣ. Рис. И. Мексина

Эго-поздравленіе.

Судьбой веселаго каприза
Сошлись въ "Театръ и Кино"
Юшкевичъ, Юнгъ и Кремеръ Иза —
Въ своихъ портретахъ — заодно.
Какая дивная плеяда!
Какъ ими красенъ Вашъ журналъ!
Хоть, правда, мнѣ сказать Вамъ надо,
Что мой портретъ недоставалъ!
Но все же Васъ я поздравляю —
Давая искренній совѣтъ:
Не позабыть, что всѣ желаютъ
Зрѣть офутуренный портретъ...

Петръ Сторицынъ.

"Жаннета съ голубой собачкой"
Рис. А. Фазини

И. Бунинь

Акростиhi одесск. поэтaмъ.

IX.

Эдуарду Багрицкому.

Эллады вѣрный ученикъ,
Давно познавшій тишь элегій,
Узнай, в просторахъ страстной нѣги
Алмазный день дрожа возникъ.
Рыдай и жди! Уже вдали
Дрожащій ликъ встаетъ въ туманѣ

Бодлеръ и ты Рембо! Съ земли
Алмазами нѣмыхъ желаній,
Горя въ наплывѣ обаяній,
Рядясь въ серебряный нарядъ,
Идя въ небесные просторы
Цвѣтныя радуги горять.
Кади слѣпецъ! Гляди смиреннѣй,
Юльскимъ сумракомъ объять,
Ищи просторъ иныхъ забвеній.

Петръ Сторицынъ.

"Желтая опасность". О.И. Инберъ,
членъ правленія Лит.-Арт.клуба

VIII.

Семену Кесельману.

Смѣясь, дарю Вамъ стихъ случайный,
Единственный, познавшій страсть,
Маня, Васъ возбѣждала тайна
Елея пламенная власть.
Немного сторбленный, и страненъ
Курчавый вьющійся проборъ,
Единственный... Вашъ духъ туманенъ
Сіяетъ лестью тихій взоръ.
Еще тоскующій и темный,
Лѣя музыку прозрачныхъ строкъ,
Мнитъ онъ узреть въ дали огромной
Алмазной радости чертогъ.
Но дремлетъ ночь. И дремлетъ Богъ.

Фарсъ "Пушок" — М.И. Черновъ

Тетка Чарлей — М.И. Черновъ

Леонъ Левъ — г. Черновъ

Лѣтній "Фарсъ"

Бенефисъ М. Чернова.

Бенефициантъ пользуется популярностью,
какъ насадитель фарса.

Въ этой области М. Черновъ чувствуетъ себя
дѣйствительно свободно и легко.

Для бенефиса выбраны были двѣ пьески.

Въ первой "Игра съ болваномъ" — у бене-
фицианта небольшая роль, вниманіе публики привле-
каетъ В. Вронскій, талантливый комедійный актеръ.

Вопросительный знакъ — фарсъ
М. Черновъ

Себя показать удалось М. Чернову только во
второй пьескѣ "Тетка Чарлей".

Здѣсь большой просторъ для сценическаго
дарованія артиста, который уморителенъ въ жен-
ской роли "Тетки Чарлей".

Пуликъ все это очень нравится и она продол-
жительными аплодисментами поощряла артиста.

Пьесы были хорошо срепетованы.

Бенефицианта много вызывали.

Была масса подношеній.

Л. Тригоринъ.

М.И. Черновъ — герцогъ
Фарсъ "Тубернская Клеопатра"

АХ, ОДЕССА

Сергей ПОЛИЩУК
Индей 281

Владимир БОНДАРЕНКО
Хобби китайца 285

Виктор РУБАНОВИЧ
Лох-Несси по-одесски 287

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 301

Сергей ПОЛИЩУК

Индей Полубыль

Десять лет назад была опубликована эта история. Но за это время она уже ушла в фольклор, стала народным преданием...

Мирон Рафаилович Поперечный был веселый человек, а в молодые годы свои и несколько легкомысленный. Когда-то, лет сорок назад, получая свой первый паспорт, он на вопрос о национальности, заданный ему миловидной сотрудницей паспортного стола, сказал "иудей". Хотел, как видно, обратить на себя внимание этой девушки с модной в те времена шестимесячной завивкой. А девушка и записала побуквенно, да и еще так накарябала немыслимым своим почерком, что вообще получилось "индей".

Вот с такой странной записью в паспорте и прожил более половины своей жизни в родном городе Одессе Мирон Рафаилович. Миловидную милиционершу он на протяжении этого времени не раз вспоминал добрым словом. В иные годы придет устраиваться куда-нибудь на работу, на него только взглянут, только раскроют рот, чтобы произнести, что свободных мест нет, а он им уже: "Индей!" — "Как, как, — спросит обалдевшая кадровичка, — есть разве такая национальность?". А он уже и паспорт показывает. "Выходит, есть, раз тут написано". "Да вы присаживайтесь! — предлагает кадровичка, — так сразу бы и сказали, — говорит, — что вы — фронтовик и рабочий высокой квалификации..."

Но вот подросли у Мирона Рафаиловича дети, внуки, решили, что пришло время ехать. А дети, внуки — народ настырный, ехидный, внуки особенно. "Ехать, — говорят, — необходимо, только куда же мы тебя, "индея", с собой возьмем? В резервацию, в леса Амазонки — так туда нам не надо, а куда надо, там не нужны "индей"...

— Да еврей я, самый обыкновенный еврей! — настаивает Мирон Рафаилович, — это все та дура с завивкой наделала!

— Откуда тебе, — говорят, — известно, что там, в мире сплошного загнивания, одни умные проживают?

Побежал тогда перво-наперво Мирон Рафаилович, конечно, в милицию: вы, мол, напутали, вы и исправляйте! А в милиции теперь люди вежливые. Соглашаются, сочувствуют. "С кадрами, знаете, у нас, товарищ, трудности были. Только, простите, откуда у вас такая уверенность, — го-

воят, — что та наша сотрудница сорок один год назад ошиблась? А может, вы и есть самый настоящий индей, только пока этого не знаете?.."

Обратился Мирон Рафаилович и в другие государственные учреждения, поважнее милицеских, самым важным руководителям свое критическое положение объясняет, паспорт им показывает. Паспорт и Большую Советскую Энциклопедию на букву "И": там видно, что никаких "индеев" вообще не существует. А самые важные руководители — они ведь и самые образованные у нас люди, все — доктора, кандидаты — на энциклопедию смотрят уважительно, но потом раскрывают паспорт.

— В энциклопедии не существует, — говорят, — а в паспорте существует! А что такое энциклопедия, между прочим? Литература, мечта. Что важнее, — спрашивают, — мечта или документ с гербовыми печатями?..

И вообще, почему, мол, вы, товарищ Поперечный, так сильно против индейской национальности выступаете? Нехорошо это как-то, не по-нашему. Вам разве не известно, что в нашей стране граждане всех национальностей... И так далее и тому подобное...

Побежал несчастный Мирон Рафаилович и к знакомому судье, сам лет двадцать подряд был у него заседателем: заседал, кемарил понемногу, помогая ему тем самым выносить правосудные приговоры и решения. Судья объясняет:

— Факт вашего неиндейства, уважаемый Мирон Рафаилович, это еще туда-сюда, это, может быть, установить и удастся, тем более что родились вы не в Луизиане, дальше Лузановки никуда не выезжали, на крокодилов и львов в Дюковском парке не охотились (судья был шутник). Опять же и скальпов, — говорит, — ни с кого не снимали, нет у нас таких данных.

— Но вот, — продолжает он уже серьезно, — что касается вашего еврейского происхождения... Документов, как я понимаю, у вас на этот счет нет, архивы не сохранились, а свидетельские показания в таких делах... Да и евреем теперь каждому, знаете, быть охота, время такое...

Вот! Вот такие ответы, когда шутливые, а когда и вполне серьезные, слышит несчастный Мирон Рафаилович от всех, к кому только ни обратится. Проклял он уже давно в душе хорошенькую паспортистку, проклял себя. А когда после целого дня беготни по учреждениям он возвращается домой, то и весь мир готов проклясть — такое ему его домашние устраивают, особенно младшая его внучка, Юля, любимица его. И сама ведь тоже любит деда...

— Бросим, — говорит, — мы тебя, дед, как одинокого вожда. Хотя, конечно, будем поддерживать, посылки слать. С "маисом", так индейская

пшонка называется, с "пеммиканом" — сушеным мясом. Ну и, конечно, бусы тебе там всякие пришлем, набедренные повязки, чтобы имел в чем выйти на первомайскую демонстрацию.

Нашелся тут один умный человек, адвокат знакомый.

— Не морочили бы вы голову, Мирон Рафаилович, ни себе ни людям, — говорит, выслушав его, — а достали бы обыкновенную паспортную тушь да что надо сами б и дописали. Чтобы получилось: "индейский еврей". И всех тут делов! Там, куда вы собрались, — говорят, — всякие евреи годятся. Даже тьмутараканские. Вот и допишите эти несколько букв и уезжайте себе на здоровье!

Обрадовался Мирон Рафаилович первому дельному совету. Так обрадовался, что прощаясь с адвокатом, едва не обнял его прямо на глазах у его коллег в консультации, хотел даже червонец на столе оставить, но потом одумался. А вдруг тоже шутит? Ему-то хорошо шутить, думает, за те десять минут, что с Мироном Рафаиловичем разговаривал, успел между делом два анекдота рассказать коллегам, с любовницей о встрече по телефону договориться, да еще у зашедшего ханыги купить "дворники" для "Жигуля", явно ворованные. А Мирону Рафаиловичу разве до шуток? Да и позволил бы он себе когда-нибудь, чтобы в его паспорте?.. Он — человек советский, человек бумагопослушный, для него паспорт святыня.

Живут теперь, как мне рассказывали, все родственники Милона Рафаиловича почти уже год за границей, а он все еще здесь по учреждениям бегает, то ли действительно надеется изменить в паспорте запись, но официально, а не так, как советовал бездельник адвокат, то ли запись — это предлог, просто не хочется старику навсегда расставаться с городом, где он родился и вырос, где прошла вся жизнь с ее радостями, надеждами и тревогами, с могилой жены на старом еврейском кладбище.

Ждет Мирон Рафаилович постоянно писем от родных. Родным, как видно, тоже не слишком весело, хотя они и стараются не подавать виду. "В следующий раз, дедушка, — пишет Юля, — вышлем тебе головной убор из орлиных перьев и томагавк. Томагавк — это такой топор, им можно мясо рубить, если оно есть, а самого мяса пока, к сожалению, выслать не можем. Его здесь во всех магазинах навалом, но цены такие... Очереди только за пособием по безработице и за рабочим местом. Доктора математики, как мой папа, чтобы получить место программиста, стоят по семь-восемь месяцев, но можно и еще меньше, если согласен убирать мусор или подмывать умирающих от СПИДа больных в госпитале. А вообще, все здесь хорошо. Крепись, дед!"

А он и крепится — что же ему еще остается? Крепится — и плачет... И опять крепится...

А недавно идет он утром по родной улице Новорыбной и думает. Вот, мол, жил человек, трудился, воевал, опять трудился-вкалывал, а с чем к концу жизни подошел, что нажил! Одно, кажется, доброе имя у него. Мирона Рафаиловича, и осталось. А что оно стоит, доброе имя; что вообще когда-либо стоило?.. Вот так он идет, а навстречу ему с авоськой в руках да с молочной бутылкой в ней та самая бывшая милиционерша приближается... Узнал! (Полубыль это ведь и полусказка.)

Сорок лет не виделись, да и изменилась она за сорок лет не в лучшую сторону, а узнал сразу. Остановился, о своих бедах рассказал:

— Загубили вы мне всю мою жизнь, уважаемая гражданка, бывший младший лейтенант милиции, товарищ Нетудыхатка, если не ошибаюсь?..

Она улыбается.

— И у меня тоже не слишком... Муж был милиционер, пил. Потом, слава Богу, хоть от меня ушел, живет теперь где-то на Севере, а дети поразбежались кто куда... А ваша фамилия, говорите, Широценный? Не помню... А зашли бы вы когда-нибудь чаю ко мне попить по-соседски, посидели бы. Я ведь вот в этом доме теперь живу, вторая парадная. И квартира тоже на втором этаже. Хорошая! Звонить семь раз, только лучше — стучать, звонок не работает...

Вот так поговорили и разошлись. Она — в молочный магазин (авось там сегодня молоко будет?), он — в очередное учреждение по вопросу о своем лжеиндействе. И опять горькую думает думу, любимицу свою вспоминает, Юльку... Всех-всех их вспоминает, родных своих негодяев, бросивших его, старика, да почти о нем и позабывших...

А еще рассказывали мне несколько дней спустя, заработал в квартире у знакомой Мирона Рафаиловича старенький электрический звонок, чуть ли не довоенный, захрипел на весь коммунальный коридор. (Соседи считали: "Раз... два... три, четыре... Нашла-таки себе старая хулиганка приличного человека!".) А после заработала у нее и электрокофемолка, и даже мясорубка электрическая, не действовавшая уже лет двадцать...

А что, он ведь, МIRON Рафаилович, никогда и не скрывал, что он рабочий высокой квалификации, электрик. Как говорят, специалист с большой буквы, хоть и индей по национальности...

Хобби китайца

Китаец шел. Шел, как хозяин, зная куда и зачем. Лесные птицы не обращали на него внимания, занятые своими брачными церемониями. Китаец остановился, послушал их трели и зашел в деревушку Лесная Блажь. Зашел не спеша, не таясь и не прячась.

Усатый милиционер, встретив его, затараторил заученно:

— Ваши документы-фамилия-имя!

Китаец из приветливых: улыбается, кланяется, протягивает на обеих ладошках паспорт и чеканит слова:

— У Кушу.

— За что?! — встрепенулся милиционер, вынимая изо рта сигару и пуская дым колечками.

— Я — У Кушу, — тычет себя У в плоскую грудь.

— Понял. А кого? — и, машинально отбросив окуроч, блюститель порядка погрозил на всякий случай пальцем.

— Я не сабирайся никакo укусаТЬ, меня так звать будто я укушу, — разъяснил У и зачем-то снял шляпу из рисовой соломки.

— А-а-а! — радостно воскликнул милиционер и с добрыми напутствиями отпустил его на все четыре стороны. Строгий, как видим, мент, но справедливый.

Вскоре после этого инцидента китаец открыл салон по замене сломанных спичек на новые. Удобство для жителей лесной деревушки неоспоримо. Был ведь случай: к одинокой Дарье Егоровне заглянул гость (кавалер). Зардевшись, хозяйка поставила на плиту вчерашний борщ и чиркнула спичкой, а та вдруг сломалась, окаянная. Дарья Егоровна бегом к У, поменяла, уплатила, по дороге хлеб и соль купила — и уже на пороге. Кавалер только и успел рот открыть, потом закрыть.

Салон китайца снял чистотой и уютом, сравнимым разве что с аптечным. Встречал клиентов У с широкой улыбкой, едва умещавшейся на его восточном лице. У всегда появлялся в ярком цветастом халате, рядом на столе возвышались стопки целлофановых пакетов с иероглифами спички. У совал принесенную клиентом спичку в пустой пакет и возвращал вместе с упакованной годной.

Символика вечности всем понятна: прошлое (сломанная спичка), настоящее (годная) и будущее, затаившееся в головке спички.

Плата умеренная — и к нему повалил народ из окрестных сел. При-

А он и крепится — что же ему еще остается? Крепится — и плачет... И опять крепится...

А недавно идет он утром по родной улице Новорыбной и думает. Вот, мол, жил человек, трудился, воевал, опять трудился-вкалывал, а с чем к концу жизни подошел, что нажил! Одно, кажется, доброе имя у него. Мирона Рафаиловича, и осталось. А что оно стоит, доброе имя; что вообще когда-либо стоило?.. Вот так он идет, а навстречу ему с авоськой в руках да с молочной бутылкой в ней та самая бывшая милиционерша приближается... Узнал! (Полубыль это ведь и полусказка.)

Сорок лет не виделись, да и изменилась она за сорок лет не в лучшую сторону, а узнал сразу. Остановился, о своих бедах рассказал:

— Загубили вы мне всю мою жизнь, уважаемая гражданка, бывший младший лейтенант милиции, товарищ Нетудыхатка, если не ошибаюсь?..

Она улыбается.

— И у меня тоже не слишком... Муж был милиционер, пил. Потом, слава Богу, хоть от меня ушел, живет теперь где-то на Севере, а дети поразбежались кто куда... А ваша фамилия, говорите, Широ́ченный? Не помню... А зашли бы вы когда-нибудь чаю ко мне попить по-соседски, посидели бы. Я ведь вот в этом доме теперь живу, вторая парадная. И квартира тоже на втором этаже. Хорошая! Звонить семь раз, только лучше — стучать, звонок не работает...

Вот так поговорили и разошлись. Она — в молочный магазин (авось там сегодня молоко будет?), он — в очередное учреждение по вопросу о своем лжеиндействе. И опять горькую думает думу, любимицу свою вспоминает, Юльку... Всех-всех их вспоминает, родных своих негодяев, бросивших его, старика, да почти о нем и позабывших...

А еще рассказывали мне несколько дней спустя, заработал в квартире у знакомой Мирона Рафаиловича старенький электрический звонок, чуть ли не довоенный, захрипел на весь коммунальный коридор. (Соседи считали: "Раз... два... три, четыре... Нашла-таки себе старая хулиганка приличного человека!".) А после заработала у нее и электрокофемолка, и даже мясорубка электрическая, не действовавшая уже лет двадцать...

А что, он ведь, Мирон Рафаилович, никогда и не скрывал, что он рабочий высокой квалификации, электрик. Как говорят, специалист с большой буквы, хоть и индей по национальности...

Хобби китайца

Китаец шел. Шел, как хозяин, зная куда и зачем. Лесные птицы не обращали на него внимания, занятые своими брачными церемониями. Китаец остановился, послушал их трели и зашел в деревушку Лесная Блажь. Зашел не спеша, не таясь и не прячась.

Усатый милиционер, встретив его, затараторил заученно:

— Ваши документы-фамилия-имя!

Китаец из приветливых: улыбается, кланяется, протягивает на обеих ладошках паспорт и чеканит слова:

— У Кушу.

— За что?! — встрепенулся милиционер, вынимая изо рта сигару и пуская дым колечками.

— Я — У Кушу, — тычет себя У в плоскую грудь.

— Понял. А кого? — и, машинально отбросив окурок, блюстителю порядка погрозил на всякий случай пальцем.

— Я не сабирайся никакo укуса́ть, меня так звать будто я укушу, — разъяснил У и зачем-то снял шляпу из рисовой соломки.

— А-а-а! — радостно воскликнул милиционер и с добрыми напутствиями отпустил его на все четыре стороны. Строгий, как видим, мент, но справедливый.

Вскоре после этого инцидента китаец открыл салон по замене сломанных спичек на новые. Удобство для жителей лесной деревушки неоспоримо. Был ведь случай: к одинокой Дарье Егоровне заглянул гость (кавалер). Зардевшись, хозяйка поставила на плиту вчерашний борщ и чиркнула спичкой, а та вдруг сломалась, окаянная. Дарья Егоровна бегом к У, поменяла, уплатила, по дороге хлеб и соль купила — и уже на пороге. Кавалер только и успел рот открыть, потом закрыть.

Салон китайца снял чистотой и уютом, сравнимым разве что с аптечным. Встречал клиентов У с широкой улыбкой, едва умещавшейся на его восточном лице. У всегда появлялся в ярком цветастом халате, рядом на столе возвышались стопки целлофановых пакетов с иероглифами спички. У совал принесенную клиентом спичку в пустой пакет и возвращал вместе с упакованной годной.

Символика вечности всем понятна: прошлое (сломанная спичка), настоящее (годная) и будущее, затаившееся в головке спички.

Плата умеренная — и к нему повалил народ из окрестных сел. При-

носили спички, сломанные в двух, реже в трех местах, разрезанные на несколько равных и неравных частей, надкушенные и в серых едва заметных пятнах.

Довелось китайцу пройти и сквозь горнило испытаний. Некто у него на глазах сжал в кулаке спичку — и спичка хрустнула, но ни один мускул не дрогнул на восточном лице У. Заезжий белобрысый паренек размочалил чем-то спичку и давай биться об заклад со всеми, что китаец ее не заменит. Нет, заменил, причем охотно.

Популярность У росла, и коллекционирование спичек стремительно превратилось в модное хобби. С шиком приезжали из столиц и городов на запыленных "мерседесах" поменять пару-тройку коробков.

Заходили к У и просто так, поболтать за чашкой чая. Зашел с ружьем и охотник с обуревающим его сомнением: настоящий ли У китаец? Но китаец мудро хранил молчание.

А спустя пару дней он собрался, взял с собой дворняжку Жучку и ушел. Ушел навсегда. У него было свое хобби: он любил странствовать.

Лох-Несси по-одесски Пародии

Дума про Опанесса и других (Эдуард Багрицкий)

1

По-над склоном ржой-железом
Вереск вьется горный.
Ой, плывет плезавр с обрезом
Дорогой озерной.
Опанессе, не дай маху,
Не сверни с дороги —
Видишь черную папаху
На кривой миноге?
Пряником через Одессу
Ты спешил из Балты,
Топал к вольному Лох-Нессу,
А к Макне попал ты.
Здесь не надобно резонов,
Чтоб под видом красных
Ставить к стенке форельзонов
И сомштейнов разных.
У Макна по самы лапы
Волосня густая:
— Ты откуда, хлопче, драпал,
Из какого края?
Отвечай мне, да без спеси,
А подумав малость, —
Сколько в море и в Одессе
Сельдьманов осталось?
А тебе дорога вышла
С Несстором Макною,
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!

носили спички, сломанные в двух, реже в трех местах, разрезанные на несколько равных и неравных частей, надкушенные и в серых едва заметных пятнах.

Довелось китайцу пройти и сквозь горнило испытаний. Некто у него на глазах сжал в кулаке спичку — и спичка хрустнула, но ни один мускул не дрогнул на восточном лице У. Заезжий белобрысый паренек размочалил чем-то спичку и давай биться об заклад со всеми, что китаец ее не заменит. Нет, заменил, причем охотно.

Популярность У росла, и коллекционирование спичек стремительно превратилось в модное хобби. С шиком приезжали из столиц и городов на запыленных "мерседесах" поменять пару-тройку коробков.

Заходили к У и просто так, поболтать за чашкой чая. Зашел с ружьем и охотник с обуревающим его сомнением: настоящий ли У китаец? Но китаец мудро хранил молчание.

А спустя пару дней он собрался, взял с собой дворняжку Жучку и ушел. Ушел навсегда. У него было свое хобби: он любил странствовать.

Лох-Несси по-одесски Пародии

Дума про Опанесса и других (Эдуард Багрицкий)

1

По-над склоном ржой-железом
Вереск вьется горный.
Ой, плывет плезавр с обрезом
Дорогой озерной.
Опанессе, не дай маху,
Не сверни с дороги —
Видишь черную папаху
На кривой миноге?
Прямиком через Одессу
Ты спешил из Балты,
Топал к вольному Лох-Нессу,
А к Макне попал ты.
Здесь не надобно резонов,
Чтоб под видом красных
Ставить к стенке форельзонов
И сомштейнов разных.
У Макна по самы лапы
Волосня густая:
— Ты откуда, хлопче, драпал,
Из какого края?
Отвечай мне, да без спеси,
А подумав малость, —
Сколько в море и в Одессе
Сельдьманов осталось?
А тебе дорога вышла
С Несстором Макною,
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!

Ульвы* собрано немного
 Красным продотрядом.
 Озирает снедь Х.Е. Коган
 Комиссарским взглядом.
 Грозно лязгает затвором,
 Список вынимает,
 Большевицким разговором
 Плезавром смущает:
 — Если кто подымет бучу
 И не сдаст излишка,
 Прикажу на первый случай
 Расстрелять — и крышка!

Эпилог

Не лежат мои герои
 Дома, на погосте.
 Далеко вода, не скрою,
 Разметала кости.
 Разметала, разложила
 Их по дну Лох-Несса.
 Где Х.Е. Когана могила,
 А где Опанесса?
 Как мечтал во тьме пучинной
 От руки бандитской
 Сгинуть славною кончиной
 Я, поэт Багрицкий!
 А не вышло! Кто в ответе?
 Разбери поди ты:
 Убивали те и эти —
 Кто из них бандиты?..

Нэссэльвиновщина (Илья Сельвинский)

Выплывали монстры, ды выплывали монстры,
 Ды выплывали моһо?нстры, гривы па горбам.

*Ульва — морской салат

Выплывали монстры ды зубы в хайлах во?стры,
 Ды зубы вхайл'х востры, як в тих гі?по?по?там.
 А в самой се?редке ды Мотькэ-Малахмонэсс —
 Выверчено віко тай об глаз пятно. Эх!
 От крови? па?жухли паетлы писля шмонэс —
 Сам а знаменитэр ды ин Лох-Нэсс блатной.
 Пе?ли монстры: "Габа-гайда-дала?раба
 Гоп-чук-чук-гопапа-гоп-та-геп-та-гет!..
 Та спозараныку банде? встре?лась краба —
 Крала краба крабу ды устриц? на о?бед.
 Дылда хле?щет шашыкой, маха?ет, як на? рубке,
 Хунчик-дер-Заика озве?рел, як бес.
 Была краба в шляпке, была краба в юбке,
 Была краба в панта?лонах, ста?ла — без.
 Тут з воды явився ба?тько Нэссэльвынский:
 "Цыц, братва! Кунчайте порося?чье хрю!
 Сколько можно, Мотькэ, безобра?зьев свынских?
 Вы ж лица те?ряете, а Хунчик — таки брюк!
 Успокойтесь, Дылда?,ды прекра?тите свиста,
 Вы же, мусью, ре?же?те крабу без ножа!"
 Он считался в мо?нстров за кон?струк?ти?ви?ста
 И любил роди?тельного па?дежа.
 Батько Нэссэльвынский су?нул в зубы трубку,
 Попро?щался с крабой, ды перед нею чист:
 Отдал ей он шляпку. Отдал ей он юбку.
 Отдал пан?та?ло?ны. Хоч и конструктивист.

Повесть о рыжем Нэссэле (Иосиф Уткин)

И мать и отец куролесили.
 А чем он хуже от них?
 И рыжий патлатый Нэссэле
 Куролесил
 За двоих.
 У каждого свои шутики,
 Свой цорес
 От разных дел:

Нэссэле мечтал о щуке,
 Раввин эту щуку
 Ел.
 — Так что же?
 Прикажете плакать?
 Нет так нет! —
 И Нэссэле ел не мякоть,
 А щучий
 Скелет.
 Счастье — оно игриво
 И развлечься не прочь.
 У раввина
 Хорошая грива
 И хорошая
 Дочь.
 — Ой, это же наказание!
 Вы слышали?
 Хаим Нэсс
 Исделать сынку обрезанье
 Отказал
 Наотрез!
 — Так что же?
 Отгрызть половину?
 Нет так нет! —
 И Нэссэле дочку раввина
 Отправил
 В декрет.
 Раввин говорит: — Здрасьте!
 Шлим-мазл! И что потом?
 Ты дашь ей большое счастье
 И может,
 Большой
 Дом?
 — Слыхали?
 Ну, как вам такое?
 Папаша совсем не прост.
 Если у Нэссэле все, что большое,
 Так это

Шея и хвост.
 — Так что же?
 Прикажете даром?
 Нет так нет! —
 И Нэссэле стал комиссаром.
 Но это
 Другой сюжет.

Душевный разговор (Семен Кирсанов)

Разлегся на все стороны
 Лох-Несс-молчун.
 Стихи
 дракону черному
 прочесть хо — чу.

 А он, приборя-кружевца
 взломав
 порыв,
 никак не хочет вслушаться
 в ки — пе — нье рифм.

 Бурчит от злости взорванно,
 стал цвета беж:
 — Ворвались вы
 не вовремя,
 но нами меж.

 Стоп! Я ведь не из вежливых —
 попал
 в струю,
 Тумак ему отвешиваю:
 — За — ткни сво — ю..

 И вдруг от этой ругани
 он весь застыл,

и насмерть перепуганный
ныр — нул в кусты.

Дракон, а рожка — та еще,
не наш размер,
рокочет
умоляюще:
— Не надо, сэр...

Но я ему без жалости
стихи свои
прочел:
— Теперь, пожалуйста,
(ли — ва) ва — ли!

* * *

(Маргарита Алигер)

Я не вернусь в Лох-Несс
опять!

Меня пугает взгляд
твой хлесткий,
Хоть не могу тебя отдать
Той особи на перекрестке.

Я так решила, так хочу!
Но есть соперница иная,
Перед которой я молчу,
В бессилье полном отступая.
Она мешала мне всегда,
Идя к тебе в потоках пота,
Твоя извечная страда,
Твоя заядлая охота.
Увы, она меня сильнее
И отступить не легко мне.
Я ухожу.
Будь счастлив с ней,

Забудь меня. Но только
помни —

Не ради особи другой,
Что наши участи решила,
А ради той и только той,
Что нас тобою век кормила.

Забудь меня, забудь меня! —
Пусть жизнь пошлет тебе
отваги,
А мне — нетленного огня
И несгораемой бумаги!

Лох-несский треугольник (Александр Галич)

Ох, ну что ж тут говорить, не до спеси мне,
И друзья — теперь враги мои злейшие.
Да, я с Нессюткою гулял тетинессиной
И в кабаке ее водил в графстве Эйршире.
Даже "тампакс" подарил поролоновый,
Угощал ее форелевой пиццей,
А моя супруга, миссис Парамонова,
В это время находилась за границей.
А вернулась — анонимка, не шуточка,
Фотоснимок — я, а рядом Нессюточка!
Просыпаюсь утром — нет Парамончика,
Ни форельки на обед, ни планктончика.

Я к супружнице в райком, в лапы падаю,
Мол, скучал я по тебе, моей лапочке,
И от горя изменял с этой падлюю,
А она давным-давно мне до лампочки.
А жена ревет, как струны басовые,
Все про жизнь мою, как есть аморальную,
Мол, люблю я за пайки лососевые,
За пещеру за ее персональную.

Мол, водил Нессютку в дом из таверны я,
Это видели друзья ее верные —
Пелядь миссис Шестопап, хек мистер Дерганов,
И еще бельдюга та, что из "органов".

В общем, как я ни просил, ни заискивал,
Международным ни пугал положением,
За позицию мою немарксистскую
Мне влили строгача с "занесением".

И тогда прямым путем на рыбалку я,
А Нессютке говорю, мол, буду вечером,
А она мне говорит: "С аморалкою
Нам, простите, больше, сэр, делать нечего".
И остался я с мужским своим признаком,
Хоть в Урквардт подайся вкалывать призраком
Или в Белые Столбы психом-дуриком —
Вот тебе и "Капитал" с "Анти-Дюрингом"!
Я в райком тащу свои чемоданчики,
Не растленный, как вчера, — перекованный.
Глядь — партийный секретарь на диванчике
Обнимается с моей Парамоновой.
А сидел он на краю с нею рядышком,
И осталось от него только крошево.
"Схлопотал, — кричу, — строгач я — и ладушки,
Помирись со мной, жена, по-хорошему!"
И поплыл я с ней домой, как по облаку,
И заплыл я с ней в кабак, лапа об лапу.

Она выпила пивка, я "анфельцовую"*
За лох-несскую семью, образцовую.

Лох-несский речитатив

(Григорий Поженян)

Я такое чудовище...

Я такое чудовище...

Я такое чудовище...

*Водка из водоросли анфельции

Такое чудовище...
Ты хочешь, чтоб ночь
была с ливнями,
всегда с ливнями,
с туманом и с ливнями,
без тумана, но с ливнями,
а трава в росе,
несмотря на ливни.
Ты хочешь, чтоб
про меня "счастливая"
говорили все
не только в Лох-Нессе,
но и по всей Одессе —
на Дерибасовской,
на Ришельевской,
на Провиантской,
на Бабеля и Греческой,
на Привозе...
А я...Я другое чудовище.
Я другое чудовище.
Я другое чудовище.
Другое чудовище.
И если утки все парами,
как с волной волна,
и мы с тобой два берега
у одного озера,
только я одна,
сердцу вопреки,
хоть ждала и верила,
то просто надо уйти с дороги —
таков закон Пигафетто.
Не потому, что я
лучше других чудовищ,
я этого не говорю.
А просто...
Просто потому,
что жду до сих пор
обещанные когда-то

три платья,
три пальто,
три пары туфель,
сок ламинарный
и корзину планктона,
а наши дети — сапоги.
А ты все летаешь над миром
с Лукрецием Каром
и чокаешься
с Иммануилом Кантом.
А мне это все до лампочки.
Просто я другое чудовище.
Другое чудовище.

Такое чудовище...

Она живет в Лох-Нессе

(Владимир Высоцкий)

В Шотландии седой, где тихо все и складно, —
По пьяне уверял какой-то бакалавр —
Явился из воды ужасно огромный
Не то гуанодонт, не то плюсюазавр.

Мол, животное та, по сути — чуда-юда,
Кого брала на зуб, кого гнала взашей.
А холка у ее с бугром, как у верблюда,
А пасть, как в опохмел у наших алкашей.
От этих катаклизм менты с ума свихнулись —
Хватают всех подряд, да хрен ее найдешь.
Но кореш короля, евонный врач Маргулис
Уперся на своем: "Споймать, едрена вошь!"

И Эдуард-король, видать, со страху бредя,
Велит немедля мне явиться во дворец.
Мол, трудовой народ с тобой, мол, надо, Федя,
Чтоб чуду-юду ту отвел ты под венец.

А мне на их плевать — хоть ведьмы там, хоть черти,
Хоть Ли Сын Ман с Тито, хоть буйвол али тур..
А может, это все вообще придумал Черчилль,
Большой специалист по части авантюр!

Нельзя ж так, Эдуард, — я пребываю в стрессе,
Не пимши цельный день ни капли, а потом —
Куды мне до нее — она живет в Лох-Нессе
И, как сказал мне Кук, — не только в ем одном.
Ну, брошу я завод, поставлю крест на плане,
Засяду за словарь, хоть в нем ни "а", ни "бе".
Но что ей оттого — она уж в Казахстане,
И каждый шаг ее известен в КГБ..
Вы, гражданин король, отстаньте, Бога ради,
Нарветесь у меня, накличете беду.
А я, на всяк случай, лечу к Марине Влади,
Пусть пленгует, гад, — я лучше пережду.

Нессилай

(Корней Чуковский)

Взрослые и дети!
Ни за что на свете
Не ходите к озеру
Плавать и нырять!
В озере акулы,
В озере дельфины,
В озере большие
Злющие сардины,
Будут ваше тело
Травы оплетать —
Не ходите к озеру
Плавать и нырять.

Там живет чудовище,
Там живет злодей,
Там живет ужасный
Нес — си — лей!

Рыщет он по озеру
В поисках людей —
Жадный, ненасытный, гадкий Нессилей!

И чтоб стало, деточки,
Вам еще страшней,
Сочиняет сказочки
Дедушка Корней.

Сюха, Сюха-Лососюха,
Бело-розовое брюхо!
Сюха в озере плыла
И на шиллинг набрела.

"Приплывайте, рыбы в гости,
Я вас виски угощу!"

Рыбы мигом приплывали,
По три пинты выпивали.

А сельдяшки —
По рюмашке
С холодцом
И огурцом:
Отчего бы и не выпить,
Если налито?

Приплывали к ней миножки,
Приносили сыра крошки.
Приплывала к Сюхе
Бабушка-форель,
Сюхе-Лососюхе
Приносила эль...

"Камбала-красавица,
Кушайте соленье!
Или вы боитесь
За свое пищеваренье?"

Только в пляс пустились, глядь —
Нессилей!
Знать, компанию глотать
Веселей!

Нашу Сюху за плавник
Ухватил,
За собою, баловник,
Потащил —
Хочет бедную убить,
Без приправы проглотить!
Нехороший такой, невоспитанный!

Сюха криком кричит,
Надрывается,
А страшила урчит,
Ухмыляется.

Вдруг откуда-то ползет
Тихий с виду крабик
И в клешнях своих несет
Клей-гуммиарабик.

"Где убийца? Где урод?
Пусть поближе подойдет!"

Подбирается к врагу,
Давит клей из тубы
И страшиле на ходу
Склеивает зубы.
Сюха крабика берет
И к столу его несет:
"Ты дракона победил,
Ты меня осовободил
И, чтоб не расстаться нам уж,
За тебя я выйду замуж!"

Снова музыка гремит,
Снова пиршество кипит.

Веселится народ —
Сюха замуж идет
За лихого, удалого
Краба, тихого на вид!

Горько плачет в углу Нессилей:
"О, я буду, я буду добрей,
 Не губите меня,
 Пощадите меня
И устройте в честь свадьбы амнистию!"

Пожалели рыбы Нессилея,
Нессилею рыбы говорят:
"Если вправду станешь ты добрее,
Мы отпустим тебя в озеро назад!"
 И зубы страшили расклеили.

Пляшет, пляшет Нессилей, Нессилей!
"Буду, буду я добрей, да добрей!
И не стану есть ни рыб, ни зверей —
Только толстых, аппетитных людей.
 Потому что Нессилей
 Любит взрослых и детей,
Любит, любит, очень любит,
 О — бо — жа — ет!"

"Городок" — пятый угол!

Старость — не радость

В аэропорту на границе к пограничнику подходит лысый беззубый дед.

ПОГРАНИЧНИК. Ой, дедушка, сколько же вам лет?

ДЕДУШКА (*шамкая*). Много, сынок. Я уж и сам не помню. И волосы уже выпали, и зубы уже выпали...

ПОГРАНИЧНИК (*открывает паспорт*). Ой, дедушка, а у вас в паспорте фотографии нет.

ДЕДУШКА. Правда?.. Значит, и фотография уже выпала...

Все лучшее — детям!

Директор НИИ распакает инженера.

ДИРЕКТОР. Слушайте, Мамкин, у нас НИИ игрушек или зал ожидания? Сколько я могу ждать? Где развивающие игры? Вы уже месяц назад должны были сдать проект развивающей игры для мальчиков 12-14 лет, вырабатывающей у ребенка решительность и сноровку.

ИНЖЕНЕР. Так вот, уже готово, Андрей Ильич. Вот, действующая модель игры. (*Достает бюстгальтер старого типа с большим количеством пуговиц.*) Надо расстегнуть за 10 секунд. Мальчики сейчас так рано развиваются...

Эх, поработаем!

В избе Петр Первый с бритвой в руке заканчивает брить бороду мужику. Меньшиков записывает в книгу. Рядом баба, подоткнув подол, подметает волосы с пола.

ПЕТР. Этот готов! Пшел вон! (*Мужик убегает, причитая.*) Алексашка, который это уже за сегодня?

МЕНЬШИКОВ. Сто двадцатый, мин херц!

ПЕТР. На сегодня хватит. (*Устало вытирает пот со лба.*) Эх! Чтoб у нас, как в Европе было, скольким же еще мужикам мне надо морды побрить!

Петр бросает бритву, потом останавливает взгляд на ногах бабы.

Снова музыка гремит,
Снова пиршество кипит.

Веселится народ —
Сюха замуж идет
За лихого, удалого
Краба, тихого на вид!

Горько плачет в углу Нессилей:
"О, я буду, я буду добрей,
 Не губите меня,
 Пощадите меня
И устройте в честь свадьбы амнистию!"

Пожалели рыбы Нессилея,
Нессилею рыбы говорят:
"Если вправду станешь ты добрее,
Мы отпустим тебя в озеро назад!"
 И зубы страшили расклеили.

Пляшет, пляшет Нессилей, Нессилей!
"Буду, буду я добрей, да добрей!
И не стану есть ни рыб, ни зверей —
Только толстых, аппетитных людей.
 Потому что Нессилей
 Любит взрослых и детей,
Любит, любит, очень любит,
 О — бо — жа — ет!"

"Городок" — пятый угол!

Старость — не радость

В аэропорту на границе к пограничнику подходит лысый беззубый дед.

ПОГРАНИЧНИК. Ой, дедушка, сколько же вам лет?

ДЕДУШКА (*шамкая*). Много, сынок. Я уж и сам не помню. И волосы уже выпали, и зубы уже выпали...

ПОГРАНИЧНИК (*открывает паспорт*). Ой, дедушка, а у вас в паспорте фотографии нет.

ДЕДУШКА. Правда?.. Значит, и фотография уже выпала...

Все лучшее — детям!

Директор НИИ распакает инженера.

ДИРЕКТОР. Слушайте, Мамкин, у нас НИИ игрушек или зал ожидания? Сколько я могу ждать? Где развивающие игры? Вы уже месяц назад должны были сдать проект развивающей игры для мальчиков 12-14 лет, вырабатывающей у ребенка решительность и сноровку.

ИНЖЕНЕР. Так вот, уже готово, Андрей Ильич. Вот, действующая модель игры. (*Достает бюстгальтер старого типа с большим количеством пуговиц.*) Надо расстегнуть за 10 секунд. Мальчики сейчас так рано развиваются...

Эх, поработаем!

В избе Петр Первый с бритвой в руке заканчивает брить бороду мужику. Меньшиков записывает в книгу. Рядом баба, подоткнув подол, подметает волосы с пола.

ПЕТР. Этот готов! Пшел вон! (*Мужик убегает, причитая.*) Алексашка, который это уже за сегодня?

МЕНЬШИКОВ. Сто двадцатый, мин херц!

ПЕТР. На сегодня хватит. (*Устало вытирает пот со лба.*) Эх! Чтoб у нас, как в Европе было, скольким же еще мужикам мне надо морды побрить!

Петр бросает бритву, потом останавливает взгляд на ногах бабы.

ПЕТР. Вообще-то, надо бы и бабам начинать ноги брить... Ой как надо... (*Берет бритву.*) Но рано!! Эх, чувствую, рано! Боюсь, не поймут...

Страшно, аж жуть!

После футбольного матча в судейскую комнату на стадионе входят футбольный судья в форме и директор стадиона. На лбу у судьи повязка с красным пятном. В судейской полный бедлам.

СУДЬЯ (*держась за голову*). Я этого так не оставляю! Это беспредел! Я добьюсь, чтоб на вашем стадионе запретили проводить матчи!

ДИРЕКТОР. Да ладно вам, не надо драматизировать ситуацию. Футбол — это мужская игра, в ней всякое бывает. Ничего страшного с вами не случилось.

СУДЬЯ. Ничего страшного?! Камнем по голове — это, по-вашему, ничего страшного?! И что за условия! Это у вас называется комната для судей? Посмотрите на этот бардак!

ДИРЕКТОР. Ну, зачем такие выражения... Ничего страшного, просто не успели убрать после предыдущего матча.

СУДЬЯ (*садится на диванчик и сразу вскакивает*). Ай! Что это? (*Сдергивает покрывало с дивана, под ним тело в судейской форме, из спины торчит нож.*) О боже! Что это?!

ДИРЕКТОР. Только не надо опять драматизировать. Я же сказал — ничего страшного, просто не успели убрать после предыдущего матча...

Утром стулья, вечером табуретки

В квартиру к хозяйину входит пьяненький чукча в унтах. Хозяин тепло одет.

ХОЗЯИН. Это опять вы? (*Трясется от холода.*) Вот же холодрыга, когда они отопление запустят, не знаете? Куда это годится — сдали дом без отопления!

ЧУКЧА. Да, у тебя совсем холодно, однако... Выручай, соседа. В новом доме мы еще толком не знакомы, однако, но за помощью всегда шли к соседям.

ХОЗЯИН. А чем я могу вам помочь?

ЧУКЧА. Друзья пришли на новоселье, однако, а стульев не хватает. Уже второй день гуляем!

ХОЗЯИН. Так вы же у меня вчера уже все стулья забрали. Вот, только табуретки остались.

ЧУКЧА (*берет табуретку*). Давай табуретки. Табуретки тоже хорошо горят, однако! (*Ломает ножку табуретки об колено.*)

Шпионские страсти

Наш ученый встречается с иностранным шпионом в ресторане. У них по дипломату.

ШПИОН (*с английским акцентом*). Я оушень рад, что вы, наконец, согласились на нас работать.

УЧЕНЫЙ. Здесь чертежи секретного оборудования. (*Двигает свой дипломат к шпиону.*)

ШПИОН. Ваши секреты — мои сто тысяч долларов.

Шпион двигает свой дипломат к ученому. Ученый берет дипломат и встает, чтобы уйти.

ШПИОН. Уан момент! Я хочу видеть, за что я платить деньги. (*Достает из дипломата чертежи, смотрит, говорит озадаченно.*) Май гад! Ничего подобного у нас на Западе нет!..

УЧЕНЫЙ. Это точно!

ШПИОН. Причем уже лет 20 нет! У нас это уже давно не секрет!

УЧЕНЫЙ. Слушайте, так и у нас сто тысяч — это уже давно не деньги. (*Уходит.*)

Весь мир — театр

В театральном буфете накрыт небольшой столик — несколько тарелочек с бутербродами, рюмки и бутылка. Возле стола режиссер (открывает бутылку) и четверо критиков. Критики активно разбирают закуску и жуют.

РЕЖИССЕР. Угощайтесь, угощайтесь, товарищи! Мне бы хотелось отметить премьеру нашего спектакля и сразу услышать мнение критиков, которым я так дорожу.

КРИТИК (*жуя*). Что-то не видно, что вы им сильно дорожите. Я человек прямой и скажу вам правду прямо в глаза. Мне кажется, на этот раз вам изменило чувство вкуса! М-да... Икра пересолена, балык несвежий, колбаса жирная... Да и чувство меры изменило! Разве это угощение на четверых? (*Режиссер замер с бутылкой.*) Наливайте, что вы стоите?

Золушка-2006

Спящего короля будит среди ночи принц с туфелькой в руке.

ПРИНЦ. Папаша, проснитесь! *(Заламывает руки.)* Что делать, что делать, я не знаю!

КОРОЛЬ. Что случилось, сынок?

ПРИНЦ. Я сейчас на балу познакомился с такой девушкой, такой девушкой... Она так танцевала...

КОРОЛЬ. Подумаешь, сейчас все девушки хорошо танцуют.

ПРИНЦ. Так она на столе танцевала. А в полночь так рванула, что даже туфельку потеряла. В одной туфельке и убежала.

КОРОЛЬ *(качает головой).* Современная молодежь... *(Протирает глаза, берет туфельку.)* Действуем по обычной схеме. Дадим туфельку гонцам, они будут ее примерять и найдут тебе эту девушку.

ПРИНЦ. Тогда пусть они заодно и это примеряют. Вот, вот и вот. *(Достает платье, бюстгальтер и трусики.)*

КОРОЛЬ. А это откуда?!

ПРИНЦ. Папаша! Я же вам русским языком сказал: она в одной туфельке убежала. А все остальное она сняла раньше — когда на столе танцевала. Такая девушка... Такая...

Сказание о земле сибирской — 2016

Возле скромного частного дома останавливается бронированная инкассаторская машина. Из нее выходят почтальон и двое автоматчиков. Почтальон подходит к калитке.

ПОЧТАЛЬОН. Петрович! Выходите!

Из дома выходит старик.

СТАРИК *(щурясь).* Кого там черт принес?

ПОЧТАЛЬОН. Это почтальон, Петрович, пенсию вам принес.

СТАРИК. Иду-иду! *(Торопливо ковыляет к калитке, открывает.)* А я уже вас заждался.

ПОЧТАЛЬОН *(автоматчикам).* Ребята, заносите. *(Автоматчики несут несколько ящиков и складывают их возле старика.)*

СТАРИК. Что, пенсию, что ли, добавили?

ПОЧТАЛЬОН. А как же! На один ящик. Наша-то нефть на нью-йоркской бирже опять подорожала. Уже больше пяти тысяч долларов за баррель. Спасибо земле нашей сибирской!

СТАРИК *(смотрит на стопку ящиков).* М-да... Оно-то хорошо, конеч-

но. Но уж и не знаю, как до следующей пенсии дотяну. Картошка, говорят, на базаре тоже сильно подскочила...

Дристан и Изольда

Обстановка средневекового замка. Пожилой рыцарь и его жена.

РЫЦАРЬ. Изольда! Любовь моя! Я ухожу в крестовый поход и хочу сделать тебе подарок на память.

ЖЕНА. Ах, как ты заботлив, супруг мой!

РЫЦАРЬ. Да, что есть, то есть. Вот тебе на память обо мне... *(Вытаскивает громоздкую металлическую конструкцию.)* пояс верности. *(Надевает на нее, приговаривая по ходу.)* Очень надежная вещь — швейцарское качество. Сотый швеллер, гарантия — 10 лет. Не нужно никакого обслуживания — очень удобно. Ты будешь очень довольна.

ЖЕНА. О милый! Не покидай меня!

РЫЦАРЬ. Да ладно тебе так убиваться. Три-четыре года пролетят незаметно. А там, глядишь, и я вернусь.

ЖЕНА. А если ты, не дай господь, не вернешься? Что я всю жизнь буду с этим делать?

РЫЦАРЬ. У швейцарцев все предусмотрено... Фирма! Вот тебе шка-тулка с секретом и часовым механизмом. Если я не вернусь, то ровно через 10 лет... *(показывает на часы)* шкатулка сама откроется, и ты узнаешь, что тебе делать дальше. Прощай, Изольда!

Прошло десять лет. Возле жены несколько кавалеров. Все нетерпеливо смотрят на часы.

ЖЕНА. Благородные рыцари! Ровно 10 лет назад мой старый Дристан, мой незабвенный супруг барон фон Гутенморген-Ауфидерзейн ушел в поход и совершил великий подвиг — он не вернулся. Сейчас эта шкатулка откроется, мой покойный супруг освободит меня, и я сразу же, прямо здесь, скажу, кому из вас я отдам свою руку и сердце. Скажу здесь, а отдам в соседней комнате. *(Жена воздевает руки к небу.)* О, супруг мой! Сообщи мне, что я должна делать? *(Шкатулка щелкает и из нее выскакивает бумажка, жена читает.)* "Устройство "Пояс верности, артикул 1313", после истечения 10 лет... *(переворачивает листок)* смазывать 3 раза в год".

ИЗДАНО . . .

В. РАСПОПИН
Рождение школы 307

Феликс КОХРИХТ
Вторая проза 310

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Мимолетности Лады Прокопович 311

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
"Просто дуй в свою трубу..." 314

...В НОВОСИБИРСКЕ

Рождение школы

Елена КАРАКИНА
По следам "Юго-Запада"
Новосибирск, "Свинья и сыновья", 2006

Чуть больше месяца назад в новосибирском издательстве "Свинья и сыновья" вышла новая книжка — небольшая, но замечательно информативная, превосходно написанная и, несомненно, весьма и весьма полезная для учащихся и учащихся, а также и для всех, кто еще отчего-то продолжает по собственной воле портить зрение, разбирая черные значки на белых страницах, вместо того чтобы портить его, уставившись в цветной телевизор, где по-

казывают, как наши, однако, опять не забили, туды его, судью, в качель.

Кое-кто, наверное, удивился: к чему это рецензент приплел футбол, а кто-то, может, и догадался: дело тут не в футболе, а в этой самой "качели", футбол же действительно не при чем, если, конечно, не считать того, что когда-то (примерно тогда же, когда и герои означенной выше книжки) он, футбол, у нас был, причем со своим, не шоколадного цвета лицом. Как было и все то, о чем рассказывает Елена Каракина.

А рассказывает ученый секретарь Одесского литературного музея, филолог и журналист, во-вторых (это только кажется, что — прежде всего, а на самом деле именно во-вторых), о писательской школе "Юго-Запад", которую представляли яркие и самобытные советские прозаики (Исаак Бабель, Юрий Олеша, Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров) и не менее яркий и самобытный поэт Эдуард Багрицкий. Впрочем, сама по себе школа (к коей, разумеется, относятся и другие, не перечисленные выше авторы), может быть, никогда и не существовала, зато существовали писатели и их книги, выходившие и, как ни удивительно, выходящие до сих пор, хотя ни одного из авторов давно нет на свете. Как нет и той страны, в которой эти писатели жили.

Со страной, впрочем, не все столь однозначно. Страны действительно нет. Народ же, населявший ту страну, вымер покуда не окончательно. Не окончательно вымер или уплыл за море также народ, населявший

и страну, и город, откуда вышли все авторы "Юго-Запада", тот самый город, о котором Елена Каракина пишет в своей книжке — во-первых. Город-герой. Город — главный герой, из нашего с вами сегодняшнего далека поистине едва различимый в "плenu времени" и "дымке морской". Но и по-прежнему — несмотря ни на что — родной (даже если мы никогда в нем не бывали), по крайней мере, для тех из нас родной, кто читал Бабеля, Олешу, Багрицкого — авторов, ни на кого, кроме, разве что в чем-то друг на друга, не похожих, писателей-одесситов, для которых "воспитание городом стало самым главным фактором в отношении к жизни, а значит — в формировании литературного стиля" (с. 215).

Итак, город — стиль — писатели и книги — вот о чем рассказывает Елена Каракина. Рассказывает легко, интересно и поучительно, но ни в коей мере не нравоучительно и уж во всяком случае, без какого-либо налета академичности. Рассказывает честно, горько и гордо — так, как и должно писать о родине, истории и литературе. Так, как писали лучшие из героев ее книги. Ничего не боясь, ни перед кем не красуясь, не скрывая человеческого в тех, от кого время от времени Аполлон требовал ответа, но и никогда не забывая, что ответ ее герои держали не перед кем-нибудь, а именно перед Аполлоном. И выдерживали. Причем не только потому, что все были талантливы, а некоторые еще и глубоко порядочны, но и потому, что были "воспитаны городом". Так считает автор, и читатель не может не верить, хотя, наверное, в чем-то может и не согласиться.

Но и не соглашаясь с иными выводами или характеристиками (например, с тем, что к концу 20-х — началу 30-х кончилась как талантливый литератор кузина Троцкого Вера Инбер, а началась Вера Инбер как функционер (с. 179), — на мой взгляд, как талантливый литератор она и вообще не начиналась), всякий непредвзятый читатель, перевернув последнюю страницу, останется благодарен автору, представившему нам в лица не общем выражение целую галерею ярких литературных портретов знаменитых одесситов: от дюка Ришелье (брата того самого противника доблестных мушкетеров) или одного из создателей современного Израиля Владимира Жаботинского до всем известного сатирика с потертым портфелем и Н.Г. Гарина-Михайловского (автор "Детства Темы" и железнодорожного моста через Обь родом из Одессы).

А ведь и правда: Одесса это целый мир и вместе с тем великая мифология!.. Даже если ограничиться только этими пятью именами: Ришелье, Жаботинский, Жванецкий, Гарин-Михайловский, Касторский... А ведь Елена Каракина предлагает не пять, а десятки литературных портретов

или как минимум острохарактерных набросков, эскизов, шаржей!.. И почти каждый (здесь следует сказать спасибо издателям) дополнен уже не литературным, а самым что ни на есть настоящим и непременно талантливым графическим портретом, автопортретом, наброском, шаржем, причем выполненным, как правило, кем-либо из героев книжки или близким их кругу современником: Багрицким, Олешей, Кукрыниксами.

Была бы книжка Елены Каракиной еще лучше, если бы к портретной галерее писателей и некоторых их героев (Беня Крик, Остап Бендер) добавилась галерея с зарисовками самого города? Наверное. Но и того, что есть, вполне достаточно — для тех, кто умеет читать.

Ведь, право же, книжка совсем не проста, хоть и легко читается. Она построена не только по законам историко-литературного исследования, она еще и в самом лучшем смысле слова публицистична — так же, как, в сущности, публицистична вся русская литература, в том числе и книги героев Елены Каракиной, сколь бы ни были они, их книги, художественны. Но помимо исследования, книжка эта — еще и самое настоящее исследование, то есть построена в каком-то смысле и по канону хорошего детектива. А ведь и в самом деле так: есть загадка, есть преступление — и не одно, есть (уже в самом названии) следы, по которым и ведет умный, одаренный и замечательно злоязыкий автор читателя от персонажа к персонажу, от портрета к портрету, от героя к среде обитания, от частного к общему, в итоге же — к истокам, к разгадке...

Однако о разгадках, коль скоро перед нами детектив, пусть и литературоведческий, говорить загодя не принято. И я не стану. Но кое о чем все же скажу. Я думаю, книга Елены Каракиной рассказывает не только и не столько о конкретных писателях-одесситах или даже о городе Одессе. Она, в конечном счете, рассказывает о величайшей в истории человеческого духа трагедии, о том, как советские писатели — в полном противоречии с заветом классика — всю жизнь по капле вытравливали из себя человека. Даже лучшие. И потому шаг за шагом утрачивали в своем творчестве воздух свободы, воздух вольного своего города, отчего и не столько воспевали, сколько отпевали Одессу-мату.

Кто-то опять же скажет: такое, мол, было время, все так жили... Кто-то, но не Елена Каракина, судя по этой книжке, исповедующая принцип: правда не бывает лицеприятной. Впрочем, любителей альковных подробностей прошу не беспокоиться — перед нами книга писателя о писателях. Они же, как известно, и малы, и мерзки, да не так, как вы — по-своему!

Так что ж все-таки "Юго-Запад"? Была ли такая литературная школа?

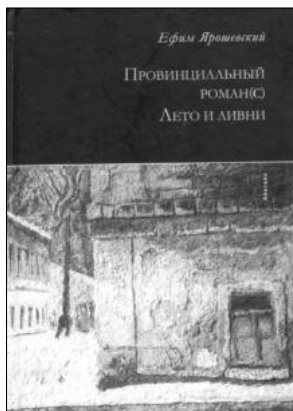
Или же были только писатели Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров, Юрий Олеся — ученики и продолжатели Бабеля, который "был и остается первым среди равных", ведь и впрямь "эхо его рассказов можно найти практически у всех авторов "Юго-Запада"?..

Ответ, однако, ищите в книге, а книгу — в магазинах: пока что ее тысячный тираж еще не распродан.

В. Распопин

...В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Вторая проза

Так озаглавлен второй же раздел сборника Ефима Ярошевского, недавно вышедшего в Санкт-Петербурге. Он поспел как раз к одесской книжной ярмарке "Зеленая волна" — к получению диплома.

По-разному можно относиться манере письма этого автора, к его Ойкумене, но никак не назовешь его прозу вторичной. Ярошевскому чудом удастся балансировать на небольшом плацдарме, который оставили для него на одесской почве Бабель, Олеся, Ильф-Петров...

Эклектика — да! Как и все в Одессе — архитектура, культура, литература, живопись... Каждый этнос внес свою лепту в ее облик и суть. Даже тот, который практически не встречается в итогах очередной переписи населения. К примеру, арнауты (малые и большие), а ведь дали название двум улицам в центре города. Караимы, айсоры... Все меньше понтийских греков, практически нет итальянцев (а ведь при Пушкине язык Италии златой звучал на улице веселой), французов, поубавилось евреев, а ведь когда-то мы были одним из градообразующих демографических факторов...

Впрочем, персонажи Ярошевского составляют уникальный собирательный одесский генотип — Хрущик и Сычик (какие были художники!), Шурик и Степаныч, Гириш и Шмириш... Последнего я придумал только что — он похож на Фиму, но не такой нудный. Зато Фима — талантливый и лукавый и с годами становится похожим на араба и его лошадь еще в большей степени, чем Борис Пастернак.

Нет смысла рецензировать прозу, вошедшую в питерский сборник. Мы это делали не раз: как только где-то в мире выходило очередное переиздание "Провинциального роман(са)", а фрагменты "Второй прозы" печатали в нашем альманахе. Редко кому из современных одесских писателей и поэтов удалось пережить столько переизданий одного произведения. Это вызывает у иных сложные чувства, но придется смириться. Ясно одно — Ярошевского переиздают не из коммерческих или конъюнктурных соображений.

Петербургское издательство "Алетейя" отнеслось к нашему земляку с уважением и любовью. Это чувствуется при первом же взгляде на изящную книгу, при первом к ней прикосновении. Она иллюстрирована работами одесского художника Льва Межберга, ныне живущего в США, и рисунками автора, среди которых доминирует профиль Пушкина, что выдает в Ярошевском учителя русской литературы и любителя черкать на полях.

Предисловие и послесловие к сборнику написали наперсники Ефима по одесской юности, а ныне, соответственно, жители Санкт-Петербурга — Валерий Черешня и Нью-Йорка — Гриша Резников.

Оба мегаполиса пишутся через черточку. Между ними — наша Одесса.

Феликс КОХРИХТ

...В ОДЕССЕ

"Мимолетности" Лады Прокопович

Рассказы молодой писательницы печатались в одесской периодике, а теперь в "ВМВ" вышла ее книга — "Жил-был в Одессе кот", в которой героями стали одесские коты, одесские дети, няни, стильные женщины, незадачливые мужчины...

У Лады Прокопович, несомненно, есть соавтор — ее маленький сын. Гуляя с ребенком, отвлекаясь от взрослого мира, наполненного гулом несущихся, как стада мустангов, машин, дребезжаньем трамваев, льющемся с телеэкранов посулами властолюбцев. Ребенок предлагает тебе свой мир — с божьими коровками, улетающими на небо, где их детки кушают конфетки, с собаками, котами, шишками, травинками, с ма-

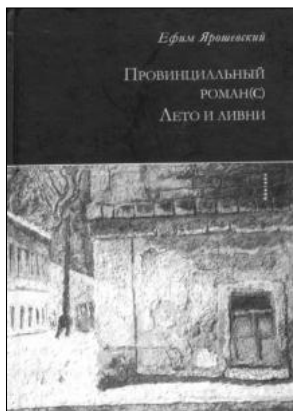
Или же были только писатели Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров, Юрий Олеся — ученики и продолжатели Бабеля, который "был и остается первым среди равных", ведь и впрямь "эхо его рассказов можно найти практически у всех авторов "Юго-Запада"?..

Ответ, однако, ищите в книге, а книгу — в магазинах: пока что ее тысячный тираж еще не распродан.

В. Распопин

...В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Вторая проза

Так озаглавлен второй же раздел сборника Ефима Ярошевского, недавно вышедшего в Санкт-Петербурге. Он поспел как раз к одесской книжной ярмарке "Зеленая волна" — к получению диплома.

По-разному можно относиться манере письма этого автора, к его Ойкумене, но никак не назовешь его прозу вторичной. Ярошевскому чудом удастся балансировать на небольшом плацдарме, который оставили для него на одесской почве Бабель, Олеся, Ильф-Петров...

Эклектика — да! Как и все в Одессе — архитектура, культура, литература, живопись... Каждый этнос внес свою лепту в ее облик и суть. Даже тот, который практически не встречается в итогах очередной переписи населения. К примеру, арнауты (малые и большие), а ведь дали название двум улицам в центре города. Караимы, айсоры... Все меньше понтийских греков, практически нет итальянцев (а ведь при Пушкине язык Италии златой звучал на улице веселой), французов, поубавилось евреев, а ведь когда-то мы были одним из градообразующих демографических факторов...

Впрочем, персонажи Ярошевского составляют уникальный собирательный одесский генотип — Хрущик и Сычик (какие были художники!), Шурик и Степаныч, Гириш и Шмириш... Последнего я придумал только что — он похож на Фиму, но не такой нудный. Зато Фима — талантливый и лукавый и с годами становится похожим на араба и его лошадь еще в большей степени, чем Борис Пастернак.

Нет смысла рецензировать прозу, вошедшую в питерский сборник. Мы это делали не раз: как только где-то в мире выходило очередное переиздание "Провинциального роман(са)", а фрагменты "Второй прозы" печатали в нашем альманахе. Редко кому из современных одесских писателей и поэтов удалось пережить столько переизданий одного произведения. Это вызывает у иных сложные чувства, но придется смириться. Ясно одно — Ярошевского переиздают не из коммерческих или конъюнктурных соображений.

Петербургское издательство "Алетейя" отнеслось к нашему земляку с уважением и любовью. Это чувствуется при первом же взгляде на изящную книгу, при первом к ней прикосновении. Она иллюстрирована работами одесского художника Льва Межберга, ныне живущего в США, и рисунками автора, среди которых доминирует профиль Пушкина, что выдает в Ярошевском учителя русской литературы и любителя черкать на полях.

Предисловие и послесловие к сборнику написали наперсники Ефима по одесской юности, а ныне, соответственно, жители Санкт-Петербурга — Валерий Черешня и Нью-Йорка — Гриша Резников.

Оба мегаполиса пишутся через черточку. Между ними — наша Одесса.

Феликс КОХРИХТ

...В ОДЕССЕ

"Мимолетности" Лады Прокопович

Рассказы молодой писательницы печатались в одесской периодике, а теперь в "ВМВ" вышла ее книга — "Жил-был в Одессе кот", в которой героями стали одесские коты, одесские дети, няни, стильные женщины, незадачливые мужчины...

У Лады Прокопович, несомненно, есть соавтор — ее маленький сын. Гуляя с ребенком, отвлекаясь от взрослого мира, наполненного гулом несущихся, как стада мустангов, машин, дребезжаньем трамваев, льющимися с телеэкранов посулами властолюбцев. Ребенок предлагает тебе свой мир — с божьими коровками, улетающими на небо, где их детки кушают конфетки, с собаками, котами, шишками, травинками, с ма-

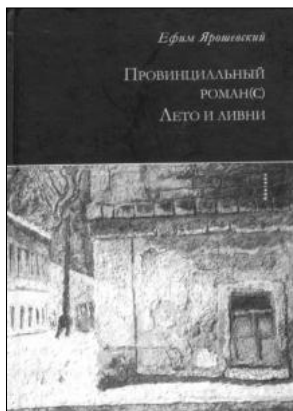
Или же были только писатели Эдуард Багрицкий, Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров, Юрий Олеся — ученики и продолжатели Бабеля, который "был и остается первым среди равных", ведь и впрямь "эхо его рассказов можно найти практически у всех авторов "Юго-Запада"?..

Ответ, однако, ищите в книге, а книгу — в магазинах: пока что ее тысячный тираж еще не распродан.

В. Распопин

...В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Вторая проза

Так озаглавлен второй же раздел сборника Ефима Ярошевского, недавно вышедшего в Санкт-Петербурге. Он поспел как раз к одесской книжной ярмарке "Зеленая волна" — к получению диплома.

По-разному можно относиться манере письма этого автора, к его Ойкумене, но никак не назовешь его прозу вторичной. Ярошевскому чудом удастся балансировать на небольшом плацдарме, который оставили для него на одесской почве Бабель, Олеся, Ильф-Петров...

Эклектика — да! Как и все в Одессе — архитектура, культура, литература, живопись... Каждый этнос внес свою лепту в ее облик и суть. Даже тот, который практически не встречается в итогах очередной переписи населения. К примеру, арнауты (малые и большие), а ведь дали название двум улицам в центре города. Караимы, айсоры... Все меньше понтийских греков, практически нет итальянцев (а ведь при Пушкине язык Италии златой звучал на улице веселой), французов, поубавилось евреев, а ведь когда-то мы были одним из градообразующих демографических факторов...

Впрочем, персонажи Ярошевского составляют уникальный собирательный одесский генотип — Хрущик и Сычик (какие были художники!), Шурик и Степаныч, Гириш и Шмириш... Последнего я придумал только что — он похож на Фиму, но не такой нудный. Зато Фима — талантливый и лукавый и с годами становится похожим на араба и его лошадь еще в большей степени, чем Борис Пастернак.

Нет смысла рецензировать прозу, вошедшую в питерский сборник. Мы это делали не раз: как только где-то в мире выходило очередное переиздание "Провинциального роман(са)", а фрагменты "Второй прозы" печатали в нашем альманахе. Редко кому из современных одесских писателей и поэтов удалось пережить столько переизданий одного произведения. Это вызывает у иных сложные чувства, но придется смириться. Ясно одно — Ярошевского переиздают не из коммерческих или конъюнктурных соображений.

Петербургское издательство "Алетейя" отнеслось к нашему земляку с уважением и любовью. Это чувствуется при первом же взгляде на изящную книгу, при первом к ней прикосновении. Она иллюстрирована работами одесского художника Льва Межберга, ныне живущего в США, и рисунками автора, среди которых доминирует профиль Пушкина, что выдает в Ярошевском учителя русской литературы и любителя черкать на полях.

Предисловие и послесловие к сборнику написали наперсники Ефима по одесской юности, а ныне, соответственно, жители Санкт-Петербурга — Валерий Черешня и Нью-Йорка — Гриша Резников.

Оба мегаполиса пишутся через черточку. Между ними — наша Одесса.

Феликс КОХРИХТ

...В ОДЕССЕ

"Мимолетности" Лады Прокопович

Рассказы молодой писательницы печатались в одесской периодике, а теперь в "ВМВ" вышла ее книга — "Жил-был в Одессе кот", в которой героями стали одесские коты, одесские дети, няни, стильные женщины, незадачливые мужчины...

У Лады Прокопович, несомненно, есть соавтор — ее маленький сын. Гуляя с ребенком, отвлекаясь от взрослого мира, наполненного гулом несущихся, как стада мустангов, машин, дребезжаньем трамваев, льющемся с телеэкранов посулами властолюбцев. Ребенок предлагает тебе свой мир — с божьими коровками, улетающими на небо, где их детки кушают конфетки, с собаками, котами, шишками, травинками, с ма-

нящими к себе лужами, с "собачьими" грибами, с самокатами и велосипедами, со злыми тетками, непонятливыми дядьками, с корой деревьев, с танталом, да мало ли с чем еще, что не спрячется от любопытного взгляда, постепенно открывающего для себя все сущее вокруг.

Хоть скорее, сама Лада Прокопович сохранила непосредственность детского незамутненного взгляда на мир, который со временем стал более острым, ироничным, оценивающим по достоинству те мелочи, "мимолетности", из которых, в общем-то, и складывается жизнь.

Книга Лады Прокопович состоит из нескольких циклов рассказов, первый из которых и дал название всей книге — "Жил-был в Одессе кот". Не просто какой-то кот, не помнящий родства, а "кот в Одессе" — настоящий одессит, предприимчивый, сообразительный. Кормилец семьи. Человеческой, не кошачьей. Тема развивается дальше — "Одесса кошачья" — со стенаниями старой одесситки у свежей могилки любимого кота и выразительной оценкой достоинств усопшего: "Умный! Умнее всех моих мужей". Чисто одесская интонация.

Детский мир вокруг Лады Прокопович наполнен вечными детскими вопросами, в том числе и самыми сокровенными, о появлении на этот свет детей и даже о средствах, этому препятствующих, о первых столкновениях с подавляющей силой власти в лице "начальницы" бордюра, только что выбеленного, и травы на газоне. Ребенок, ступивший на эту траву за своей божьей коровкой, в глазах крикливой властительницы — почти государственный преступник: "Только бордюры побелим — они уже тут как тут!". "Я же не по клумбе ходила! Не по цветам! Что, уже и по траве нельзя ходить?" — "Ах, ты!... — задохнулась в гневе комендант. — Мы эту траву сеяли, поливали..."

Неравнодушному взгляду Лады Прокопович интересно все в сущем мире — и птицы, и еловые ветки с сосновыми шишками, привязанными под Новый год для коммерческого успеха, и скромный цикорий, не уступающий в достоинстве василькам, воспетым поэтами, и сансевьеры с очевидными тугими листьями, которые разводила еще бабушка...

Мир взрослых людей вызывает у автора книги то добродушную, то ироническую улыбку, и даже то, что становится причиной ее справедливого негодования, облекается в интеллигентное разочарование, без сомнительного пафоса и филиппик: "С тех пор я не пью ликеры. Почему-то".

С горьковатым привкусом иронии написан цикл рассказов с выразительным названием из псалтыри "Питие мое с плачем растворях". Если мамы и папы нет в баре, примостившемся прямо во дворе, то где же

они? — недоуменный детский вопрос. И это из обыденности современной жизни (рассказ "Барствуем?").

Можно было бы упомянуть и другие циклы рассказов из этой книги, но не это главное.

Читая книгу, убеждаешься еще в одном несомненном ее достоинстве. У автора не только внимательный и пытливый взгляд, но не менее чуткий слух и взыскательно-бережное отношение к родному языку. И это не только в иронической "Торжественной речи, посвященной Международному дню родного языка". Нашего автора буквально передергивает от лингвистической головоломки из услышанной беседы одесских студентов:

- Хай!
- Хай!
- Куда вы йдэтэ?
- А шо?
- Экзамен сдали?
- Ще ни. Вин в нас будэ тильки двадцятого января. А як у вас дила?
- Всё окей!

Это еще "интеллигентные" студенты — обошлись, во всяком случае, в этот раз без ставшей уже привычной ненормативной лексики. Но бедный, бедный язык — русский, украинский, английский — какое безобразное месиво!

Лада Прокопович, как говорится, "в миру" — "технар", выпускница Одесского политехнического университета, инженер-литейщик. В нескольких рассказах по необходимости она использует термины из лексики литейного искусства — плавка, заливка, дендритные кристаллы и прочие слова для посвященных. Тут-то и ловишь себя на мысли: "Началось! "Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне". Отнюдь. Лирическая душа автора в ее прозе побеждает "физика". И, прежде всего, эта "победа" заявляет о себе в достоинстве ее языка, в точности речевых характеристик многочисленных героев и героинь — от мала до велика, в отсутствии претензий на воссоздание "одесского" языка в его вульгарном варианте, которым часто спекулируют те, кто не знает Одессы и ее яркой выразительной речи.

Язык книги Лады Прокопович — язык интеллигентного современного человека, человека вдумчивого и начитанного, пробующего "на зуб" различные фонетические и лексические возможности, прислушивающегося к звучанию речи в спорах, перепалках, дамских "откровенничаньях". Язык человека, которому свойственно чувство самоиронии.

"ТАНКА

(как бы перевод с японского)

За окном — зима. Идет снег.

А здесь, дома — весна: в вазе цветет ветка сливы.

Мальчик и кошка нюхают нежные цветы.

А еще весной должны журчать ручьи.

Мальчик и кошка опрокинули вазу.

Алиса вспомнила, сколько удовольствия ей доставила необходимость вложиться ровно в пять строк. Ах! Много ли нам, бабам, надо?"

Так о чем книга Лады Прокопович? Может быть, и об этом — "Много ли нам, бабам, надо?". Не здесь ли вообще начало женской прозы, которая так ярко заявила о себе в конце двадцатого — начале двадцать первого века? Может, и впрямь мы, обуянные мужским шовинизмом, забывали, что мир сложнее, чем дважды два, что действительно пробивается сквозь асфальт травка, живет в Одессе кот, а женщины умеют не только любить нас или ненавидеть, но и воспитывать своим творчеством.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"Просто дуй в свою трубу..."

Как это, однако, непросто. Ощутить инструмент как часть своего тела. Созидать музыку. Пожалуй, так же трудно выдувать мыльные шарики, блестящие, тонкие, воспринимая их множество как единственно нужные слова.

И чтобы звук был соразмерен смыслу.

Так, вслед за дыханием, ударами сердца и возникает высокое искусство, которое не случайно великий поэт назвал "высокой болезнью".

Третья книга стихов Владимира Каца вышла в Одессе, в "Зодиаке". И словно опытный доктор, я ставлю диагноз: высокая болезнь.

Человек не столько говорит, сколько думает стихами. Легкими, как уже упомянутые мыльные шарики. Их многоцветье, воздушность, призрачность и приносит различие, разноискристость и разноискренность. Но обязательно и искристость, и искренность.

Удивительное свойство настоящих стихов: они долго живут в тебе — не тем, что ты их запомнил, выучил наизусть, а звуком...

Просто дуй в свою трубу...

И понимаешь, что труба может и должна быть только своей, а никак не чужой, не общественной.

Девять циклов в этой небольшой, но такой емкой книге. От цикла о любви до стихотворения, написанного для детей. И это тоже стихи о любви — к этим детям.

Девять разночтений становятся вдумчивым, серьезным чтением. Угадываются поэты — предшественники, угадываются читатели — книголюбы, но главное: от чтения к чтению растет образ поэта, которому уже подвластны и мысли, и форма, умение свести их в строгую формулу. Поверим и мы алгеброй гармонию.

Рисунок ритмически выверен точно,

До крохотной точен детали,

И каждая буква, и каждая строчка

Как будто ковались из стали.

Слова все на месте, и пригнаны плотно

Стихи хороши, но куда

Ты их не наполнишь дыханьем полета, —

Не жди ощущения чуда.

Мне кажется, эта формула дает представление о зрелости мастера, о точке приложения сил. Сделать статику слов полетной строкой! Как это сделать?

Просто дуй в свою трубу...

И если есть в тебе гармония, она исторгнет полетный звук, который покорит твою возлюбленную, ублажит твоих детей, одухотворит твой город.

Владимир Кац — способный ученик. От первой книги до третьей он вырос в мастера. Дай ему Бог умение сопрягать с порывами души, с любовью эти формулы — и тогда, только тогда мастер превратится в творца.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"ТАНКА

(как бы перевод с японского)

За окном — зима. Идет снег.

А здесь, дома — весна: в вазе цветет ветка сливы.

Мальчик и кошка нюхают нежные цветы.

А еще весной должны журчать ручьи.

Мальчик и кошка опрокинули вазу.

Алиса вспомнила, сколько удовольствия ей доставила необходимость вложиться ровно в пять строк. Ах! Много ли нам, бабам, надо?"

Так о чем книга Лады Прокопович? Может быть, и об этом — "Много ли нам, бабам, надо?". Не здесь ли вообще начало женской прозы, которая так ярко заявила о себе в конце двадцатого — начале двадцать первого века? Может, и впрямь мы, обуянные мужским шовинизмом, забывали, что мир сложнее, чем дважды два, что действительно пробивается сквозь асфальт травка, живет в Одессе кот, а женщины умеют не только любить нас или ненавидеть, но и воспитывать своим творчеством.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"Просто дуй в свою трубу..."

Как это, однако, непросто. Ощутить инструмент как часть своего тела. Созидать музыку. Пожалуй, так же трудно выдувать мыльные шарики, блестящие, тонкие, воспринимая их множество как единственно нужные слова.

И чтобы звук был соразмерен смыслу.

Так, вслед за дыханием, ударами сердца и возникает высокое искусство, которое не случайно великий поэт назвал "высокой болезнью".

Третья книга стихов Владимира Каца вышла в Одессе, в "Зодиаке". И словно опытный доктор, я ставлю диагноз: высокая болезнь.

Человек не столько говорит, сколько думает стихами. Легкими, как уже упомянутые мыльные шарики. Их многоцветье, воздушность, призрачность и приносит различие, разноискристость и разноискренность. Но обязательно и искристость, и искренность.

Удивительное свойство настоящих стихов: они долго живут в тебе — не тем, что ты их запомнил, выучил наизусть, а звуком...

Просто дуй в свою трубу...

И понимаешь, что труба может и должна быть только своей, а никак не чужой, не общественной.

Девять циклов в этой небольшой, но такой емкой книге. От цикла о любви до стихотворения, написанного для детей. И это тоже стихи о любви — к этим детям.

Девять разночтений становятся вдумчивым, серьезным чтением. Угадываются поэты — предшественники, угадываются читатели — книголюбы, но главное: от чтения к чтению растет образ поэта, которому уже подвластны и мысли, и форма, умение свести их в строгую формулу. Поверим и мы алгеброй гармонию.

Рисунок ритмически выверен точно,

До крохотной точен детали,

И каждая буква, и каждая строчка

Как будто ковались из стали.

Слова все на месте, и пригнаны плотно

Стихи хороши, но куда

Ты их не наполнишь дыханьем полета, —

Не жди ощущения чуда.

Мне кажется, эта формула дает представление о зрелости мастера, о точке приложения сил. Сделать статику слов полетной строкой! Как это сделать?

Просто дуй в свою трубу...

И если есть в тебе гармония, она исторгнет полетный звук, который покорит твою возлюбленную, ублажит твоих детей, одухотворит твой город.

Владимир Кац — способный ученик. От первой книги до третьей он вырос в мастера. Дай ему Бог умение сопрягать с порывами души, с любовью эти формулы — и тогда, только тогда мастер превратится в творца.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Содержание

От редакции	3
<u>ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ</u>	
В.М. ХМАРСКИЙ <u>"Геродот Новороссийского края"</u>	6
Марина ДОММЕС <u>Род Скальковских</u>	7
Олег ГУБАРЬ <u>Дом Ксиды: улица Еврейская, № 12</u>	25
Виктор МИХАЛЬЧЕНКО, Анатолий ХАЗАН <u>Хроника одного визита</u>	38
Феликс КОХРИХТ <u>Часы с боем</u>	54
Сергей СЕДЫХ <u>История открытки</u>	62
Михаил ОБУХОВСКИЙ <u>Запах Одессы</u>	71
Елена ГОЛЕНИЩЕВА <u>Крутится, вертится шар...</u>	86
Вадим КОРОБ <u>Ученик консерватории</u>	90
<u>ПРОЗА</u>	
Родион ФЕДЕНЕВ <u>О ком тревожится душа</u>	97

Лена КУТИНОВА <u>Письмо от Луны к Солнцу</u>	132
Норма МАНН <u>Жил-был дед</u>	148
Владимир ИЛЬИН <u>Кораллы Карибского моря</u>	153
<u>ПОЭЗИЯ</u>	
Виталий АМУРСКИЙ <u>СловАрь</u>	170
Олександр ЧЕРНЕЦЬКИЙ <u>Коріння — вічність</u>	174
Александр ДМИТРИЕВ <u>...И душа поэта раскрыта...</u>	178
Валентина СИЛАНТЬЕВА <u>И солнечный лучик, и ноток созвучье...</u>	181
Юлия МЕЛЬНИК <u>Руками до моря бережно донести...</u>	185
<u>ДРАМАТУРГИЯ</u>	
Александр МАРДАНЬ <u>Раздевалка</u>	189
<u>ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ</u>	
Валерий ПОДГОРОДИНСКИЙ <u>Как это делалось в Одессе</u>	202
Белла КЕРДМАН <u>Одесские парижане в Рамат-Гане</u>	219

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
"Но мысленно на юбилее..." 227

Илья ИЛЮШИН
"Золотое дитя" 233

Лада ПРОКОПОВИЧ
Агатовые курьезы 236

Вероника КОВАЛЬ
"И все же тоскуем по странной отчизне" 241

Будет в Одессе памятник Кириаку Костанди 257

ПУБЛИКАЦИИ

Анатолій ГЛУЩАК
Станіслав Місаковський чи W.F.D.? 259

Фаина РАЙХЕЛЬГАУЗ
О том, что прошло 266

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Восторги смеха и тоски" 283

АХ, ОДЕССА

Сергей ПОЛИЩУК
Индей 281

Владимир БОНДАРЕНКО
Хобби китайца 285

Виктор РУБАНОВИЧ
Лох-Несси по-одесски 287

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 301

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

В. РАСПОПИН
Рождение школы 307

Феликс КОХРИХТ
Вторая проза 310

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Мимолетности Лады Прокопович 311

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
"Просто дуй в свою трубу..." 314

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 26

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 26

Издается с 2000 года

Технический редактор Андрей Вишненко

Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка

ТИА "Вікна-Одеса"

Тел. 23-13-60

Подписано в печать хх.хх.2006.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Формат 60х84/16

Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2

Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "ВМВ"

Свидетельство ДК № 225 от 25.12.2000.

65053 Одесса, прт. Добровольского, 82-а

Тел. 52-22-03